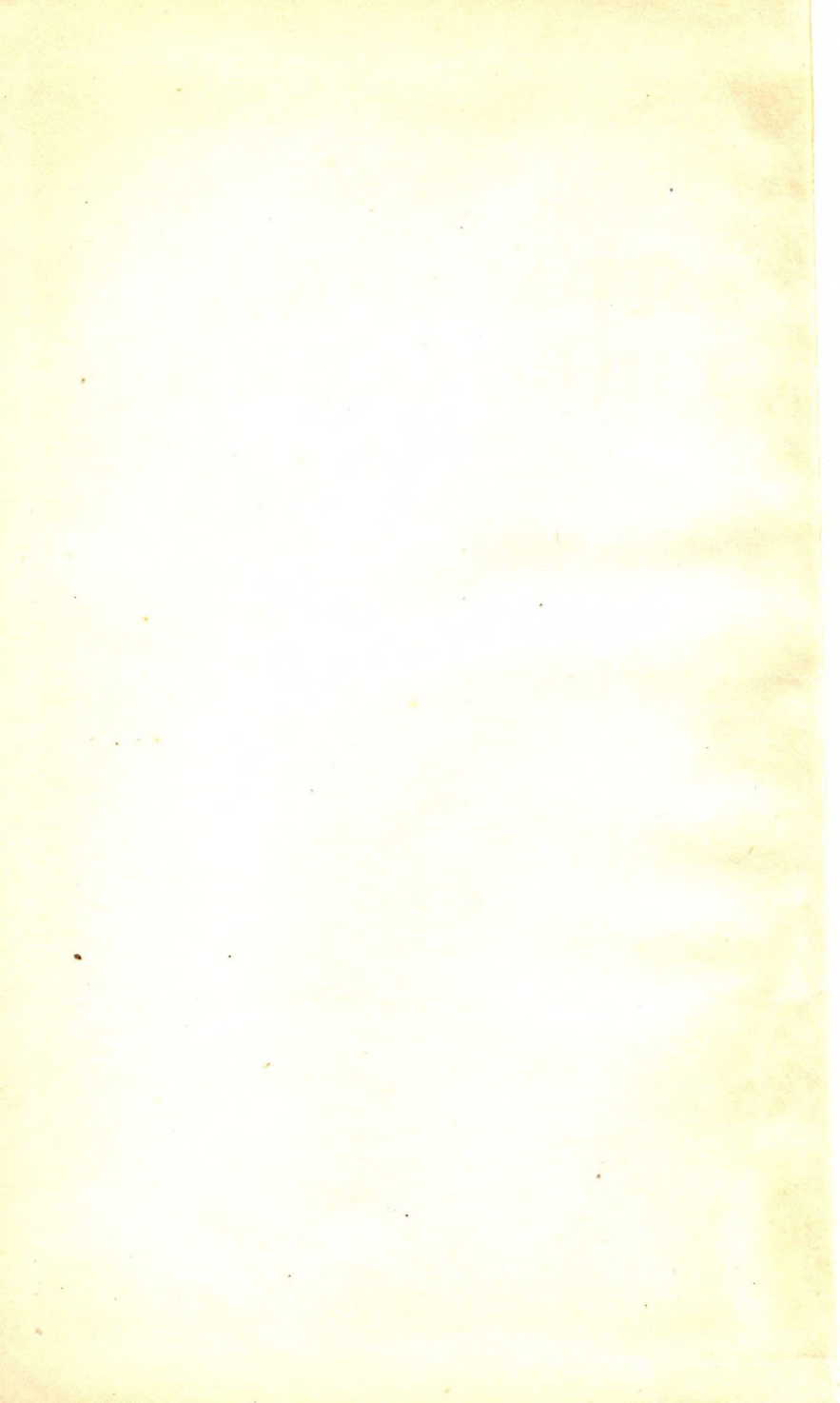

ВИЛЬЯМ ТЕККЕРЕЙ
ЯРМАРКА
ТЩЕСЛАВИЯ

ВИЛЬЯМ МЕЙКПИС ТЕККЕРЕЙ

ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ

РОМАН БЕЗ ГЕРОЯ

Том I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО БССР

Редакция художественной литературы

Минск 1956

Перевод с английского под редакцией
Р. М. ГАЛЬПЕРИНОЙ и М. Ф. ЛОРИЕ

Рисунки художника
Д. ДУБИНСКОГО

Настоящее издание печатается по тексту:

ВИЛЬЯМ МЕЙКПИС ТЕККЕРЕН
ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ

роман без героя, том первый

Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1953

ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Чувство глубокой грусти охватывает Кукольника, когда он сидит на подмостках и смотрит на Ярмарку, гомонящую вокруг. Здесь едят и пьют без всякой меры, влюбляются и изменяют, кто плачет, а кто радуется; здесь курят, плутуют, дерутся и пляшут под пиликанье скрипки; здесь шатаются буяны и забияки, повесы подмигивают проходящим женщинам, жулье шныряет по карманам, полицейские глядят в оба, шарлатаны (не те, чума их задави, что морят народ всякими снадобьями) бойко зазывают публику; деревенские олухи таращатся на мишурные наряды танцовщиц и на жалких густо нарумяненных старикашек клоунов, между тем как ловкие воришки, подкравшись сзади, очищают карманы зевак.

Да, вот она Ярмарка Тщеславия; место нельзя сказать чтобы назидательное, да и не слишком веселое, несмотря на царящие вокруг шум и гам. А посмотрите вы на лица комедиантов и шутов, когда они не заняты делом и Том-дурак, смыв со щек краску, садится полдничать со своей женой и маленьким глупышкой Джеком, укрывшись за серой холстиной. Но скоро занавес поднимут, и вот уже Том опять кувыркается через голову и орет во всю глотку: «Наше вам почтение!»

Человек, склонный к раздумью, случись ему бродить по такому гульбищу, не будет, я полагаю, чересчур удручен ни своим, ни чужим весельем. Какой-нибудь смешной или трогательный эпизод, быть может, умилил его или позабавит: румяный мальчуган, заглядевшийся на лоток с пряниками; хорошенькая плутовка, краснеющая от любезностей своего кавалера, который выбирает ей ярмарочный подарок; или Том-дурак, — расположившись позади фур-

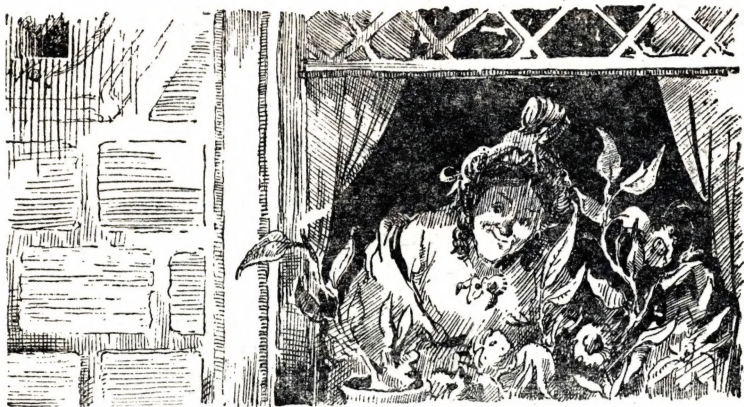
гона, бедняга сосет обглоданную кость в кругу своей семьи, которая кормится его гаерством. Но все же общее впечатление скорее грустное, чем веселое. И, вернувшись домой, вы садитесь, все еще погруженный в глубокие думы, не чуждые сострадания к человеку, и беретесь за книгу или за прерванное дело.

Вот и вся мораль, какую я хотел бы предпослать своему рассказу о Ярмарке Тшеславия. Многие самого дурного мнения о ярмарках и сторонятся их со своими чадами и домочадцами; быть может, они и правы. Но люди другого склада, обладающие умом ленивым, снисходительным или насмешливым, пожалуй согласятся заглянуть к нам на полчаса и посмотреть на представление. Здесь они увидят зрелища самые разнообразные: кровопролитные сражения, величественные и пышные карусели, сцены из великосветской жизни, а также из жизни очень скромных людей, любовные эпизоды для чувствительных сердец, а также комические, в легком жанре, — и все это обставлено подходящими декорациями и щедро иллюминировано свечами за счет самого автора.

Что еще может сказать Кукольник? Разве лишь упомянуть о благосклонности, с какой представление было принято во всех главнейших английских городах, где оно побывало и где о нем весьма благоприятно отзывались уважаемые представители печати, а также местная знать и дворянство. Он гордится тем, что его марионетки доставили удовольствие самому лучшему обществу нашего государства. Знаменитая кукла Бекки проявила необычайную гибкость в суставах и оказалась весьма проворной на проволоке; кукла Эмилия, хоть и снискавшая куда более ограниченный круг поклонников, все же отделана художником и разодета с величайшим старанием; фигура Доббина, пусть и неуклюжая с виду, пляшет преестественно и презабавно; многим понравился танец мальчиков. А вот, обратите внимание на богато разодетую фигуру Нечестивого Вельможи, на которую мы не пожалели никаких издержек и которую в конце этого замечательного представления унесет черт.

За сим, отвесив глубокий поклон своим покровителям, Кукольник уходит, и занавес поднимается.

Лондон, 28 июня 1848 г.

ГЛАВА I

Чизвикская аллея

В одно ясное июньское утро начала нынешнего столетия к большим чугунным воротам пансиона для молодых девиц мисс Пинкертон, что на Чизвикской аллее *, подкатила со скоростью четырех миль в час поместительная семейная карета, запряженная парой откормленных лошадей в блестящей сбруе, с дородным кучером в треуголке и парике. Чернокожий слуга, дремавший на козлах рядом с толстяком кучером, расправил кривые ноги, как только экипаж остановился у ярконачищенной медной доски с именем мисс Пинкертон, и не успел он дернуть за шнурок колокольчика, как по крайней мере десятка два юных головок выглянули из узких окон старого внушительного дома. Зоркий наблюдатель мог бы даже узнать красный носик добродушной мисс Джемаймы Пинкертон, выглянувший из-за горшков герани в окне собственной гостиной этой дамы.

— Это карета миссис Седли, сестрица, — доложила мисс Джемайма. — Звонит чернокожий лакей Самбо. Представьте, у кучера новый красный жилет!

— Вы закончили все приготовления к отъезду мисс Седли, мисс Джемайма? — спросила мисс Пинкертон, величественная дама — хаммерсмитская Семирамида *,

друг доктора Джонсона *, доверенная корреспондентка самой миссис Шапон *.

— Девочки поднялись в четыре утра, чтобы уложить сундуки, сестрица, — отвечала мисс Джемайма, — и мы собрали ей целый пук цветов.

— Скажите «букет», сестра Джемайма, так будет благороднее.

— Ну, хорошо, пукет, и очень большой, чуть ли не с веник. Я положила в сундук Эмилии две бутылки гвоздичной воды для миссис Седли и рецепт приготовления.

— Надеюсь, мисс Джемайма, вы приготовили счет мисс Седли? Ах, вот он! Очень хорошо! Девяносто три фунта четыре шиллинга. Будьте добры адресовать его Джону Седли, эсквайру, и запечатать вот эту записку, которую я написала его супруге.

Для мисс Джемаймы каждое собственноручное письмо ее сестры, мисс Пинкертон, было священо, как послание какой-нибудь коронованной особы. Известно, что мисс Пинкертон самолично писала родителям учениц только в тех случаях, когда ее питомицы покидали заведение или же выходили замуж, и еще как-то раз, когда бедняжка мисс Берч умерла от скарлатины. По мнению мисс Джемаймы, если что и могло утешить миссис Берч в утрате дочери, то, конечно, только возвышенное и красноречивое послание, в котором мисс Пинкертон сообщала ей об этом событии.

На этот раз записка мисс Пинкертон гласила:

«Чизвик, Аллея, июня 15 дня 18 . г.

Милостивая государыня!

После шестилетнего пребывания мисс Эмилии Седли в пансионе я имею честь и удовольствие рекомендовать ее родителям в качестве молодой особы, вполне достойной занять подобающее положение в их избранном и изысканном кругу. Все добродетели, отличающие благородную английскую барышню, все совершенства, подобающие ее происхождению и положению, присущи милой мисс Седли; ее *прилежание* и *послушание* снискали ей любовь наставников, а прелестной кротостью характера она расположила к себе все сердца как *юные*, так и более *пожилые*.

В музыке и танцах, в правописании, во всех видах вышивания и рукоделия она, без сомнения, осуществит самые *пламенные пожелания* своих друзей. В географии ее успехи оставляют желать лучшего; кроме того, рекомендуется в течение ближайших трех лет неукоснительно пользоваться по четыре часа в день спинной линейкой, как необходимым средством для приобретения той достойной осанки и грации, которые столь существенны для каждой *светской* молодой девицы.

В отношении правил благочестия и нравственности мисс Седли покажет себя достойной того Заведения, которое было почтено посещением *Великого лексикографа* и покровительством несравненной миссис Шапон. Покидая Чизвик, мисс Эмилия увозит с собою привязанность подруг и искреннее расположение начальницы, имеющей честь быть вашей,

милостивая государыня,
покорнейшей и нижайшей слугой,
Барбарою Пинкертон.

Р. S. Мисс Седли едет в сопровождении мисс Шарп. Особая просьба: пребывание мисс Шарп на Рассел-сквере не должно превышать десяти дней. Знатное семейство, с которым она договорилась, желает располагать ее услугами как можно скорее».

Закончив письмо, мисс Пинкертон приступила к начертанию своего имени и имени мисс Седли на титуле Словаря Джонсона — увлекательного труда, который она неизменно преподносила своим ученицам в качестве прощального подарка. На переплете было вытиснено: «Обращение к молодой девице, покидающей школу мисс Пинкертон на Чизвикской аллее — покойного досточтимого доктора Сэмюэла Джонсона». Нужно сказать, что имя лексикографа никогда не сходило с уст величавой дамы и его памятное посещение положило основу ее репутации и благосостояния.

Получив от старшей сестры приказ достать Словарь из шкафа, мисс Джемайма извлекла из упомянутого хранилища два экземпляра книги, и когда мисс Пинкертон кончила надписывать первый, Джемайма не без смущения и робости протянула ей второй.

— Для кого это, мисс Джемайма? — произнесла мисс Пинкертон с ужасающей холодностью.

— Для Бекки Шарп, — ответила Джемайма, трепеща всем телом и слегка отвернувшись, чтобы скрыть от сестры румянец, заливший ее увядшее лицо и шею. — Для Бекки Шарп: ведь и она уезжает.

— МИСС ДЖЕМАЙМА! — воскликнула мисс Пинкертон. (Выразительность этих слов требует передачи их прописными буквами.) — Да вы в своем ли уме? Поставьте Словарь в шкаф и впредь никогда не позволяйте себе подобных вольностей!

— Но, сестрица, ведь всей книге цена два шиллинга девять пенсов, а для бедняжки Бекки это такая обида.

— Пришлите мне сейчас же мисс Седли, — сказала мисс Пинкертон.

И бедная Джемайма, не смея больше произнести ни слова, выбежала из комнаты, необычайно взволнованная и расстроенная.

Мисс Седли была дочерью лондонского купца, человека довольно состоятельного, тогда как мисс Шарп училась в пансионе в качестве бесплатной ученицы, обучающей младших, и, по мнению мисс Пинкертон, для нее и без того было довольно сделано, чтобы еще утомлять ее на прощанье высокой чести поднесения Словаря.

Хотя письмам школьных наставниц можно доверять в той же мере, как и надгробным эпитафиям, однако случается, что почивший и на самом деле заслуживает всех тех похвал, которые каменотес высек над его останками: он действительно был истинным христианином, преданным родителем, любящим чадом, супругой или супругом, и воистину он оставил безутешную семью, оплакивающую его. Так и в училищах для мужского и женского пола иной раз бывает, что питомец вполне достоин похвал, расточаемых ему беспристрастным наставником. Мисс Эмилия Седли принадлежала к этой редкой разновидности молодых девиц. Она не только заслуживала всего того, что мисс Пинкертон написала ей в похвалу, но и обладала еще многими очаровательными свойствами, которых не могла видеть эта напыщенная и престарелая Минерва вследствие разницы в положении и возрасте между нею самой и ее воспитанницей.

Эмилия не только пела, словно жаворонок или какая-нибудь миссис Биллингтон, и танцевала, как Хилисберг или Паризот, она еще прекрасно вышивала, знала правописание не хуже самого Словаря, а главное, обладала таким добрым, нежным, кротким и великодушным сердцем, что располагала к себе всех, кто только к ней приближался, начиная с самой Минервы и кончая бедной судомойкой или дочерью кривой пирожницы, которой позволялось раз в неделю сбывать свои изделия пансионеркам. Из двадцати четырех товаров у Эмилии было двенадцать близких, закадычных подруг. Даже завистливая мисс Бригс никогда не отзывалась о ней дурно; высокомерная и высокородная мисс Солтайр (внучка лорда Декстера) признавала, что у нее благородная осанка, а богачка мисс Суорц, курчавая мулатка из Сент-Китса, в день отъезда Эмилии разразилась таким потоком слез, что пришлось послать за доктором Флосом и чуть ли не одурманить ее нюхательными солями. Привязанность мисс Пинкертон была, как оно и должно, спокойной и полной достоинства, в силу высокого положения и выдающихся добродетелей этой леди, зато мисс Джемайма уже не раз принималась рыдать при мысли о разлуке с Эмилией; если бы не страх перед сестрой, она впала бы в форменную истерику, подстать наследнице из Сент-Китса (с которой взималась двойная плата). Но такое роскошество в изъявлении печали разрешается только воспитанницам, занимающим отдельную комнату, между тем как честной Джемайме полагалось заботиться о счетах, стирке, штопке, пудингах, столовой и кухонной посуде да наблюдать за прислугой. Однако стоит ли нам ею интересоваться? Весьма возможно, что с этой минуты и до конца времен мы уже больше о ней не услышим и, как только узорчатые чугунные ворота закроются, ни она, ни ее грозная сестра не покажутся больше из них, чтобы шагнуть в маленький мирок этого повествования.

Но с Эмилией мы будем видеться очень часто, а потому не мешает сказать в самом же начале нашего знакомства, что она была прелестным существом; а это великое благо и в жизни и в романах (в особенности последние изобилуют злодеями самого мрачного свойства), когда удастся иметь своим неизменным спутником такое невинное и доброе создание! Так как она не героиня, то нет надобности

описывать ее: боюсь, что нос у нее несколько короче, чем это желательно, а щеки слишком уж круглы и румяны для героини. Зато ее лицо цвело здоровьем, губы — свежестью улыбки, а глаза сверкали искренней, неподдельной жизнерадостностью, кроме тех, конечно, случаев, когда они наполнялись слезами, что бывало, пожалуй, слишком часто: эта дуручка способна была плакать над мертвой канарейкой, над мышкой, невзначай пойманной котом, над развязкой романа, хотя бы и глупейшего. А что касается неласкового слова, обращенного к ней, то если бы нашлись такие жестокосердые люди... Впрочем, тем хуже для них! Даже сама мисс Пинкертон, женщина суровая и величественная, после первого же случая перестала бранить Эмилию, и хотя была способна к пониманию чувствительных сердец не более, чем алгебры, однако отдала особый приказ всем учителям и наставницам обращаться с мисс Седли с величайшей деликатностью, так как строгое обращение ей вредно.

Поэтому, когда наступил день отъезда, мисс Седли стала втупик, не зная, что ей делать: смеяться или плакать, — так как она была одинаково склонна и к тому и к другому. Она радовалась, что едет домой, и страшно горевала, что надо расставаться со школой. Уже три дня маленькая Лаура Мартин, круглая сиротка, ходила за ней по пятам, как собачонка. Эмилии пришлось сделать и принять по крайней мере четырнадцать подарков и четырнадцать раз дать торжественную клятву писать еженедельно. «Посылай мне письма по адресу моего дедушки, графа Декстера», — наказывала ей мисс Солтайр (кстати сказать, род ее был из захудалых). «Не заботься о почтовых расходах, мое золотишко, и пиши мне каждый день!» — просила пылкая, привязчивая мисс Соурц. А малютка Лаура Мартин (оказавшаяся тут как тут) взяла подругу за руку и сказала, задумчиво заглядывая ей в лицо: «Эмилия, когда я буду тебе писать, можно называть тебя мамой?»

Я не сомневаюсь, что какой-нибудь Джонс, читающий эту книгу у себя в клубе, не замедлит рассердиться и назовет все это глупостями — пошлыми, вздорными и донельзя сентиментальными. Я так и вижу, как оный Джонс (слегка покрасневший после порции баранины и полпинты вина) вынимает карандаш и жирной чертой

подчеркивает слова: «пошлыми, вздорными» и т. д. и подкрепляет их собственным восклицанием на полях: «Совершенно верно!» Ну что ж! Джонс человек обширного ума, восхищающийся великим и героическим как в жизни, так и в романах, — и лучше ему во-время спохватиться и поискать чего-нибудь другого.

Итак, будем продолжать. Цветы, сундуки, подарки и шляпные картонки мисс Седли уже уложены мистером Самбо в карету вместе с потрепанным кожаным чемоданчиком, к которому чья-то рука аккуратно приколола карточку мисс Шарп и который Самбо подал ухмыляясь, а кучер водворил на место с подобающим случаем фырканием. И вот настал час разлуки. Его печаль была в значительной мере ослаблена весьма примечательной речью, с которой мисс Пинкертон обратилась к своей питомице. Нельзя сказать, чтобы это прощальное слово побудило Эмилию к философским размышлениям или же вооружило ее тем спокойствием, которое осеняет нас в результате глубокомысленных доводов. Нет, речь эта была невыносимо скучна, напыщенна и суха, да и самый вид грозной воспитательницы не располагал к бурным проявлениям печали. В гостиную было предложено угощение: тминные сухарики и бутылка вина, как это полагалось в торжественных случаях, при посещении пансиона родителями воспитанниц; и когда угощение было съедено и выпито, мисс Седли получила возможность тронуться в путь.

— А вы, Бекки, не зайдете проститься с мисс Пинкертон? — обратилась мисс Джемайма к молодой девушке: не замеченная никем, она спускалась с лестницы с саквояжем в руках.

— Я полагаю, что должна это сделать, — спокойно ответила мисс Шарп, к великому изумлению мисс Джемаймы; и когда последняя постучалась в дверь и получила разрешение войти, мисс Шарп вошла с весьма непринужденным видом и произнесла на безукоризненном французском языке:

— *Mademoiselle, je vien vous faire mes adieux*¹.

Мисс Пинкертон не понимала по-французски, она только руководила теми, кто знал этот язык. Закусив губу

¹ Мадемуазель, я пришла проститься с вами (франц.)

и вздернув кверху украшенную римским носом почтенную голову (на макушке которой покачивался огромный пышный тюрбан), она процедила сквозь зубы: «Мисс Шарп, всего вам хорошего». Произнеся эти слова, хаммерсмитская Семирамида сделала мановение рукой, как бы прощаясь и вместе с тем давая мисс Шарп возможность пожать ее нарочито выставленный для этой цели палец.

Мисс Шарп только скрестила руки и с очень холодной улыбкой присела, решительно уклоняясь от предложенной чести, на что Семирамида с большим, чем когда-либо, негодованием тряхнула тюрбаном. Собственно говоря, это была маленькая баталия между молодой женщиной и старой, причем последняя оказалась побежденной.

— Да благословит вас небо, дитя мое! — произнесла она, обнимая Эмилию и грозно хмурясь через ее плечо в сторону мисс Шарп.

— Пойдем, Бекки! — сказала страшно перепуганная мисс Джемайма, увлекая за собой молодую девушку, и дверь гостиной навсегда закрылась за строптивницей.

Затем начались суматоха и прощанье внизу. Словами этого не выразить. В прихожей собралась вся прислуга, все милые сердцу, все юные воспитанницы и только что приехавший учитель танцев. Поднялась такая кутерьма, пошли такие объятия, поцелуи, рыдания вперемешку с истерическими взвизгиваниями привилегированной пансионерки мисс Суорц, доносившимися из ее комнаты, что никаким пером не описать, и нежному сердцу лучше пройти мимо этого. Но объятиям пришел конец, и подруги расстались, — то есть рассталась мисс Седли со своими подругами. Мисс Шарп уже несколькими минутами раньше, поджав губки, уселась в карету. Никто не плакал, расставаясь с нею.

Кривоногий Самбо захлопнул дверцу за своей рыдавшей молодой госпожей и вскочил на запятки.

— Стой! — закричала мисс Джемайма, кидаясь к воротам с каким-то свертком. — Это сендвичи, милочка! — сказала она Эмилии. — Ведь вы еще успеете проголодаться. А вам, Бекки... Бекки Шарп, вот книга, которую моя сестра, то есть я... ну, словом... Словарь Джонсона. Вы не можете уехать от нас без Словаря. Прощайте! Трогай, кучер! Благослови вас бог!

И доброе создание вернулось в садик, обуреваемое волнением.

Но что это? Едва лошади тронулись в путь, как мисс Шарп высунула из кареты свое бледное лицо и швырнула книгу в ворота.

Джемайма чуть не упала в обморок от ужаса.

— Что такое... Вот уж точно!.. — воскликнула она. — Какая дерзкая...

Волнение помешало ей кончить и ту и другую фразу. Карета покатила, ворота захлопнулись, звонок зазвонил к уроку танцев. Целый мир открывался перед обеими девушками. Итак, прощай, Чизвикская аллея!

ГЛАВА II,

*в которой мисс Шарп и мисс Седли
готовятся к открытию кампании*

После того как мисс Шарп совершила геройский поступок, упомянутый в предыдущей главе, и удостоверилась, что Словарь, перелетев через мощеную дорожку, упал к ногам изумленной мисс Джемаймы, лицо молодой девушки, смертельно бледное от злобы, озарилось улыбкой, едва ли, впрочем, скрасившей его, и, откинувшись на подушки кареты, она с облегченным сердцем сказала:

— Со Словарем покончено! Слава богу, я вырвалась из Чизвика!

Мисс Седли была поражена дерзкой выходкой, пожалуй, не меньше самой мисс Джемаймы. Шутка ли — ведь всего минуту назад она покинула школу, и впечатления прошедших шести лет еще не померкли в ее душе. Страхи и опасения юного возраста не оставляют некоторых людей до конца жизни. Один мой знакомец, джентль-

мен шестидесяти восьми лет, как-то за завтраком сказал мне с взволнованным видом:

— Сегодня мне снилось, будто меня высек доктор Рейн!

Воображение перенесло его в эту ночь на пятьдесят пять лет назад. В шестьдесят восемь лет доктор Рейн и его розга представлялись ему в глубине души такими же страшными, как и в тринадцать лет. А что если бы доктор с длинной березовой розгой предстал перед ним во плоти даже теперь, когда ему исполнилось шестьдесят восемь, и сказал грозным голосом: «Ну-ка, мальчик, снимай штаны!» Да, да, мисс Седли была чрезвычайно встревожена этой дерзкой выходкой.

— Как это ты могла, Ребекка? — произнесла она, наконец, после некоторого молчания.

— Ты думаешь, мисс Пинкертон выскочит и прикажет мне сесть в карцер? — сказала Ребекка смеясь.

— Нет, но...

— Ненавижу весь этот дом, — продолжала в бешенстве мисс Шарп. — Хоть бы мне никогда его больше не видеть. Пусть бы он провалился на самое дно Темзы! Да, уж если бы мисс Пинкертон оказалась там, я не стала бы выуживать ее, ни за что на свете! Ох, поглядела бы я, как она плывет по воде вместе со своим тюрбаном и всем прочим, как ее шлейф полощется за ней, а нос торчит кверху, словно нос лодки!

— Тише, ты! — закричала на нее мисс Седли.

— А что, разве черный лакей может нафискалить? — воскликнула мисс Ребекка со смехом. — Он еще, чего доброго, вернется и передаст мисс Пинкертон, что я ненавижу ее всеми силами души! Ох, как бы я хотела этого. Как я мечтаю доказать ей это на деле. За два года я видела от нее только оскорбления и обиды. Со мной обращались хуже, чем с любой служанкой на кухне. У меня никогда не было ни единого друга. Я ласкового слова ни от кого не слышала, кроме тебя. Меня заставляли присматривать за девочками из младшего класса и болтать по-французски со взрослыми девицами, пока мне не опротивел мой родной язык! Правда, я ловко придумала, что заговорила с мисс Пинкертон по-французски? Она не понимает ни полслова, но ни за что не признается в этом. Гордость ей не позволит. Я думаю, она

потому и рассталась со мной. Итак, благодарение небесам за французский язык! Vive la France! Vive l'Empereur! Vive Bonaparte! ¹

— О Ребекка, Ребекка, как тебе не стыдно! — ужаснулась мисс Седли. (Ребекка дошла до величайшего богохульства; в те дни сказать в Англии: «Да здравствует Бонапарт!» — было все равно, что сказать: «Да здравствует Люцифер!») — Ну, как ты можешь... как ты смеешь питать такие злобные, такие мстительные чувства?

— Месть, может быть, и некрасивая вещь, но она вполне естественна, — отвечала мисс Ребекка. — Я не ангел.

И она действительно не была ангелом. Ибо если в течение этого короткого разговора (происходившего, пока карета лениво катила вдоль реки) мисс Ребекка Шарп имела случай дважды возблагодарить небо, то это было в первый раз по поводу освобождения от некоей ненавистой ей особы, а во второй — за ниспосланную ей возможность в некотором роде посрамить своих врагов; ни то, ни другое не является достойным поводом для благодарности творцу и не может быть одобрено людьми кроткими и склонными к всепрощению. Но мисс Ребекка в ту пору своей жизни не была ни кроткой, ни склонной к всепрощению. Все обходятся со мной плохо, решила эта юная мизантропка. Мы, однако, уверены, что особы, с которыми все обходятся плохо, полностью заслуживают такого обращения. Мир — это зеркало, и он возвращает каждому его собственное изображение. Нахмурьтесь — и он в свою очередь кисло взглянет на вас; засмейтесь ему и вместе с ним — и он станет вашим веселым, милым товарищем; а потому пусть молодые люди выбирают, что им больше по вкусу. В самом деле, если мир пренебрегал мисс Шарп, то и она, насколько известно, никогда никому не сделала ничего хорошего. Так нельзя же ожидать, чтобы все двадцать четыре молодых девицы были столь же милы, как и героиня этого произведения, мисс Седли (которую мы избрали именно потому, что она добрее других, — а иначе, что помешало бы нам поставить на ее место мисс Суорц, или

¹ Да здравствует Франция! Да здравствует император! Да здравствует Бонапарт! (франц.)

мисс Крамп, или мисс Хопкинс?); нельзя ожидать, чтобы каждая обладала таким смиренным и кротким нравом, как мисс Эмилия Седли, чтобы каждая старалась, пользуясь всяким удобным случаем, победить угрюмую враждебность Ребекки и с помощью тысячи ласковых слов и любезных одолжений зажечь — хотя бы на миг — добрую улыбку на ее устах.

Отец мисс Шарп был художник и давал уроки рисования в школе мисс Пинкертон. Человек одаренный, приятный собеседник, беспечный служитель муз, он отличался редкой способностью влезать в долги и пристрастием к кабачку. В пьяном виде он нередко колачивал жену и дочь, а на следующее утро, поднявшись с головной болью, честил весь свет за пренебрежение к своему таланту и поносил весьма умно, а иной раз и совершенно справедливо, дураков-художников, своих собратий. С величайшей трудностью поддерживая свое существование и задолжав всем в Сохо *, где он жил, на милю кругом, он решил поправить свои обстоятельства женитьбой на молодой женщине, француженке по происхождению и балетной танцовщице по профессии. О скромном призвании своей родительницы мисс Шарп никогда не распространялась, но зато не забывала упомянуть, что Антрашá — именитый гасконский род, и очень гордилась своим происхождением. Любопытно заметить, что по мере преуспевания нашей молодой особы в жизни ее предки повышались в знатности и благоденствии.

Мать Ребекки получила кое-какое образование, и дочь ее отлично говорила по-французски, с парижским выговором. В то время это было большой редкостью, что и привело к поступлению Ребекки в пансион добродетельной мисс Пинкертон. Дело в том, что, когда мать девушки умерла, отец, видя, что ему не оправиться после третьего припадка *delirium tremens* ¹, написал мужественное и трогательное письмо мисс Пинкертон, поручая сиротку ее покровительству, и затем переселился в лучший мир, после того как два судебных исполнителя рассорились над его трупом. Ребекке минуло семнадцать лет, когда она

¹ Белой горячки (лат.).

явилась в Чизвик и была принята на особых условиях; в круг ее обязанностей входило говорить по-французски, как мы это видели, а ее привилегией было — бесплатно жить и питаться, получать несколько гиней в год и подбирать крохи знаний у преподавателей, обучавших пансионеров.

Ребекка была маленькая, хрупкая, бледная, с рыжеватыми волосами; ее зеленые глаза были обычно опущены долу, но когда она их поднимала, они казались необычайно большими, загадочными и манящими, такими манящими, что преподобный мистер Крисп, новоиспеченный помощник чизвикского викария мистера Флауэрдью, только что со школьной скамьи в Оксфорде, влюбился в мисс Шарп: он был сражен наповал одним ее взглядом, которым она сверкнула через всю чизвикскую церковь — от скамьи пансионеров до кафедры проповедника. Бедный юноша, иногда пивший чай у мисс Пинкертон, которой он был представлен своей мамашей, совсем одурел от страсти и даже намекал на что-то вроде брака в перехваченной записке, вверенной одноглазой пирожнице для доставки по назначению. Миссис Крисп была вызвана из Бакстона и немедленно увезла своего дорогого мальчика, но даже мысль о появлении такой вороны в чизвикской голубятне произвела великое смятение в груди мисс Пинкертон, и она обязательно удалила бы из своего заведения мисс Шарп, если бы не была связана неустойкой по договору; она так и не поверила клятвам молодой девушки, что та ни разу не обменялась с мистером Криспом ни единым словом, кроме тех двух случаев, когда встречалась с ним за чаем на глазах у самой мисс Пинкертон.

Рядом с другими, рослыми и цветущими, воспитанницами пансиона Ребекка Шарп казалась ребенком. Но она обладала печальной особенностью бедняков — преждевременной зрелостью. Скольких несговорчивых кредиторов ей приходилось уламывать и выпроваживать за отцовские двери; скольких торговцев она умасливала и улещала, приводя их в хорошее расположение духа и приобретая тем возможность лишний раз пообедать. Дома она обычно проводила время с отцом, который очень гордился своей умненькой дочкой, и прислушивалась к беседам его приятелей-забулдыг, хотя часто разговоры эти были мало подходящими для детских ушей. По ее же соб-

ственным словам, она никогда не была девочкой, ибо чувствовала себя взрослой уже с восьмилетнего возраста. О, зачем мисс Пинкертон впустила в свою клетку такую опасную птицу!

Дело в том, что старая дама считала Ребекку смиреннейшим в мире созданием — так искусно умела та разыгрывать роль ingénue¹ в тех случаях, когда отец брал ее с собой в Чизвик. Всего лишь за год до заключения условия с Ребеккой, то есть когда девочке было шестнадцать лет, мисс Пинкертон торжественно и после подобающей случаю краткой речи подарила ей куклу, которая, кстати сказать, была конфискована у мисс Суиндл, украдкой нянчившей ее в часы занятий. Как хохотали отец с дочерью, когда брели домой после вечера у начальницы (это был день школьного акта, на который были приглашены все преподаватели), и в какую ярость пришла бы мисс Пинкертон, если бы увидела карикатуру на самое себя, которую маленькая комедиантка умудрилась смастерить из этой куклы! Ребекка разыгрывала с нею целые сцены на великую потеху Ньюмен-стрит, Джерард-стрит и всего артистического квартала. И молодые художники, заходившие на стакан грога к своему ленивому и разгульному старшему товарищу, умнице и весельчаку, всегда осведомлялись у Ребекки, дома ли мисс Пинкертон. Она, бедняжка, была им так же хорошо известна, как мистер Лоуренс* или президент Уэст*. Однажды Ребекка удостоилась чести провести в Чизвике несколько дней и по возвращении соорудила себе другую куклу — мисс Джеми; ибо хотя эта добрая душа не пожалела для сиротки варенья и сухариков, накормив ее доотвала, и даже сунула ей на прощанье семь шиллингов, однако чувство смешного у Ребекки было так велико — гораздо сильнее чувства признательности, — что она принесла в жертву мисс Джеми столь же безжалостно, как и ее сестру.

Разразилась катастрофа, и девочка была перевезена в пансион, который должен был стать ее домом. Строгая его чинность угнетала ее; молитвы и трапезы, уроки и прогулки, сменявшие друг друга с монастырской монотонностью, тяготили ее свыше всяких сил. Она с таким сожалением вспоминала о свободной и нищей жизни дома

¹ Простушки (франц.).

в старой мастерской, что все, да и она сама, думали, что она изнывает, горюя об отце. Ей отвели комнатку на чердаке, и служанки слышали, как Ребекка мечется там по ночам рыдая. Но это было от бешенства, а не от горя. Если раньше ее нельзя было назвать лицемеркой, то теперь одиночество научило ее притворяться. Она никогда не бывала в обществе женщин; отец ее при всей своей распушенности был человеком талантливым; разговор с ним был для нее в тысячу раз приятней болтовни с теми представительницами ее пола, с которыми она теперь столкнулась. Спесивое чванство старой начальницы школы, глупое добродушие ее сестры, пошлая болтовня и свары старших девиц и холодная корректность воспитательниц одинаково докучали Ребекке. Не было у бедной девушки и нежного материнского сердца, иначе щебетание и болтовня младших детей, надзор за которыми был главным образом ей поручен, должны были бы смягчить ее и утешить, но она прожила среди них два года, и ни одна девочка не пожалела об ее отъезде. Кроткая, мягко-сердечная Эмилия Седли была единственным человеком, к которому в конце концов привязалась Ребекка. Но кто не привязался бы к Эмили?

Те радости и жизненные блага, которыми наслаждались молодые девицы, ее окружавшие, заставляли Ребекку испытывать невыразимые муки зависти. «Как важничает эта девчонка — только потому, что она внучка какого-то графа! — говорила она об одной из товарок. — Как они все пресмыкаются и подличают перед этой креолкой из-за ее сотни тысяч фунтов стерлингов! Я в тысячу раз умнее и красивее этой особы, несмотря на все ее богатство! Я так же благовоспитанна, как эта графская внучка, невзирая на пышность ее родословной, а между тем никто здесь меня не замечает. А ведь когда я жила у отца, разве мужчины не отказывались от самых веселых балов и пирушек, чтобы провести вечер со мной?» Она решила во что бы то ни стало вырваться на свободу из этой тюрьмы и начала действовать на свой риск и страх, впервые строя определенные планы на будущее.

Вот почему она воспользовалась теми возможностями приобрести кое-какие знания, которые предоставлял ей пансион. Будучи уже музыкантшей и владея в совершенстве языками, она быстро прошла небольшой курс

наук, который считался необходимым для девиц того времени. В музыке она практиковалась непрестанно, и однажды, когда девицы гуляли, а Ребекка оставалась дома, она сыграла одну пьесу так хорошо, что Минерва, услышав ее игру, мудро решила сэкономить расходы на учителя для младших классов и заявила мисс Шарп, что отныне она будет обучать младших девочек и музыке.

Ребекка отказалась — впервые и к полному изумлению величественной начальницы школы.

— Я обязана разговаривать с детьми по-французски, — объявила она резким тоном, — а не учить их музыке и сберегать для вас деньги. Платите мне, и я буду их учить.

Минерва вынуждена была уступить и, конечно, с этого дня невзлюбила Ребекку.

— За тридцать пять лет, — жаловалась она, и вполне справедливо, — я не видела человека, который посмел бы у меня в доме оспаривать мой авторитет. Я пригрела гадюку на своей груди!

— Гадюку? Что за чепуха! — ответила мисс Шарп старой даме, едва не упавшей в обморок от изумления. — Вы взяли меня потому, что я была вам нужна. Между нами не может быть и речи о благодарности! Я ненавижу этот пансион и хочу его покинуть! Я не стану делать здесь ничего такого, что не входит в мои обязанности.

Тщетно старая дама взывала к ней: сознает ли она, что разговаривает с мисс Пинкертон? Ребекка расхохоталась ей в лицо убийственным, дьявольским смехом, который едва не довел начальницу до нервного припадка.

— Дайте мне денег, — сказала девушка, — и отпустите меня на все четыре стороны! Или, еще лучше, устройте мне хорошее место гувернантки в дворянском семействе — вам это легко сделать, если вы пожелаете.

И при всех их дальнейших стычках она постоянно возвращалась к этой теме:

— Мы ненавидим друг друга, устройте мне место — и я готова уйти!

Достойная мисс Пинкертон, хотя и обладала римским носом и тюрбаном, была ростом с доброго гренадера и оставалась до сих пор непререкаемой владычицей этих мест, не отличалась, однако, ни силой воли, ни твердостью своей маленькой ученицы и потому тщетно боролась с нею,

пытаясь ее запугать. Однажды, когда она попробовала публично отчитать Ребекку, та придумала упомянутый нами способ отвечать начальнице по-французски, чем окончательно сразила старуху. Для поддержания в школе авторитета стало необходимым удалить эту мятежницу, это чудовище, эту змею, эту поджигательницу. И, услышав кстати, что семейство сэра Питта Кроули ищет гувернантку, мисс Пинкертон порекомендовала на эту должность мисс Шарп, хотя та и была поджигательницей и змеей.

— В сущности я не могу пожаловаться на поведение мисс Шарп, — говорила она, — ни в чем, кроме ее отношения ко мне, и должна признать, что ее таланты и знания весьма высокого достоинства. Что же касается ума и образования, то она делает честь воспитательной системе, принятой в моем учебном заведении.

Таким образом начальница пансиона примирила свою рекомендацию с требованиями совести; договорные обязательства были расторгнуты, и воспитанница получила свободу. Борьба, описанная здесь в немногих строчках, длилась, разумеется, несколько месяцев. И так как мисс Седли, которой в ту пору исполнилось семнадцать лет, как раз собиралась покинуть школу и так как она питала дружеские чувства к мисс Шарп («единственная черта в поведении Эмилии, — говорила Минерва, — которая не по душе ее начальнице»), то мисс Шарп, прежде чем приступить к исполнению своих обязанностей гувернантки в чужой семье, была приглашена подругой погостить у нее с недельку.

Так открылся мир для этих двух юных девиц. Для Эмилии это был совершенно новый, свежий, блистательный мир, еще в полном своем расцвете. Для Ребекки он не был совершенно новым (уж если говорить правду, то пирожница намекала кое-кому, а тот готов был под присягой подтвердить эти слова кому-то третьему, будто дело у мистера Криспа и мисс Шарп зашло гораздо дальше, чем о том говорилось во всеуслышание, и что письмо его было ответом на другое). Но кто может знать, что происходило на самом деле? Во всяком случае, если Ребекка не впервые вступала в мир, то все же вступала в него сизнова.

К тому времени, когда молодые девушки доехали до Кенсингтонской заставы, Эмилия еще не позабыла своих

подруг, но уже осушила слезы и даже залилась румянцем, придя в восторг от юного офицера, лейб-гвардейца, который, проезжая мимо на коне, оглядел ее со словами: «Чертовски хорошенькая девушка, ей-богу!» И прежде чем карета достигла Рассел-сквера, девушки успели вдоволь наговориться о парадных приемах во дворце, и о том, являются ли молодые дамы ко двору в пудре и фижмах, и будет ли Эмилия иметь эту честь (что она поедет на бал, даваемый лорд-мэром, это Эмилии было известно). И когда, наконец, они доехали до дому и мисс Эмилия Седли выпорхнула из кареты, опираясь на руку Самбо, — другой такой счастливой и хорошенькой девушки нельзя было найти во всем огромном Лондоне. Таково было мнение и негра и кучера, и с этим соглашались и родители Эмилии и вся без исключения домашняя челядь, которая высыпала в прихожую и кланялась и приседала, улыбаясь своей молодой госпоже и поздравляя ее с приездом.

Можете быть уверены, что Эмилия показала Ребекке все до единой комнаты, и всякую мелочь в своих комодах, и книги, и фортепьяно, и платья, и все свои ожерелья, броши, кружева и безделушки. Она уговорила Ребекку принять от нее в подарок светлый сердолик, и бирюзовые серьги, и чудесное кисейное платьице, которое стало ей узко, но зато Ребекке придется изумительно впору! Кроме того, Эмилия решила попросить у матери позволения отдать подруге свою белую кашемировую шаль. Она отлично без нее обойдется! Ведь брат Джозеф только что привез ей из Индии две новых.

Увидев две великолепные кашемировые шали, привезенные Джозефом Седли в подарок сестре, Ребекка сказала вполне резонно: «Должно быть, страшно приятно иметь брата!» — и этим без особого труда пробудила жалость в мягкосердечной Эмилии: ведь она совершенно одинока на свете, сиротка, без друзей и родных!

— Нет, не одинока! — сказала Эмилия. — Ты знаешь, Ребекка, что я навсегда останусь твоим другом и буду любить тебя, как сестру, — это чистая правда!

— Ах, но это не то же самое, что иметь таких родителей, как у тебя: добрых, богатых, нежных родителей, которые дают тебе все, что бы ты ни попросила, — и так любят тебя, а ведь это всего дороже! Мой бедный папа не мог мне ничего давать, и у меня было всего-навсего

два платица. А кроме того, иметь брата, милого брата! О, как ты, должно быть, любишь его!

Эмилия засмеялась.

— Что? Ты его не любишь? А сама говоришь, что любишь всех на свете!

— Конечно, люблю... но только...

— Что... только?

— Только Джозефу, повидимому, очень мало дела до того, люблю я его или нет. Поверишь ли, вернувшись домой после десятилетнего отсутствия, он подал мне два пальца. Он очень мил и добр, но редко когда говорит со мной; мне кажется, он гораздо больше любит свою трубку, чем свою... — Но тут Эмилия запнулась: зачем отзывать дурно о родном брате? — Он был очень ласков со мной, когда я была ребенком, — прибавила она. — Мне было всего пять лет, когда он уехал.

— Он, наверное, страшно богат? — спросила Ребекка. — Говорят, индийские набобы * ужасно богаты!

— Я думаю, у него очень большие доходы.

— А твоя невестка, конечно, очаровательная женщина?

— Да что ты! Джозеф не женат! — сказала Эмилия и снова засмеялась.

Пожалуй, она уже упоминала об этом Ребекке, но молодая девушка, повидимому, пропустила слова подруги мимо ушей. Во всяком случае, она принялась уверять и клясться, что ожидала увидеть целую кучу племянников и племянниц Эмилии. Она крайне разочарована сообщением, что мистер Седли не женат; ей казалось, что Эмилия говорила ей о женатом брате, а она без ума от маленьких детей.

— Мне кажется, они тебе надоели в Чизвике, — сказала Эмилия, несколько изумленная таким пробуждением нежности в душе подруги. Конечно, будь мисс Шарп постарше, она не скомпрометировала бы себя, высказывая мнения, неискренность которых можно было так легко обнаружить. Но нам следует помнить, что сейчас ей только девятнадцать лет, она еще не изощрилась в искусстве обманывать — бедное невинное создание! — и вынуждена прокладывать себе жизненный путь собственными силами. Истинный же смысл всех вышеприведенных вопросов в переводе на язык сердца изобретательной мо-

лодой девушки был попросту таков: «Если мистер Джо-зеф Седли богат и холост, то почему бы мне не выйти за него замуж? Правда, в моем распоряжении всего лишь две недели, но попытка — не пытка!» И в глубине души она решила предпринять эту похвальную попытку. Она удвоила свою нежность к Эмилии — поцеловала сердо-ликовое ожерелье, надевая его, и поклялась никогда, ни-когда с ним не расставаться. Когда позвонил колокол к обеду, она спустилась вниз, обнимая подругу за талию, как это принято у молодых девиц, и так волновалась у двери гостиной, что едва собралась с духом войти.

— Посмотри, милочка, как у меня колотится сердце! — сказала она подруге.

— Нет, не особенно! — сказала Эмилия. — Да входи же, не бойся. Папа ничего плохого тебе не сделает!

ГЛАВА III

Ребекка перед лицом неприятеля

Очень полный, одутловатый человек в кожаных штанах и гессенских сапогах, с косынкой, несколько раз обматывавшей его шею почти до самого носа, в красном полосатом жилете и светлозеленом сюртуке со стальными пуговицами в добрую крону величиной (таков был утренний костюм щеголя, или денди, того времени) читал газету у камина, когда обе девушки вошли; при их появлении он вскочил с кресла, густо покраснел и чуть ли не до бровей спрятал лицо в косынку.

— Да это я, твоя сестра, Джозеф, — сказала Эмилия, смеясь и пожимая протянутые ей два пальца. — Ты знаешь, я ведь совсем вернулась домой! А это моя подруга, мисс Шарп, о которой ты не раз слышал от меня.

— Нет, никогда, честное слово, — произнесла голова из-за косынки, усиленно качаясь из стороны в сторону. — То есть да... Зверски холодная погода, мисс! — И джентльмен принялся яростно размешивать угли в камине, хотя дело происходило в середине июня.

— Какой интересный мужчина, — шепнула Ребекка Эмили довольно громко.

— Ты так думаешь? — сказала та. — Я передам ему.

— Милочка, ни за что на свете! — воскликнула мисс Шарп, отпрянув от подруги, словно робкая лань. Перед тем она почтительно, как маленькая девочка, присела перед джентльменом, и ее скромные глаза столь упорно созерцали ковер, что было просто чудом, как она успела разглядеть Джозефа.

— Спасибо тебе за чудесные шали, братец, — обратилась Эмилия к новоявленному истопнику. — Правда, они очаровательны, Ребекка?

— Божественны! — воскликнула мисс Шарп, и взор ее с ковра перенесся прямо на канделябр.

Джозеф продолжал усиленно греметь кочергой и щипцами, пыхтя, отдуваясь и краснея, насколько это позволяла ему желтизна его лица.

— Я не могу делать тебе такие же щедрые подарки, Джозеф, — продолжала сестра, — но в школе я вышила для тебя чудесные подтяжки.

— Боже мой, Эмилия! — воскликнул брат, придя в совершенный ужас. — Что ты говоришь! — И он изо всех сил рванул сонетку, так что это приспособление осталось у него в руке, еще больше увеличив растерянность бедного малого. — Ради бога, взгляни, подан ли мой багги *. Я не могу ждать. Мне надо ехать. А, чтоб ч... побрал моего грума! Мне надо ехать!

В эту минуту в комнату вошел отец семейства, побрякивая печатками, как подобает истому британскому коммерсанту.

— Ну, что у вас тут, Эмми? — спросил он.

— Джозеф просит меня взглянуть, не подан ли его... его багги. Что такое багги, папа?

— Это одноконный паланкин *, — сказал старый джентльмен, любивший пошутить на свой лад.

Тут Джозеф разразился диким хохотом, но, встретившись взглядом с мисс Шарп, внезапно смолк, словно убитый выстрелом наповал.

— Эта молодая девица — твоя подруга? Очень рад вас видеть, мисс Шарп! Разве вы и Эмми уже повздорили с Джозефом, что он собирается удирать?

— Я обещал Бонэми, одному сослуживцу, отобедать с ним, сэр.

— Негодный! А кто говорил матери, что будет обедать с нами?

— Но не могу же я в этом платье.

— Взгляните на него, мисс Шарп, разве он не достаточно красив, чтобы обедать где угодно?

В ответ на эти слова мисс Шарп взглянула, конечно, на свою подругу, и обе залились смехом, к великому удовольствию старого джентльмена.

— Видали ли вы когда-нибудь такие штаны в пансионе мисс Пинкертон? — продолжал отец, довольный своим успехом.

— Боже милосердный, перестаньте, сэр! — воскликнул Джозеф.

— Ну вот я и оскорбил его в лучших чувствах! Миссис Седли, дорогая моя, я оскорбил вашего сына в лучших чувствах. Я намекнул на его штаны. Спросите у мисс Шарп, она подтвердит. Ну, полно, Джозеф, будьте с мисс Шарп друзьями и пойдемте все вместе обедать!

— Сегодня у нас такой пилав, Джозеф, какой ты любишь, а папа привез палтуса, — лучшего нет на всем Билингсгейтском рынке *.

— Идем, идем, сэр, предложите руку мисс Шарп, а я пойду следом с этими двумя молодыми женщинами, — сказал отец и, взяв под руку жену и дочь, весело двинулся в столовую.

Если мисс Ребекка Шарп в глубине души решила одержать победу над тучным шеголем, то я не думаю, сударыни, что мы вправе хоть сколько-нибудь осуждать ее за это. Правда, задача уловления женихов обычно с подобающей скромностью препоручается юными особами своим маменькам, но вспомните, что у мисс Шарп нет любящей родительницы, чтобы уладить за нее этот деликатный вопрос, и если она сама не раздобудет себе супруга, то не найдется никого в целом мире, кто оказал бы ей эту услугу. Что заставляет молодых особ «выезжать», как не благородное стремление найти себе мужа? Что гонит их толпами на всякие воды? Что принуждает их отплясывать до пяти часов утра в течение долгого сезона? Что заставляет их трудиться над фортепьянными сонатами, разучивать три-четыре романса у модного учителя, по гинее за урок, и играть на арфе, если у них точеные ручки и изящные локотки, или носить зеленые

шляпки линкольнского сукна и перья любительниц стрельбы из лука, — что заставляет их делать все это, как не надежда сразить какого-нибудь «подходящего» молодого человека при помощи своих смертоносных луков и стрел? Что заставляет почтенных родителей скатывать ковры, ставить весь дом вверх дном и тратить пятую часть годового дохода на балы с ужинами и замороженным шампанским? Неужели бескорыстная любовь к себе подобным и искреннее желание посмотреть, как веселится и танцует молодежь? Чепуха! Им хочется выдать замуж дочерей. И подобно тому, как простодушная миссис Седли в глубине своего нежного сердца уже вынашивала десятки маленьких планов насчет устройства Эмилии, так и наша прелестная, но не имевшая покровителей Ребекка решила сделать все, что было в ее силах, чтобы добыть себе мужа, который был для нее еще более необходим, чем для ее подруги. Она обладала живым воображением, а кроме того, прочла «Сказки Тысячи и одной ночи» и «Географию» Гютри. Поэтому, узнав у Эмилии, что ее брат очень богат, Ребекка, одеваясь к обеду, уже строила мысленно великолепнейшие воздушные замки, коих сама она была повелительницей, а где-то на заднем плане маячил ее супруг (она его еще не видела, и потому его образ был не вполне отчетлив); она наряжалась в бесконечное множество шалей-тюрбанов, увешивалась брильянтовыми ожерельями и под звуки марша из «Синей Бороды» * садилась на слона, чтобы ехать с торжественным визитом к Великому Моголу *. О, упоительные мечты Альнашара! * Счастливое преимущество молодости в том, чтобы предаваться вам, и немало других юных фантазеров, помимо Ребекки Шарп и задолго до нее, упивались такими восхитительными снами наяву!

Джозеф Седли был на двенадцать лет старше своей сестры Эмилии. Он состоял на гражданской службе в Ост-Индской компании * и в описываемую нами пору значился в Бенгальском разделе Ост-Индского справочника в качестве коллектора * в Богли-Уолах — должность, как всем известно, почетная и прибыльная. Если читатель захочет узнать, до каких еще более высоких постов дослужился Джозеф в этой компании, мы отправляем его к тому же справочнику.

Богли-Уолах расположен в живописной уединенной бо-

лотистой местности, покрытой джунглями и известной охотою на бекасов, но где нередко можно спугнуть и тигра. Ремгандж, окружной центр, отстоит от него всего лишь на сорок миль, а еще миль на тридцать дальше находится стоянка кавалерийского отряда. Так Джозеф писал домой родителям, когда вступил в исправление своей должности коллектора. В этой очаровательной местности он прожил около восьми лет в полном одиночестве, почти не видя лица христианского, если не считать тех двух раз в году, когда туда наезжал отряд, чтобы увезти собранные им подати и налоги и доставить их в Калькутту.

По счастью, к описываемому времени он нажил какую-то болезнь печени, для лечения ее вернулся в Европу и теперь вознаграждал себя за вынужденное отшельничество, пользуясь во-всю удобствами и увеселениями у себя на родине. Приехав в Лондон, он не поселился у родителей, а завел отдельную квартиру, как и подобает молодому неунывающему холостяку. До своего отъезда в Индию он был еще слишком молод, чтобы принимать участие в развлечениях столичных жителей, и с тем большим усердием погрузился в них по возвращении домой. Он катался по Парку * на собственных лошадях, обедал в модных трактирах (Восточный клуб не был еще изобретен), стал записным театралом, как требовала тогдашняя мода, и появлялся в опере старательно наряженный в плотно облегающие панталоны и с треугольной шляпой.

Впоследствии, по возвращении в Индию и до конца своих дней, он с величайшим восторгом рассказывал о веселье и забавах той поры, давая понять, что они с Бремелем * были тогда первыми франтами столицы. А между тем он был так же одинок в Лондоне, как и в джунглях своего Богли-Уолаха. Джозеф не знал здесь ни одной живой души, и если бы не доктор да развлечения в виде каломели и боли в печени, он совсем погиб бы от тоски. Это был лентяй, брюзга и бонвиван; один вид женщины из общества обращал его в бегство, — вот почему он редко появлялся в семейном кругу на Рассел-сквере, где был открытый дом и где шутки добродушного старика отца задевали его самолюбие. Тучность причиняла ему немало забот и тревог; по временам он делал отчаянные попытки освободиться от излишков жира, но лень и привычка

ни в чем себе не отказывать скоро одерживали верх над его геройскими побуждениями, и он опять возвращался к трем трапезам в день. Он никогда не бывал хорошо одет, но прилагал неимоверные усилия к украшению своей тучной особы и проводил за этим занятием по многу часов в день. Его лакей составил себе целое состояние на гардеробе хозяина. Туалетный стол Джозефа был заставлен всевозможными помадами и эссенциями, как у престарелой кокетки; чтобы достигнуть стройности талии, он перепробовал всякие бандажи, корсеты и пояса, какие были тогда в ходу. Подобно большинству толстяков, он старался, чтобы платье шилось ему как можно уже, и заботился о том, чтобы оно было самых ярких цветов и юношеского покроя. Завершив, наконец, свой туалет, он отправлялся после полудня в Парк покататься в полнейшем одиночестве, а затем возвращался домой сменить свой наряд и уезжал обедать, в таком же полнейшем одиночестве, в «Кафе Пьяцца». Он был тщеславен, как молодая девушка; весьма возможно, что болезненная робость была одним из следствий его непомерного тщеславия. Если мисс Ребекке удастся заполнить Джозефа при самом ее вступлении в жизнь, она окажется необычайно ловкой молодой особой...

Первый же шаг обнаружил ее значительное искусство. Назвав Седли интересным мужчиной, Ребекка наперед знала, что Эмилия передаст это матери, а уж та, по всей вероятности, сообщит Джозефу или же во всяком случае будет польщена комплиментом по адресу ее сына. Все матери таковы. Скажите Сикораксе, что сын ее Калибан * красив, как Аполлон, и это обрадует ее, хотя она и ведьма. Кроме того, может быть, и сам Джозеф Седли слышал комплимент, — Ребекка говорила довольно громко, — и он действительно его услышал, и от этой похвалы (в душе Джозеф считал себя очень пригожим мужчиной) нашего коллектора бросило в жар и по всему его телу пробежал трепет удовлетворенного самолюбия. Однако тут же его словно обдало холодной водой. «Не издевается ли надо мной эта девица?» — подумал он и бросился к сонетке, готовясь ретироваться, как мы это видели, — однако под действием отцовских шуток и материнских уговоров сменил гнев на милость и остался дома. Он повел молодую девушку к столу, полный сомнений и в взволнованном со-

стоянии духа. «Вправду ли она думает, что я красив, — размышлял он, — или же только смеется надо мной?» Мы уже упоминали, что Джозеф Седли был тщеславен, как девушка. Помоги нам бог! Девушкам стоит только перевернуть это изречение и сказать об одной из себе подобных: «Она тщеславна, как мужчина!» — и они будут совершенно правы. Бородатое сословие столь же падко на лесть, столь же щепетильно в рассуждении своего туалета, столь же гордится своими личными достоинствами, столь же верит в могущество своих чар, как и любая кокетка.

Итак, они сошли в столовую — Джозеф, красный от смущения, а Ребекка скромно потупив долу свои зеленые глаза. Она была вся в белом, с обнаженными белоснежными плечами, воплощение юности, беззащитной невинности и смиренной девственной чистоты. «Мне нужно держать себя очень спокойно, — думала Ребекка, — и побольше интересоваться Индией».

Мы уже слышали, что миссис Седли приготовила для сына отличное карри * по его вкусу, и во время обеда Ребекке было предложено отведать этого кушанья.

— А что это такое? — полюбопытствовала она, бросая вопрошающий взгляд на мистера Джозефа.

— Отменная вещь! — произнес он. Рот у него был набит, а лицо покраснелось от удовольствия, которое доставлял ему самый процесс еды.

— Матушка, у тебя готовят карри не хуже, чем у меня дома в Индии.

— О, тогда я должна попробовать, если это индийское кушанье! — заявила мисс Ребекка. — Я уверена, что все, что из Индии, должно быть прекрасно!

— Ангел мой, дай мисс Шарп отведать этого индийского лакомства, — сказал мистер Седли смеясь.

Ребекка никогда еще не пробовала такого блюда.

— Ну что? Оно, по-вашему, так же прекрасно, как и все, что из Индии? — спросил мистер Седли.

— О, оно превосходно! — произнесла Ребекка, испытывая адские муки от кайенского перца.

— А вы возьмите к нему стручок чили *, мисс Шарп, — сказал Джозеф, искренне заинтересованный.

— Чили? — спросила Ребекка, едва переводя дух. — А хорошо! — Она решила, что чили — это что-нибудь прохладительное, и взяла себе немного этой приправы.

— Как он свеж и зелен на вид! — заметила она, кладя стручок в рот. Но чили жег еще больше, чем карри, — не хватало человеческих сил вытерпеть такое мученье. Ребекка положила вилку.

— Воды, ради бога, воды! — закричала она.

Мистер Седли разразился хохотом. Это был грубоватый человек, проводивший все дни на бирже, где любят всякие бесцеремонные шутки.

— Самый настоящий индийский чили, заверяю вас! — сказал он. — Самбо, подай мисс Шарп воды.

Джозеф вторил отцовскому хохоту, находя эту шутку замечательной. Дамы только слегка улыбались. Они видели, что бедняжка Ребекка очень страдает. Сама она готова была задушить старика Седли, однако проглотила обиду так же легко, как перед тем отвратительный карри, и, когда к ней снова вернулся дар речи, промолвила с шутливым добродушием:

— Мне следовало бы помнить о перце, который персидская принцесса из «Тысячи и одной ночи» кладет в сливочное пирожное. А у вас в Индии, сэр, кладут кайенский перец в сливочное пирожное?

Старик Седли принялся хохотать и подумал про себя, что Ребекка остроумная девочка. А Джозеф только произнес:

— Сливочное пирожное, мисс? У нас в Бенгалии плохие сливки. Мы обычно употребляем козье молоко, и, знаете, я теперь предпочитаю его сливкам.

— Ну как, мисс Шарп, вы, пожалуй, не будете больше восторгаться всем, что идет из Индии? — спросил старый джентльмен.

И когда дамы после обеда удалились, лукавый старик сказал сыну:

— Берегись, Джо! Эта девица имеет на тебя виды.

— Вот чепуха! — воскликнул Джо, весьма, однако, польщенный. — Я помню, сэр, в Думдуме была одна особа, дочь артиллериста Катлера, потом она вышла замуж за доктора Ланса. Так вот она тоже собиралась в тысяча восемьсот четвертом году взять меня за горло... меня и Малигетони, я еще говорил вам о нем перед обедом... Чертовски славный, малый этот Малигетони... Сейчас он судьей в Баджбадже и, наверное, лет через пять будет советником. Так вот, сэр, артиллеристы устраивали

бал, и Куинтин из четырнадцатого королевского полка и говорит мне: «Слушай, Седли, держу пари тринадцать против десяти, что Софи Катлер поймает на крючок либо тебя, либо Малигетони еще до больших дождей!» — «Идет!» — говорю я, и, ей-богу, сэр... прекрасный у вас кларет! От Адамсона или Карбонеля? Первый сорт!

Легкий храп был единственным на это ответом: почтенный биржевик уснул; таким образом, рассказ Джозефа остался на сей раз неоконченным. Но Джозеф был страшно словоохотлив в мужской компании, и этот восхитительный анекдот он передавал уже десятки раз своему аптекарю, доктору Голопу, когда тот приходил спрашивать о состоянии его печени и о действии каломели.

В качестве больного Джозеф Седли удовольствовался бутылкой кларета помимо мадеры, выпитой за обедом, и уписал тарелки две земляники со сливками и десятка два сладкого печенья, оставленного невзначай на тарелке около него, причем мысли его (ведь романисты обладают даром всеведения) были, конечно, заняты молодой девушкой, удалившейся в верхние покои.

«Экая хорошенькая, молоденькая резвушка, — думал он. — Как она взглянула на меня, когда я за обедом поднял ей платок! Она его дважды роняла, плутовка. Кто это поет в гостиной? Черт! Не пойти ли взглянуть?»

Но тут на него нахлынула неудержимая застенчивость. Отец спал; шляпа Джозефа висела в прихожей; близехонько за углом на Саутгемптон-роу была извозчичья биржа.

«Не поехать ли мне на «Сорок разбойников»*, — подумал он, — посмотреть, как танцует мисс Декамп?»

Ступая на носки своих остроносых сапог, он тихонько выбрался из комнаты и исчез, не потревожив сна достойного родителя.

— Вот идет Джозеф, — сказала Эмилия, смотревшая из открытого окна гостиной, пока Ребекка пела, аккомпанируя себе на фортепьяно.

— Мисс Шарп спугнула его, — заметила миссис Седли. — Бедный Джо! И отчего он такой робкий?

ГЛАВА IV

Зеленый шелковый кошелек

Страх, накативший на Джо, не оставлял его два или три дня; за это время он ни разу не заезжал домой, а мисс Ребекка ни разу о нем не вспомнила. Она не знала, как благодарить миссис Седли, выше всякой меры восхищалась пассажирами и модными лавками и приходила в неистовый восторг от театров, куда ее возила добрая дама. Однажды у Эмилии разболелась голова, она не могла ехать на какое-то торжество, куда были приглашены обе девушки, — и ничто не могло заставить подругу ехать одну.

— Как, оставить тебя? Тебя, впервые показавшую одинокой сиротке, что такое счастье и любовь? Никогда! — И зеленые глаза затуманились слезами и поднялись к небесам.

Миссис Седли оставалось только удивляться, какое у подруги ее дочери любящее, нежное сердечко.

На шутки мистера Седли Ребекка никогда не сердилась и неизменно смеялась им первая, что немало тешило и трогало добродушного джентльмена. Но мисс Шарп снискала расположение не одних только старших членов семьи, она обворожила и миссис Бленкинсоп, проявив глубочайший интерес к приготовлению малинового варенья, каковое священнодействие совершалось в ту пору в комнате экономки; она настойчиво называла Самбо «сэром» или «мистером Самбо», к полнейшему восторгу слуги; она извинялась перед горничной за то, что решалась беспокоить ее звонком, — и все это с такой деликатностью и кротостью, что все в людской были почти так же очарованы Ребеккой, как и в гостиной.

Однажды, рассматривая папку с рисунками, которые Эмилия присылала из школы, Ребекка неожиданно наткнулась на какой-то лист, заставивший ее разрыдаться и выбежать из комнаты. Это произошло в тот день, когда Джо Седли вторично появился в доме.

Эмилия бросилась за подругой — узнать причину такого расстройства чувств. Добрая девочка вернулась одна и тоже несколько взволнованная.

— Ведь вы знаете, маменька, ее отец был у нас в Чизвике учителем рисования и, бывало, все главное рисовал сам.

— Душечка! А по-моему, мисс Пинкертон всегда говорила, что он и не прикасается к вашим работам... и только отделявает их.

— Это и называлось отделать, маменька. Ребекка вспомнила рисунок и как ее отец работал над ним; воспоминания нахлынули на нее... и вот...

— Какое чувствительное сердечко у бедняжки! — заметила миссис Седли.

— Мне хочется, чтобы она погостила у нас еще с недельку! — сказала Эмилия.

— Она дьявольски похожа на мисс Катлер, с которой я встречался в Думдуме, но только посветлее. Та теперь замужем за Лансом, военным врачом. Знаете, матушка, однажды Куинтин, из четырнадцатого полка, бился со мной об заклад...

— Знаем, знаем, Джозеф, нам уже известна эта история! — воскликнула со смехом Эмилия. — Можешь не трудиться рассказывать. А вот уговори-ка маменьку напи-

сать этому... как его... сэру... Кроули, чтобы он позволил бедненькой Ребекке пожить у нас еще. Да вот и она сама! И с какими красными, заплаканными глазами!

— Мне уже лучше, — сказала девушка со сладчайшей улыбкой и, взяв протянутую ей сердобольной миссис Седли руку, почтительно ее поцеловала. — Как вы все добры ко мне! Все, — прибавила она со смехом, — кроме вас, мистер Джозеф.

— Кроме меня? — воскликнул Джозеф, подумывая, уж не обратиться ли ему в бегство. — Праведное небо! Господи, боже мой! Мисс Шарп!

— Ну да! Не жестоко ли было с вашей стороны угостить меня за обедом этим ужасным перцем — и это в первый день нашего знакомства! Вы не так добры ко мне, как моя дорогая Эмилия.

— Он еще мало тебя знает, — сказала Эмилия.

— Кто это смеет обижать вас, моя милочка? — добавила ее мать.

— Но ведь карри был превосходен, честное слово, — пресерьезно заявил Джо. — Пожалуй, только лимону в нем было маловато... да, маловато.

— А ваш чили?

— Черт возьми, как вы от него расплакались! — воскликнул Джо и, будучи не в силах устоять перед комической стороной этого происшествия, разразился хохотом, который так же внезапно, по своему обыкновению, оборвал.

— Вперед я буду относиться осторожнее к тому, что вы мне предлагаете, — сказала Ребекка, когда они вместе спустились в столовую к обеду. — Я и не думала, что мужчины так любят мучить нас, бедных, беззащитных девушек.

— Ей-богу же, мисс Ребекка, я ни за что на свете не хотел бы вас обидеть!

— Конечно, — ответила она, — я уверена, что вы не захотели бы! — И она тихонько пожала ему руку своей маленькой ручкой и тотчас же отдернула ее в страшном испуге, и сперва на мгновение заглянула в лицо Джозефу, а потом стала смотреть на ковер. Я не поручился бы, что сердце Джо не заколотилось в груди при этом невольном, робком и нежном признании наивной девочки.

Это был аванс с ее стороны, и, может быть, некоторые дамы, безукоризненно корректные и воспитанные, осудят такой поступок, как нескромный. Но, видите ли, беденькой Ребекке приходилось самой проделывать всю черную работу. Если человек так нуждается, что не может держать прислугу, ему приходится подметать комнаты, каким бы он ни был франтом. Если у какой-нибудь милой девочки нет любящей мамы, чтобы налаживать ее дела с молодыми людьми, ей самой приходится этим заниматься. И какое это счастье, что женщины не столь уж усердно пользуются своими чарами. А иначе мы не могли бы устоять перед ними. Стоит им оказать нам — мужчинам — хотя бы малейшее расположение, и мы тотчас падаем перед ними на колени, даже старики и уроды! И вот какую неоспоримую истину я выскажу: любая женщина при подходящих условиях сумеет женить на себе кого захочет, если она только не окончательная горбуня. Будем же благодарны тому, что эти милочки похожи на резвящихся бабочек и не сознают своей собственной силы, иначе нам не было бы никакого спасения!

«Ей-богу, — подумал Джозеф, входя в столовую, — я начинаю себя чувствовать, совсем как тогда в Думдуме с мисс Катлер!»

За обедом мисс Шарп то и дело адресовалась к Джозефу с замечаниями то нежными, то шутливыми о тех или иных блюдах. К этому времени у нее установились довольно близкие отношения со всем семейством. С Эмилией же они полюбили друг друга, как сестры. Так всегда бывает с молодыми девушками, стоит им только прожить под одной кровлей дней десять.

Как будто задавшись целью помогать Ребекке во всех ее планах, Эмилия напомнила брату об обещании, данном ей во время последних пасхальных каникул, — «когда я еще училась в школе», — добавила она, смеясь, — обещании показать ей Воксхолл*.

— Вот теперь, — заявила она, — когда у нас гостит Ребекка, это будет очень кстати!

— О, чудесно! — воскликнула Ребекка, едва не захлопав в ладоши, но во-время опомнилась и удержалась, как это и подобало такому скромному созданию.

— Только не сегодня, — сказал Джо.

— Ну так завтра!

— Завтра мы с отцом не обедаем дома, — заметила миссис Седли.

— Уж не хочешь ли ты этим сказать, что я туда поеду, мой ангел? — спросил ее супруг. — Или что женщина твоего возраста и комплекции станет рисковать простудой в таком отвратительном сыром месте?

— Надо же кому-нибудь ехать с девочками! — воскликнула миссис Седли.

— Пусть едет Джо, — сказал отец. — Он для этого достаточно *велик*.

При этих словах даже мистер Самбо, стоя на своем посту у буфета, приснул со смеху, а бедный толстяк Джо поймал себя на желании стать отцеубийцей.

— Распустите ему корсет, — продолжал безжалостный старик. — Плесните ему в лицо водой, мисс Шарп, или, лучше, снесите его наверх: бедняга того и гляди упадет в обморок. Несчастная жертва! Несите же его наверх, ведь он легок, как перышко!

— Это невыносимо, сэр, будь я проклят! — взревел Джозеф.

— Самбо, вызови слона для мистера Джоза! — закричал отец. — Пошли за ним на Эксетерову биржу *, Самбо! — Но, увидев, что Джоз чуть не плачет от гнева, старый шутник перестал хохотать и сказал, протягивая сыну руку: — У нас на бирже никто не сердится на шутку, Джоз! Самбо, отставить слона, дай-ка лучше нам с мистером Джозом по стакану шампанского. У самого Бони * в погребе не сыщешь такого, сынок!

Бокал шампанского восстановил душевное равновесие Джозефа, и, еще до того, как бутылка была осушена, причем лично ему, на правах больного, досталось две трети, он согласился сопровождать девиц в Воксхолл.

— Каждой девушке нужен свой кавалер, — сказал старый джентльмен. — Джоз до того увлечется мисс Шарп, что наверняка потеряет Эмми в толпе. Пошлем в девяносто шестой полк и пригласим Джорджа Осборна, авось он не откажется.

При этих словах, уж не знаю почему, миссис Седли взглянула на мужа и засмеялась. Глаза мистера Седли заискрились неопишуемым лукавством, и он взглянул на дочь; Эмилия опустила голову и покраснела так, как

умеют краснеть только семнадцатилетние девушки и как мисс Ребекка Шарп никогда не краснела за всю свою жизнь — во всяком случае с тех пор, как ее, еще восьмилетней девочкой, застала крестная за кражей варенья в буфете.

— Самое лучшее, пусть Эмилия напишет записку, — посоветовал отец, — надо показать Джорджу Осборну, какой чудесный почерк мы вывезли от мисс Пинкертон. Помнишь, Эмми, как ты пригласила его к нам на крещение и написала «и» вместо «е»?

— Ну, когда это было! — возразила Эмилия.

— А кажется, будто только вчера, не правда ли, Джон? — сказала миссис Седли, обращаясь к мужу; и в ту же ночь, во время беседы в одном из передних покоев второго этажа, под сооружением вроде палатки, задрапированным тканью богатого и фантастического индийского рисунка, подбитой нежно-розовым коленкором, — внутри этой разновидности шатра, где на пуховой постели покоились две подушки, а на них два круглых румяных лица — одно в кружевном ночном чепчике, а другое в обыкновенном бумажном колпаке, увенчанном кисточкой, — во время, я сказал бы, *укромной* беседы миссис Седли упрекнула мужа за его жестокое обращение с бедным Джо.

— Очень гадко было с твоей стороны, мистер Седли, — сказала она, — так мучить бедного мальчика.

— Мой ангел, — ответила бумажная кисточка в свою защиту, — Джоз — тщеславная кокетка, такой и ты не была никогда в своей жизни, а этим много сказано. Хотя лет тридцать назад, в году тысяча семьсот восьмидесятом, — ведь так, пожалуй, — ты, может быть, и имела на это право. Не спорю. Но меня просто из терпения выводит этот скромник и его фатовские замашки. Он, видимо, решил перещеголять своего тезку, Иосифа Прекрасного. Только и думает о себе, какой, мол, я расчудесный. Не сомневаюсь, что мы еще не оберемся с ним хлопот. Вот теперь эммина подружка вешается ему на шею, — ведь это же яснее ясного. И если она его не подцепит, так подцепит другая. Скажи слава богу, мой ангел, что он не привез нам какой-нибудь черномазой невестки. Но запомни мои слова: первая женщина, которая за него возьмется, сядет ему на шею...

— Завтра же она уедет, лукавая девчонка, — решительно заявила миссис Седли.

— А чем она хуже других, миссис Седли? У этой девочки по крайней мере белая кожа. Мне нет никакого дела, кто его на себе женит; пусть устраивается, как хочет.

На этом голоса обоих собеседников затихли и сменились легкими, хотя отнюдь не романтическими носовыми музыкальными упражнениями. И в доме Джона Седли, эсквайра и члена фондовой биржи, на Рассел-сквере воцарилась тишина, нарушаемая разве лишь боем церковных часов да выкриками ночного сторожа.

Наутро благодушная миссис Седли и не подумала приводить в исполнение свои угрозы по отношению к мисс Шарп, ибо, хотя нет ничего более жгучего, более обыкновенного и более извинительного, чем материнская ревность, миссис Седли не могла допустить и мысли, чтобы эта маленькая, скромная, благодарная, смиренная гувернантка осмелилась поднять глаза на такую великолепную особу, как коллектор Богли-Уолаха. Кроме того, просьба о продлении отпуска молодой девице была уже отправлена, и было бы трудно найти предлог для того, чтобы внезапно отослать девушку.

И словно все сговорилось благоприятствовать милой Ребекке, даже самые стихии вмешались в это дело (хотя сперва она и не склонна была признать их благотворное действие). В тот вечер, который был намечен для поездки в Воксхолл, когда Джордж Осборн прибыл к обеду, а старшие члены семьи уехали на званый обед к олдермену * Боулсу в Хайбери-Барн, разразилась такая гроза, какая бывает только в дни, назначенные для посещения Воксхолла, и потому волей-неволей молодежи пришлось остаться дома. Но, повидимому, мистер Осборн ничуть не был опечален этим обстоятельством. Они с Джозефом Седли распили не одну бутылку портвейна, оставшись вдвоем в столовой, причем Седли воспользовался случаем, чтобы рассказать множество отборнейших своих индийских анекдотов, — как мы уже говорили, он был чрезвычайно словоохотлив в мужской компании. А потом мисс Эмилия Седли хозяйничала в гостиной, и все четверо молодых людей провели такой приятный вечер, что, по их единодушному утверждению, нужно

было скорее радоваться грозе, заставившей их отложить поездку в Воксхолл.

Осборн был крестником Седли и все двадцать три года своей жизни считался членом его семьи. Когда ему было полтора месяца, он получил от Седли в подарок серебряный бокал, а шести месяцев — коралловую погремушку с золотым свистком. С самой ранней юности и до последнего времени он регулярно получал от старика к рождеству деньги на гостинцы. Он до сих пор помнил, как однажды при его отъезде в школу Джозеф Седли, тогда уже рослый, заносчивый и нескладный парень, основательно вздул его, — сам Джордж был тогда дерзким десятилетним мальчишкой. Одним словом, Джордж был настолько близок к этой семье, насколько его могли сблизить с нею подобные повседневные знаки внимания и участия.

— Помнишь, Седли, как ты полез на стену, когда я отрезал кисточки у твоих гессенских сапог, и как мисс... гм!.. как Эмилия спасла меня от трепки, упала на колени и умолила братца Джоза не бить маленького Джорджа?

Джоз отлично помнил это замечательное происшествие, но клялся, что совершенно позабыл его.

— А помнишь, как ты приезжал на шарабанае к нам, в школу доктора Суиштейла, повидаться со мной перед отъездом в Индию, подарил мне полгинеи и потрепал меня по щеке? У меня тогда осталось впечатление, будто ты не меньше семи футов ростом, и я очень удивился, когда при твоём возвращении из Индии оказалось, что ты не выше меня.

— Как мило было со стороны мистера Седли поехать в школу и дать вам денег! — воскликнула с увлечением Ребекка.

— Особенно после того, как я отрезал ему кисточки от сапог. Школьники никогда не забывают ни самые дары, ни дающих.

— Какая прелесть эти гессенские сапоги, — заметила Ребекка.

Джоз Седли, бывший весьма высокого мнения о своих ногах и всегда носивший эту орнаментальную обувь, был чрезвычайно польщен сделанным замечанием, хотя, услышав его, и спрятал ноги под кресло.

— Мисс Шарп! — сказал Джордж Осборн. — Вы, как искусная художница, должны были бы написать большое

историческое полотно на тему о сапогах. Седли надо будет изобразить в кожаных штанах, в одной руке у него пострадавший сапог, другою он держит меня за шиворот. Эмилия стоит около него на коленях, воздевая к нему ручонки. Картина должна быть снабжена пышной аллегорической надписью, вроде тех, какие бывают на заглавных страницах букварей и катехизиса.

— К сожалению, я не успею, — ответила Ребекка. — Обещаю вам написать потом, когда... когда я уеду. — И голос ее упал, а сама она приняла такой печальный и жалостный вид, что каждый почувствовал, как жестока к ней судьба и как грустно будет им всем расстаться с Ребеккой.

— Ах, если бы ты могла еще пожить у нас, милочка Ребекка! — воскликнула Эмилия.

— Зачем? — промолвила та еще печальнее. — Для того чтобы потом я была еще несча... чтобы мне еще труднее было расстаться с тобою? — И она отвернулась.

Эмилия была готова дать волю своей врожденной слабости к слезам, которая, как мы уже говорили, была одним из недостатков этого глупенького создания. Джордж Осборн глядел на обеих молодых девушек с сочувствием и любопытством, а Джозеф Седли извлек нечто очень похожее на вздох из широкой груди, не сводя, однако, глаз со своих нежнолюбимых гессенских сапог.

— Сыграйте-ка нам что-нибудь, мисс Седли... Эмилия, — попросил Джордж, почувствовавший в эту минуту необычайное, почти непреодолимое желание схватить в свои объятия только что упомянутую молодую особу и расцеловать ее при всех. Эмилия подняла на него глаза... Но если бы я заявил, что они влюбились друг в друга в эту самую минуту, то, пожалуй, ввел бы вас в заблуждение. Дело в том, что эти двое молодых людей были предназначены друг другу с самого детства и об их помолвке в обоих семействах говорилось за последние десять лет как о деле решенном. Они отошли к фортепьяно, находившемуся, как это обычно бывает, в малой гостиной, и, так как было уже довольно темно, мисс Эмилия, естественно, взяла под руку мистера Осборна, который, конечно, гораздо лучше мог разглядеть путь между кресел и оттоманок. Но это обстоятельство заставило мистера Джозефа Седли остаться с глазу на глаз с Ребеккой у

стола в гостиной, где та была занята вязаньем зеленого шелкового кошелька.

— Едва ли нужно задавать вопрос о ваших семейных тайнах, — сказала мисс Шарп. — Эти двое сами выдают себя.

— Как только он получит роту, — отвечал Джозеф, — я думаю, дело будет слажено. Джордж Осборн чудесный малый.

— А ваша сестра прелестнейшее в мире создание, — добавила Ребекка. — Счастлив тот, кто завоеует ее сердце! — С этими словами мисс Ребекка Шарп тяжело вздохнула.

Когда молодой человек и девушка сойдутся и начнут толковать на такие деликатные темы, между ними устанавливается известная откровенность и короткость. Нет нужды дословно приводить здесь разговор, который завязался между мистером Седли и молодой девушкой; беседа их, как можно судить по приведенному выше образчику, не отличалась ни особенным остроумием, ни красноречием; она редко и бывает такой в частном кругу, да и вообще где бы то ни было, за исключением разве высокопарных и надуманных романов. И так как в соседней комнате занимались музыкой, то беседа, разумеется, велась в тихом и душевном тоне, хотя, если говорить правду, нашу парочку у фортепьяно не мог бы потревожить и более громкий разговор, настолько она была поглощена своими собственными делами.

Чуть ли не в первый раз за всю свою жизнь Джозеф Седли беседовал без малейшей робости и стеснения с особой другого пола. Мисс Ребекка засыпала его вопросами об Индии, что дало ему случай рассказать много интересных анекдотов об этой стране и о самом себе. Он описал балы в губернаторском дворце и способы, которыми там пользуются для сохранения прохлады в жаркую пору, — разные опахала, цыновки и тому подобное; очень остроумно прошелся насчет шотландцев, которым покровительствовал генерал-губернатор, лорд Минто; описал охоту на тигра и упомянул о том, как вожак его слона был стащен со своего сиденья разъяренным животным. Как восхищалась мисс Ребекка губернаторскими балами, как она хохотала над рассказами о шотландцах-адыутантах, называя мистера Седли гадким,

злым насмешником, и как испугалась, слушая рассказ о слоне!

— Ради вашей матушки, дорогой мистер Седли, — воскликнула она, — ради всех ваших друзей, обещайте никогда больше не принимать участия в таких ужасных экспедициях!

— Пустяки, вздор, мисс Шарп, — промолвил он, поправляя свои воротнички, — опасность придает охоте только большую прелесть!

Джозеф никогда не участвовал в охоте на тигра, за исключением единственного случая, когда произошел рассказанный им эпизод и когда он чуть не был убит, — но не тигром, а страхом. Разговорившись, Джозеф совсем осмелел и, наконец, до того расхрабрился, что задал мисс Ребекке вопрос, для кого она вяжет зеленый шелковый кошелек. Он сам удивлялся себе и восхищался своей грациозной фамильярностью.

— Для того, кто у меня его попросит, — отвечала мисс Ребекка, бросив на Джозефа пленительный взгляд.

Седли уже собирался произнести одну из самых красноречивых своих речей и начал было: «О мисс Шарп, вы...», как вдруг романс, исполнявшийся в соседней комнате, оборвался, заставив Джозефа так отчетливо услышать звук собственного голоса, что он умолк, покраснел и в сильном волнении высморкался.

— Приходилось ли тебе видеть своего брата в таком ударе? — шепнул Эмили мистер Осборн. — Твоя подруга просто творит чудеса!

— Тем лучше, — сказала мисс Эмилия.

Подобно всем женщинам, достойным этого имени, она питала слабость к сватовству и была бы в восхищении, если бы Джозеф увез с собой в Индию жену. Кроме того, эти несколько дней постоянного пребывания вместе разожгли в Эмили чувство нежнейшей дружбы к Ребекке и открыли ей в подруге миллион добродетелей и приятных качеств, которых она не замечала в Чизвике. Ведь привязанность молодых девиц растет так же быстро, как боб Джека в известной сказке, и достигает до небес в одну ночь. Нельзя осуждать их за то, что после замужества эта *Sehnsucht nach der Liebe*¹ ослабевает.

¹ Жажда любви (немецк.).

Люди сентиментальные, любящие выражаться очень пышно, называют это «тоской по идеалу», но на самом деле это просто значит, что женщина чувствует себя неудовлетворенной, пока не обзаведется мужем и детьми, на которых она и может излить всю свою привязанность, растрачиваемую до того по мелочам.

Истощив весь свой небольшой запас романсов или же достаточно пробыв в задней гостиной, мисс Эмилия сочла своим долгом попросить подругу спеть.

— Вы не стали бы меня слушать, — заявила она мистеру Осборну (хотя знала, что говорит неправду), — если бы до этого услышали Ребекку.

— А я предупреждаю мисс Шарп, — ответил Осборн, — что считаю мисс Эмилию Седли первой певицей в мире, правильно это или неправильно!

— Вот увидите, — возразила Эмилия.

Джозеф Седли был настолько любезен, что перенес свечи к фортепьяно. Осборн заикнулся было, что прекрасно можно посидеть и в потемках, но мисс Седли, рассмеявшись, отказалась составить ему компанию, и наша парочка последовала за мистером Джозефом. Ребекка пела гораздо лучше подруги (хотя никто, конечно, не мешал Осборну оставаться при своем мнении), а на этот раз она превзошла самое себя и, по правде сказать, изумила Эмилию, которая не знала за ней таких талантов. Она спела какой-то французский романс, из которого Джозеф не понял ни единого слова, а Осборн сказал, что ничего не понял, а затем исполнила множество популярных песенок — из тех, что были в моде лет сорок тому назад, излюбленную тему которых составляют британские моряки, наш король, бедная Сюзанна, синеокая Мери и тому подобное. Как известно, они не блещут с музыкальной точки зрения, но зато больше говорят сердцу и принимают публикой лучше, чем сладкая водица разных там *lagrime, sospiri* и *felicitá*¹ бессменной доницеттиевой * музыки, которою нас угощают теперь.

В антрактах между пением, которое соблаговолили прослушать также Самбо, подававший чай, восхищенная кухарка и даже экономка миссис Бленкинсоп, собрав-

¹ Слезы, вздохи и блаженство (итал.).

шиеся на лестничной площадке, велась подобающая случаю сентиментальная беседа.

Среди песенок была одна такого содержания — ею и завершился концерт:

Над топиями нависла мгла,
Уныло ветер выл,
А горница была тепла,
В камине жарок пыл.
Малютка-сирота прошел,
Заметил в окнах свет,
Почувствовал, как ветер зол,
Как снег крутится вслед.
И он замечен из окна,
Усталый, чуть живой,
Он слышит, чья-то голоса
Зовут к себе домой.
Рассвет придет, и гость уйдет.
(В камине жарок пыл...)
Пусть небо охранит сирот!
(Уныло ветер выл...)

Здесь звучало то же чувство, что и в ранее упомянутых словах: «Когда я уеду». Едва мисс Шарп дошла до последних слов, как «ее звучный грудной голос задрожал». Все почувствовали, что тут кроется намек на ее отъезд и на ее злополучное сиротство. Джозеф Седли, любивший музыку и притом человек мягкосердечный, был очарован пением и сильно расчувствовался при заключительных словах романса. Если бы он обладал смелостью и если бы Джордж и мисс Седли оставались в соседней комнате, как предлагал Осборн, то холостяцкой жизни Джозефа Седли пришел бы конец и эта повесть так и осталась бы ненаписанной. Но по окончании романса Ребекка встала из-за фортепьяно и, подав руку Эмилии, прошла с ней в полумрак большой гостиной; тут появился мистер Самбо с подносом, на котором были сендвичи, варенье и несколько сверкающих бокалов и графинов, немедленно обративших на себя внимание Джозефа Седли. Когда родители вернулись из гостей, они нашли молодежь настолько погруженной в беседу, что никто из них не слышал, как подъехала карета; мистер Джозеф был застигнут на словах:

— Дорогая мисс Шарп, возьмите ложечку варенья — вам надо подкрепиться после вашего замечательного... вашего... вашего восхитительного пения!

— Браво, Джоз! — сказал мистер Седли.

Услышав насмешку в хорошо знакомом отцовском голосе, Джоз тотчас же впал в тревожное молчание и вскоре распрощался. Он не провел бессонной ночи в размышлениях: влюблен он в мисс Шарп или нет; любовная страсть никогда не служила помехой ни аппетиту, ни сну мистера Джозефа Седли; он подумал только, как было бы чудесно слушать такие романсы, возвратившись домой после службы, — какая *distinguée*¹ эта девица и как говорит по-французски, лучше самой генерал-губернаторши, — а уж какую сенсацию она произвела бы на калькуттских балах! «Несомненно, бедняжка влюбилась в меня! — думал он. — В сущности она не беднее большинства девушек, отправляющихся в Индию. Я мог бы попасться куда хуже, ей-богу!» И среди таких размышлений он заснул.

Нужно ли говорить, что мисс Шарп долго томилась бессонницей, все думая, приедет он завтра или нет. Ночь прошла, и мистер Джозеф Седли самым исправным образом явился в отчий дом — и когда же? — до завтрака! Подобной чести он еще не оказывал Рассел-скверу. Джордж Осборн каким-то образом тоже оказался уже здесь, расстроив все планы Эмили, которая села писать письма своим двенадцати любимейшим подругам на Чизвикской аллее, в то время как Ребекка занималась вчерашним рукодельем. Когда подкатила коляска Джо и в то время как, после обычного громоподобного стука в дверь и торжественной суеты в передней, совершалось трудное восхождение богли-уолахского экс-коллектора по лестнице в гостиную, между Осборном и мисс Седли произошел телеграфный обмен многозначительными взглядами, и наша парочка с лукавой улыбкой воззрилась на Ребекку, которая, представьте, даже заалелась и поникла головкой, свесив свои рыжеватые локоны до самого вязанья. Как забилося ее сердце при появлении Джозефа — Джозефа в сияющих скрипучих сапогах, пыхтевшего от подъема по лестнице, Джозефа в новом жилете, красного от жары и волнения, с румянцем, пылавшим из-за его стеганой косынки! Это был волнующий момент для всех; а что касается Эмили, то, мне кажется,

¹ Хорошо воспитанная (франц.).

сердечко у нее билось даже больше, чем у непосредственно заинтересованных лиц.

Самбо, широко распахнув двери и доложив о прибытии мистера Джозефа, вошел следом за коллектором, скаля зубы и неся два красивых букета, которые наш галантный волокита приобрел на Ковентгарденском рынке *. Они не были так объемисты, как те копны сена, которые нынешние дамы носят с собой в конусах из кружевной бумаги, но девицы пришли в восторг от подарка, поднесенного Джозефом каждой с чрезвычайно церемонным поклоном.

— Браво, Джо! — воскликнул Осборн.

— Спасибо, Джозеф, голубчик, — сказала Эмилия, готовая расцеловать брата, если бы он проявил такое желание. (А за поцелуй такой милой девушки, как Эмилия, я, не задумываясь, скупил бы все оранжереи мистера Ли!)

— О божественные, божественные цветы! — воскликнула мисс Шарп, изящно нюхая и прижимая их к груди и возводя в экстазе взоры к потолку. Очень может быть, что она прежде всего освидетельствовала букет, чтобы узнать, нет ли там какого-нибудь *billet doux*¹, спрятанного среди цветов; но письма не было.

— А что, Седли, у вас в Богли-Уолахе умеют разговаривать на языке цветов? — спросил, смеясь, Осборн.

— Чепуха, вздор! — отвечал этот нежный воздыхатель. — Купил букеты у Натана. Очень рад, если они вам нравятся. Ах да, Эмилия! Я заодно купил еще ананас и отдал Самбо. Вели подать к завтраку. Очень вкусно и освежает в такую жаркую погоду.

Ребекка заявила, что никогда не пробовала ананасов и просто жаждет узнать их вкус.

Так завязалась беседа. Не знаю, под каким предлогом Осборн вышел из комнаты и почему Эмилия вскоре тоже удалилась, — вероятно, чтобы присмотреть, как будут нарезать ананас. Джоз остался наедине с Ребеккой, которая опять принялась за свое рукоделье, зеленый шелк и блестящие спицы быстро замелькали в ее белых тонких пальчиках.

¹ Любовной записки (франц.).

— Какую изумительную, и-зу-у-мительную песенку вы спели нам вчера, дорогая мисс Шарп, — сказал лектор. — Я чуть не прослезился, даю вам честное слово!

— Это потому, что у вас доброе сердце, мистер Джо-зеф. Все семейство Седли отличается этим.

— Я не спал из-за вашего пения всю ночь, а сегодня утром еще в постели все пробовал припомнить мотив. Даю вам честное слово! Голоп, мой врач, приехал ко мне в одиннадцать (ведь я жалкий инвалид, как вам известно, и мне приходится видеть Голопа ежедневно), а я, ей-богу, сижу и распеваю, как чижики!

— Ах вы, проказник! Ну, дайте же мне послушать, как вы поете!

— Я? Нет, спойте вы, мисс Шарп. Дорогая мисс Шарп, спойте пожалуйста!

— В другой раз, мистер Седли, — ответила Ребекка со вздохом. — Мне сегодня не поется; да к тому же надо кончить кошелек. Не поможете ли вы мне, мистер Седли? — И мистер Джозеф Седли, чиновник Ост-Индской компании, не успел даже спросить, чем он может помочь, как уже оказался сидящим tête-à-tête¹ с молодой девицей, на которую бросал убийственные взгляды. Руки его были протянуты к ней, словно бы с мольбою, а на пальцах был надет моток шелка, который Ребекка принялась разматывать.

В этой романтической позе Осборн и Эмилия застали интересную парочку, вернувшись в гостиную с заявлением, что завтрак готов. Шелк был уже намотан на картон, но мистер Джоз еще не произнес ни слова.

— Я уверена, что вечером он объяснится, милочка, — сказала Эмилия, сжимая подруге руку.

А Седли, посоветовавшись с самим собою, произнес про себя:

— Черт возьми, в Воксхолле я поставлю ей вопрос ребром!

¹ С глазу на глаз (франц.).

ГЛАВА V

Наш Доббин

Драка Кафа с Доббином и неожиданный исход этого поединка надолго останутся в памяти каждого, кто воспитывался в знаменитой школе доктора Суиштейла. Последний из упомянутых юношей (к нему иначе и не обращались как: «Эй ты, Доббин!», или: «Ну ты, Доббин!», прибавляя всякие прозвища, свидетельствовавшие о мальчишеском презрении) был самым тихим, самым неуклюжим и, повидимому, самым туповатым среди юных джентльменов, обучавшихся у доктора Суиштейла. Отец его был бакалейщиком в Лондоне. Носились слухи, будто мальчика приняли в заведение доктора Суиштейла на так называемых «началах взаимности», — иными словами, расходы по содержанию и обучению малолетнего Вильяма возмещались его отцом не деньгами, а натурой. Так он и обретался там — можно сказать, на самом дне школьного общества, — чувствуя себя последним из по-

следних в грубых своих плисовых штанах и куртке, которая чуть не расползалась по швам на его ширококостом теле, являя собой нечто равнозначное стольким-то фунтам чаю, свечей, сахара, мыла, чернослива (который лишь в весьма умеренной пропорции шел на пудинги для воспитанников заведения) и разной другой бакалеи. Роковым для юного Доббина оказался тот день, когда один из самых младших школьников, бежавший потихоньку в город в недозволенную экспедицию за миндалем в сахаре и копченой колбасой, обнаружил фургон с надписью «Доббин и Редж, торговля бакалейными товарами и растительными маслами, Темз-стрит, Лондон», с которого выгружали у директорского подъезда разные товары, составлявшие специальность этой фирмы.

После этого юный Доббин уже не знал покоя. На него постоянно сыпались ужаснейшие, беспощадные насмешки. «Эй, Доббин! — кричал какой-нибудь озорник. — Приятные известия в газетах! Цены на сахар поднимаются, милейший!» Другой предлагал решить задачу: «Если фунт сальных свечей стоит семь с половиной пенсов, то сколько должен стоить Доббин?» Такие замечания сопровождались дружным ревом юных сорванцов, надзирателей и вообще всех, кто искренне думал, что розничная торговля — постыдное и позорное занятие, заслуживающее презрения и насмешек со стороны порядочного джентльмена.

— Твой папенька, Осборн, ведь тоже купец! — заметил как-то Доббин, оставшись с глазу на глаз с тем именно мальчуганом, который и навлек на него всю эту бурю. Но тот отвечал надменно: «Мой папенька джентльмен и ездит в собственной карете!» После чего мистер Вильям Доббин забился в самый дальний сарай на школьном дворе, где и провел половину праздничного дня в глубокой тоске и унынии. Кто из нас не помнит таких часов горькой-горькой детской печали? Кто так чувствует несправедливость, кто весь сжимается от пренебрежения, кто с такой болезненной остротой воспринимает всякое зло и с такой пылкой признательностью отвечает на ласку, как не великодушный мальчик? И сколько таких благородных душ вы коверкаете, уродуете, обрекаете на муки из-за слабых успехов в арифметике или убогой латыни.

Так и Вильям Доббин из-за неспособности к усвоению начал названного языка, изложенных в замечательном «Итонском учебнике латинской грамматики», был обречен прозябать среди самых худших учеников доктора Суиштейла и постоянно подвергался глумлениям со стороны одетых в переднички румяных малышей, когда шел рядом с ними, в тесных плисовых штанах, с опущенным долу, застывшим взглядом, с истрепанным букварем в руке, чувствуя себя среди них каким-то великаном. Все от мала до велика потешались над ним: ушивали ему эти плисовые штаны, и без того узкие, подрезали ремни на его кровати, опрокидывали ведра и скамейки, чтобы он, падая через них, ушибал себе ноги, что он и выполнял неукоснительно, посылали ему пакеты, в которых при ближайшем рассмотрении оказывались отцовские мыло и свечи. Не было ни одного самого маленького мальчика, который не измывался бы и не потешался бы над Доббином. И все это он терпеливо сносил, безгласный и несчастный.

Каф, напротив, был главным коноводом и щеголем в школе Суиштейла. Он тайком приносил в спальню вино. Он дрался с городскими мальчишками. По субботам за ним присылали его собственного пони, чтобы взять молодого хозяина домой. У него в комнате стояли сапоги с отворотами, в которых он охотился во время каникул. У него были золотые часы с репетиром, и он нюхал табак, словно сам доктор Суиштейл. Он бывал в опере и судил о достоинствах главнейших артистов, предпочитая мистера Кина * мистеру Кемблу *. Он мог за один час вы зубрить сорок латинских стихов. Он умел сочинять французские вирши. Да чего только он не знал, чего только не умел! Говорили, будто сам доктор его побаивается.

Признанный король школы, Каф правил своими подданными и помыкал ими, как непререкаемый владыка. Тот чистил ему сапоги, этот поджаривал ломтики хлеба, другие прислуживали ему и в течение всего лета подавали мячи при игре в крокет. «Сливу» он особенно презирал и ни разу даже не обратился к нему по-человечески, ограничиваясь насмешками и издевательствами.

Однажды между обоими молодыми джентльменами произошла с глазу на глаз небольшая стычка. Слива сидел в одиночестве, трудясь над письмом к своим до-

машним, когда Каф, войдя в классную, приказал ему сбежать по какому-то поручению, предметом коего были, повидимому, пирожные.

— Не могу, — говорит Доббин, — мне нужно закончить письмо.

— Ах, ты не можешь? — говорит мистер Каф, выхватывая у него из рук этот документ (в котором было бог весть сколько помарок, поправок и ошибок, но на который было потрачено немало дум, стараний и слез: бедный мальчик писал матери, безумно его любившей, хотя она и была только женой бакалейщика и жила в комнате за лавкой на Темз-стрит). — Не можешь? — говорит мистер Каф. — А почему, например? Не успеешь, что ли, написать своей бабке Сливе завтра?

— Не ругайся! — сказал Доббин, в волнении вскакивая с парты.

— Ну, что же, сударь, пойдете вы? — гаркнул школьный петушок.

— Положи письмо, — отвечал Доббин, — джентльмены не читают чужих писем!

— Я спрашиваю тебя, пойдешь ты наконец?

— Нет, не пойду! Не дерись, а то я расшибу тебя! — заорал Доббин, бросаясь к свинцовой чернильнице с таким диким видом, что мистер Каф приостановился, спустил засученные было обшлага, сунул руки в карманы и удалился прочь с презрительным фырканьем. Но с тех пор он никогда не связывался с сыном бакалейщика, хотя, надо сказать правду, всегда отзывался о нем с презрением за его спиной.

Спустя некоторое время после этого столкновения случилось так, что мистер Каф в один ясный солнечный день оказался поблизости от бедняги Вильяма Доббина, который лежал под деревом на школьном дворе, углубившись в свои любимые «Сказки Тысячи и одной ночи», вдали от всех остальных школьников, предававшихся разнообразным забавам, — совершенно одинокий и почти счастливый. Если бы люди предоставляли детей самим себе, если бы учителя перестали донимать их, если бы родители не настаивали на руководстве их мыслями и на обуздании их чувств, — ибо эти мысли и чувства являются для всех тайной (много ли в сущности вы или я знаем друг о друге, о наших детях, о наших отцах, о наших

соседях? А насколько же более прекрасны и священные мысли бедного мальчугана или девочки, которыми вы беретесь управлять, чем мысли той тупой и испорченной светом особы, которая ими руководит), — если бы, говорю я, родители и воспитатели почаще оставляли детей в покое, то особого вреда от этого не произошло бы, хотя могло бы получиться в конечном счете меньшее количество глупцов.

Итак, Вильям Доббин позабыл весь мир и вместе с Синдбадом-Мореходом был далеко-далеко в Долине Алмазов или с принцем Ахметом и феей Перибану * в той удивительной пещере, где принц нашел ее и куда мы все охотно совершили бы экскурсию, как вдруг пронзительные вопли, похожие на детский плач, пробудили его от этих чудных грез. Подняв голову, он увидел перед собой Кафа, избивавшего маленького мальчика.

Это был мальчуган, наболтавший о фургоне. Но Доббин не был злопамятен, в особенности по отношению к маленьким и слабым.

— Как вы смели, сударь, разбить бутылку? — кричал Каф маленькому сорванцу, размахивая над его головой желтой крокетной битой.

Мальчику было приказано перелезть через школьную ограду (в известном местечке, где сверху было удалено битое стекло, а в кирпичной кладке проделаны удобные лазейки), сбежать за четверть мили, приобрести в кредит пинту лимонаду с ромом и под носом у всех докторских караульщиков тем же путем вернуться на школьный двор. При совершении этого подвига малыш поскользнулся, бутылка выпала у него из рук и разбилась, лимонад разлился, пострадали панталоны, и он предстал перед своим властелином, весь дрожа в предвидении заслуженной расплаты, хотя и ни в чем не повинный.

— Как посмели вы, сударь, разбить ее? — кричал Каф. — Ах ты, мерзкий воришка! Вылакал весь лимонад, а теперь врешь, что разбил бутылку. Ну-ка, протяни руку!

Палка тяжело опустилась на руку ребенка. Раздался крик. Доббин поднял голову. Фея Перибану исчезла в глубине пещеры вместе с принцем Ахметом; птица Рох подхватила Синдбада-Морехода и унесла из Долины Алмазов далеко в облака, и перед честным Вильямом

снова были будни: здоровенный малый лупил мальчугана ни за что ни про что.

— Давай другую руку,— рычал Каф на своего маленького школьного товарища, у которого все лицо перекошилось от боли.

Доббин встrepенулcя, все мышцы его напряглись под узким старым платьем.

— Получай, чертенок! — закричал мистер Каф, и палка опять опустилась на детскую руку. Не ужасайтесь, леди, каждый школьник проходит через это. По всей вероятности, ваши дети тоже будут колотить других или получать от них трепку. Еще удар — но тут вмешался Доббин.

Не могу сказать, что на него напало. Мучительство в школах так же узаконено, как и кнут в России. Пожалуй, даже не по-джентльменски (в известном смысле) препятствовать этому. Быть может, безрассудная душа Доббина возмутилась против такого проявления тиранства, а может быть, он поддался сладостному чувству мести и жаждал померяться силами с этим непревзойденным драчуном и тираном, который завладел здесь всей славой, гордостью и величием, развевающимися знаменами, барабанным боем и приветственными кликами солдат. Каковы бы ни были его побуждения, но только он вскочил на ноги и крикнул:

— Довольно, Каф, перестань мучить ребенка... или я тебе...

— Или ты что? — спросил Каф, изумленный таким вмешательством. — Ну, подставляй руку, гаденыш!

— Я тебя так вздую, что ты своих не узнаешь! — отвечал Доббин на первую часть фразы Кафа, и маленький Осборн, захлебываясь от слез, с удивлением и недоверием воззрился на чудесного рыцаря, внезапно явившегося на его защиту. Да и Каф был поражен не меньше. Вообразите себе нашего блаженной памяти монарха Георга III, когда он услышал весть о восстании северо-американских колоний*; представьте себе наглого Голиафа, когда вышел вперед маленький Давид и вызвал его на поединок,— и вам станут понятны чувства мистера Реджинальда Кафа, когда такое единоборство было предложено ему.

— После уроков, — разумеется, отвечивал он, но сперва внушительно помолчал и смерил противника

взглядом, казалось говорившим: «Пиши завещание и не забудь сообщить друзьям свою последнюю волю!»

— Идет! — сказал Доббин. — А ты, Осборн, будешь моим секундантом.

— Как хочешь, — отвечал маленький Осборн: его папенька, видите ли, разъезжал в собственном экипаже, и потому он несколько стыдился своего заступника.

И в самом деле, когда настал час поединка, он, чуть ли не стыдясь, сказал: «Валяй, Слива!» — и никто из мальчиков, присутствовавших тут, не издал этого поощрительного возгласа в течение первых двух или трех раундов сей знаменитой схватки. В начале ее великий знаток своего дела Каф, с презрительной улыбкой на лице, изящный и веселый, словно он был на балу, осыпал своего противника ударами и трижды подряд сбил с ног злополучного поборника правды. При каждом его падении раздавались радостные крики, и всякий добивался чести предложить победителю свое колено¹.

«Ну и вздует же меня Каф, когда все это кончится», — думал юный Осборн, помогая своему защитнику встать на ноги.

— Лучше сдавайся, — шепнул он Доббину, — велика беда лупцовка! Ты же знаешь, Слива, я уже привык!

Но Слива, дрожа всем телом, с раздувающимися от ярости ноздрями, оттолкнул своего маленького секунданта и в четвертый раз ринулся в бой.

Не имея понятия о том, как надо отражать сыпавшиеся на него удары, — а Каф все три раза нападал первый, не давая противнику времени нанести удар, — Слива решил перейти в атаку и, будучи левшой, пустил в ход именно эту руку, закатив изо всех сил две затрешины: одну в левый глаз мистера Кафа, а другую в его красивый римский нос.

На сей раз, к изумлению зрителей, свалился Каф.

— Чудесный удар, клянусь честью! — сказал с видом знатока маленький Осборн, похлопывая своего заступника по спине. — Двинь его еще раз левой, Слива!

¹ В перерывах между раундами бойцы присаживаются отдыхать.

Левая рука Сливы до самого конца действовала без промаха. Каф каждый раз валился с ног. На шестом раунде почти столько же человек вопило: «Валяй, Слива!», сколько кричало: «Валяй, Каф!» На двенадцатом раунде наш чемпион, как говорится, совершенно скис и не знал, на каком он свете: то ли ему защищаться, то ли нападать. Напротив, Слива был невозмутим, точно квакер. Его бледное как полотно лицо, широко открытые сверкающие глаза, глубоко рассеченная нижняя губа, из которой обильно струилась кровь, придавали ему вид свирепый и ужасный, пожалуй наводивший страх не на одного зрителя. И тем не менее его бестрепетный противник готовился схватиться в тринадцатый раз.

Если бы я обладал слогом Непира * или «Белловой жизни» *, я постарался бы достождным образом изобразить этот бой. То была последняя атака гвардии * (вернее, была бы, потому что ведь это происходило задолго до битвы при Ватерлоо), то была колонна Нея, грудью шедшая на Ля-Эй-Сент *, ошестинившись десятиями тысячами штыков и увенчанная двадцатию орлами, то был рев плотоядных бриттов, когда они, низринувшись с холма, сцепились с неприятелем в дикой рукопашной схватке, — другими словами, Каф поднялся неизменно полный отваги, но едва держась на ногах и шатаясь, как пьяный. Слива же, бакалейщик, по усвоенной им манере, двинул противника левой рукой в нос и повалил его навзничь.

— Я думаю, теперь с него хватит! — сказал Слива, когда его соперник грянулся о землю так же чисто, как на моих глазах свалился в лузу бильярдный шар, срезанный рукой Джека Спорта. В самом деле, когда закончился счет секунд, мистер Реджинальд Каф либо не мог, либо не соблаговолит снова подняться на ноги.

Тогда все школьники подняли такой крик в честь Сливы, что можно было подумать, будто это ему они с первой минуты желали победы. Доктор Суиштейл, слышав эти вопли, выскочил из кабинета, чтобы узнать причину такого шума. Он, разумеется, пригрозил жестоко выпороть Сливу, но Каф, тем временем пришедший в себя и омывавший свои раны, выступил вперед и заявил:

— Это я виноват, сэр, а не Слива... не Доббин. Я издевался над мальчуганом, вот он и вздул меня как следует.

Такой великодушной речью он не только избавил победителя от порки, но и восстановил свое верховенство над мальчиками, едва не утерянное из-за поражения.

Юный Осборн написал домой родителям следующий отчет об этом событии.

«Шугеркейн-хаус. Ричмонд, марта 18.. г.

Дорогая маменька!

Надеюсь, вы здоровы. Пришлите мне, пожалуйста, сладкий пирог и пять шиллингов. У нас здесь был бой между Кафом и Доббином. Каф, как вы знаете, был заправилкой в школе. Сходились они тринадцать раз, и Доббин ему всыпал. Так что Каф теперь только на втором месте. Драка была из-за меня. Каф набил мне морду за то, что я уронил бутылку с молоком, а Слива за меня заступился. Мы называем его Сливой, потому что отец его бакалейщик — Слива и Редж, Темз-стрит, Сити. Мне кажется, раз он дрался за меня, вам следовало бы покупать у них чай и сахар. Каф ездит домой каждую субботу, но теперь не может, потому что у него два синяка под глазами. За ним приезжает белый пони и грум в ливрее на гнедой кобыле. Как бы мне хотелось, чтобы папенька тоже подарил мне пони! А затем остаюсь

ваш почтительный сын

Джордж Седли Осборн.

P. S. Передайте поклон маленькой Эмми. Я вырезаю для нее карету из картона. Пирог пришлите, пожалуйста, не с тмином, а с изюмом».

Вследствие победы, одержанной Доббином, он необыкновенно вырос в мнении своих товарищей, и кличка «Слива», носившая сперва характер презрительной насмешки, стала таким же почтенным и популярным прозвищем, как и всякое другое, обращавшееся в школе.

«В конце концов он же не виноват, что отец его бакалейщик!» — заявил Джордж Осборн, пользовавшийся большим авторитетом среди питомцев доктора Суиштейла, несмотря на свой чрезвычайно юный возраст. И все согласились с его мнением. С тех пор всякие насмешки над Доббином из-за его низкого происхождения считались подлостью. «Старик Слива» — превратилось в

ласкательное и добродушное прозвище, и ни один ябеда-надзиратель не решался над ним глумиться.

Под влиянием изменившихся обстоятельств окрепли и умственные способности Доббина. Он делал изумительные успехи в школьных науках. Сам великолепный Каф, чья снисходительность заставляла Доббина только краснеть да удивляться, помогал ему в разборе латинских стихов, репетировал его после занятий, с торжеством перетаскивал из младшего в средний класс и даже там обеспечил ему хорошее место. Оказалось, что хотя Доббин и туп по части древних языков, но зато по математике необычайно сметлив. К общему удовольствию он прошел третьим по алгебре и на публичных летних экзаменах получил в награду французскую книжку. Надо было видеть лицо его матушки, когда «Телемак» * (этот восхитительный роман!) был поднесен ему самим доктором в присутствии всей школы, родителей и публики, с надписью: «Gulielmo Dobbin». Все школьники хлопали в ладоши в знак одобрения и симпатии. А румянец смущения, нетвердая походка, неловкость Сливы и то количество ног, которое он отдавил, возвращаясь на свое место, — кто может все это описать или сосчитать? Старый Доббин, его отец, впервые почувствовавший уважение к сыну, тут же при всех подарил ему две гинеи; большую часть этих денег Доббин потратил на угощение всех школьников от мала до велика и после каникул вернулся в школу уже в сюртучной паре.

Доббин был слишком скромный юноша, чтобы предположить, будто этой счастливой переменой во всех своих обстоятельствах он обязан собственному мужеству и великодушию: по какой-то странности он предпочел приписать свою удачу единственно посредничеству и благоволению маленького Джорджа Осборна, к которому он с этих пор воспылал такой любовью и привязанностью, какая возможна только в детстве, — такой привязанностью, какую питал, как мы читаем в прелестной сказке, неуклюжий Орсон к прекрасному юноше Валентину *, своему победителю. Он сидел у ног маленького Осборна и поклонялся ему. Еще до того, как они подружились, он втайне восхищался Осборном. Теперь же он стал его слугой, его собачкой, его Пятницей. Он верил, что Осборн обладает всяческими совершенствами и что другого

такого красивого, храброго, отважного, умного и великодушного мальчика нет на свете. Он делился с ним деньгами, дарил ему бесчисленные подарки — ножи, пеналы, золотые печатки, сласти, клетки с птичками и увлекательные книжки с большими раскрашенными картинками, изображавшими рыцарей или разбойников; на многих книжках можно было прочесть надпись: «Джорджу Осборну, эсквайру, от преданного друга Вильяма Доббина». Эти знаки внимания Джордж принимал весьма благосклонно, как и подобало его высоким заслугам.

И вот лейтенант Осборн, явившись на Рассел-сквер в день, назначенный для посещения Воксхолла, возвестил дамам:

— Миссис Седли, надеюсь, я не очень стесню вас. Я пригласил Доббина, своего сослуживца, к вам обедать, чтобы потом вместе ехать в Воксхолл. Он почти такой же скромник, как и Джоз.

— Скромник! Вздор какой! — заметил грузный джентльмен, бросая победоносный взгляд на мисс Шарп.

— Да, скромник, но только ты несравненно грациознее, Седли! — прибавил Осборн со смехом. — Я встретил его у Бедфорда *, когда разыскивал тебя; рассказал ему, что мисс Эмилия вернулась домой, что мы едем вечером кутить и что миссис Седли простила ему разбитую на детском балу чашу для пунша. Вы помните эту катастрофу, сударыня, семь лет тому назад?

— Когда он совершенно испортил пунцовое шелковое платье бедняжке миссис Флеминг? — сказала добродушная миссис Седли. — Какой это был увалень! Да и сестры его не отличаются грацией! Леди Доббин была вчера в Хайбери вместе со всеми тремя дочками. Что за пугала! Боже мой!

— Олдермен, кажется, очень богат? — лукаво спросил Осборн. — Как по-вашему, сударыня, не составит ли мне одна из его дочерей подходящей партии?

— Вот глупец! Хотела бы я знать, кто польстится на такую желтую физиономию, как у вас!

— У меня желтая физиономия? Что же вы скажете, когда увидите Доббина? Он трижды перенес желтую лихорадку: два раза в Нассау и раз на Сент-Китсе.

— Ну, ладно, ладно! По нашим понятиям, и у вас физиономия достаточно желтая. Не правда ли, Эмми? — сказала миссис Седли. При этих словах мисс Эмилия только улыбнулась и покраснела. Взглянув на бледное интересное лицо мистера Джорджа Осборна, на его прекрасные черные вьющиеся выхоленные бакенбарды, на которые молодой джентльмен и сам взирал с немалым удовлетворением, она в наивности своего маленького сердечка подумала, что ни в армии его величества, ни во всем широком мире нет и не было другого такого героя и красавца.

— Мне нет дела до цвета лица капитана Доббина, — сказала она, — или до его неуклюжести. Знаю одно — мне он всегда будет нравиться! — Несложный смысл этого заявления заключался в том, что Доббин был другом и защитником Джорджа.

— Я не знаю среди сослуживцев лучшего товарища и офицера, — сказал Осборн, — хотя, конечно, на Адониса он не похож! — И он простодушно взглянул на себя в зеркало, но перехватил пристально устремленный на него взгляд мисс Шарп. Это заставило его слегка покраснеть, а Ребекка подумала:

«Ah, mon beau monsieur! ¹ Кажется, я теперь знаю вам цену!»

Этакая дерзкая плутовка!

Вечером, когда Эмилия вбежала в гостиную в белом кисейном платье, предназначенном для побед в Воксхолле, распевая, как жаворонок, и свежая, как роза, навстречу ей встал очень высокий, нескладно скроенный джентльмен, большерукий и большеногий, с большими оттопыренными ушами на коротко остриженной черноволосой голове, в безобразной венгерке со шнурами и с треуголкой, как полагалось в те времена, и отвесил девушке самый неуклюжий поклон, какой когда-либо отвешивал смертный.

Это был не кто иной, как капитан Вильям Доббин, *** пехотного полка его величества, вернувшийся по выздоровлении от желтой лихорадки из Вест-Индии, куда служебная фортуна занесла его полк, между тем как столь многие его храбрые товарищи пожинали военные лавры на Пиренейском полуострове *.

¹ А, мой красавчик! (франц.)

Приехав к Седли, он постучался так робко и тихо, что дамы, бывшие наверху, ничего не слышали. Иначе, можете быть уверены, мисс Эмилия никогда не осмелилась бы влететь в комнату распевая. Во всяком случае, звонкий и свежий ее голосок прямехонько проник в капитанское сердце и свил себе там гнездышко. Когда Эмилия протянула Доббину ручку для пожатия, он так долго собирался с мыслями, прежде чем заключить ее в свою, что успел подумать:

«Возможно ли! Вы та маленькая девочка, которую я помню в розовом платье, так еще недавно — в тот вечер, когда я опрокинул чашу с пуншем, как раз после приказа о моем назначении? Вы та маленькая девочка, о которой Джордж Осборн говорил как о своей невесте? Какой же вы стали цветущей красавицей, и что за сокровище получил этот шалопай!» Все это пронеслось у него в голове, прежде чем он успел взять ручку Эмилии и уронить на пол треуголку.

История капитана Доббина, с тех пор как он оставил школу, вплоть до момента, когда мы имеем удовольствие встретиться с ним вновь, хотя и не была рассказана во всех подробностях, но все же, думается, достаточно обозначилась для догадливого читателя из разговоров на предыдущих страницах. Доббин, презренный бакалейщик, стал олдерменом Доббином, а олдермен Доббин стал полковником легкой кавалерии Сити, в те дни пылавшего воинственным азартом в своем стремлении отразить французское нашествие. Корпус полковника Доббина, в котором старый мистер Осборн был только незаметным капра-лом, удостоился смотра, произведенного монархом и герцогом Йоркским. Полковник и олдермен был возведен в дворянское достоинство. Сын его вступил в армию, а вскоре в тот же полк был зачислен и молодой Осборн. Они служили в Вест-Индии и в Канаде. Их полк только что вернулся домой; привязанность Доббина к Джорджу Осборну оставалась и теперь такой же горячей и беззаветной, как в то время, когда оба они были школьниками.

И вот все эти достойные люди уселись за обеденный стол. Разговор шел о войне и о славе, о Бони, о лорде Веллингтоне * и о последних новостях «Газеты» *. В те славные дни каждый ее номер приносил известие о какой-нибудь победе; оба храбреца жаждали видеть и свои

имена в списке славных и проклинали свой злосчастный жребий, обрекший их на службу в полку, который не имел случая отличиться. Мисс Шарп воспламенилась от таких увлекательных разговоров, но мисс Седли трепетала и чувствовала дурноту, когда их слышала. Мистер Джоз кстати вспомнил о том, как он охотился на тигров и на сей раз довел до конца свой рассказ о мисс Катлер и военном враче Лансе. Он усердно потчевал Ребекку всем, что было на столе, да и сам жадно ел и много пил.

С самой убийственной грацией бросился он отворять двери перед дамами, когда те покидали столовую, а вернувшись к столу, начал наливать себе бокал за бокалом красного вина, поглощая его с лихорадочной быстротой.

— Здорово закладывает! — шепнул Осборн Доббину.

Наконец настал час, и была подана карета для поездки в Воксхолл...

ГЛАВА VI

Воксхолл

Я знаю, что наигрываю самый простенький мотив (хотя вскоре последует и несколько глав потрясающего содержания), но должен напомнить благосклонному читателю, что мы сейчас ведем речь только о семействе биржевого маклера на Рассел-сквере; члены этого семейства гуляют, завтракают, обедают, разговаривают, любят, как это бывает в обыкновенной жизни, и никакие бурные или необычайные события не нарушают мирного течения их любви. Положение дел таково: Осборн, влюбленный в Эмилию, пригласил старого приятеля пообедать и потом прокатиться в Воксхолл. Джоз Седли влюблен в Ребекку. Женится ли он на ней? Вот основная тема, занимающая нас сейчас.

Мы могли бы разработать эту тему в элегантном, в романтическом или бурлескном стиле. Предположим, мы, при тех же самых положениях, перенесли бы место действия на Гровнер-сквер. Разве для некоторой части публики это

не было бы интересно? Предположим, мы показали бы, как влюбился лорд Джозеф Седли, а маркиз Осборн воспылал нежными чувствами к леди Эмилии — с полного согласия герцога, ее благородного отца. Или вместо высшей знати мы обратились бы, скажем, к самым низшим слоям общества и стали бы описывать, что происходит на кухне мистера Седли. Как черномазый Самбо влюбился в кухарку (а так оно и было на самом деле) и как он из-за нее подрался с кучером; как поваренка изобличили в краже холодной бараньей лопатки, а новая *femme de chambre*¹ мисс Седли отказывалась итти спать, если ей не дадут восковой свечи. Такие сценки могли бы вызвать немало оживления и смеха, и их, пожалуй, сочли бы изображением настоящей жизни. Или, наоборот, если бы нам пришла фантазия изобразить что-нибудь ужасное, превратить любовника *femme de chambre* в профессионального взломщика, который врывается со своей шайкой в дом, умерщвляет черномазого Самбо у ног его хозяина и похищает Эмилию в одной ночной рубашке, с тем чтобы продержать ее в неволе до третьего тома, — мы легко могли бы сочинить повесть, полную захватывающего интереса, и читатель замирал бы от ужаса, пробегая с жадностью ее пламенные страницы. Вообразите себе такую, например, главу под названием:

НОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ

«Была темная бурная ночь; тучи черные-черные, как чернила. Буйный ветер срывал колпаки с дымовых труб и сбивал с крыш черепицу, нося и крутя ее по пустынным улицам. Ни одна душа не решалась вступить в единоборство с этой бурей; караульные ежились в своих будках, но и там их настигал неугомонный, назойливый дождь. Как вдруг — страшный гром, молния низверглась с неба и уничтожила всех стражей. Одного застигло как раз насупротив Воспитательного дома. Обгорелая шинель, чуть мерцающий фонарь, жезл, разлетевшийся на куски от удара, — вот и все, что осталось от дородного Билла Стедфаста. На Саутгемптон-роу порывом ветра сорвало с козел какого-то извозчика и умчало — куда? Увы! ветер

¹ Горничная (франц.).

не доносит к нам никаких вестей о своих жертвах, и лишь чей-то прощальный вопль раздался вдалеке. Ужасная ночь! Темно, как в могиле. Ни месяца — какое там! — ни месяца, ни звезд. Ни единой робкой дрожащей звездочки. Одна выглянула было, едва стемнело, но, испугавшись непроглядной тьмы, снова спряталась.

Раз, два, три! Это условный знак Черной Маски.

— Мофи,— произнес голос на лестнице,— ты что там копаешься? Давай сюда инструмент. Мне это раз плюнуть.

— Ну-ну, мели мелево,— сказал Черная Маска, сопровождая свои слова страшным проклятием. — Сюда, ребята! Заряжай пистолы. Если кто заорет, ножи вон и выпускай кишки. Ты загляни в чулан, Блоузер! Ты, Марк, займись сундуком старика! А я,— добавил он тихим, но еще более страшным голосом,— займусь Эмилией.

Настала мертвая тишина.

— Что это? — спросил Черная Маска. — Никак, выстрел?»

А то предположим, что мы избрали элегантный стиль.

«Маркиз Осборн только что отправил своего *petit tigre*¹ с любовной записочкой к леди Эмили.

Прелестное создание приняло ее из рук своей *femme de chambre mademoiselle* Анастаси.

Милый маркиз! Какая предупредительность! Его светлость прислал в своей записке долгожданное приглашение на бал к Девонширам.

— Кто эта адски красивая девушка? — воскликнул весельчак князь Дж-дж-К-мбр-джский в тот же вечер в своем особняке на Пикадилли (он только что вернулся из оперы). — Дорогой мой Седли, ради всех купидонов, представьте меня ей!

— Монсиньор, ее зовут Седли, — сказал лорд Джозеф с важным поклоном.

— *Vous avez alors un bien beau nom!*² — сказал молодой князь, поворачиваясь на каблуках с разочарованным видом и наступая на ногу старому джентльмену,

¹ Маленького паж (франц.).

² Вы носите громкое имя! (франц.)

стоявшему позади и не сводившему восхищенных глаз с красавицы леди Эмили.

— *Trente mille tonnerres!*¹ — завопила жертва, скорчившись от *agonie du moment*².

— Прошу тысячу извинений у вашей милости, — произнес молодой *étourdi*³, краснея и низко склоняя голову в густых белокурых локонах. (Он наступил на любимую мозоль величайшему полковсдцу своего времени.)

— Девоншир! — воскликнул князь, обращаясь к высокому, добродушному вельможе, черты которого обнаруживали в нем кровь Кевендишей. — На два слова! Вы все еще не изменили решения расстаться с вашим брильянтовым ожерельем?

— Я уже продал его за двести пятьдесят тысяч фунтов князю Эстергази.

— *Und das war gar nicht teuer, potztausend!*⁴ — воскликнул вельможный венгерец и т. д., и т. д.

Таким образом, вы видите, милостивые государины, как можно было бы написать наш роман, если бы автор этого пожелал. Потому что, говоря по правде, он так же знаком с нравами ньюгетской тюрьмы, как и с дворцами нашей почтенной аристократии, и видел и то и другое лишь на почтительном расстоянии. Но так как я не знаю ни языка, ни обычая воровских кварталов, ни того разноязычного говора, который, по свидетельству сведущих романистов, звучит в салонах, то нам приходится, с вашего позволения, скромно придерживаться середины, выбирая те сцены и те персонажи, с которыми мы больше всего знакомы. Словом, эта глава о Воксхолле была бы чрезвычайно короткой, если бы не вышеприведенное маленькое отступление, — настолько короткой, что она не заслуживала бы даже названия главы. И все же это отдельная глава, и притом очень важная. Разве в жизни всякого из нас не встречаются коротенькие главы, кажущиеся сущим пустяком, но воздействующие на весь дальнейший ход событий?

¹ Тридцать тысяч громов! (франц.)

² Мгновенной боли (франц.).

³ Повеса (франц.).

⁴ Совсем не дорого, черт возьми! (немецк.)

Сядем поэтому в карету вместе с компанией с Рассел-сквера и поедem в сады Воксхолла. Мы едва найдем себе местечко между Джозом и мисс Шарп, которые сидят на передней скамейке. Напротив жмутся капитан Доббин и Эмилия, а между ними втиснулся мистер Осборн.

Сидевшие в карете все до единого были убеждены, что в этот вечер Джоз предложит Ребекке Шарп стать миссис Седли. Родители, оставшиеся дома, не возражали против этого, хотя, между нами будь сказано, у старого мистера Седли было к сыну чувство, весьма близкое к презрению. Он считал его тщеславным эгоистом, неженкой и лентяем, терпеть не мог его модных замашек и откровенно смеялся над его рассказами, полными самого нелепого хвастовства.

— Я оставлю этому молодцу половину моего состояния, — говорил он, — да и помимо этого у него будет достаточно своего дохода. Но я вполне уверен, что если бы мне, тебе и его сестре грозило завтра умереть с голоду, он только сказал бы: «Вот так штука!» — и сел бы обедать, как ни в чем не бывало. А потому я не намерен тревожиться о его судьбе. Пускай себе женится, на ком хочет. Не мое это дело.

С другой стороны, Эмилия, как и подобает молодой девушке, обладающей благоразумием и темпераментом, приходила в восторг от такого брака. Раз или два Джоз порывался сообщить ей нечто весьма важное, что она очень рада была бы выслушать, но толстяка никак нельзя было заставить раскрыть душу и выдать свой секрет, и, к величайшему разочарованию сестры, он только выпускал глубокий вздох и отходил прочь.

Тайна эта заставляла трепетать нежное сердечко Эмили. И если она не заговаривала на столь щекотливую тему с самой Ребеккой, то вознаграждала себя долгими задушевными беседами с Бленкинсоп, экономкой, которая кое-что намеками передала старшей горничной, которая, возможно, проболталась невзначай кухарке, а уж та, будьте уверены, разнесла эту новость по всем окрестным лавочкам, так что о женитьбе мистера Джоза теперь судили и рядили во всем околотке.

Конечно, миссис Седли держалась того мнения, что ее сын роняет себя браком с дочерью художника. «Бог

с вами, сударыня! — с жаром возражала миссис Бленкинсоп. — А разве сами мы не были только бакалейщиками, когда выходили замуж за мистера Седли? Да и он ведь в ту пору служил у маклера простым писцом! У нас и всех-то капиталов было не больше пятисот фунтов, а вот ведь как разбогатели!» То же самое твердила и Эмилия, и добродушная миссис Седли постепенно дала себя уговорить.

Мистер Седли ни во что не желал вмешиваться. «Пусть Джоз женится, на ком хочет, — говорил он, — не мое это дело. У девочки нет ничего за душой, а много ли я взял за миссис Седли? Она, кажется, веселого нрава и умна и, быть может, приберет его к рукам. Лучше она, дорогая моя, чем какая-нибудь черномазая миссис Седли, а со временем дюжина бронзовых внучат».

Счастье, повидимому, улыбалось Ребекке. Когда шли к столу, она брала Джоза под руку, словно это было в порядке вещей; она усаживалась рядом с ним на козлах его коляски (Джоз и в самом деле был совершенный денди, когда, восседая на козлах, невозмутимо и величаво правил своими серыми), и, хотя никто еще и слова не произнес насчет брака, все, казалось, понимали, в чем тут дело. Она жаждала только одного — предложения, и, ах, как ощущала теперь Ребекка отсутствие маменьки! — милой нежной маменьки, которая обстрипала бы дельце в десять минут и в коротеньком деликатном разговоре с глазу на глаз исторгла бы важное признание из робких уст молодого человека!

Таково было положение вещей, когда карета проезжала Вестминстерский мост.

Но вот общество высадилось у Королевских садов. Когда величественный Джоз вылезал из закряхтевшего под ним экипажа, толпа устроила толстяку шумную овацию, и надо сказать, что смущенный и красный Джоз имел весьма солидный и внушительный вид, шагая под руку с Ребеккой. Конечно, Джордж принял на себя заботы об Эмилии. Та вся сияла от счастья, как розовый куст под лучами солнца.

— Слушай, Доббин, будь другом, — сказал Джордж, — присмотри за шалами и прочим!

И вот, пока он в паре с мисс Седли двинулся вперед, а Джоз вместе с Ребеккой протискивался в калитку,

ведущую в сад, честный Доббин удовольствовался тем, что предложил руку шалам и заплатил за вход всей компании.

Он очень скромно пошел сзади. Ему не хотелось портить им игру. Ребекка и Джоз его ни капельки не интересовали, но Эмилию он считал достойной даже блестящего Джорджа Осборна, и, любуясь на эту чудесную парочку, гулявшую по аллеям, и радуясь оживлению и восторгу молодой девушки, он отечески наблюдал за ее безыскусственным счастьем. Быть может, он чувствовал, что ему самому было бы приятнее держать в руке еще что-нибудь, кроме шалей (публика посмеивалась, глядя на неуклюжего молодого офицера с такой странной ношей)? Но нет: Вильям Доббин был очень мало склонен к себялюбивым размышлениям. И поскольку его друг наслаждался, мог ли он быть недоволен? Хотя, по правде сказать, ни одна из многочисленных приманок Воксхолла — ни сто тысяч «добавочных» лампионов, горевших, однако, ежевечерне; ни музыканты в треуголках, наигрывающие восхитительные мелодии под золоченой раковиной в центре сада; ни исполнители комических и сентиментальных песенок, до которых так охоча публика; ни сельские танцы, отплясываемые ретивыми горожанами обоего пола под притоptyвание, выкрики и хохот толпы; ни сигнал, извещающий, что madame Саки готова взобраться по канату под самые небеса; ни отшельник, запертый в своей ярко освещенной келье; ни темные аллеи, столь удобные для свиданий молодых влюбленных; ни кружки крепкого портера, которые не уставали разносить официанты в старых, поношенных ливреях; ни залитые огнями беседки, где веселые собутыльники делали вид, будто насыщаются почти невидимыми ломтиками ветчины, — ни это, ни даже милейший Симпсон *, всегда отлично расположенный, всегда улыбающийся идиот, который, помнится, уже распоряжался тогда этим местом, не радовали капитана Вильяма Доббина.

Он таскал с собой белую кашемировую шаль Эмилии и, постояв и послушав у золоченой раковины, где миссис Сэмон исполняла «Бородинскую битву» (воинственную кантату против выскочки корсиканца, который незадолго перед тем хлебнул горя в России), попробовал было, двинувшись дальше, промурлыкать ее про себя и вдруг обна-

ружил, что напевает тот самый мотив, который пела Эмилия, спускаясь по лестнице к обеду.

Доббин расхохотался над самим собой, потому что пел он, говоря по совести, не лучше филина.

Само собою разумеется, что наши молодые люди, разбившись на парочки, дали друг другу самое торжественное обещание не разлучаться весь вечер — и разбрелись в разные стороны уже через десять минут. Так всегда делают компании, посещающие Воксхолл, но лишь для того, чтобы потом сойтись к ужину, когда можно поболтать о приключениях, пережитых за это время.

Какие же приключения достались в удел мистеру Осборну и мисс Эмилии? Это тайна. Но можете быть уверены в одном: оба были совершенно счастливы, и поведение их было безупречно. А так как они привыкли за эти пятнадцать лет бывать вместе, то такой tête-à-tête не представлял для них ничего нового.

Но когда мисс Ребекка Шарп и ее тучный кавалер затерялись в глубине пустынной аллеи, где блуждало не больше сотни таких же парочек, искавших уединения, то оба почувствовали, что положение стало до крайности щекотливым и критическим. Настал момент, говорила себе мисс Шарп, — или он никогда не настанет, — исторгнуть признание, трепетавшее на робких устах мистера Седли. Перед этим они посетили панораму Москвы, и тут какой-то невежа, наступив на ножку мисс Шарп, заставил ее откинуться с легким вскриком прямо в объятия мистера Седли, причем это маленькое происшествие в такой степени усилило нежность и доверчивость нашего джентльмена, что он снова поведал Ребекке, по меньшей мере в десятый раз, несколько своих любимейших индийских историй.

— Как бы мне хотелось повидать Индию! — сказала Ребекка.

— В самом деле? — спросил Джозеф с убийственной нежностью и, несомненно, собирался дополнить этот многозначительный вопрос еще одним, более многозначительным (он уже начал пыхтеть и отдуваться, и ручка Ребекки, находившаяся у его сердца, ощутила лихорадочную пульсацию этого органа), но вдруг — какая

досада! — раздался звонок, возвещавший о начале фейерверка, началась толкотня и суматоха, и наши интересные влюбленные были невольно подхвачены стремительным людским потоком.

Капитан Доббин подумывал было присоединиться к компании за ужином: он, честно говоря, находил развлечения Воксхолла не слишком занимательными. Он дважды прошелся мимо беседки, где обосновались обе соединившиеся теперь пары, но никто не обратил на него никакого внимания. Стол был накрыт на четверых. Влюбленные парочки очень весело болтали между собою, и Доббин понял, что он так основательно забыт, как будто его никогда и не было на свете.

«Я буду тут только *de trop*¹, — подумал капитан, глядя на них с уныньем. — Пойду лучше побеседую с отшельником». И с этими мыслями он побрел прочь от гудевшей толпы, от шума и гама веселого пира в темную аллею, в конце которой обретался пресловутый затворник из папье-маше. Особенного развлечения это Доббину не сулило, — да и вообще мыкаться в полном одиночестве по Воксхоллу, как я убедился на собственном опыте, одно из очень небольших удовольствий, выпадающих на долю холостяка.

Тем временем обе парочки благоденствовали в своей беседке, ведя приятный дружеский разговор. Джоз был в ударе и величественно помыкал лакеями. Он сам заправил салат, откупорил шампанское, разрезал цыплят и съел и выпил большую часть всего поданного на стол. Под конец он стал уговаривать всех распить чашу аракового пунша: все, кто бывает в Воксхолле, заказывают араковый пунш.

— Человек! Аракового пунша!

Араковый пунш и положил начало всей этой истории. А чем собственно чаша аракового пунша хуже всякой другой причины? Разве не чаша синильной кислоты послужила причиной того, что прекрасная Розамонда * покинула этот мир? И разве не чаша вина была причиной кончины Александра Великого? * По крайней мере так утверждает доктор Лемприер *. Таким же образом чаша пунша повлияла на судьбы главнейших действующих лиц

¹ Лишний (франц.).

того «романа без героя», который мы сейчас пишем. Она оказала влияние на всю их жизнь, хотя большинство из них не отведало из нее и капли.

Молодые девицы не прикоснулись к пуншу, Осборну он не понравился, так что все содержимое чаши выпил Джоз, этот толстый гурман. А следствием того, что он выпил все содержимое чаши, явилась некоторая живость, сперва удивившая всех, но потом ставшая скорее тягостной. Джоз принялся разглагольствовать и хохотать так громко, что перед беседкой собралась толпа зевак, к великому смущению сидевшей там ни в чем не повинной компании. Затем, хотя его об этом не просили, Джоз затянул песню, выводя ее необыкновенно плаксивым фальцетом, который так свойствен джентльменам, находящимся в состоянии подпития, чем привлек к себе почти всю публику, собравшуюся послушать музыкантов в золоченой раковине, и заслужил шумное одобрение слушателей.

— Браво, толстяк! — крикнул один. — Бис, Дэниел Лэмберт *! — отозвался другой. — Ему бы по канату бегать при такой комплекции! — добавил какой-то озорник к невыразимому ужасу девиц и великому негодованию мистера Осборна.

— Ради бога, Джоз, давай встанем и пойдем! — воскликнул этот джентльмен; и девицы поднялись с места.

— Стойте, душечка, моя любезная, разлюбезная! — возопил Джоз, теперь смелый, как лев, и обхватил мисс Ребекку за талию. Ребекка сделала движение, но не могла вырвать руку. Хохот в саду усилился. Джоз продолжал колобродить — пить, любезничать и распевать. Подмигивая и грациозно помахивая стаканом перед публикой, он приглашал желающих в беседку — выпить с ним по стаканчику пунша.

Мистер Осборн уже приготовился сбить с ног какого-то субъекта в сапогах с отворотами, который вознамерился воспользоваться этим предложением, и дело грозило кончиться серьезной передрагой, как вдруг, по счастью, джентльмен по фамилии Доббин, прогуливавшийся в одиночестве по саду, показался у беседки.

— Прочь, болваны! — произнес этот джентльмен, расталкивая плечом толпу, которая тотчас рассеялась, не устояв перед его треуголкой и свирепым видом, после чего он в крайне взволнованном состоянии вошел в беседку.

— Господи боже! Да где же ты пропадал, Доббин? — сказал Осборн, выхватывая белую кашемировую шаль из рук друга и закутывая в нее Эмилию. — Присмотри-ка тут, пожалуйста, за Джозом, пока я усажу дам в экипаж.

Джоз хотел было встать и вмешаться, но достаточно было Осборну толкнуть его одним пальцем, как он снова с пыхтением повалился на свое место, и молодому офицеру удалось благополучно увести девиц. Джоз послал им вслед воздушный поцелуй и захныкал, икая: «Господь с вами, господь с вами!» Затем, схватив капитана Доббина за руку и горько рыдая, он поведал этому джентльмену тайну своей любви. Он обожает девушку, которая только что их покинула; своим поведением он разбил ее сердце, он это отлично понимает, но он женится на ней не далее чем завтра, в церкви св. Георга, что на Ганновер-сквере. Он достигнет до архиепископа Кентерберийского в Лэмбете * — честное слово, достигнет! — и поднимет его на ноги. Играя на этой струне, капитан Доббин умненько уговорил его уехать пока что из сада и поспешить в Лэмбетский дворец. А когда они очутились за воротами, Доббин без труда довел мистера Джоза Седли до наемной кареты, которая и доставила его в целости и сохранности на квартиру.

Джордж Осборн благополучно проводил девиц домой, и когда дверь захлопнулась за ними и он стал переходить через Рассел-сквер, он вдруг так расхохотался, что привел в изумление ночного сторожа. Маленькая Эмилия только жалобно посмотрела на подругу, пока они поднимались по лестнице, а затем поцеловала ее и отправилась спать, не сказав ни слова.

«Он сделает мне предложение завтра, — подумала Ребекка. — Он четыре раза назвал меня своей душенькой, он жал мне руку в присутствии Эмилии. Он сделает мне предложение завтра». Того же мнения была и Эмилия. Признаться, она уже думала о том, какое платье наденет, когда будет подружкой невесты, о подарках своей миленькой невестушке, и о той, другой, церемонии, которая последует вскоре за этой и в которой она сама будет играть главную роль, и т. д., и т. п.

О неопытные молодые создания! Как мало вы знаете о действии аракового пунша! Что общего между вечерними напитками и утренними пытками? Насчет этого могу засвидетельствовать как мужчина: нет на свете такой головной боли, какая бывает от пунша, подаваемого в Воксхолле. Двадцать лет прошло, а я все еще помню последствия от двух стаканов — да что там — от двух рюмок! — только двух, даю вам честное слово джентльмена! А Джозеф Седли, с его-то больной печенью, проглотил по меньшей мере кварту этой отвратительной смеси!

Следующее утро, которое, по мнению Ребекки, должно было явиться зарей ее счастья, застало Джоза Седли стенающим в муках, не поддающихся никакому описанию. Содовая вода еще не была изобретена, и легкое пиво — можно ли этому поверить? — было единственным напитком, которым несчастные джентльмены успокаивали жар похмелья. За вкушением этого-то безобидного напитка Джордж Осборн и застал бывшего коллектора Богли-Уолаха, охающего на диване в своей квартире. Доббин был уже тут и добродушно ухаживал за своим тучным пациентом. При виде простертого перед ними почитателя Бахуса оба офицера переглянулись, и даже лакей Джоза, в высшей степени чинный и корректный джентльмен, молчаливый и важный, как гробовщик, с трудом сохранял серьезность, глядя на своего несчастного хозяина.

— Мистер Седли очень буйствовали вчера, сэ, — доверительно шепнул он Осборну, поднимаясь с ним по лестнице. — Все хотели поколотить извозчика, сэ. Пришлось капитану втащить их на руках, словно малого ребенка.

Мгновенная улыбка пробежала при этом воспоминании по лицу мистера Браша, но тотчас же черты его снова приняли обычное выражение непроницаемого спокойствия, и, распахнув дверь в приемную, он доложил:

— Мистер Осборн!

— Как ты себя чувствуешь, Седли? — начал молодой человек, производя беглый осмотр жертвы. — Все кости целы? А там внизу стоит извозчик с фонарем под глазом и повязанной головой и клянется, что притянет тебя к суду.

— То есть как это к суду?.. — спросил Седли слабым голосом.

— За то, что ты поколотил его вчера, — не правда ли, Доббин? Вы боксируете, сэр, что твой Молине *. Ночной сторож говорит, что никогда еще не видел такой чистой работы. Вот и Доббин тебе скажет.

— Да, у вас была схватка с кучером, — подтвердил капитан Доббин, — и вообще вы были в боевом настроении.

— А этот молодец — помнишь, в Воксхолле, в белом сюртуке? Как Джоз на него напустился! А дамы как визжали! Ей-богу, сэр, сердце радовалось, на вас глядя. Я думал, что у вас, штатских, не хватает пороха, но теперь постараюсь никогда не попадаться тебе под руку, когда ты будешь под мухой, Джоз!

— Правда, я становлюсь страшен, когда меня выведут из терпения, — изрек Джоз с дивана, соорудив такую унылую и смехотворную гримасу, что даже учтивый капитан не мог больше сдерживаться и вместе с Осборном прыснул со смеху.

Осборн безжалостно воспользовался представившимся ему случаем. Он считал Джоза размазней и, мысленно разбирая со всех сторон вопрос о предстоящем браке между ним и Ребеккой, не слишком радовался, что член семьи, с которой он, Джордж Осборн, офицер *** полка, собирался породниться, допустит мезальянс, женившись бог знает на ком — на какой-то гувернанточке!

— Ты потерял терпение? Бедный старикан! — воскликнул Осборн. — Ты страшен? Да ты на ногах не мог стоять, над тобой все в саду потешались, хотя сам ты заливался горькими слезами! Ты распустил нюни, Джоз. А помнишь, как ты пел?

— То есть как это пел? — удивился Джоз.

— Ну да, чувствительный романс, и все называл эту Розу, Ребекку — или как ее там, подружку Эмили! — своей душечкой, любезной, разлюбезной!

И безжалостный молодой человек, схватив Доббина за руку, стал представлять всю сцену в лицах, к ужасу ее первоначального исполнителя и невзирая на добродушные просьбы Доббина помилосердствовать.

— Зачем мне его щадить? — ответил Осборн на упреки своего друга, когда они простились с бедным стра-

дальцем, оставив его на попечении доктора Голопа. — А по какому, черт возьми, праву он принял на себя покровительственный тон и выставил нас на всеобщее посмеище в Воксхолле? Кто эта девчонка-школьница, которая строит ему глазки и любезничает с ним? К черту! Семейка уже и без того неважная! Гувернантка — дело почтенное, но я бы предпочел, чтобы моя невестка была настоящей леди. Я человек либеральный, но у меня есть гордость, и я знаю свое место, — пусть и она знает свое! Я собью спесь этому хвастливому набобу и помешаю ему сделаться еще большим дураком, чем он есть на самом деле. Вот почему я посоветовал ему держать ухо востро, пока он окончательно не угодил ей в лапы!

— Что ж, тебе видней, — сказал Доббин с некоторым, впрочем, сомнением. — Ты всегда был заядлый тори *, и твоя семья одна из старейших в Англии. Но...

— Пойдем навестить барышень, и приударь-ка лучше ты за мисс Шарп, — перебил лейтенант своего друга.

Но на сей раз капитан Доббин отклонил предложение сопровождать Осборна в его визите к молодым девушкам на Рассел-сквер.

Когда Джордж вышел с Холборна на Саутгемптон-роу, он засмеялся, увидев в двух различных этажах особняка Седли две головки, кого-то высматривавшие.

Дело в том, что мисс Эмилия с балкона гостиной нетерпеливо поглядывала на противоположную сторону сквера, где жил мистер Осборн, поджидая появления молодого офицера. А мисс Шарп из своей спальни в третьем этаже наблюдала, не появится ли на горизонте массивная фигура мистера Джозефа.

— Сестрица Анна на сторожевой башне *, — сказал Осборн Эмилии, — но никто не показывается! — И, хохоча от души и сам в восторге от своей шутки, он изобразил перед мисс Седли в смехотворных выражениях плачевное состояние, в котором находился ее брат.

— Не смейся, Джордж, это с твоей стороны очень жестоко, — просила вконец расстроенная девушка.

Но Джордж только еще больше смеялся над ее жалостной и огорченной миной, продолжая находить свою шутку чрезвычайно забавной; и когда мисс Шарп сошла вниз, он начал с большим оживлением подтрунивать над ней, описывая действие ее чар на толстяка-чиновника.

— О мисс Шарп, если бы вы только видели его утром! — воскликнул он. — Как он стонал в своем халате с цветочками! Как корчился на диване! Если бы вы только видели, как он показывал язык аптекарю Голопу!

— Кто это? — спросила мисс Шарп.

— Кто? Как кто? Капитан Доббин, конечно, к которому, кстати, все мы были так внимательны вчера!

— Мы были с ним страшно невежливы, — заметила Эмми, сильно покраснев. — Я... я совершенно забыла про него.

— Конечно, забыла! — воскликнул Осборн, все еще хохоча. — Нельзя же вечно думать о Доббине, Эмилия! Не правда ли, мисс Шарп?

— Кроме тех случаев, когда он за обедом опрокидывает стаканы с вином, — заявила мисс Шарп, с высокомерным видом вскидывая голову. — Я ни одной секунды не интересовалась существованием капитана Доббина.

— Отлично, мисс Шарп, я так и передам ему, — сказал Осборн.

Мисс Шарп готова была возненавидеть молодого офицера, хотя тот и не подозревал, какие он вызвал в ней чувства.

«Он просто издевается надо мной, — думала Ребекка. — Не вышучивал ли он меня и перед Джозефом? Не спугнул ли он его? Быть может, Джозеф теперь и не придет?» На глазах у нее выступили слезы, и сердце сильно забилося.

— Вы все шутите, — улыбнулась она через силу. — Продолжайте шутить, мистер Джордж, ведь за меня некому заступиться. — С этими словами Ребекка удалилась из комнаты, а когда еще и Эмилия с упреком взглянула на него, Джордж Осборн почувствовал нечто недостойное мужчины — угрызения совести: напрасно он разобидел беззащитную девушку!

— Дорогая моя Эмилия, — сказал он. — Ты слишком добра, слишком мягка. Ты не знаешь света. А я знаю. И твоя подружка мисс Шарп должна понимать, где ее место.

— Неужели ты думаешь, что Джоз не...

— Честное слово, дорогая, не знаю. Может — да, а может, и нет. Ведь я им не распоряжаюсь! Я только знаю, что он очень глупый, пустой малый и вчера поставил мою

милую девочку в крайне тягостное и неловкое положение. «Душечка моя, любезная, разлюбезная!» — Он опять расхохотался, и так заразительно, что Эмми не могла не смеяться вместе с ним.

Джоз так и не приехал в этот день. Но Эмилия ничуть не растерялась. Маленькая интриганка послала своего пажа и адъютанта, мистера Самбо, на квартиру к мистеру Джозефу за какой-то обещанной книгой, а заодно велела спросить, как он себя чувствует. Ответ, данный через лакея Джоза, мистера Браша, гласил, что хозяин его болен и лежит в постели — только что был доктор. «Джоз появится завтра», — подумала Эмилия, но так и не решилась заговорить на эту тему с Ребеккой. Та тоже ни единым словом не обмолвилась об этом в течение всего вечера.

Однако на следующий день, когда обе девушки сидели на диване, делая вид, что заняты шитьем, или писанием писем, или чтением романов, в комнату, как всегда приветливо скаля зубы, вошел Самбо с пакетом подмышкой и письмом на подносе.

— Письмо мисс от мистера Джозефа, — объявил он.

Как дрожала Эмилия, распечатывая письмо! Вот его содержание:

«Милая Эмилия!

Посылаю тебе «Сиротку в лесу». Мне вчера было очень плохо, и потому я не приехал. Уезжаю сегодня в Челтенхем. Пожалуйста, попроси, если можешь, любезную мисс Шарп извинить мне мое поведение в Воксхолле и умоли ее простить и позабыть все, что я мог наговорить в возбуждении за этим злополучным ужином. Как только я поправлюсь, — а здоровье мое сильно расстроено, — я уеду на несколько месяцев в Шотландию.

Остаюсь преданный тебе

Джоз Седли».

Это был смертный приговор. Все было кончено. Эмилия не смела взглянуть на бледное лицо и пылавшие глаза Ребекки и только уронила письмо на колени подруги, а сама вскочила и побежала вверх к себе в комнату выплакать там свое горе.

Бленкинсон, экономка, тотчас же пришла утешать свою молодую госпожу. И Эмми облегчила душу, доверчиво поплакав у нее на плече.

— Не огорчайтесь, мисс, — уговаривала ее Бленкинсон. — Мне не хотелось говорить вам. Но все у нас в доме ее невзлюбили, разве только сперва она понравилась. Я собственными глазами видела, как она читала письмо вашей маменьки. Вот и Пиннер говорит, что она вечно сует нос в вашу шкатулку с драгоценностями и в ваши комоды, да и во все комоды, и что она даже спрятала к себе в чемодан вашу белую ленту.

— Я сама ей отдала, сама ей отдала! — воскликнула Эмилия. Но это не изменило мнения миссис Бленкинсон о мисс Шарп.

— Не верю я этим гувернанткам, Пиннер, — заметила она старшей горничной. — Важничают, задирают нос, словно барыни, а жалованья-то получают не больше нашего.

Теперь всем в доме, кроме бедняжки Эмилии, стало ясно, что Ребекке придется уехать, и все от мала до велика (тоже за одним исключением) были согласны, что это событие должно произойти как можно скорее. Наша добрая девочка перерыла все свои комоды, шкафы, ридикюли и шкатулки, пересмотрела все свои платья, косынки, безделушки, вязанья, кружева, шелковые чулки и ленты, отбирая то одну вещицу, то другую, чтобы подарить целый ворох Ребекке. Потом она отправилась к своему отцу, щедрому английскому коммерсанту, пообещавшему подарить дочери столько гиней, сколько ей лет, и упростила старого джентльмена отдать эти деньги Ребекке, которой они очень нужны, тогда как сама она ни в чем не нуждается.

Она обложила данью даже Джорджа Осборна, и тот с величайшей готовностью (потому что, как и всякий военный, был щедрой натурой) отправился в магазин на Бонд-стрит и приобрел там самую изящную шляпку и самый щегольской спенсер*, какие только можно было купить за деньги.

— Это подарок от Джорджа тебе, милая Ребекка! — сказала Эмилия, любясь картонкой, содержавшей эти дары. — Какой у него вкус! Ну кто может сравниться с Джорджем!

— Никто, — отвечала Ребекка. — Как я ему благодарна! — А про себя подумала: «Это Джордж Осборн расстроил мой брак», — и возлюбила Джорджа Осборна в соответствии с этим.

Собралась она к отъезду с величайшим спокойствием духа и приняла все подарки милой маленькой Эмилии без особых колебаний и отнекиваний, поломавшись только для приличия. Миссис Седли она поклялась, конечно, в вечной благодарности, но не навязывалась чересчур этой доброй даме, которая была смущена и явно старалась избегать ее. Мистеру Седли она поцеловала руку, когда тот наградил ее кошельком, и испросила разрешения считать его и впредь своим дорогим добрым другом и покровителем. Старик был так растроган, что уже собирался выписать ей чек еще на двадцать фунтов, но обуздал свои чувства: его ожидала карета, чтобы везти на званый обед. И он быстро удалился со словами:

— Прощайте, дорогая моя, господь с вами! Когда будете в городе, заезжайте к нам обязательно... Во дворец лорд-мэра, Джемс!

Наконец пришло время расставаться с мисс Эмилией... Но над этой картиной я намерен задернуть занавес. После сцены, в которой одно действующее лицо проявило полную искренность, а другое отлично провело свою роль, после нежнейших ласк, чувствительных слез, нюхательных солей и некоторой толики подлинного душевного жара, пущенных в ход в качестве реквизита, — Ребекка и Эмилия расстались, причем первая поклялась подруге любить ее вечно, вечно, вечно...

ГЛАВА VII

Кроули из Королевского Кроули

В числе самых уважаемых фамилий на букву К в Придворном календаре за 18.. год значится фамилия Кроули: сэр Питт, баронет, проживающий в Лондоне на Грейт-Гонт-стрит и в своем поместье Королевское Кроули, Хемпшир. Это почтенное имя бесценно фигурировало в парламентском списке в течение многих лет, наряду с именами других столь же почтенных джентльменов, в разное время представлявших тот же округ.

По поводу парламентского городка Королевское Кроули рассказывают, что королева Елизавета в одну из своих пресловутых поездок по стране остановилась в Кроули позавтракать и здесь пришла в такой восторг от великолепного хемпширского пива, поднесенного ей тогдашним представителем фамилии Кроули (красивым мужчиной с аккуратной бородкой и стройными ногами), что возвела с той поры Кроули в степень парламентского города, посылающего в парламент двух представителей. Со дня этого славного посещения поместье получило название «Королевское Кроули», сохранившееся за ним и

поныне. И хотя с течением времени, вследствие тех перемен, какие вносят века в судьбы империй, городов и округов, Королевское Кроули перестало уже быть тем многолюдным городком, каковым оно было в эпоху королевы Бесс *, — или, лучше сказать, просто докатилось до того состояния парламентского местечка, когда его обычно именуют «гнилым» *, — это не мешало сэру Питту Кроули с полным основанием и с присущим ему изяществом говорить: «Гнилое? Какая чепуха! Мне оно приносит добрых полторы тысячи в год!»

Сэр Питт Кроули (свое имя получивший в честь Великого коммонера *) был сыном Уолпола Кроули, первого баронета, который служил по Ведомству сургуча и гусиных перьев в царствование Георга II, когда, как и многие другие почтенные джентльмены того времени, был обвинен в растрате. А Уолпол Кроули был, о чем едва ли нужно распространяться, сыном Джона Черчилля Кроули, получившего это имя в честь знаменитого военачальника эпохи царствования королевы Анны *. Родословное дерево (висящее в Королевском Кроули) упоминает далее Чарльза Стюарта, позднее прозванного Бэйрбсуном Кроули, сына Кроули — современника Иакова I, и, наконец, того самого Кроули времен королевы Елизаветы, изображенного на переднем плане картины, с раздвоенной бородой и в латах. Из его груди, как водится, растет дерево, на главных ветвях которого начертаны вышеупомянутые славные имена. Рядом с именем сэра Питта Кроули, баронета (героя настоящей главы), значатся имена его брата, преподобного Бьюта Кроули (звезда Великого коммонера уже закатилась, когда родился преподобный джентльмен), приходского священника в Кроули-и-Снейлби, а также разных других представителей фамилии Кроули, мужеского и женского полу.

Сэр Питт был женат первым браком на Гризели, шестой дочери Манго Бинки, лорда Бинки, и, стало быть, родственнице мистера Дандаса. Она подарила ему двух сыновей: Питта, названного так не столько в честь отца, сколько в честь дарованного нам небом министра *, и Родона Кроули, названного по имени друга принца Уэльского, который, став его величеством Георгом IV, так основательно забыл этого друга. Много лет спустя после кокчины леди Кроули сэр Питт повел к алтарю Розу,

дочь мистера Дж. Досона из Мадбери, от которой у него было две дочери, и вот для них-то и была теперь приглашена мисс Ребекка Шарп на должность гувернантки. Из чего следует, что нашей молодой особе предстояло войти в семейство, обладавшее весьма аристократическими связями, и вращаться в гораздо более изысканном кругу, чем скромное общество, которое она только что покинула на Рассел-сквере.

Распоряжение выехать к своим воспитанницам она получила в записке, начертанной на старом конверте и гласившей следующее:

«Сэр Питт Кроули просит мисс Шарп и багаж быть здесь во вторник, так как я уезжаю в Королевское Кроули зафтра рано утром.

Грейт-Гонт-стрит».

Ребекка, насколько ей было известно, никогда еще не видела ни одного баронета, и вот, как только она распрощалась с Эмилией и пересчитала гинеи, которые положил ей в кошелек щедрый мистер Седли, как только осушила себе платочком глаза (закончив эту операцию в тот момент, когда карета завернула за угол), она принялась мысленно рисовать себе, каким должен быть баронет. «Интересно, носит ли он звезду? — думала она. — Или это только у лордов бывают звезды? Но, уж конечно, он в придворном костюме с кружевным жабо, а волосы у него слегка припудрены, как у мистера Ротона в Ковентгарденском театре. Наверно, он страшно гордый и на меня будет смотреть с презрением. Что ж, придется мне нести свой крест безропотно, но по крайней мере я буду знать, что нахожусь в благородном семействе, а не среди каких-то вульгарных торгашей». И она задумалась о своих друзьях на Рассел-сквере с той самой философической горечью, с которой лисица в известной басне высказывается о винограде.

Выехав через Гонт-сквер на Грейт-Гонт-стрит, карета остановилась, наконец, у высокого мрачного здания, зажатого между двух других высоких и мрачных зданий, на каждом из которых поверх среднего окна гостиной красовался траурный герб. Таков обычай домов на Грейт-

Гонт-стрит — из этих мрачных кварталов, повидимому, никогда не уходит смерть. Ставни на окнах в доме сэра Питта были закрыты, и только внизу, в столовой, приоткрыты, и за ними виднелись шторы, аккуратно обернутые старыми газетами.

Грум Джон, на сей раз правивший лошадьми, не пожелал спуститься с козел, чтобы позвонить, и попросил пробежавшего мимо мальчишку-молочника исполнить за него эту обязанность. Когда раздался звонок, между створками ставен в столовой показалась чья-то голова, и вслед за тем дверь открыл человек в линялых штанах и гетрах, в грязном старом сюртуке и обтрепанной косынке вокруг заросшей волосами шеи, плешивый, с плутоватой физиономией, на которой похотливо поблескивали серые глазки и плотоядно ухмылялся рот.

— Здесь живет сэр Питт Кроули! — окликнул его с козел Джон.

— Да, здесь, — отозвался человек у двери, утвердительно кивнув головой.

— Стащи-ка тогда пожитки, — сказал Джон.

— Тащи сам, — ответил швейцар.

— Не видишь, что ли, что мне нельзя отойти от лошадей? Ну, бери, любезный, авось мисс даст на пиво, — прибавил Джон и насмешливо заржал, уже несколько не стесняясь, так как отношения мисс Шарп с его хозяевами были прерваны и она ничего не дала слугам уезжая.

Лысый человек в ответ на это обращение вынул руки из карманов, подошел к экипажу и, вскинув на плечо чемодан мисс Шарп, понес его в дом.

— Возьмите-ка эту корзину и шаль и откройте мне дверцу! — сказала мисс Шарп и вышла из кареты в страшном негодовании. — Я напишу мистеру Седли и сообщу ему о вашем поведении, — пригрозила она груму.

— Ах, пожалуйста, не пишите, — ответил носитель этой должности. — Надеюсь, вы ничего не забыли? А как насчет платиц мисс Эмилии, которые должны были пойти барыниной горничной? Захватили их? Надеюсь, они вам будут впору! Закрой дверцу, Джим, из нее ничего не выжмешь, — продолжал Джон, указывая большим пальцем на мисс Шарп. — Плохая от нее пожива, скажу тебе, плохая! — И с этими словами грум мистера Седли тронул лошадей. Сказать по правде, он был влюблен в

названную горничную и негодовал, что ее ограбили, отдав другой то, что ей полагалось по штату.

Войдя, по указанию субъекта в гетрах, в столовую, Ребекка нашла это помещение таким же мало уютным и унылым, какими всегда бывают подобные апартаменты, когда знатные семейства уезжают из города. Верные покой как будто оплакивают отсутствие своих хозяев. Турецкий ковер сам скатался и смиренно уполз под буфет; картины притаились под листами оберточной бумаги; висячая лампа закуталась в коричневый холщовый чехол; оконные занавески натянули на себя всякую ветошь; мраморный бюст сэра Уолпола Кроули глядит из своего темного угла на голые столы, на медный каминный прибор, обильно смазанный жиром, и на пустые подносы для карточек на каминной доске; погребец укрылся за ковром; стулья, перевернутые вверх тормашками и поставленные друг на друга, жмутся к стенам; а в темном углу, против мраморного сэра Питта, взгромоздился на передвижной столик старомодный грубый поставец, запертый на замок.

Однако поближе к камину собралось кое-какое общество: два табурета, круглый стол, погнутая старая кочерга и щипцы, а на слабо потрескивавшем огне его стоял сотейник. На столе лежали кусочек сыра и ломоть хлеба, а рядом с жестяным подсвечником стояла кружка с остатками черного портера.

— Обедали? Так я и думал. Вам не жарко? Хотите глоток пива?

— Где сэр Питт Кроули? — надменно произнесла мисс Шарп.

— Хе, хе! Я сэр Питт Кроули! Помните, вы должны мне пинту пива за то, что я перенес ваши вещи. Хе, хе, хе! Спросите у Тинкер, кто я такой! Миссис Тинкер, познакомьтесь: мисс Шарп. Мисс гувернантка — миссис поденщица! Ха-ха-ха!

Леди, к которой адресовались как к миссис Тинкер, появилась в этот момент с трубкой и пачкой табаку, за которыми она была послана за минуту до прибытия мисс Шарп. Она вручила требуемое сэру Питту, занявшему свое место у камина.

— Где фартинг сдачи? — сказал он. — Я дал вам три полупенса. Где же сдача, старуха?

— Вот! — ответила миссис Тинкер, швыряя монету. — Только баронетам и подстать хлопотать о каких-то фартингах!

— Фартинг в день — семь шиллингов в год, — отвечал член парламента. — Семь шиллингов в год — это проценты с семи гиней. Берегите фартинги, старуха Тинкер, и к вам потекут гиней.

— Можете быть уверены, барышня, что это сэр Питт Кроули, — угрюмо заявила миссис Тинкер, — судя уже по тому, как он трясется над своими фартингами. Вы скоро его узнаете!

— И, наверное, полюбите, мисс Шарп, — добавил старый джентльмен почти любезным тоном. — У меня уж такое правило: сперва справедливость, а уж потом щедрость.

— Он за всю свою жизнь и фартинга никому не подал, — проворчала Тинкер.

— Верно! И никогда не подам! Это против моих правил. Ступайте и принесите еще один табурет из кухни, Тинкер, если хотите сидеть. А потом мы слегка поужинаем.

Тут баронет полез вилкой в сотейник, стоявший на огне, и вытащил оттуда немного требухи и луковицу. Разложив все это на две довольно ровные части, он поделился едой с миссис Тинкер.

— Видите ли, мисс Шарп, когда меня не бывает здесь, миссис Тинкер получает на харчи. Если же я в городе, то она обедает за семейным столом. Ха-ха-ха! Я рад, что мисс Шарп не голодна. А вы, Тинк?

И они принялись за свой скудный ужин.

После ужина сэр Пит Кроули закурил трубку, а когда совсем стемнело, зажег тростниковую свечу в жестяном подсвечнике и, вытащив из бездонного кармана целый ворох бумаг, принялся читать их и приводить в порядок.

— Я здесь по судебным делам, моя дорогая, этому я и обязан тем, что буду иметь удовольствие ехать завтра с такой хорошенькой спутницей.

— Вечно у него судебные дела, — заметила миссис Тинкер, взявшись за кружку с портером.

— Пейте, пейте себе на здоровье! — сказал баронет. — Да, моя дорогая, Тинкер совершенно права: я потерял и выиграл больше тяжб, чем кто-либо другой в Англии. Вот

посмотрите: Кроули, баронет, — против Снефля. Я его в порошок сотру, или не быть мне Питтом Кроули! Поддержите еще кто-то — против Кроули, баронета. Попечительство о бедных прихода Снейлби — против Кроули, баронета. Им нипочем не доказать, что земля общинная. Плевать я на них хотел — земля моя! Она в такой же мере принадлежит приходу, как вам или вот Тинкер! Я побью их, хотя бы мне это стоило тысячу гиней. Посмотрите-ка бумаги! Можете почитать их, если хотите! А что, у вас хороший почерк? Я воспользуюсь вашими услугами, когда мы будем в Королевском Кроули, так и знайте, мисс Шарп. Мамашу я похоронил, и, значит, мне нужна какая-нибудь переписчица.

— Старуха была не лучше его! — заметила Тинкер. — Тянула к суду каждого поставщика и прогнала за четыре года сорок восемь лакеев.

— Прижимиста была, что и говорить, — спокойно согласился баронет. — Но очень ценная для меня женщина — сберегала мне расходы на управителя.

И в таком откровенном тоне, к великой потехе вновь прибывшей, беседа продолжалась довольно долго. Каковы бы ни были свойства сэра Питта Кроули, хорошие или дурные, но только он ни малейшим образом не скрывал их. Он не переставая разглагольствовал о себе — то на грубейшем и вульгарнейшем хемпширском наречии, то принимая тон светского человека. Наконец, раз десять наказав мисс Шарп, чтобы она была готова в пять часов утра, он пожелал ей спокойной ночи.

— Вы ляжете сегодня с Тинкер, — сказал он. — Кровать большая, и места хватит на двоих. На этой постели умерла леди Кроули. Спокойной ночи!

После такого пожелания сэр Питт удалился, и угрюмая Тинкер, с тростниковой свечою в руке, провела девушку по большой холодной каменной лестнице наверх, мимо больших мрачных дверей гостиной, у которых ручки были обернуты бумагой, в большую, выходившую на улицу спальню, где леди Кроули опочила вечным сном. Кровать и комната имели такой похоронный и унылый вид, что можно было вообразить, будто леди Кроули не только умерла в этой спальне, но что ее дух и до сих пор обитает тут. Впрочем, пока старая поденщица читала молитвы, Ребекка с величайшей живостью обежала всю

комнату, заглянула в огромные гардеробы, шкафы и комоды, попробовала, не открываются ли ящики, которые оказались запертыми, и осмотрела мрачные картины и туалетные принадлежности.

— Кабы не то, мисс, что совесть у меня чиста, мне было бы не по душе улечься на эту постель, — промолвила старуха.

— Тут места хватит на нас обеих да еще на пяток духов! — заметила Ребекка. — Расскажите-ка мне все о леди Кроули, сэре Питте Кроули и о всех, о всех решительно, маленькая моя миссис Тинкер!

Но из старухи Тинкер нашему маленькому следователю ничего не удалось вытянуть. Указав Ребекке, что кровать служит местом для сна, а не для разговоров, она подняла в своем уголке постели такой храп, какой может производить только нос праведницы. Ребекка долго-долго лежала не смыкая глаз, думая о завтрашнем дне, о новом мире, в который она вступила, и о своих шансах на успех в нем. Ночник мерцал в тазу. Каминная доска отбрасывала большую черную тень на половину пыльного, выцветшего старого коврика на стене, вышитого, без сомнения, еще покойной леди, и на два маленьких семейных портрета, изображавших двух юнцов — одного в студенческой мантии и другого в красном мундирчике, вроде солдатского. Засыпая, Ребекка именно его выбрала предметом своих ночных грез.

В четыре часа такого нежнорозового летнего утра, что даже Грейт-Гонт-стрит приняла более приветливый вид, верная Тинкер, разбудив девушку и наказав ей готовиться к отъезду, отодвинула засовы и сняла крюки с большой входной двери (их звон и скрежет спугнули спящее эхо на улице) и, направив свои стопы на Оксфорд-стрит, взяла там экипаж с извозчицей биржи. Нет никакой надобности вдаваться здесь в такие подробности, как номер этой колесницы, или упоминать о том, что извозчик расположился в такую рань по соседству с Суоллоу-стрит в надежде, что какому-нибудь молодому повесе, бредущему, спотыкаясь, домой из кабака, может понадобится помощь его колымаги и он заплатит ему со щедростью подвыпившего человека.

Равным образом нет надобности говорить, что извозчик, если у него и были надежды, подобные только что

указанным, жестоко разочаровался, ибо достойный баронет, которого он отвез в Сити, не дал ему ни единого гроша сверх положенного. Тщетно сей возница взывал к лучшим чувствам седока, тщетно бушевал, пошвыряв картонки мисс Шарп в канаву у постоялого двора и клянясь, что судом взыщет свою плату.

— Не советую, — сказал один из конюхов, — ведь это сэр Питт Кроули.

— Совершенно правильно, Джо, — одобрительным тоном подтвердил баронет, — желал бы я видеть того человека, который с меня получит!

— Да и я тоже! — добавил Джо с угрюмой улыбкой, втаскивая багаж баронета на крышу дилижанса.

— Оставьте для меня место на козлах, капитан! — закричал член парламента кучеру.

— Слушаю, сэр Питт! — ответил тот, дотрагиваясь до своей шляпы и кляня его в душе (он пообещал место на козлах молодому джентльмену из Кембриджа, который наверняка дал бы ему за это крону). Мисс Шарп была устроена на заднем сиденье внутри кареты, увозившей ее, так сказать, в широкий мир.

О том, как молодой человек из Кембриджа мрачно укладывал свои пять шинелей на переднее сиденье, но утешился, когда маленькой мисс Шарп пришлось уступить свое место в карете и перебраться на империал, и как он, закутывая ее в один из своих плащей, пришел в отличное расположение духа; о том, как заняли свои места внутри кареты страдавший одышкой джентльмен, жеманная дама, заверявшая всех честным словом, что она никогда еще не ездила в почтовой карете (в карете всегда найдется такая дама — вернее, увь! находилась, — ибо, где вы теперь, почтовые кареты?), и, наконец, толстая вдова с бутылкой бренди; как работник Джо требовал денег за свои услуги и получил шесть пенсов от джентльмена и пять засаленных полупенсов от толстой вдовы; как в конце концов карета пустилась в путь, осторожно пробираясь по темным переулкам Олдерсгейта; как она одним духом прогремела мимо синего купола собора св. Павла и бойко пронеслась мимо въезда на Флитский рынок, который давно уже, наравне с Эксетеровой биржей, отошел в область теней; как она миновала «Белого Медведя» на Пикадилли и пассажиры увидели утренний

туман, курившийся над огородами вдоль улицы Найтс-бридж; как остались позади Тернхэм-грин, Brentford и Бегшот, — едва ли нужно говорить здесь обо всем этом! Но пишущий эти строки, не раз совершавший в былые дни в такую же ясную погоду такое же замечательное путешествие, не может не вспоминать об этом без сладостного и нежного сожаления. Что случилось теперь с большой дорогой и ее веселыми житейскими приключениями? Неужели для старых честных кучеров с угреватými физиономиями не нашлось своего рода Челси или Гринвича *? Хотел бы я знать, где они теперь, эти славные ребята? Жив ли старый Уэллер *, или умер? А половые — где они? И где трактиры, в которых они прислуживали, и холодный ростбиф? Где малорослый конюх с багровым носом и звенящим ведром, — где он и где все его поколение? Для тех великих гениев, которые сейчас еще ходят в детских платьицах и будут потом писать романы, обращенные к милым потомкам нашего читателя, эти люди и предметы станут такой же легендой и историей, как Ниневия *, Ричард Львиное Сердце или Джек Шеперд *. Для них пассажирские кареты превратятся в романтические образы, а четверка гнедых станет басней, как какой-нибудь Буцефал * или Черная Бесс *. Ах, как лоснилась их шерсть, когда конюхи снимали с них попоны и кони пускались в путь! И, ах, как дымились их бока и как они помахивали хвостом, когда по окончании перегона с притворной скромностью въезжали на постоянный двор. Увы! Никогда уж больше мы не услышим звонкого рожка в полночь и не увидим взлетающего вверх шлагбаума! Куда же, впрочем, везет нас скорая четырехместная почтовая карета «Трафальгар»? Давайте высадимся без дальнейших отступлений в Королевском Кроули и посмотрим, как там преуспевает мисс Ребекка Шарп.

ГЛАВА VIII,

приватная и конфиденциальная

«От мисс Ребекки Шарп к мисс Эмили Седли, Рас-сел-сквер, Лондон.

(Свободно от почтовых сборов. Питт Кроули.)

Моя драгоценнейшая, любимейшая Эмилия! С каким смешанным чувством радости и печали берусь я за перо, чтобы написать своему самому дорогому другу! О, какая разница между сегодняшним и вчерашним днями! Сегодня я без друзей и одинока; вчера я была дома, с нежнолюбимой сестрой, которую всегда, всегда буду обожать!

Не буду рассказывать, в каких слезах и тоске провела я роковой вечер, в который рассталась с тобой. Тебя ожидали во вторник радость и счастье в обществе твоей ма-тушки и преданного тебе юного воина, и я поминутно пред-ставляла себе, как ты танцуешь у Перкинсов, где ты была, конечно, украшением бала. Меня в старой карете отвезли в городской дом сэра Питта Кроули, где я была пере-дана на попечение сэра П., подвергшись сперва самому

грубому и нахальному обращению со стороны грума Джона. (Увы! бедность и несчастье можно оскорблять безнаказанно!) Там мне пришлось провести ночь на старой жуткой кровати, бок о бок с ужасной, мрачной старухой поденщицей, которая присматривает за домом. Ни на один миг не сомкнула я глаз за всю ночь!

Сэр Питт ничуть не похож на тех баронетов, которых мы, глупенькие девочки, воображали себе, зачитываясь в Чизвике «Сесилией» *. Право, трудно себе представить кого-нибудь, менее похожего на лорда Орвиля *. Представь себе коренастого, приземистого, неимоверно вульгарного и неимоверно грязного старика в заношенном платье и обтрепанных старых гетрах, который курит ужасную трубку и сам готовит себе какой-то ужасный ужин в кастрюле. Говорит он на каком-то жаргоне, и надо было бы тебе слышать, какими поносными словами он ругал старуху поденщицу и извозчика, отвезшего нас на постоялый двор, откуда отправлялась карета, — та самая, в которой мне и пришлось совершить путешествие, *сидя большую часть пути на империае*.

Поденщица разбудила меня чуть свет, и мы отправились на постоялый двор, где мне сперва было отведено место внутри кареты. Но когда мы прибыли в селение, называемое Ликингтон, и полил страшный дождь, то — поверишь ли? — меня заставили занять наружное место. Сэр Питт — владелец кареты, и когда в дороге явился новый пассажир, пожелавший получить внутреннее место, я была вынуждена пересесть наружу, под дождь; впрочем, мой сосед, молодой джентльмен из Кембриджского колледжа, очень любезно закутал меня в один из своих *многочисленных* плащей.

И этот джентльмен и кондуктор хорошо знают, повиdimому, сэра Питта и изрядно потешались над ним. Оба с полным единодушием называли его старым сквалыгою, что обозначает очень прижимистого, скупого человека. Он дрожит над каждым грошом, говорили они (а такую мелочность я ненавижу). Молодой джентльмен пояснил мне, что два последних перегона мы плелись так тихо потому, что сэр Питт восседал на козлах, а он владелец лошадей, которых запрягают на эту часть пути. «Зато и буду же я их стегать до самого Скуошмора, когда вожжи перейдут в мои руки!» — говорил молодой студент.

«Жарьте во-всю, мистер Джек!» — поддакивал кондуктор. Когда я уяснила себе смысл этой фразы, поняв, что мистер Джек намерен сам править остальную часть пути и выместить свою досаду на лошадях сэра Питта, то, разумеется, расхохоталась тоже.

Однако в Мадбери, в четырех милях от Королевского Кроули, нас ожидала карета с четверкой великолепных лошадей, в сбруе, украшенной гербами, и мы самым парадным образом совершили свой въезд в парк баронета. К дому ведет прекрасная аллея в целую милю длиной, а около сторожки у ворот (над столбами которых красуются змея и голубь, поддерживающие герб Кроули) привратница сделала нам тысячу реверансов, открывая перед нами во всю ширь старые резные чугунные ворота, напомнившие мне такие же у нас в противном Чизвике.

— Эта алеа тянется на целую милю, — сказал сэр Питт. — Тут строевого лесу на шесть тыщ фунтов. Как, по-вашему, пустячки? — Он вместо «аллея» говорит «алеа», а вместо «тысяч» — «тыщ», представляешь? Усадил с собой в карету некоего мистера Ходсона, своего приказчика из Мадбери, и они повели беседу о каких-то описях за долги и продаже имущества, об осушке и пропашке и о всякой всячине насчет арендаторов и фермеров, — многого я совершенно не поняла. Сэма Майлса накрыли с поличным, когда он охотился в господском лесу, а Питера Бейли отправили, наконец, в работный дом.

— Задать ему жару! — сказал сэр Питт. — Он со своей семейкой обдувал меня на этой ферме целых полтора лет!

Наверное, это какой-нибудь старый арендатор, который не мог внести арендной платы. Сэр Питт мог бы, конечно, выражаться поделикатнее, говорить, скажем, «обманивал» вместо «обдувал», но богатым баронетам не приходится особенно стесняться насчет стиля, не то что нам, бедным гувернанткам!

По дороге мое внимание привлек красивый церковный шпиль над купой старых вязов в парке, а перед вязами, посреди лужайки и между каких-то служб, — старинный красный дом, весь увитый плющом, с высокими трубами и с окнами, сверкавшими на солнце.

— Это ваша церковь, сэр? — спросила я.

— Разумеется... провались она! — сказал сэр Питт

(но только он, милочка, употребил еще более гадкое выражение). — Как поживает Бьюти, Ходсон? Бьюти — это мой брат Бьют, — объяснил он мне. — Мой брат — священник! Ха-ха-ха!

Ходсон тоже захохотал, а затем, приняв более серьезный вид и покачивая головой, заметил:

— Боюсь, что ему лучше, сэр Питт. Он вечером выезжал на своем пони взглянуть на наши хлеба.

— Подсчитать, сколько ему придется с десятины, чтоб его (тут он опять ввернул то же самое гадкое слово)... Неужели же грог его не доконает? Он живуч, словно сам... как бишь его? — словно сам Мафусаил!

Мистер Ходсон опять захохотал.

— Молодые люди приехали из колледжа. Они отколотили Джона Скрогинса так, что тот едва ноги унес.

— Как? Отколотили моего младшего лесника? — заревел сэр Питт.

— Он попался на земле пастора, сэр, — ответил мистер Ходсон.

Тут сэр Питт, вне себя от бешенства, поклялся, что если только уличит их в браконьерстве на своей земле, то не миновать им каторги, ей-богу! Потом он заметил:

— Я продал право предоставления бенефиции *, Ходсон. Никто из этого отродья не получит ее.

Мистер Ходсон нашел, что баронет поступил совершенно правильно; а я поняла из всего этого, что оба брата не ладят между собой, как часто бывает с братьями, да и с сестрами тоже. Помнишь в Чизвике двух сестер, мисс Скретчли, как они всегда дрались и ссорились, или как Мери Бокс постоянно колотила Луизу?

Но тут, завидев двух мальчуганов, собиравших хворост в лесу, мистер Ходсон по приказанию сэра Питта выскочил из кареты и кинулся на них с хлыстом.

— Вздуйте их, Ходсон! — вопил баронет. — Выбейте из них их мерзкие душонки и тащите бродяг ко мне домой! Я их отдам под суд, не будь я Питт Кроули!

Мы услышали, как хлыст мистера Ходсона заходил по спинам несчастных малышей, ревавших во все горло, а сэр Питт, убедившись, что злоумышленники задержаны, подкатил к парадному подъезду.

Все слуги высыпали нам навстречу, и мы...

.

На этом месте, милочка, я была прервана вчера страшным стуком в дверь. И кто же, по-твоему, это был? Сэр Питт Кроули собственной персоной, в ночном колпаке и халате... Ну и фигура! Я отшатнулась при виде такого посетителя, а он вошел в комнату и схватил мою свечу.

— Никаких свечей после одиннадцати, мисс Бекки, — сказал он мне. — Можете укладываться в потемках, хорошенькая плутовка (так он меня назвал). И если не желаете, чтобы я являлся к вам каждый вечер за свечкой, запомните, что надо ложиться спать в одиннадцать часов.

Сказав это, он и мистер Хорокс, дворецкий, со смехом удалились. Можешь быть уверена, что я не стану поощрять в дальнейшем подобные визиты. Поздно вечером были спущены с цепи две огромные собаки-ищейки, которые всю ночь лаяли и выли на луну.

— Этого пса я зову Хватом, — сообщил мне сэр Питт. — Он загрыз как-то человека, право слово, и справляется с быком. Мать его прежде звали Флорой, но теперь я дал ей кличку Тявка, потому что она от старости не может кусаться... Вау-вау!

Вход в господский дом — вообрази себе пребезобразное старомодное кирпичное здание с высокими печными трубами и фронтонами в стиле королевы Бесс — ведет на террасу, охраняемую с обоих флангов семейными змеей и голубем, а отсюда прямо в огромный зал. Ах, моя милочка, этот зал такой же пустынный и унылый, как парадный зал в нашем Удольфском замке! * Там крупнейший камин, куда можно было бы упрятать половину пансиона мисс Пинкертон, и решетка таких размеров, что на ней можно при желании изжарить целого быка! Кругом по стенам развешано уж и не знаю сколько поколений Кроули; одни с бородами, в жабо; другие в чудовищной величины париках и в диковинных башмаках с загибающимися сверху носками; дамы облачены в длинные прямые корсеты и платья-панцири, а некоторые с длинными локонами и — представь себе, милочка! — пожалуй, и вовсе без корсетов. В одном конце зала — широкая лестница, вся из черного дуба, такая мрачная, что уж мрачнее и быть не может, и по обеим ее сторонам высокие двери с прибитыми над ними оленьими головами, — они ведут в бильярдную, библиотеку, большой желтый зал и в гостиные. На втором этаже по

меньшей мере двадцать спален, и в одной из них кровать, на которой спала королева Елизавета. По всем этим великолепным покоям меня водили сегодня утром мои новые ученицы. Могу тебя уверить, что ни одно помещение не выигрывает от того, что в нем постоянно закрыты ставни, и не становится от этого более уютным; когда их открывали, я так и думала, что на нас откуда-нибудь из угла выскочит привидение! Наша классная помещается во втором этаже, и из нее одна дверь ведет в мою спальню, а другая в спальню девиц. Затем идут апартаменты мистера Питта — мистера Кроули, как его здесь называют, — старшего сына, и покои мистера Родона Кроули — он офицер, как и еще *некто*, и находится сейчас в полку. Словом, недостатка в помещении тут нет, могу тебя уверить! Мне кажется, в этом доме можно было бы разместить все население Рассел-сквера, да и то еще осталось бы место!

Через полчаса после нашего приезда зазвонил большой колокол к обеду, и я спустилась в столовую со своими двумя ученицами (это худенькие, невзрачные создания десяти и восьми лет). Я сошла вниз в твоём чудном кисейном платье (из-за которого мне так нагрубила противная мисс Пиннер, когда ты мне подарила его); дело в том, что я буду здесь на положении члена семьи, кроме дней больших приемов, когда мне положено обедать с барышнями наверху.

Ну, хорошо! Большой колокол прозвонил к обеду, и мы все собрались в маленькой гостиной, где обыкновенно проводит время леди Кроули. Миледи — вторая жена сэра Питта Кроули и мать девочек. Она дочь торговца железным и скобяным товаром, и ее брак с сэром Питтом считался блестящей для нее партией. Видно, что когда-то она была хороша собой, но теперь глаза у нее вечно слезятся, словно они оплакивают ее былую красоту. Она бледна, худа, сутуловата и, очевидно, не умеет за себя постоять. Пасынок ее, мистер Кроули, тоже находился здесь. Он был в полном параде, важный и чинный, как гробовщик! Он бледен, сухощав, невзрачен, молчалив. У него тонкие ноги, полное отсутствие груди, бакенбарды цвета сена и волосы цвета соломы. Это вылитый портрет в бозе почившей матушки — Гризельды из благородного дома Бинки, чье изображение висит над камином.

— Это новая гувернантка, мистер Кроули, — сказала леди Кроули, подходя ко мне и взяв меня за руку, — мисс Шарп.

— Гм! — произнес мистер Кроули, мотнув головой, и опять погрузился в чтение какой-то объемистой брошюры.

— Надеюсь, вы будете ласковы с моими девочками, — сказала леди Кроули, взглянув на меня своими красноватыми глазами, вечно полными слез.

— Ну да, мама, конечно будет! — отрезала старшая.

Я с первого же взгляда поняла, что этой женщины мне нечего опасаться.

— Кушать подано, миледи! — доложил дворецкий в черном фраке и огромном белом жабо, напомнившим мне одно из тех кружевных украшений времен королевы Елизаветы, которые изображены на портретах в зале. Леди Кроули, приняв руку, предложенную ей мистером Кроули, направилась впереди всех в столовую, куда последовала за ними и я, ведя за руку своих маленьких учениц.

Сэр Питт уже восседал там с серебряным жбаном в руках, — он, видимо, только что побывал в погребе. Он тоже приоделся — то есть снял гетры и облек свои пухлые ножки в черные шерстяные чулки. Буфет уставлен сверкающей старинной посудой — старинными чашами, золотыми и серебряными, старинными блюдами и судками, словно в магазине Ранделя и Бриджа. Вся сервировка тоже из серебра, и два лакея, рыжеволосые, в ливреях канареечного цвета, вытянулись по обе стороны буфета.

Мистер Кроули прочел длинную предобеденную молитву, сэр Питт сказал «аминь», и большие серебряные крышки были сняты.

— Что у нас на обед, Бетси? — спросил баронет.

— Кажется, суп из баранины, сэр Питт, — ответила леди Кроули.

— Mouton aux pavets¹, — важно добавил дворецкий (он произнес это: «мутонгоневи»), — на первое potage de mouton à l'Ecossoise². В качестве гарнира pommes de terre au naturel и chou-fleur à l'eau³.

¹ Баранина с репой (франц.).

² Бараний суп по-шотландски (франц.).

³ Вареный картофель и цветная капуста (франц.).

— Баранина есть баранина, — сказал баронет, — и ничего не может быть лучше. Какой это баран, Хорокс, и когда его зарезали?

— Из черноголовых шотландских, сэр Питт... Зарезали в четверг.

— Кто что взял?

— Стил из Мадбери взял седло и две ноги, сэр Питт. Он говорит, что последний баран был чересчур тощ, — одна, говорит, шерсть да кости, сэр Питт.

— Не желаете ли *potage*, мисс... э... мисс Блант? — спросил мистер Кроули.

— Отличная шотландская похлебка, моя милая, — добавил сэр Питт, — хотя ее и называют каким-то французским прозвищем.

— Мне кажется, сэр, в приличном обществе принято называть это блюдо, как я его назвал, — произнес мистер Кроули высокомерно.

И лакеи в канареечных ливреях стали разносить суп в серебряных тарелках одновременно с *mouton aux navets*. Затем был подан эль с водой, причем нам, молодым особам, налили его в рюмки. Я не большой знаток эля, но могу сказать по чистой совести, что предпочитаю воду.

Пока мы наслаждались трапезой, сэру Питту пришло на мысль спросить, куда девались бараньи лопатки.

— Я думаю, их съели в людской, — ответила смиренно миледи.

— Точно так, миледи, — подтвердил Хорокс, — да ведь это почитай и все, что нам досталось.

Сэр Питт разразился хриплым смехом и продолжал свою беседу с мистером Хороксом.

— А должно быть, черный поросенок от кентской матки здорово разжирел?

— Да не сказать, что лопается от жиру, сэр Питт, — ответил дворецкий с серьезнейшим видом. Но тут сэр Питт, а за ним и обе девочки начали неистово хохотать.

— Мисс Кроули, мисс Роза Кроули, — заметил мистер Кроули, — ваш смех поражает меня своей крайней неуместностью.

— Успокойтесь, милорд, — сказал баронет, — мы отведаем в субботу поросятинки. Заколоть его в субботу утром, Джон Хорокс! Мисс Шарп обожает свинину. Не правда ли, мисс Шарп?

Вот, кажется, и все, что я запомнила из застольной беседы. Когда трапеза окончилась, перед сэром Питтом поставили кувшин с кипятком и графинчик из поставца, содержавший, по-моему, ром. Мистер Хорокс налил мне и моим ученицам по рюмочке вина, а миледи — целый бокал. Когда мы перешли в гостиную, леди Кроули вынула из ящика своего рабочего стола какое-то бесконечное вязанье, а молодые леди начали игру в крибедж, вытащив засаленную колоду карт. У нас горела всего только одна свеча, но зато в великолепном старинном серебряном подсвечнике. И после нескольких весьма скупых вопросов, заданных миледи, мне для собственного развлечения был предоставлен выбор между томом проповедей и той самой брошюрой о хлебных законах *, которую мистер Кроули читал перед обедом.

Так мы и просидели около часа, пока не послышались шаги.

— Бросьте карты, девочки! — закричала миледи в великом испуге. — Положите на место книги мистера Кроули, мисс Шарп! — И едва мы успели выполнить эти приказания, как в комнату вошел мистер Кроули.

— Мы продолжим нашу вчерашнюю беседу, молодые девицы, — сказал он, — каждая из вас будет поочередно читать по странице, так что мисс... э... мисс Шорт будет иметь случай послушать вас. — И бедные девочки принялись читать по складам длинную унылую проповедь, произнесенную в капелле Вифезды в Ливерпуле по случаю обращения в христианство индейцев племени Чикасо. Не правда ли, какой восхитительный вечер!

В десять часов слугам было приказано позвать сэра Питта и всех домочадцев на общую молитву. Сэр Питт пожаловал первый, с изрядно раскрасневшимся лицом и довольно неуверенной походкой. За ним явились дворецкий, обе канарейки, камердинер мистера Кроули, трое других слуг, от которых очень сильно несло конюшней, и четыре женщины, причем одна из них, разодетая, как я заметила, в пух и прах, прежде чем бухнуться на колени, смерила меня уничтожающим взглядом.

После того как мистер Кроули покончил со своими разглагольствованиями и назиданиями, нам были вручены свечи, а затем мы отправились спать. И вот тут-то

меня и потревожили, не дав дописать письмо, о чем уже я сообщала моей драгоценнейшей милочке Эмили.

Спокойной ночи! Целую тысячу, тысячу, тысячу раз!

Суббота. Сегодня в пять часов утра я слышала визг черного поросенка. Роза и Вайолет вчера познакомили меня с ним, а также водили на конюшню, на псарню и к садовнику, который снимал фрукты для отправки на рынок. Девочки клянчили у него по кисточке оранжерейного винограда, но садовник уверял, что сэр Питт пересчитал каждую ягоду и он поплатится местом, если даст им что-нибудь. Милые девочки поймали жеребенка на конном дворе и предложили мне покататься верхом, а потом принялись ездить на нем сами, пока прибежавший со страшными ругательствами грум не прогнал их прочь.

Леди Кроули вечно вяжет что-то из шерсти. Сэр Питт вечно напивается к концу дня. Мне кажется, он коротает время с Хороксом, дворецким. Мистер Кроули вечно читает проповеди по вечерам. Утром он сидит запершись в своем кабинете или же ездит верхом в Мадбери по делам графства, а то в Скуошмор — по средам и пятницам, — где проповедует тамошним арендаторам.

Передай от меня сто тысяч благодарностей и приветов своим милым папе и маме. Что твой бедный братец, поправился ли он после аракового пунша? Ах, боже мой! Как мужчинам следовало бы остерегаться этого гадкого пунша!

Вечно, вечно твоя *Ребекка*.

Принимая все это в соображение, я считаю совершенно правильным и полезным для нашей дорогой Эмили Седли на Рассел-сквере, что она и мисс Шарп расстались. Ребекка, разумеется, шаловливое и остроумное существо; ее описания бедной леди, оплакивающей свою красоту, и джентльмена «с бакенбардами цвета сена и волосами цвета соломы», бесспорно очень милы и указывают на известный житейский опыт. Хотя то, что она могла, стоя на коленях, думать о таких пустяках, как ленты мисс Хорокс, вероятно немало поразило нас с вами. Но пусть любезный читатель не забывает, что наша повесть в веселой желтой обложке носит наименование «Ярмарки Тщеславия», а Ярмарка Тщеславия — место суетное, злонравное, сумасбродное, полное всяческих на-

дувательств, фальши и притворства. И хотя изображенный на обложке моралист, выступающий перед публикой (точный портрет вашего покорного слуги¹), и заявляет, что он не носит ни облачения, ни твердого воротничка, а только такое же шутовское одеяние, в какое наряжена его паства, однако, видите ли, приходится говорить правду, поскольку уж она нам известна, независимо от того, что у нас на голове: колпак ли с бубенцами, или широкополая пасторская шляпа. А в связи с этим должно выйти на свет божий столько неприятных вещей, что и не приведи бог.

Я слышал в Неаполе одного собрата по ремеслу, когда он, проповедуя на морском побережье перед толпой откровенных и честных бездельников, вошел в такой азарт, изображая злодейство своих выдуманных героев, что слушатели не могли устоять: вместе с сочинителем они разразились градом ругательств и проклятий по адресу выдуманного им чудовища, так что, когда шляпа пошла по кругу, медяки щедро посыпались в нее среди настоящей бури сочувствия.

С другой стороны, в маленьких парижских театрах вы не только услышите, как публика выкрикивает из лож: «Ah, gredin! Ah, monstre»², и осыпает ругательствами выведенного в пьесе тирана, — бывает и так, что сами актеры наотрез отказываются исполнять роли злодеев, вроде, например, *des infâmes Anglais*³, неистовых казаков и тому подобное, и предпочитают довольствоваться меньшим жалованьем, но зато выступать в более естественной для них роли честных французов. Я сопоставил эти два случая, дабы вы могли видеть, что автор этой повести вовсе не из одних корыстных побуждений желает вывести на чистую воду и строго покарать своих злодеев; он питает к ним искреннюю ненависть, которую не в силах побороть и которая должна найти исход в подобающем порицании и осуждении.

Итак, предупреждаю «благодарных друзей», что я намерен рассказать о возмутительной низости и весьма сложных, но — как я надеюсь — небезынтересных пре-

¹ Это относится к гравюре на обложке первоначального издания (Примеч. автора.)

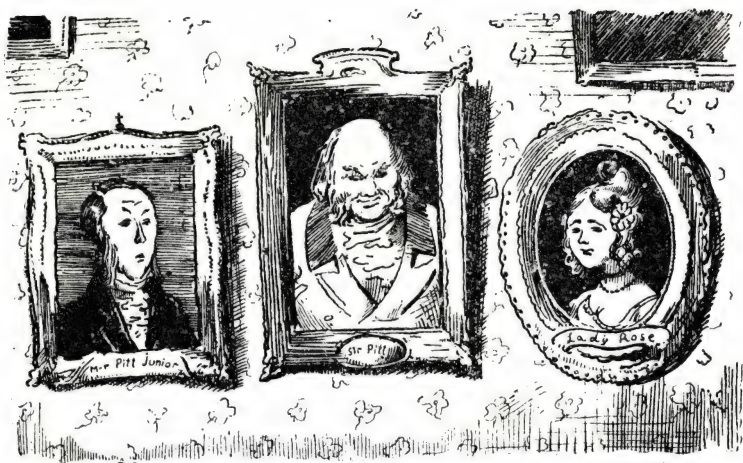
² Ах, негодяй! Ах, чудовище! (франц.)

³ Гнусных англичан (франц.).

ступлениях. Мои злодеи не какие-нибудь желторотые разини, смею вас уверить! Когда мы дойдем до соответствующих мест, мы не пожалеем ярких красок. Нет, нет! Но пока мы шествуем по мирной местности, мы будем поневоле сохранять спокойствие. Буря в стакане воды — нелепость. Предоставим подобного рода вещи могучему океану и глухой полночи. Настоящая глава — образец кротости и спокойствия. Другие же... Но не будем забегать вперед.

И я хочу просить позволения, на правах человека и собрата, по мере того как мы будем выводить наших действующих лиц, не только представлять их вам, но иногда спускаться с подмостков и беседовать о них; и если они окажутся хорошими и милыми, хвалить их и жать им руки; если они глуповаты, посмеяться над ними на ушко читателю; если же они злы и бессердечны, порицать их в самых суровых выражениях, какие только допускает приличие.

Иначе вы можете вообразить, что это я сам язвительно насмехаюсь над проявлениями благочестия, которые мисс Шарп находит такими смешными; что это я сам добродушно подшучиваю над пошатавающимся старым Силеном * — баронетом, тогда как этот смех исходит от того, кто не питает уважения ни к чему, кроме богатства, закрывает глаза на все, кроме успеха. Такие люди живут и процветают в этом мире, не зная ни веры, ни упования, ни любви; давайте же, дорогие друзья, ополчимся на них со всей мощью и силой! Другие, тоже пользующиеся большим успехом, — просто шарлатаны и дураки, и вот для борьбы с такими-то людьми и для их обличения, несомненно, и создан смех!

ГЛАВА IX

Семейные портреты

Сэр Питт Кроули был философ с пристрастием к тому, что называется низменными сторонами жизни. Его первый брак с дочерью благородного Бинки совершился с благословения родителей, и при жизни леди Кроули он частенько говорил ей, что хватит с него одной такой противной, сварливой клячи хороших кровей и что разрази его бог, если он после ее смерти возьмет еще раз жену такого же сорта. После кончины миледи он сдержал обещание и выбрал себе второй женой мисс Розу Досон, дочь мистера Джона Томаса Досона, торговца железными и скобяными товарами в Мадбери. Каким счастьем было для Розы стать леди Кроули!

Давайте же подведем итог ее счастью. Прежде всего, она отказалась от Питера Бата, молодого человека, постоянно до этого бывавшего в ее обществе, который вследствие разочарования в любви пошел по плохой дороге, то есть начал заниматься контрабандой, бра-

коньерством и другими непохвальными делами. Затем она разошлась, как это и подобало, со всеми друзьями юности и близкими, которых миледи, конечно, не могла принимать в Королевском Кроули. Но и в своем новом положении и новой жизненной сфере она не нашла никого, кто пожелал бы отнестись к ней приветливо. Да и что же тут удивительного? У сэра Хадлстона Фадлстона было три дочери, и все они рассчитывали стать леди Кроули. Семейство сэра Джайлса Уопшота было оскорблено тем, что предпочтение не оказано одной из девиц Уопшот, а остальные баронеты графства негодовали на неравный брак своего собрата. Мы умалчиваем о простых смертных, которым предоставляем ворчать анонимно.

Сэр Питт, по собственному его заявлению, никого из них в медный грош не ставил. Он обладал своей красавицей Розой, — а что еще может потребоваться человеку, чтобы жить в свое удовольствие? И вот он привык напиваться каждый вечер, иногда поколачивал красавицу Розу и, уезжая в Лондон на парламентскую сессию, оставлял ее в Хемпшире без единого друга на белом свете. Даже миссис Бьют Кроули, жена пастора, отказалась водить с ней знакомство, заявив, что ее ноги не будут в доме дочери торговца.

Так как единственными дарами, которыми ее наделила природа, были розовые щеки да белая кожа и так как у нее не было ни ярко выраженного характера, ни талантов, ни собственного мнения, ни любимых занятий и увлечений, ни той душевной силы и бурного темперамента, которые часто достаются в удел совсем глупым женщинам, то ее власть над сердцем сэра Питта была весьма кратковременной. Розы на ее щеках увяли, от прелестной стройности фигуры не осталось и помину после рождения двух детей, и она превратилась в доме своего супруга в простой автомат, от которого было столько же пользы, сколько и от фортепьяно покойной леди Кроули. Как и большинство блондинок с нежным цветом лица, она носила светлые платья преимущественно оттенка мутно-зеленой морской волны или же грязновато-небесно-голубого цвета. День и ночь она вязала что-нибудь из шерсти или сидела за другим рукоделием. В течение нескольких лет она изготовила покрывала на все кровати в Кроули. У нее был цветничок, к которому она, пожалуй, питала

привязанность, но, кроме этого, она ко всему относилась равнодушно. Когда супруг обращался с нею грубо, она оставалась апатичной, когда он бил ее — она плакала. У нее не хватало характера даже на то, чтобы пристраститься к пьянству, и она только горько вздыхала, целыми днями просиживая в ночных туфлях и папильотках. О Ярмарка Тщеславия, Ярмарка Тщеславия! Если бы не ты, Роза могла бы стать жизнерадостной женщиной, а Питер Бат и мисс Роза — счастливыми мужем и женой на уютной ферме, среди любимой семьи и с достаточной долей удовольствий, забот, надежд и борьбы. Но на Ярмарке Тщеславия титул и карета четверней — игрушки более драгоценные, чем счастье. И если бы Генрих VIII * или Синяя Борода были еще живы и если бы который-нибудь из них пожелал обзавестись десятой по счету супругой, как, по-вашему, разве они не добились бы красивейшей из тех девиц, которые должны представляться ко двору в нынешнем сезоне?

Тягостное томление матери, как и следует предположить, не пробудило особой привязанности к ней со стороны ее маленьких дочек, но зато они чувствовали себя как нельзя лучше в людской и в конюшнях; а так как у садовника-шотландца, по счастью, была добрая жена и хорошие дети, то девочки нашли у них в домике небольшое, но здоровое общество и кое-чему научились, — в этом и состояло все их образование до приезда мисс Шарп.

Приглашение Ребекки в замок объяснялось настояниями мистера Питта Кроули, единственного друга или покровителя, какого когда-либо имела леди Кроули, и единственного человека, кроме ее детей, к которому она питала хотя бы слабую привязанность. Мистер Питт пошел в благородных Бинки, своих предков, и был очень вежливым, благовоспитанным джентльменом. Достигнув зрелого возраста и вернувшись домой из Крайст-черча *, он начал налаживать ослабевшую домашнюю дисциплину, невзирая на отца, который его побаивался. Он был человек столь непреклонных правил, что скорее умер бы с голоду, чем сел за обед без белого галстука. Однажды, вскоре после того как он вернулся домой, закончив курс наук, дворецкий Хорокс подал ему письмо, не положив оное на поднос. Мистер Питт бросил на слугу суровый

взгляд и отчитал его так резко, что с тех пор Хорокс боялся его как огня. Весь дом трепетал перед ним: папильотки леди Кроули снимались в более ранний час, когда Питт бывал дома, грязные гетры сэра Питта исчезали с горизонта, и хотя этот неисправимый старик продолжал держаться других застарелых привычек, но уже не накачивался ромом при сыне и разговаривал с прислугой лишь в самой сдержанной и вежливой форме. И слуги замечали, что сэр Питт не посылал леди Кроули к черту, когда его сын присутствовал в комнате.

Это Питт научил дворецкого говорить: «Кушать подано, миледи!» и настоял на том, чтобы под руку водить миледи к обеду. Он редко разговаривал с мачехой, но когда разговаривал, то с величайшим уважением, и никогда не забывал при уходе ее из столовой по окончании трапезы подняться самым торжественным образом, открыть перед нею дверь и отвесить учтивый поклон.

В Итоне * его прозвали «Мисс Кроули», и там, я вынужден сказать с прискорбием, младший брат Родон здорово его поколачивал. Хотя его способности были не блестящи, но он восполнял недостаток таланта похвальным прилежанием и за восемь лет пребывания в школе, насколько известно, ни разу не подвергся тому наказанию, которого, как принято думать, может избежать разве только ангел.

В университете карьера его была в высшей степени почтенной. Здесь он подготовлялся к гражданской деятельности — в которую должно было ввести его покровительство дедушки, лорда Бинки, — ревностно изучая древних и современных ораторов и участвуя в студенческих диспутах. Но хотя речь его лилась гладко, а слабенький голос звучал напыщенно и самодовольно и хотя он никогда не высказывал иных чувств и мнений, кроме самых избитых и пошлых, и не забывал подкреплять их латинскими цитатами, все же он не добился больших отличий, — и это несмотря на свою посредственность, которая, казалось бы, должна была стяжать ему лавры. Сочиненная им поэма не была даже удостоена премии, хотя друзья наперебой пророчили ее мистеру Кроули.

Окончив университет, он сделался личным секретарем лорда Бинки, а затем был назначен атташе при посольстве в Пумперникеле *, и этот пост занимал с отменной

честью, добросовестно отвозя на родину пакеты, состоявшие из страсбургского пирога для министра иностранных дел. Пробыв в этой должности десять лет (в том числе и после безвременной кончины лорда Бинки) и находя, что продвижение на дипломатическом поприще совершается слишком медленно, он бросил службу, успевшую набить ему оскомину, и начал превращаться в помещика.

По возвращении в Англию мистер Кроули написал брошюру о солоде, — как человек честолюбивый, он любил выступать перед публикой, — и горячо высказывался за освобождение негров. По этому случаю он был удостоен дружбы мистера Уилберфорса *, политикой которого восторгался, и вступил в знаменитую переписку с преподобным Сайласом Хорнблоуером об обращении в христианство ашантиев. Он ездил в Лондон, если не на парламентские сессии, то по крайней мере на происходившие в мае религиозные собрания. В своем графстве он был судьей и неустанным ревнителем христианского просвещения, разнося и проповедуя его среди тех, кто, по его мнению, особенно в нем нуждался. Ходили слухи, что он питает нежные чувства к леди Джейн Шипшенкс, третьей дочери лорда Саутдауна, сестра которой, леди Эмилия, написала такие восхитительные брошюры, как «Истинный компас моряка» и «Торговка яблоками Финчлейской общины».

То, что мисс Шарп писала о его занятиях в Королевском Кроули, отнюдь не карикатура. Он заставлял слуг предаваться благочестивым упражнениям, как о том уже поминалось, и (что гораздо лучше) привлекал к участию в них и отца. Он оказывал покровительство молитвенному дому индепендентов * прихода Кроули, к великому негодованию своего дяди-пастора и, следовательно, к восхищению сэра Питта, который даже соблаговолил побывать на их собраниях раз или два, что вызвало несколько громовых проповедей в приходской церкви Кроули, обращенных в упор к старой готической скамье баронета. Впрочем, простодушный сэр Питт не почувствовал всей силы этих речей, ибо всегда дремал во время проповеди.

Мистер Кроули самым серьезным образом считал, что старый джентльмен обязан уступить ему свое место в

парламенте — во имя блага нации и всего христианского мира, но Кроули-старший и слышать об этом не хотел. Оба, конечно, были слишком благоразумны, чтобы отказаться от тысячи пятисот фунтов в год, которые приносило им второе место в парламенте от округа (в ту пору занятое мистером Кводруном с *carte blanche*¹ по невольничьему вопросу). Да и в самом деле, родовое поместье было очень обременено долгами, и доход, извлекаемый от продажи представительства, был как нельзя более кстати дому Королевского Кроули.

Поместье до сих пор не могло оправиться от тяжелой пени, наложенной на Уолпола Кроули, первого баронета, за учиненную им растрату в Ведомстве сургуча и гусиных перьев. Сэр Уолпол, веселый малый, мастер и пожить и спустить деньгу («*Alieni appetens sui profusus*»², как заметил бы со вздохом мистер Кроули), в свое время был кумиром всего графства, так как беспробудное пьянство и хлебосольство, которым славилось Королевское Кроули, привлекали к нему сердца окрестных дворян. Тогда погреба были полны бургонского, псарни — собак, а конюшни — лихих скакунов. А теперь те лошади, которые имелись в Королевском Кроули, ходили под плугом или запрягались в карету «Трафальгар». Кстати, упряжка этих самых лошадей, оторвавшись в тот день от своих бесчисленных повинностей, и доставила в поместье мисс Шарп, — ибо, как ни мужиковат был сэр Питт, однако у себя дома он весьма щепетильно охранял свое достоинство и редко выезжал иначе, как на четверке цугом; и хотя у него к обеду и была лишь вареная баранина, зато подавали ее на стол три лакея.

Если бы скарденность вела к богатству, сэр Питт Кроули, наверное, был бы крезом; с другой стороны, окажись он каким-нибудь стряпчим в провинциальном городке, где единственным принадлежащим ему капиталом была бы его голова, он, возможно, с ее помощью добился бы весьма значительного положения и влияния. Но, на свою беду, он был наделен громким именем и большим и даже незаложенным еще поместьем, — и оба эти обстоятельства скорее вредили ему, чем помогали. Он питал к

¹ Полной свободой действий (*франц.*).

² Стремящийся к чужому упускает свое (*лат.*).

сутяжничеству страсть, которая обходилась ему во много тысяч ежегодно, и, будучи, по его словам, слишком умен, чтобы дать себя грабить одному агенту, предоставил запутывать свои дела целой дюжине и никому из них не верил. Он был таким прижимистым землевладельцем, что только вконец разорившиеся горемыки решались арендовать у него землю, и таким расчетливым сельским хозяином, что буквально трясся над каждым зерном для посева; и мстительная природа платила ему тем же — обсчитывая его на урожай и награждая более щедрых хозяев. Он участвовал во всевозможных спекуляциях: разрабатывал копи, покупал акции обществ для постройки каналов, поставлял лошадей для почтовых карет, брал казенные подряды и был самым занятым человеком и судьей во всем графстве. Так как ему не хотелось платить честным управителям на своих гранитных каменоломнях, то он имел удовольствие узнать, что четверо его надсмотрщиков удрали в Америку, захватив с собою по целому состоянию. Из-за непринятия во-время мер предосторожности его угольные шахты заливало водой; казна швыряла ему обратно договоры на поставку мяса, оказавшегося испорченным; и любому содержанию почты в королевстве было известно, что сэр Питт терял больше лошадей, чем кто-либо другой во всей стране, потому что плохо их кормил, да и покупал по дешевке. В обращении с людьми он был обходителен и прост и даже предпочитал общество какого-нибудь фермера или барышника обществу джентльмена, вроде милорда его сына. Он любил выпить, загнать крепкое словцо и переброситься шуткой с фермерскими дочками. Всем было известно, что он и шиллинга не даст на доброе дело, но у него был веселый, лукавый, насмешливый нрав, и он мог пошутить с арендатором или распить с ним бутылку вина, а наутро описать его имущество и продать с молотка; мог балагурить с браконьером, которого он с таким же неизменным добродушием на следующий день отправлял на каторгу. Его галантность по отношению к прекрасному полу была уже отмечена мисс Ребеккой Шарп. Словом, среди всех баронетов, пэров и членов палаты общин Англии вряд ли бы нашелся другой такой хитрый, низкий, себялюбивый, вздорный и малопорядочный старик. Кроваво-красная лапа сэра Питта Кроули готова была полезть в любой карман, но только не в свой собственный. Как почитатели

английской аристократии, мы с величайшим огорчением и прискорбием вынуждены признать существование столь многих дурных качеств у особы, имя которой занесено в генеалогический словарь Дебрета.

Одна из причин, в силу которых мистер Кроули имел такое влияние на отца, обуславливалась денежными расчетами: баронет позаимствовал у сына некоторую сумму из наследства его матери и не находил для себя удобным выплатить эти деньги. По правде сказать, он чувствовал почти непреодолимое отвращение ко всяким платежам, и его можно было только силою заставить расплатиться с долгами. Мисс Шарп подсчитала (потому что она, как мы скоро услышим, оказалась посвященной в большую часть семейных тайн), что одни лишь платежи по процентам его кредиторам обходились почтенному баронету в несколько сот фунтов ежегодно. Но это было для него наслаждением, без которого он не мог обойтись: он испытывал какое-то злобное удовольствие, заставляя несчастных ждать, перенося дела из одной судебной инстанции в другую, оттягивая от сессии к сессии и стараясь всячески отдалить момент уплаты. Что пользы быть членом парламента, говорил он, если все равно приходится платить долги. Таким образом, его положение сенатора приносило ему немало преимуществ.

Ярмарка Тщеславия! Ярмарка Тщеславия! Вот перед нами человек едва грамотный и нисколько не интересующийся чтением, человек с привычками и хитрецей грубияна-деревенщины, чья жизненная цель заключается в мелком крючкотворстве, человек, никогда не знавший никаких желаний, волнений или радостей, кроме грязных и пошлых, — и тем не менее у него завидный сан, он пользуется почестями и властью. Он важное лицо в своей стране, опора государства. Он верховный шериф* и разъезжает в раззолоченной карете. Великие министры и государственные мужи ухаживают за ним. И на Ярмарке Тщеславия он занимает более высокое положение, чем самые блестящие умы или незапятнанная добродетель.

У сэра Питта была незамужняя сводная сестра, унаследовавшая от своей матери крупное состояние. Хотя баронет и предлагал ей дать ему эти деньги займы под

закладную, но мисс Кроули предпочла найти своим капиталам более надежное помещение. Впрочем, она выражала намерение разделить свое состояние по духовной между вторым сыном сэра Питта и семейством пастора и раз или два уже оплачивала долги Родона Кроули в бытность того в колледже и за время его службы в армии. Мисс Кроули была предметом великого почитания, когда приезжала в Королевское Кроули, потому что на ее счете у банкиров значилась такая сумма, которая делала старушку желанной гостьей где угодно.

Какой вес придает любой старой даме подобный вклад у банкира! С какой нежностью мы взираем на ее слабости, если она наша родственница (дай бог каждому нашему читателю десяток таких!), какой милой и доброй старушкой мы ее считаем! С какой улыбкой младший компаньон фирмы «Хобс и Добс» провожает ее до украшенной ромбом кареты*, на козлах которой восседает разжиревший, страдающий одышкой кучер! Как мы, когда она осчастливит нас своим приездом, ищем случая оповестить всех друзей о том положении, какое она занимает в свете! Мы говорим (и вполне искренне): «Хотел бы я иметь подпись мисс Мак-Уертер на чеке в пять тысяч фунтов!» — «Ну, что для нее это значит!» — добавляет ваша жена. «Она мне родная тетка», — отвечаете вы рассеянным, беспечным тоном, когда ваш друг спрашивает, не родственница ли вам мисс Мак-Уертер. Ваша жена постоянно посылает ей маленькие доказательства своей любви, ваша дочурка вышивает для нее шерстью бесконечные ридикюли, подушки и скамеечки для ног. Какой славный огонь пылает в приготовленной для нее комнате, когда тетушка приезжает к вам погостить, хотя ваша собственная жена зашнуровывает свой корсет в нетопленной спальне! Весь дом во время ее пребывания принимает праздничный, опрятный и приветливый вид, какого у него не бывает в иную пору. Вы сами, милый мой, забываете вздремнуть после обеда и внезапно оказываетесь страстным любителем виста (хотя неизменно проигрываете). А какие у вас бывают прекрасные обеды: ежедневно дичь, мальвазия и самая разнообразная рыба, выписанная прямо из Лондона. Даже кухонная челядь приобщается к общему благоденствию, и, пока у вас проживает толстяк кучер мисс Мак-Уертер, пиво становится значительно

крепче, а потребление чаю и сахару в детской (где кушает ее камеристка) и вовсе не учитывается. Так это или не так? Я обращаюсь к вам, средние классы! О силы небесные! Если б вы ниспослали мне какую-нибудь старую тетушку — старую деву, — тетушку с ромбовидным гербом на дверцах кареты и с накладкой светлокофейного цвета! Ах, какие ридикюли стали бы ей вышивать мои дочки, и оба мы с Юлией как старались бы ее ублажать! О сладостное, сладостное видение! Безумные, безумные мечты!

ГЛАВА X

Мисс Шарп приобретает друзей

И вот, когда Ребекка заняла столь доверенное положение в милом семействе, портреты которого мы набросали на предыдущих страницах, эта юная леди натурально сочла своим долгом, как она говорила, стать приятной своим благодетелям и всячески завоевать их доверие. Можно ли не восхищаться таким чувством признательности со стороны бедной сироты? А если тут и был известный расчет и некоторая доля корысти, то кто не увидит в этом проявления вполне естественного благоразумия? «Я одна на свете, — говорила эта безродная девушка. — Я могу надеяться только на то, что заработаю своим трудом. И если у этой дуреки с розовой мордашкой Эмилии, которой я вдвое умнее, есть десять тысяч фунтов и обеспеченное положение, то бедная Ребекка (а ведь я сложена куда лучше Эмилии) может полагаться только на себя да на собственный ум. Ну что ж, посмотрим, не выручит ли меня мой ум и не удастся ли мне в один прекрасный день доказать Эмилии мое действительное над нею превос-

ходство! Не потому, что я терпеть не могу бедную Эмилию, — кто может не любить такое безобидное, добродушное создание? Но все же счастлив тот день, когда я займу в обществе место выше ее. Да почему бы собственно и нет?» Так наш маленький романтический друг рисовал себе картины будущего. И нас не должно смущать, что неизменным обитателем ее воздушных замков был преданный супруг. О чем же и думать молодым особам, как не о мужьях? О чем ином помышляют их милые маменьки? «Я должна быть своей собственной маменькой», — говорила Ребекка, не без болезненной досады вспоминая о маленькой неудаче с Джозом Седли.

Итак, она пришла к мудрому решению сделать свое положение в семействе Королевского Кроули приятным и прочным и с этой целью положила завязать дружбу со всеми, кто мог так или иначе помешать ее планам.

Поскольку леди Кроули не принадлежала к числу таких лиц и, больше того, была женщиной столь вялой и лишенной характера, что с нею никто не считался в ее собственном доме, то Ребекка скоро нашла, что не стоит добиваться ее расположения, — да и, по правде говоря, его и невозможно было снискать. В разговорах с ученицами она обычно называла миледи «бедной мамочкой», и хотя относилась к ней со всеми знаками должного уважения, но главную часть своего внимания благоразумно обратила на остальных членов семейства.

В отношении своих питомиц, чьей симпатией она полностью заручилась, ее метод был необыкновенно прост. Она не забивала их юных мозгов чрезмерным учением, но, наоборот, предоставляла им полную самостоятельность в приобретении знаний. И правда, какое образование скорее достигает цели, если не самообразование? Старшая девочка отличалась пристрастием к чтению, а в старой библиотеке Королевского Кроули было немало произведений изящной литературы прошлого столетия как на французском, так и на английском языках (книги были приобретены секретарем департамента по Ведомству сургуча и гусиных перьев в период его опалы); и так как никто никогда не тревожил книжных полок, кроме одной Ребекки, то она и получила возможность, с приятностью для себя и как бы забавляясь, преподать мисс Розе Кроули немало полезных сведений.

Таким образом, они с мисс Розой прочли много восхи- тительных французских и английских книг, среди которых следует упомянуть труды ученого доктора Смоллета, остроумного мистера Генри Филдинга, изящного и прихот- ливого *monsieur* Кребийона-младшего *, необузданной фантазией которого так восхищался наш бессмертный поэт Грэй *, и, наконец, всеобъемлющего *monsieur* Воль- тера. Однажды, когда мистер Кроули осведомился, что чи- тает молодежь, гувернантка ответила: «Смоллета». — «Ах, Смоллета! — произнес мистер Кроули, совершенно удов- летворенный. — Его история скучновата, но во всяком слу- чае не столь опасна, как история мистера Юма *. Вы ведь историю читаете?» — «Да», — ответила мисс Роза, не при- бавив, однако, что это была история мистера Хамфри Клинкера *. В другой раз он был неприятно поражен, за- став сестру с книгой французских комедий, но гувернант- ка заметила, что таким путем легче усвоить француз- ский разговорный язык, и мистеру Кроули пришлось с этим согласиться. Мистер Кроули, как дипломат, чрез- вычайно гордился своим умением говорить по-француз- ски (ибо все еще был светским человеком), и ему достав- ляли немалое удовольствие комплименты, которыми гу- вернантка осыпала его за успехи в этой области.

Напротив, у мисс Вайолет наклонности были более грубые и буйные, чем у ее сестры. Она знала заповедные местечки, где неслись куры; она ловко лазила по деревьям и разоряла гнезда пернатых певцов, охотясь за их хоро- шенькими пестрыми яичками. Первым ее удовольствием было скакать верхом на необъезженном жеребце и но- ситься по полям, подобно Камилле *. Она была любими- цей отца и конюхов. Она была кумиром и грозой кухарки, потому что всегда находила укромные уголки, где храни- лось варенье, и когда добиралась до банок, учиняла на них опустошительные набеги. С сестрой у ней бывали по- стоянные баталии. Мисс Шарп если и открывала ее про- делки, то не сообщала о них леди Кроули, которая могла бы рассказать о них отцу или, что еще хуже, мистеру Кроули, но давала обещание не говорить никому, если мисс Вайолет станет хорошей девочкой и будет любить свою гувернантку.

С мистером Кроули мисс Шарп была почтительна и послушна. Она часто советовалась с ним относительно

тех или иных французских выражений, которых не понимала, хотя ее мать и была природной француженкой, и мистер Кроули, к ее полному удовлетворению, растолковывал ей трудные места. Но, помимо оказания ей помощи по части светской литературы, он бывал настолько любезен, что подбирал для Ребекки книги более серьезного содержания и в своих беседах особенно часто обращался к ней. Она безмерно восхищалась его речью в обществе вспомоществования племени Квошимабу; проявляла интерес к его брошюре о солоде; нередко бывала растрогана, и даже до слез, его вечерними назиданиями и произносила: «О, благодарю вас, сэр!», с таким вздохом устремляя взоры к небесам, что мистер Кроули иной раз удостаивал Ребекку рукопожатия. «Как-никак, а кровь сказывается, — говаривал этот аристократический проповедник. — Как благотворно действуют на мисс Шарп мои слова, тогда как никого другого они здесь не трогают! Я слишком тонок, слишком изыскан, придется упростить свой слог, — но она его понимает: ведь ее мать была Монморанси» *.

Да, да, представьте, по материнской линии мисс Шарп происходила из этого славного рода. Конечно, она не упоминала о том, что мать ее подвизалась на сцене: этого не вынесла бы щепетильность набожного мистера Кроули. Какое множество знатных эмигрантов повергла в нищету эта ужасная революция! Не успела Ребекка хорошенько осмотреться в доме Кроули, как в запасе у нее оказалось множество рассказов о своих предках. Некоторых из них мистеру Кроули вскоре посчастливилось найти в словаре д'Озье, имевшемся в отцовской библиотеке, но это обстоятельство лишь укрепило его веру в их правдивость и в знатность происхождения Ребекки. Можем ли мы предположить, основываясь на такой любознательности и поисках в словаре, — могла ли наша героиня предположить, — что мистер Кроули заинтересовался ею? Нет, — речь могла идти разве только о дружеском участии. Ведь мы уже упоминали, что мистер Кроули дарил своим вниманием леди Джейн Шипшенкс.

Раз или два он делал замечание Ребекке насчет ее обычая играть в триктрак * с сэром Питтом и говорил, что это богопротивное занятие и лучше бы ей заняться чтением «Наследия Трампа», или «Слепой прачки из Мур-

фильдса», или каким-либо другим душеспасительным делом. Но мисс Шарп отвечала, что ее дорогая маменька часто играла в эту игру со старым графом де Триктраком или достопочтенным аббатом дю-Корнетом, — и всегда у нее находилось оправдание как для этого, так и для других мирских развлечений.

Но не только игрой в триктрак маленькая гувернантка снискала расположение своего нанимателя, она нашла много способов быть ему полезной. С неутомимым терпением перечитала она все те судебные дела, с которыми, еще до ее приезда в Королевское Кроули, обещал познакомить ее сэр Питт; она вызвалась переписывать его письма и ловко изменяла их орфографию в соответствии с существующими правилами; она интересовалась решительно всем, что касалось имения, фермы, парка, сада и конюшни, и оказалась такой приятной спутницей, что баронет редко предпринимал свою прогулку после раннего завтрака без Ребекки (и детей, конечно!). И тут она советовала ему, какие деревья подрезать шпалерами, какие грядки вскопать, и обсуждала с ним, не пора ли уже приступить к уборке и каких лошадей взять под плуг, а каких запрячь в подводы. Она не была и года в Королевском Кроули, как уже приобрела полнейшее доверие сэра Питта; застольные беседы, прежде происходившие между ним и дворецким, мистером Хороксом, теперь велись только между сэром Питтом и мисс Шарп. Она была почти хозяйкой в доме, когда отсутствовал мистер Кроули, но вела себя в своем новом высоком положении с такой скромностью и осмотрительностью, что нисколько не задевала кухонной и конюшенной властей, с которыми была всегда приветлива и мила. Она стала совсем другим человеком — не той надменной, болезненно самолюбивой и обидчивой девочкой, которую мы знали раньше; и эта перемена характера доказывала большое благоразумие, искреннее желание исправиться и во всяком случае свидетельствовала о незаурядной выдержке и твердости характера. Сердце ли диктовало эту новую систему покорности и смирения, принятую теперь нашей Ребеккой, покажут дальнейшие ее дела. Система лицемерия, которой надо следовать годами, редко удается на практике особе двадцати с небольшим лет. Впрочем, читателям следует помнить, что наша юная годами ге-

роиня была взрослой по своему жизненному опыту, и мы напрасно потратили время, если не убедили их, что Ребекка была на редкость умна.

Старший и младший сыновья семейства Кроули — подобно фигуркам джентльмена и дамы на ящичке, предсказывающем погоду, — никогда не жили вместе, они всем сердцем ненавидели друг друга. Нужно сказать, что Родон Кроули, драгун, питал величайшее презрение ко всему этому месту и редко навещал его, за исключением того времени, когда тетушка наносила свой ежегодный визит.

Мы уже упоминали о выдающихся заслугах этой старой дамы. Она обладала капиталом в семьдесят тысяч фунтов и почти что усыновила Родона. Зато она решительно не выносила старшего племянника, считая его размазней. В свою очередь мистер Питт без малейших колебаний заявлял, что душа ее безвозвратно погибла, и высказывал опасение, что шансы его брата в загробном мире немногим лучше. «Она величайшая безбожница, — говаривал мистер Кроули. — Она водится с атеистами и французами. Все во мне трепещет, когда я подумаю об ее ужасном, ужаснейшем положении и о том, что она, стоя одной ногой в могиле, может так предаваться суетным, греховным помышлениям, мерзкой распущенности и сумасбродству!» Действительно, старая дама наотрез отказывалась выслушивать его бесконечные вечерние назидания, и когда она приезжала в Королевское Кроули, мистеру Кроули приходилось на время прекращать свои благочестивые беседы.

— Никаких проповедей, Питт, когда придет мисс Кроули, — говорил ему отец, — она писала, что не намерена выносить пустословие.

— О сэр, вспомните о благе ваших слуг!

— Да провались они все! — отвечал сэр Питт; но сыну казалось, что с ними может случиться что-нибудь и похуже, если они лишатся благодати его поучений.

— Ну и наплевать, Питт! — говорил отец в ответ на возражения сына. — Не такой же ты болван, чтобы дать трем тысячам ежегодного дохода уплыть из наших рук?

— Что такое деньги по сравнению с душевными благами, сэр? — продолжал мистер Кроули.

— Ты хочешь сказать, что старуха не оставит этих денег тебе?

И — кто знает, — может быть, таковы и были мысли мистера Кроули.

Старая мисс Кроули, вне всякого сомнения, была нечестивницей. У нее был уютный особнячок на Парк-лейн *, и так как она в течение лондонского сезона позволяла себе пить и есть довольно неумеренно, то на лето уезжала в Херогейт или Челтенхем *. Это была на редкость гостеприимная и веселая старая весталка; в свое время, по ее словам, она слыла красавицей (все старухи когда-то были красавицами, — мы это отлично знаем!). Ее считали *bel esprit* ¹ и страшной радикалкой. Она побывала во Франции (где, говорят, Сен-Жюст внушил ей несчастную страсть) и с той поры навсегда полюбила французские романы, французскую кухню и французские вина. Она читала Вольтера и знала наизусть Руссо, высказывалась очень вольно о разводе и весьма энергически о женских правах. В доме у нее портреты мистера Фокса * висели в каждой комнате, и я не уверен, не была ли она с ним заодно, когда этот государственный муж находился в оппозиции; когда же он стал у власти, она кичилась тем, что склонила на его сторону сэра Питта и его сотоварища по представительству от Королевского Кроули, хотя сэр Питт и сам по себе примкнул бы к партии Фокса, без всяких хлопот со стороны почтенной дамы. Нужно ли говорить, что после смерти великого государственного деятеля-вига сэр Питт счел за благо пересмотреть свои убеждения.

Сия достойная леди привязалась к Родону Кроули, когда тот был еще мальчиком, послала его в Кембридж (потому что второй племянник был в Оксфорде), а когда начальствующие лица предложили молодому человеку покинуть университет после двухлетнего в нем пребывания, купила племяннику офицерский патент * в лейб-гвардии Зеленом полку.

Молодой офицер слыл в городе первейшим и знаменитейшим шалопаем и денди. Бокс, крысиная травля, игра в мяч и езда четверней были тогда в моде у нашей английской аристократии, и он с увлечением занимался всеми

¹ Острой на язык (франц.).

этими благородными искусствами. И хотя Родон Кроули служил в гвардии, еще не имевшей случая проявить свою доблесть в чужих краях, поскольку ее обязанностью было охранять особу принца-регента, он имел уже на своем счету три кровопролитных дуэли (поводом к которым была карточная игра, любимая им до страсти) и таким образом в полной мере доказал свое презрение к смерти.

— И к тому, что последует после смерти, — добавлял мистер Кроули, вздымая к потолку глаза, цветом напоминавшие ягоды крыжовника. Он никогда не переставал печься о душе брата, как и о душах всех тех, кто расходился с ним во мнениях: в этом находят утешение много серьезных людей.

Взбалмошная, романтически настроенная мисс Кроули, вместо того чтобы приходить в ужас от храбрости своего любимца, после каждой такой дуэли обычно уплачивала его долги и отказывалась слушать то, что ей нашептывали про его беспутства. «Со временем он перебесится, — говорила она. — Все же я не сравню Родона с этим лицемерным ханжой, его братцем».

ГЛАВА XI

Счастливая Аркадия

Познакомив читателя с достойными обитателями замка (чья простота и милая сельская чистота нравов несомненно свидетельствуют о преимуществе деревенской жизни перед городской), мы должны представить ему также их родственников и соседей из пасторского дома — Бьюта Кроули и его жену.

Его преподобие Бьют Кроули, рослый, статный весельчак, носивший широкополую пасторскую шляпу, пользовался несравненно большей популярностью в своем графстве, чем его брат баронет. В свое время он был загребным в команде Крайст-черча, своего колледжа, и укладывал лучших боксеров города. Пристрастие к боксу и атлетическим упражнениям он сохранил и впоследствии: на двадцать миль кругом ни одного боя не обходилось без его присутствия. Он не пропускал ни скачек, ни рысистых испытаний, ни лодочных гонок, ни балов, ни выборов, ни парадных обедов, ни просто хороших обедов по всему графству и всегда находил способ побывать на них. Гнедую кобылу пастора и фонари

его шарабана можно было встретить за десятки миль от пасторского дома, торопился ли он на званый обед к Фадлстону, или к Роксби, или к знатым лордам графства, со всеми ними он был на дружеской ноге. У него был отличный голос, он певал: «Южный ветер тучи погоняет...» и лихо гикал в хоре под общие аплодисменты. Он выезжал на псовую охоту в куртке цвета «перца с солью» и считался одним из лучших рыболовов в графстве.

Миссис Кроули, супруга пастора, была пребойкая маленькая дама, сочинявшая проповеди для этого достойного священнослужителя. Питая склонность к домохозянству и проводя время по большей части в кругу своих дочерей, она правила в пасторской усадьбе полновластно, мудро предоставляя супругу свободу делать за стенами дома все, что ему угодно. Он мог приезжать и уезжать, когда ему хотелось, и обедать в гостях, сколько вздумается, потому что миссис Кроули была женщиной экономной и знала цену портвейна. С тех самых пор, как миссис Бьют прибрала к рукам молодого священника Королевского Кроули (она была хорошего рода — дочь покойного подполковника Гектора Мак-Тевিশа; они с братом ставили на Бьюта и выиграли ставку на херогейтских скачках), она была для него разумной и рачительной женой. Впрочем, несмотря на все ее старания, он не вылезал из долгов. Ему пришлось по меньшей мере десять лет выплачивать долги по студенческим векселям, выданным еще при жизни отца. В 179... году, едва освободясь от этого бремени, он поставил сто против одного (из двадцати фунтов) против «Кенгуру», победителя на дерби. Пришлось пастору занять денег под разорительные проценты, и с тех пор он бился как рыба об лед. Сестра иногда выручала его сотней фунтов, но, конечно, он возлагал все свои надежды на ее смерть, — когда «Матильда, черт ее побери, — говаривал он, — должна будет оставить мне половину своих денег!»

Таким образом, у баронета и его брата были все причины, какие только могут существовать у двух братьев, чтобы ненавидеть друг друга. Сэр Питт неизменно одерживал верх над Бьютом в бесчисленных семейных распрях. Молодой Питт не только не увлекался охотой, но устроил молитвенный дом под самым носом у дяди. Родон, как известно, притяжал на большую часть состояния

мисс Кроули. Эти денежные расчеты, эти спекуляции на жизни и смерти, эти безмолвные битвы за неверную добычу заставляют братьев питать друг к другу очень нежные чувства на Ярмарке Тщеславия. Я, например, знаю случай, когда банковый билет в пять фунтов послужил яблоком раздора, а затем и вконец разрушил полувековую привязанность между двумя братьями, и могу только радоваться при мысли, сколь превосходна и нерушима любовь в нашем меркантильном мире.

Трудно предположить, чтобы прибытие в Королевское Кроули такой личности, как Ребекка, и постепенное снижение ею благосклонности всех тамошних обитателей остались незамеченными для миссис Бьют Кроули. Миссис Бьют, которой было в точности известно, на сколько дней хватало в замке говяжьего филе, сколько белья поступало в большую стирку, сколько персиков созревало на южной шпалере, сколько порошков принимала миледи, когда была больна, — ибо такие вопросы горячо принимаются к сердцу провинциальными кумушками, — миссис Бьют, говорю я, не могла оставить без внимания объявившуюся в замке гувернантку и не произвести самого тщательного расследования ее прошлого и репутации. Между прислужгой обоих семейств было самое полное взаимопонимание. На кухне у пасторши всегда находился добрый стакан эля для замковой челяди, весьма неизбалованной по части выпивки, — пасторше было, разумеется, в точности известно, сколько солоду идет в замке на каждую бочку пива, — а кроме того, слуг связывали родственные узы, так же как и их господ. И вот через эти-то каналы каждое семейство бывало великолепно осведомлено о том, что делается у другого. Кстати, это общее правило: пока вы друзья с вашим братом, его поступки для вас безразличны; но если вы поссорились, то каждый его шаг становится известен вам до такой степени, словно вы за ним непрерывно шпионите.

Очень скоро поэтому Ребекка стала занимать постоянное место в бюллетенях, получаемых миссис Бьют Кроули из замка. Содержание их было примерно таково:

«Закололи черного поросенка, весил столько-то; грудинку посолили, свиной пудинг и окорока подавали к обеду. Мистер Кремп из Мадбери совещался с сэром Питтом относительно заключения в тюрьму Джона Блэк-

мора; мистер Питт был на молитвенном собрании (с перечислением имен всех присутствовавших); миледи в обычном своем здоровье, барышни проводят время с гувернанткой».

Затем поступало донесение: «Новая гувернантка на редкость дотошная особа. Сэр Питт в ней души не чает, мистер Кроули тоже: он читает ей брошюры».

«Негодная тварь!» — кипятилась маленькая, живая черномазая миссис Бьют Кроули, непоседливая хлопотунья.

Наконец последовали донесения, что гувернантка «обошла» всех и каждого, пишет для сэра Питта письма, ведет его дела, составляет отчеты — словом, прибрала к рукам весь дом — миледи, мистера Кроули, девочек и всех, всех, — на что миссис Кроули заявила, что гувернантка хитрющая плутовка и что все это неспроста.

Таким образом, жизнь в замке давала пищу для разговоров в пасторском доме, и ясные очи миссис Бьют не уставали следить за всем, что происходило во вражеском стане, да и еще за многим сверх того.

*«От миссис Бьют Кроули к мисс Пинкертон,
Чизвикская аллея.»*

Милостивая государыня!

Хотя уже столько лет прошло с тех пор, как я пользовалась вашими *чудными* и *драгоценными* наставлениями, но все же я неизменно питаю самое нежное и самое почтительное уважение к мисс Пинкертон и милому Чизвику. Надеюсь, вы в добром здоровье. Интересы общества и *дело воспитания* не могут допустить потери мисс Пинкертон еще на долгие, долгие годы. Когда мой друг, леди Фадлстон, в разговоре упомянула, что ее милые девочки нуждаются в воспитательнице (пусть я *слишком бедна*, чтобы нанять гувернантку для своих девочек, но разве я не получила образования в Чизвике?), я, разумеется, воскликнула: «С кем же нам посоветоваться, как не с превосходнейшей, несравненной мисс Пинкертон?» Словом, нет ли у вас, милостивая государыня, на примете какой-нибудь молодой особы, чьи услуги могли бы пригодиться моему доброму другу и соседке? Смею вас уверить, что она решится взять гувернантку только *по вашему выбору*.

Мой милый супруг пользуется случаем заявить, что он одобряет *все, что исходит из школы мисс Пинкертон*. Как мне хотелось бы представить его и моих любимых девочек другу моей юности, предмету восхищения Великого лексикографа нашей страны! Мистер Кроули просит меня передать, что, если вам когда-либо случится попасть в Хемпшир, он надеется приветствовать вас в нашем *сельском пасторском доме*. Это скромный, но счастливый приют

любящей вас

Марты Кроули.

Р. S. Брат мистера Кроули, баронет, с которым мы, увы, не находимся в тех отношениях тесной дружбы, какие подобают братьям, пригласил для своих маленьких дочерей гувернантку, удостоившуюся, как мне передавали, чести получить образование в Чизвике. До меня доходят различные толки о ней. И так как я принимаю горячее участие в своих драгоценных маленьких племянницах и хотела бы, невзирая на семейные разногласия, видеть их среди своих собственных детей, — и так как я стремлюсь оказать внимание *всякой вашей воспитаннице*, — то, пожалуйста, дорогая моя мисс Пинкертон, не откажите рассказать мне *историю* этой молодой особы, которой я, *из любви к вам*, мечтаю оказать самое дружеское расположение.

М. К.»

«От мисс Пинкертон к миссис Бьют Кроули.

Джонсон-хаус, Чизвик, декабрь 18.. г.

Милостивая государыня!

Честь имею подтвердить получение вашего любезного письма, на которое спешу ответить. Сколь радостно для особы, пребывающей в неусыпных трудах и тревогах, убедиться, что ее материнские заботы вызывают ответное расположение, и узнать в милой миссис Бьют Кроули мою превосходнейшую ученицу минувших лет, *жизнерадостную и блестящую многими талантами* мисс Марту Мак-Тевииш. Я счастлива иметь на своем попечении дочерей многих леди, которые были вашими сверстницами в моем заведении, — и какое же бы мне доставило удовольствие,

если бы и ваши драгоценные девочки нуждались в моем воспитательном руководстве!

Свидетельствуя чувства своего полного уважения к леди Фадлстон, я имею честь (через посредство письма) рекомендовать ее милости двух моих друзей, мисс Тафин и мисс Хоки.

Каждая из этих юных особ способна *в совершенстве* обучать греческому, латыни и начаткам еврейского, затем математике и истории, испанскому, французскому и итальянскому, а также географии, музыке — вокальной и инструментальной, танцам без помощи учителя и элементам естествознания. В обращении с глобусом обе они очень искусны. Вдобавок ко всему этому мисс Тафин — дочь покойного преподобного Томаса Тафина (члена совета колледжа *Corpus Christi*, Кембридж) — изрядно умеет по-сирийскому и сведуща в вопросах государственного устройства. Но так как ей всего лишь восемнадцать лет от роду и она обладает на редкость привлекательной наружностью, то, быть может, приглашение этой молодой особы встретит известные препятствия в семействе сэра Хадлстона Фадлстона.

С другой стороны, мисс Летиция Хоки в отношении наружности менее счастливо одарена. Ей двадцать девять лет, и лицо у нее сильно изрыто оспой. Она немножко прихрамывает, у нее рыжие волосы и легкое косоглазие. Обе девицы отличаются всеми *нравственными* и *христианскими* добродетелями. Их условия, конечно, соответствуют тому, чего заслуживают их совершенства. Посылая свою благодарность и свои почтительные приветствия его преподобию Бьюту Кроули, имею честь быть, милостивая государыня, вашей верной и покорной слугой,

Барбарою Пинкертон.

Р. S. Мисс Шарп, о которой вы упоминаете, гувернантка сэра Питта Кроули, баронета и члена парламента, была моей воспитанницей, и я не могу сказать о ней ничего дурного. Правда, она не хороша собой, но мы не в силах руководить предначертаниями природы. Правда и то, что ее родители славились дурной репутацией (отец у нее был художник и несколько раз банкротился, а мать, как я потом узнала, к своему ужасу, выступала балетной танцовщицей), но все же у нее значительные дарования,

и я не могу сожалеть о том, что взяла ее в свой пансион *из милости*. Боюсь только, как бы принципы ее матери, которая была представлена мне в качестве французской графини, вынужденной эмигрировать от ужасов минувшей революции, но которая, как я потом открыла, была особой *самого низкого ранга и нравственности*, — как бы эти принципы в один прекрасный день не оказались *унаследованными* несчастной молодой женщиной, которую я призрела вследствие того, что всеми она была *отвергнута*. Но *до сей поры* ее принципы были вполне корректны (насколько мне известно), и я уверена, что не произойдет ничего такого, что изменило бы их к худшему в избранном и утонченном кругу высокоставного сэра Питта Кроули».

«От мисс Ребекки Шарп к мисс Эмили Седли.

Я не писала моей милой Эмили уже много недель, ибо что нового могла бы я сообщить тебе о тех разговорах и происшествиях, которые имеют место в Замке Скуки, как я окрестила его. Какое тебе дело до того, хорошо или плохо уродился турнепс, сколько весил откормленный боровок — тринадцать стоунов или четырнадцать, и идет ли впрок скоту откармливание его свекловицей? Со времени моего последнего письма к тебе все дни у нас проходили, как один. Перед завтраком прогулка с сэром Питтом и его потомством; после завтрака — занятия (какие ни на есть) в классной; после классной — чтение и писание бумаг с сэром Питтом касательно судебных дел, аренды, каменноугольных копей, каналов (я превратилась в его секретаря); после обеда — поучения мистера Кроули или игра в триктрак с баронетом; за любым из этих развлечений миледи наблюдает с одинаковой невозмутимостью. Она стала несколько интереснее, потому что за последнее время начала прихварывать, и это обстоятельство привлекло в замок нового посетителя в лице молодого доктора. Ну, душечка, молодым женщинам никогда не следует отчаиваться! Молодой доктор дал понять одной твоей приятельнице, что если она пожелает стать миссис Глаубер, то окажется желанным украшением его врачебного кабинета! Я ответила нахалу, что золоченый пестик и ступка уже являются достаточным для него украшением. В самом деле, как будто я рождена для

того, чтобы быть женой деревенского лекаря! Мистер Глаубер отправился во-свояси, серьезно опечаленный таким отпором, принял жаропонижающее и теперь совершенно исцелился. Сэр Питт весьма одобрил мое решение; мне кажется, ему было бы жаль потерять своего маленького секретаря. Я уверена, что старый пройдоха расположен ко мне, насколько вообще в его натуре питать расположение к кому-либо. Вот еще — выйти замуж! И притом за деревенского аптекаря, после того как... Нет, нет, нельзя так скоро забывать старые отношения, о которых не стану больше распространяться. Вернемся к Замку Скуки.

С некоторых пор это уже не Замок Скуки. Дорогая моя, сюда приехала мисс Кроули, на разжиревших лошадях, с жирными слугами, с жирной болонкой, — великая богачка мисс Кроули, с семьюдесятью тысячами фунтов в пятипроцентных бумагах, перед которой — или, вернее, перед *которыми* — раболепствуют оба ее брата. У бедняжки весьма апоплектический вид; нет ничего удивительного, что братья страшно тревожатся за нее. Если бы ты только видела, как они чуть не дерутся, бросаясь поправить ей подушки или подать кофе! «Когда я приезжаю в деревню, — говорит гостья (она не без юмора!), — то оставляю свою приживалку, мисс Бригс, дома. Мои братцы у меня здесь за приживалок, милочка! И что это за достойная пара!»

Когда она прибывает в деревню, двери нашего замка открываются настежь и по крайней мере целый месяц кажется, будто сам сэр Уолпол восстал из мертвых. У нас устраиваются званые обеды; мы выезжаем в парадных каретах четверней; лакеи облачаются в новенькие ливреи канареечного цвета; мы пьем красное вино и шампанское, словно привыкли пить их каждый день; даже в классной горят восковые свечи, и мы греемся у разведенного в камине огня. Леди Кроули заставляют облачаться в самые яркие ее платья, цвета зеленого горошка, а мои воспитанницы сбрасывают свои грубые башмаки и старые узенькие клетчатые платица и щеголяют в шелковых чулках и кисейных оборках. Роза попала вчера в большую беду: уилтширская свинья (ее любимица, преогромных размеров) сбила девочку с ног и изорвала на ней очень миленькое шелковое сиреневое платье с цветочками.

Случись это неделю назад, сэр Питт страшно изругал бы дочку, надрал бы бедняжке уши и целый месяц продержал ее на хлебе и на воде. Но он только сказал: «Вот я задам вам, мисс, когда уедет тетушка!» и посмеялся над происшествием, словно это был сущий пустяк. Бог даст, гнев его пройдет до отъезда мисс Кроули. Надеюсь, ради мисс Розы, что так оно и будет. Каким очаровательным успокоителем и миротворцем являются деньги!

Но особенно благотворно воздействие мисс Кроули и ее семидесяти тысяч фунтов сказывается на поведении обоих братьев. Я имею в виду баронета и пастора (не *наших* братьев), которые ненавидят друг друга круглый год и только на рождестве проникаются взаимной любовью. Я писала тебе в прошлом году, что у этого омерзительного жокея-пастора хватает нахальства читать нам в церкви нескладные проповеди, на которые сэр Питт неизменно отвечает храпом. Но с приездом сюда мисс Кроули о ссорах нет и помину. Замок наносит визиты пасторскому дому и *vice versa*¹. Пастор и баронет беседуют о свиньях и браконьерах и о делах графства в самой дружелюбной форме и не затевают свар за стаканом вина, насколько мне приходится наблюдать; правда, мисс Кроули и слышать не хочет ни о каких сварах и клянется, что оставит деньги шропширским Кроули, если ее будут оскорблять здесь. Мне кажется, будь эти шропширские Кроули умными людьми, они могли бы получить все. Но шропширский Кроули — священник, такой же как его хемпширский кузен, и он смертельно оскорбил мисс Кроули (которая бежала к нему в припадке гнева на своих несговорчивых братьев) какими-то слишком чопорными суждениями о нравственности. Он, кажется, непрочь был бы перенести богослужения к себе на дом!

С приездом мисс Кроули наши душеспасительные книжки откладываются, а мистер Питт, которого мисс Кроули не выносит, находит для себя более удобным отправиться в город. Зато здесь появился молодой денди,— «шалопай», так, кажется, они называются,— капитан Кроули, и, мне думается, тебе небезынтересно узнать, что это за особа.

Так вот, это молодой денди очень крупных размеров.

¹ И обратно (*лат.*).

Он шести футов ростом, говорит басом, не стесняется в выражениях и помыкает прислугой, которая тем не менее его обожает. Он щедро сыплет деньгами, и слуги готовы сделать для него все. На прошлой неделе сторожа чуть не убили бейлифа * и его помощника, которые явились из Лондона арестовать капитана и подстерегали его у ограды парка, — их избили, окатили водой и собирались было застрелить, как браконьеров, но тут вмешался баронет.

Капитан, поскольку я могла заметить, от всей души презирает отца и называет его старым чертом, старым греховодником и старым хреном, не говоря уж о всяких других миленьких прозвищах. Среди местных дам он пользуется ужаснейшей репутацией. Он привозит с собой своих охотничьих лошадей, водит компанию с окрестными помещиками, приглашает к обеду кого вздумает, а сэр Питт и пикнуть не смеет из боязни обидеть мисс Кроули и лишиться наследства, когда она умрет от удара. Рассказать тебе, каким вниманием удостоил меня капитан? Непременно расскажу, это так мило. Как-то вечером у нас вздумали потанцевать; был сэр Хадлстон Фадлстон с семейством, сэр Джайлс Уопшот с дочерьми и еще много гостей. Так вот я услышала, как капитан сказал: «Черт возьми, премилая девчурка!» — имея в виду вашу покорнейшую слугу, и тут же оказал мне честь протанцевать со мною в контрдансе. Он очень недурно проводит время с помещичьей молодежью, кутит, бьется об заклад, устраивает верховые прогулки и разговаривает только об охоте и стрельбе. Но о наших деревенских барышнях говорит, что с ними «тощища». Право, мне кажется, что он не так уж ошибается. Поглядела бы ты, с каким презрением они смотрят на меня, бедняжку! Когда они танцуют, я сажусь за фортепьяно и смиренненько играю. Но как-то капитан пожаловал в гостиную из столовой, несколько разбурьявившись, и, увидев меня за таким занятием, заявил во всеуслышанье, что я лучшая здесь танцорка, и поклялся, что пригласит музыкантов из Мадбери.

— Я сыграю вам контрданс, — с большой готовностью предложила миссис Бьют Кроули (маленькая черномазая старушка в тюрбане, несколько сутулая и с бегающими глазками). И после того как капитан и твоя бедненькая Ребекка протанцевали, она, представь себе, удостоила

меня комплимента, похвалив грацию моих движений! Такая вещь была бы раньше совершенно неслыханной! И это — гордячка миссис Бьют Кроули, двоюродная сестра графа Типтофа, не устаивающая своими посещениями леди Кроули, кроме тех случаев, когда в именин гостит ее золовка! Бедняжка леди Кроули! Во время большей части таких увеселений она сидит у себя наверху и принимает пилюли.

Миссис Бьют внезапно вспыхнула ко мне нежными чувствами. «Дорогая моя мисс Шарп, — говорит она мне как-то, — отчего вы с девочками никогда не заглянете к нам в пасторат? Их кузины будут так счастливы с ними повидаться!» Я поняла, куда она метит. Синьор Клементи недаром обучал нас играть на фортепьяно. Миссис Бьют рассчитывает получить бесплатную учительницу музыки для своих детей. Я насквозь вижу все ее подходы, словно она сама их мне расписала. Но я пойду к ней, так как решила быть любезной со всеми, — разве это не обязанность бедной гувернантки, у которой нет ни одного друга, ни одного покровителя на свете? Супруга пастора наговорила мне уйму комплиментов по поводу успехов, сделанных моими ученицами, и, несомненно, думала тронуть этим мое сердце, — бедненькая простодушная провинциалка! — словно я хоть капельку интересуюсь своими ученицами.

Твоя индийская кисея и розовый шелк, драгоценная моя Эмилия, по общим отзывам, очень мне к лицу. Теперь эти платья уже порядочно поизносились, но ведь мы, бедные девушки, не в состоянии заводить себе *des fraîches toilettes*¹. Счастливица, счастливица ты! Тебе стоит только поехать на Сент-Джемс-стрит, и твоя добрая маменька накупит тебе всего, что ты попросишь. Прощай, моя милочка.

Любящая тебя *Ребекка*.

Р. S. Хотела бы я, чтобы ты могла посмотреть на физиономии девиц Блекбрук (дочерей адмирала Блекбрука), милочка, — красивых молодых особ в платьях, выписанных из Лондона, когда капитан Родон избрал меня, бедняжку, своей дамой!

Прощай, прощай!»

Когда миссис Бьют Кроули (подвохи которой наша ум-

¹ Свежие туалеты (*франц.*).

ница Ребекка так скоро разгадала) заручилась от мисс Шарп обещанием навестить ее, она убедила всемогущую мисс Кроули похоронатайствовать перед сэром Питтом, и добродушная старая леди, сама любившая повеселиться и видеть всех вокруг себя веселыми и довольными, пришла в полный восторг и выразила готовность установить мирные и родственные отношения между братьями. Было решено единогласно, что младшее поколение обоих семейств будет отныне часто посещать друг друга; и дружеские отношения продолжались ровно столько времени, сколько жизнерадостная старая посредница гостила тут и поддерживала общий мир.

— Зачем ты пригласила к нам на обед этого негодяя Родона Кроули? — пенял пастор супруге, когда они возвращались к себе домой парком. — Я этого молодца и видеть не желаю. Он смотрит на нас, провинциалов, сверху вниз, как на негров. Все ему не нравится, да подавай ему непременно моего вина с желтой печатью, а оно обходится мне по десять шиллингов за бутылку, чтоб ему неладно было! А ко всему прочему у него такая ужасная репутация: он игрок, он пьяница, — свет не видел такого распутника и негодяя. Он убил человека на дуэли, он по уши в долгах и ограбил меня и мое семейство, оттягав у нас большую часть состояния мисс Кроули. Уокси говорит, что она отказала ему по завещанию, — тут пастор погрозил кулаком луне, произнеся что-то весьма похожее на ругательство, — целых пятьдесят тысяч фунтов, так что в дележку пойдет не больше тридцати тысяч, — прибавил он меланхолически.

— Мне кажется, она не долго протянет, — ответила его супруга. — Когда мы встали из-за стола, у нее было ужасно красное лицо. Пришлось распустить ей шнуровку.

— Она выпила семь бокалов шампанского, — заметил преподобный джентльмен, понизив голос. — Ну и дрянным же шампанским отравляет нас мой братец; но вы, женщины, ни в чем не разбираетесь.

— Мы решительно ни в чем не разбираемся, — подтвердила миссис Бьют Кроули.

— После обеда она пила вишневую наливку, — продолжал его преподобие, — а к кофе — кюрасо. Я и за пять фунтов не выпил бы рюмки этой гадости: от ликера у меня убийственная изжога! Она не перенесет этого, миссис

Кроули! Она обязательно помрет! Тут никакое здоровье не выдержит. Ставлю пять против двух, что Матильда не протянет и года.

Предаваясь таким важным размышлениям и задумавшись о долгах, о сыне Джиме в университете, и о сыне Фрэнке в Вуличе *, и о четырех дочерях — бедняжки далеко не красавицы, и у них нет ни гроша сверх того, что им достанется из наследства тетки, — пастор и его супруга некоторое время шли молча.

— Не будет же Питт таким отъявленным негодяем, чтобы продать право на предоставление бенефиций. А этот размазня-методист *, его старший сынок, так и метит попасть в парламент, — продолжал мистер Кроули после паузы.

— Сэр Питт Кроули на все способен, — заметила его супруга. — Надо убедить мисс Кроули, пусть заставит его пообещать приход Джемсу.

— Питт пообещает тебе, что хочешь! — отвечал его достойный брат. — Обещал же он оплатить мои студенческие векселя, когда умер отец; обещал же он пристроить новый флигель к пасторскому дому; обещал отдать мне поле Джибса и шестиакровый луг, — а много ли из своих обещаний он выполнил? И вот сыну этакого-то человека — этому негодяю, игроку, мошеннику, убийце Родону Кроули — Матильда оставляет большую часть своих денег. Я считаю это нехристианским поступком. Ей-богу, так! У нечестивого пса все пороки — кроме лицемерия, которое досталось его братцу!

— Тише, друг мой! Мы еще на земле сэра Питта! — остановила его жена.

— Я говорю — он вместилище всех пороков, миссис Кроули. Не раздражайте меня, сударыня! Разве не он застрелил капитана Маркера? Разве не он ограбил юного лорда Довдейла в «Кокосовой Пальме»? Разве не он помешал бою между Биллом Сомсом и Чеширским Козырем, из-за чего я потерял сорок фунтов? Ты знаешь, что это все его проделки! А что касается женщин, то чего тут рассказывать!.. Ты сама слыхала — в моей судейской камере.

— Ради бога, мистер Кроули, — сказала дама, — избавьте меня от подробностей!

— И ты приглашаешь этого негодяя к себе в дом! — продолжал пастор, приходя в неистовство. — Ты — мать

малых детей, жена священнослужителя англиканской церкви! Черт возьми!

— Бьют Кроули, ты дурак! — заявила супруга пастора с презрением.

— Ну, ладно, сударыня, пускай я дурак, — я ведь не говорю, Марта, что я так умен, как ты, да и не говорил никогда. Но я не желаю встречаться с Родоном Кроули, так и знай! Я отправлюсь к Хадлстону — обязательно, миссис Кроули, — посмотреть его черную гончую. И поставлю против нее пятьдесят фунтов за Ланселота. Ей-богу, я так и сделаю! А то и против любого пса в Англии! Лишь бы не встречаться с этой скотиной Родоном Кроули!

— Мистер Кроули, вы, по обыкновению, пьяны, — ответила ему жена.

Но на следующее утро, когда пастор выпался и потребовал пива, миссис Кроули напомнила ему его обещание съездить в субботу к сэру Хадлстону Фадлстону. Пастор знал, что там предстоит крупная выпивка, и потому было решено, что он спозаранку вернется домой, чтобы попасть во-время к воскресному богослужению. Таким образом, мы видим, что прихожанам Кроули одинаково посчастливилось и в помещике и в священнике.

Прошло не так много времени с водворения мисс Кроули в замке, а чары Ребекки уже пленили сердце благодушной лондонской жуирки, как пленили они сердца наивных провинциалов, которых мы только что описывали. Однажды, собираясь на свою обычную прогулку в экипаже, она сочла нужным приказать, чтобы маленькая гувернантка сопровождала ее до Мадбери. Они еще и вернуться не успели, как Ребекка завоевала ее расположение: она заставила мисс Кроули четыре раза рассмеяться и потешала ее в течение всего катанья.

— Это что еще за выдумка — не разрешать мисс Шарп обедать с гостями! — выговаривала старуха сэру Питту, затеявшему парадный обед и пригласившему к себе всех окрестных баронетов. — Милейший мой, уж не воображаешь ли ты, что я стану беседовать с леди Фадлстон о детской или же обсуждать всякие юридические кляузы с этим простофилей, старым сэром Джайлсом Уопшотом? Я требую приглашения мисс Шарп! Пусть

леди Кроули обедает наверху, если больше нет места! Но мисс Шарп должна быть! Ведь во всем графстве с нею одной только и можно разговаривать!

Конечно, после такого приказа мисс Шарп, гувернантка, получила распоряжение обедать внизу со всем знатным обществом. И когда сэр Хадлстон с весьма торжественным и церемонным видом предложил руку мисс Кроули и, подведя ее к столу, уже готовился занять место с нею рядом, старая леди крикнула резким голосом:

— Бекки Шарп! Мисс Шарп! Идите сюда, садитесь со мной и развлекайте меня, а сэр Хадлстон пусть сядет с леди Уопшот.

Когда вечер закончился и кареты покатали со двора, венасытная мисс Кроули сказала: «Пойдем ко мне в будуар, Бекки, и разберем-ка там по косточкам всю честную компанию!» И парочка друзей отлично выполнила это, оставшись с глазу на глаз. Старый сэр Хадлстон ужасно сопел за обедом; у сэра Джайлса Уопшота смешная манера громко чавкать, когда он ест суп, а миледи его жена как-то подмаргивает левым глазом. Все это Бекки великолепно изображала в карикатурном виде, не забывая пошутить и над темой обеденных бесед — политика, война, квартальные сессии, знаменитые скачки при участии высочайших особ, и над другими тяжеловесными и скучнейшими предметами, о которых беседуют провинциальные джентльмены. Ну, а уж туалеты барышень Уопшот и знаменитую желтую шляпу леди Фадлстон мисс Шарп разнесла в пух и прах, к бесконечному восхищению своей слушательницы.

— Милочка, вы настоящая *trouvaille*¹, — повторяла мисс Кроули. — Я очень хочу, чтобы вы приехали ко мне в Лондон. Но только мне нельзя будет подтрунивать над вами, как над бедняжкой Бригс... Нет, нет, маленькая плутовка, вы слишком умны! Не правда ли, Феркин?

Миссис Феркин (приводившая в порядок скудные остатки волос, которые еще росли на макушке у мисс Кроули) вздернула нос кверху и сказала с убийственным сарказмом:

— Я нахожу, что мисс *очень* умна!

¹ Находка (франц.).

В миссис Феркин, естественно, говорила ревность, ибо какая же честная женщина не ревнива.

Отвергнув услуги сэра Хадлстона Фадлстона, мисс Кроули приказала, чтобы Родон Кроули впредь предлагал ей руку и вел к столу, а Бекки несла бы за нею ее подушку; или же она будет опираться на руку Бекки, а подушку понесет Родон.

— Мы должны сидеть вместе, — заявила она. — Ведь во всем графстве, прелесть моя, нас, честных христиан, всего трое (в каковом случае необходимо признаться, что религия в Хемпширском графстве стояла на весьма низком уровне).

Такое похвальное благочестие не мешало мисс Кроули, как мы уже говорили, придерживаться весьма либеральных убеждений, и она пользовалась всяким случаем, чтобы высказывать их в самой откровенной форме.

— Что значит происхождение, милочка? — говорила она Ребекке. — Посмотрите на моего брата Питта, посмотрите на Хадлстонов, которые живут здесь со времен Генриха Второго, посмотрите на бедного Бьюта, нашего пастора, — разве кто-нибудь из них может сравниться с вами по уму или воспитанию? Да уж какое там с вами! Они не равня даже бедной милой Бригс, моей компаньонке, или Боулсу, моему дворецкому. Вы, прелесть моя, маленькое совершенство, вы положительно маленькое сокровище! У вас больше мозгов, чем у половины графства, и если бы заслуги вознаграждались по достоинству, вам следовало бы быть герцогиней. Впрочем, нет! Вовсе не должно быть никаких герцогинь, — но вам не пристало занимать подчиненное положение. И я считаю вас, дорогая моя, равной себе во всех отношениях и... подбросьте-ка, пожалуйста, угля в огонь, милочка! А потом — не возьмете ли вы вот это мое платье, его нужно немножко переделать, ведь вы такая мастерица!

И старая филантропка заставляла равную себе бегать по ее поручениям, исполнять обязанности портнихи и каждый вечер читать ей вслух на сон грядущий французские романы.

В описываемое нами время, как, пожалуй, помнят более пожилые наши читатели, великосветское общество было повергнуто в немалое волнение двумя происшествиями, которые, как пишут газеты, «могли бы дать занятие

джентльменам в мантиях» *. Поручик Шефтон похитил леди Барбару Фицсера, дочь графа Брейна и наследницу его титула, и бедняга Вир Вейн, джентльмен, пользовавшийся до сорока лет безупречной репутацией и обзаведшийся многочисленным семейством, самым внезапным и гнусным образом покинул свой дом из-за мисс Ружемон, шестидесятипятилетней актрисы.

— Это было поистине неотразимой чертой милого лорда Нельсона, — говорила мисс Кроули, — ради женщины он готов был на все. В мужчине, способном на это, должно быть что-то хорошее. Я обожаю безрассудные браки. Больше всего мне нравится, когда знатный человек женится на дочери какого-нибудь мельника, как сделал лорд Флауердейл. Все женщины приходят от этого в такое бешенство! Я хотела бы, чтобы какой-нибудь великий человек похитил вас, моя дорогая. Не сомневаюсь, что вы для этого достаточно миленькая!

— С двумя фореяторами!.. Ах, как это было бы восхитительно! — призналась Ребекка.

— А потом мне еще нравится, когда какой-нибудь бедняк убегает с богатой девушкой. Я мечтаю, чтобы Родон похитил какую-нибудь девушку!

— Какую девушку, богатую или бедную?

— Ах вы, дурочка! У Родона нет ни гроша, кроме тех денег, что я даю ему. Он *criblé de dettes*¹. Ему нужно поправить свои дела и добиться успеха в свете.

— А что, он очень умен? — спросила Ребекка.

— Умен? Да что вы, душечка! У него в голове и мыслей никаких не бывает, кроме как о лошадях, о своем полку, охоте да игре! Но он должен иметь успех — он так восхитительно испорчен! Разве вы не знаете, что он убил человека, а оскорбленному отцу прострелил только шляпу? Его боготворят в полку, и все молодые люди у Уотъера * и в «Кокосовой Пальме» клянутся его именем!²

¹ По уши в долгу (франц.).

² Если кто-нибудь считает, что мы рисуем картину нравов благородного и влиятельного сословия слишком сгушенными красками, то я отошлю читателя к рассказам современников — например, к мемуарам Байрона. В этой общественной иллюстрации к Ярмарке Тщеславия вы познакомитесь с моралью Ришелье и элегантностью голландца Сэма. (Примеч. автора.)

Когда мисс Ребекка Шарп посылала своей возлюбленной подруге отчет о маленьком бале в Королевском Кроули и о том, как капитан Кроули впервые выделил ее из ряда других, она, как это ни странно, дала не совсем точный отчет об этом случае. Капитан отличал ее и раньше бесчисленное количество раз. Капитан раз десять встречался с нею в аллеях парка. Капитан сталкивался с нею в полсотне разных коридоров и галлерей. Капитан по двадцати раз в вечер наваливался на фортепьяно Ребекки, когда та пела (миледи по нездоровью проводила время у себя наверху, и никто не вспоминал о ней). Капитан писал Ребекке записочки (какие только был в силах сочинить и кое-как накропать неуклюжий верзила-драгун, — но тупость действует на женщину наравне со всяким иным качеством). Однако, когда он вложил первую свою записочку между нотных страниц романса, который Ребекка пела, маленькая гувернантка, поднявшись с места и пристально глядя в лицо Родону, грациозно извлекла сложенное треугольником послание, помахала им в воздухе, как треугольной шляпой, и, подойдя к неприятелю, швырнула записочку в огонь, а затем, сделав капитану низкий реверанс, вернулась на место и начала снова распевать — веселее, чем когда-либо.

— Что случилось? — спросила мисс Кроули, потревоженная в своей послеобеденной дремоте неожиданно прерванным пением.

— Фальшивая нота! — отвечала со смехом мисс Шарп.

Родон Кроули был вне себя от гнева и досады.

Как мило было со стороны миссис Бьют Кроули, увидавшей явное пристрастие мисс Кроули к новой гувернантке, позабыть о ревности и ласково встретить молодую особу в пасторском доме, и не только ее, но и Родона Кроули, соперника ее мужа по части пятипроцентных бумаг старой девы! Между миссис Кроули и ее племянником установилась нежная дружба. Он бросил охотиться; он отклонял приглашения к Фадлстонам, у которых одни торжества сменялись другими; он перестал обедать в офицерском собрании в Мадбери. Самым его большим удовольствием было забрести к пасторскому дому, куда ездила теперь и мисс Кроули. А так как маменька была больна, то почему бы и девочкам баронета не прогуляться туда с мисс Шарп? Вот дети (милые создания) и приходили с

мисс Шарп. А вечерами часть гостей обычно возвращалась домой пешком. Конечно, не мисс Кроули, — та предпочитала свою карету. Но прогулка при лунном свете по нивам пастора, а потом, если пройти через парковую аллею, среди темных деревьев и кустов, по лабиринту аллей вплоть до самого Королевского Кроули приводила в восторг двух таких любителей природы, как капитан и мисс Ребекка.

— Ах, эти звезды! Эти звезды! — вздыхала мисс Ребекка, обращая к ним свои искрящиеся зеленые глаза. — Я чувствую себя каким-то бесплотным духом, когдазираю на них!

— О... да! Гм!.. Черт!.. Да, я тоже это чувствую, мисс Шарп, — отвечал второй энтузиаст. — Вам не мешает моя сигара, мисс Шарп?

Напротив, мисс Шарп больше всего на свете любила запах сигар на воздухе и даже как-то с прелестнейшими ужимками попробовала покурить — выпустила маленькое облачко дыма, слегка вскрикнула, залилась тихим смехом и вернула деликатес капитану. Тот, покручивая ус, начал тотчас же попыхивать сигарой, так что на конце ее появился яркий огонек, пылавший в темных зарослях красной точкой.

— Черт!.. Э-э!.. Ей-богу... э-э, — божился капитан, — в жизни я не курил такой чудесной сигары! — Его умственное развитие и способность вести беседу были одинаково блестящи и вполне подобали тяжеловесному молодому драгуну.

Старый сэр Питт, сидевший с трубкою за стаканом пива и беседовавший с Джоном Хороксом насчет барана, предназначенного на убой, заметил как-то из окна кабинета эту парочку, поглощенную приятной беседой, и, разразившись страшными ругательствами, поклялся, что, если бы не мисс Кроули, он взял бы Родона за ворот и вытолкал за дверь, как последнего мерзавца.

— Сказать по правде, хорош он! — заметил мистер Хорокс. — Да и лакей его Флетерс тоже гусь лапчатый. Такой поднял содом в комнате экономки из-за обеда и эля, что любому лорду впору! Но, мне думается, мисс Шарп ему подстать, сэр Питт, — прибавил он, помолчав немного.

И в самом деле, она была подстать — и отцу и сыну.

ГЛАВА XII,

весьма чувствительная

Но пора нам распрощаться с Аркадией и ее любезными обитателями, упражняющимися в сельских добродетелях, и отправиться обратно в Лондон, чтобы узнать, что случилось с мисс Эмилией.

«Мы ею нimalo не интересуемся, — пишет мне какая-то неизвестная корреспондентка красивым бисерным почерком в записочке, запечатанной розовой печатью. — Она бесцветна и безжизненна», — тут следуют еще несколько не менее любезных замечаний в том же роде, о коих я вообще не упомянул бы, если бы они, в сущности говоря, не были удивительно лестными для упомянутой молодой особы.

Разве любезный читатель, возвращающийся в общество, никогда не слыхал подобных замечаний из уст своих милых приятельниц, которые не перестают удивляться, чем обворожила его мисс Смит или что заставило майора Джонса сделать предложение этой ничтожной дурочке и хохотушке мисс Томпсон, которой решительно нечем гордиться, кроме личика восковой куклы? «Ну что в самом

деле особенного в розовых щечках и голубых глазках?» — спрашивают наши милые моралистки и мудро намекают, что природные дарования, совершенство ума, овладение «Вопросами» мисс Менноль*, дамские познания в области ботаники и геологии, искусство стихоплетства, умение отбарабанить сонаты в духе герцовских* и тому подобное являются для особы женского пола куда более ценными качествами, чем те мимолетные прелести, которые через короткий срок неминуемо поблекнут. Слушать рассуждения женщин о ничтожестве и непрочности красоты — вещь крайне назидательная.

Но хотя добродетель несравненно выше и злополучным созданиям, которые, на свою беду, наделены красотой, нужно всегда помнить об ожидающей их судьбе, и хотя весьма вероятно, что героический женский характер, которым так восхищаются женщины, объект более славный и достойный, чем милая, свежая, улыбающаяся, безыскусственная, нежная маленькая домашняя богиня, которой склонны поклоняться мужчины, — однако женщины, принадлежащие к этому последнему и низшему разряду, должны утешаться тем, что мужчины все-таки восхищаются ими и что, несмотря на все предостережения и протесты наших добрых приятельниц, мы продолжаем упорствовать в своем заблуждении и безумии и будем коснеть в них до конца наших дней. Да вот хотя бы я сама: сколько ни повторяли мне разные особы, к которым я питаю величайшее уважение, что мисс Браун — пустейшая девчонка, у миссис Уайт нет ничего, кроме ее *petit minois chiffonné*¹, а миссис Блек не умеет слова вымолвить, однако я знаю, что у меня были восхитительные беседы с миссис Блек (но, конечно, любезная сударыня, они не для разглашения), я вижу, что мужчины целым роем толкуются перед креслом миссис Уайт, а все молодые люди стремятся танцевать с мисс Браун. Поэтому я не могу удержаться от мысли, что величайший комплимент для женщины — быть презираемой ее полом.

Молодые особы, составлявшие общество Эмили, выполняли этот долг дружбы по отношению к ней с похвальным усердием. Например, едва ли существовал другой вопрос, в котором девицы Осборн — сестры Джорджа,

¹ Смазливый личик (франц.).

и mesdemoiselles Доббин выказывали бы такое единодушие, как в своей оценке весьма ничтожных достоинств Эмили, выражая при этом изумление по поводу того, что могут находить в ней их братья.

— Мы с нею ласковы, — говорили девицы Осборн, две изящные чернобровые молодые особы, к услугам которых были наилучшие гувернантки, модистки и учителя. И они обращались с Эмилией с такой чрезвычайной любезностью и снисходительностью и покровительствовали ей так не-сносно, что бедняжка и в самом деле лишалась в их присутствии дара слова и казалась дурочкой, какой они ее считали. Она старалась изо всех сил полюбить их, как этого требовал долг по отношению к сестрам ее будущего мужа. Она проводила с ними долгие утра — скучнейшие и тоскливейшие часы. Она выезжала с сестрами на прогулку в их огромной парадной карете в сопровождении сухопарой мисс Уирт, их целомудренной гувернантки. Они развлекали Эмилию тем, что возили ее на всякие душе-спасительные концерты, на оратории и в собор св. Павла полюбоваться на призреваемых детей, но приятельницы наводили такой страх на свою юную подружку, что она почти не решалась приходить в волнение от пропетого детьми гимна. Дом у Осборнов был роскошный; стол у их отца богатый и вкусный; их общество — чинно и благородно; их чувство достоинства — огромно; у них была самая лучшая скамья в церкви Воспитательного дома; все их привычки были торжественны и добропорядочны, а все их развлечения невыносимо скучны и благопристойны. И после каждого визита Эмили (о, как она бывала рада, когда они заканчивались) мисс Джейн Осборн, мисс Мария Осборн и мисс Уирт, целомудренная гувернантка, вопрошали друг друга с возрастающим изумлением:

— Что мог найти Джордж в этом создании?

Как же так? воскликнет придирчивый читатель. Возможно ли, чтобы Эмилия, у которой было в школе столько подруг и которую так любили там, вступив в свет, встретила лишь пренебрежение со стороны своего же разборчивого пола? Милостивый государь, в заведении мисс Пинкертон не было ни одного мужчины, кроме престарелого учителя танцев. Не могли же девицы в самом деле ссориться из-за него! Но когда Джордж, их красавец-брат, стал убегать сейчас же после утреннего завтрака и обедал

не дома раз шесть в неделю, то нет ничего удивительного, что заброшенные сестры считали себя вправе на него дуться. Когда молодой Буллок (совладелец фирмы «Халкер, Буллок и К°» — банкирский дом, Ломбард-стрит), ухаживавший за мисс Марией последние два сезона, позволил себе пригласить Эмилию на котильон, то, как, по-вашему, могло это понравиться вышеозначенной девице? А между тем, как существо бесхитростное и всепрощающее, она сказала, что очень рада этому. «Я в таком восторге, что вам нравится милочка Эмилия, — заявила она с большим чувством мистеру Буллоку после танца. — Она помолвлена с моим братом Джорджем; правда, в ней нет ничего особенного, но она предоброе и пренаивное создание. У нас все так ее любят!» Милая девушка! Кто может измерить всю глубину привязанности, выраженную этим восторженным *так*?

Мисс Уирт и обе эти любящие молодые особы столь упорно и столь часто внушали Джорджу Осборну, как велика приносимая им жертва и какое это сумасбродное великодушие с его стороны снизойти до Эмили, что я, признаться, боюсь, не возомнил ли Джордж, будто он и в самом деле один из замечательнейших людей во всей британской армии, и не позволял ли поэтому любить себя из беззаботной покорности судьбе.

Впрочем, хоть он и уходил куда-то каждое утро, о чем мы уже упоминали, и обедал дома только по воскресеньям, причем его сестры думали, что влюбленный юноша сидит пришитый к юбке мисс Седли, на самом деле он не всегда бывал у Эмили, когда, по мнению окружающих, должен был проводить время у ее ног. Во всяком случае, не раз случалось, что, когда капитан Доббин заходил проведать друга, мисс Осборн-старшая (она всегда бывала очень предупредительна к капитану, с большим интересом слушала его военные рассказы и осведомлялась о здоровье его милой матушки), со смехом указывая на противоположную сторону сквера, говорила:

— О, вам следует пройти к Седли, если вам нужен Джордж! Мы его не видим с утра до поздней ночи!

На каковые речи капитан отвечал смущенным и натянутым смехом и, как подобает человеку, знающему тонкости светского обращения, менял разговор, переводя его на какие-нибудь интересные для всех предметы, вроде

оперы, последнего бала у принца в Карлтон-хаусе* или же погоды — этой благодарной темы для светских разговоров.

— Ну и простофиля же твой любимчик! — говорила мисс Мария мисс Джейн после ухода капитана. — Ты заметила, как он покраснел при упоминании о дежурствах бедного Джорджа?

— Как жаль, что Фредерик Буллок не обладает хотя бы долей его скромности, Мария! — отвечала старшая сестра, вскинув голову.

— Скромности? Ты хочешь сказать — неуклюжести, Джейн! Я вовсе не хочу, чтобы Фредерик обрывал мне кисейные платья, как это было на вечере у миссис Перкинс, когда капитан Доббин наступил тебе на шлейф.

— Ну, Фредерику было трудно наступить на твоё платье, ха-ха-ха! Ведь он танцевал с Эмилией!

На самом же деле капитан Доббин так покраснел и смутился только потому, что думал об одном обстоятельстве, о котором считал излишним оповещать молодых особ. Он уже заходил к Седли — конечно, под предлогом свидания с Джорджем, — но Джорджа там не было, и бедняжка Эмилия с печальным, задумчивым личиком одиноко сидела в гостиной у окна. Обменявшись с капитаном пустячными, ничего не значащими фразами, она решилась спросить: правда ли, говорят, будто полк ждет приказа выступить в заграничный поход, и видел ли сегодня капитан Доббин мистера Осборна.

Полк еще не получал приказа выступить за границу, и капитан Доббин не видел Джорджа.

— Вероятно, он у сестер, — сказал капитан. — Не пойти ли за ним и не привести ли сюда лентяя?

Эмилия ласково и благодарно протянула ему руку, и капитан отправился на ту сторону сквера. Эмилия все ждала и ждала, но Джордж так и не пришел.

Бедное нежное сердечко! Оно продолжает надеяться и трепетать, тосковать и верить. Как видите, о такой жизни мало что можно написать. В ней так редко случается то, что можно назвать событием. День-деньской одно и то же чувство: когда он придет? Одна лишь мысль, с которой и засыпают и пробуждаются. Мне думается, что в то самое время, как Эмилия расспрашивала о нем капитана Доббина, Джордж был в трактире на Сусллоу-стрит и играл

с капитаном Кенноном на бильярде. Джордж был веселый малый, он любил общество и отличался во всех играх, требующих ловкости и тренировки.

Однажды, после трехдневного его отсутствия, мисс Эмилия надела шляпу и помчалась к Осборнам.

— Как! Вы оставили брата, чтобы прийти к нам? — воскликнули молодые особы. — Вы поссорились, Эмилия? Ну, расскажите нам!

Нет, право, никакой ссоры у них не было.

— Да разве можно с ним поссориться! — говорила Эмилия с глазами, полными слез. Она просто зашла, чтобы... повидаться со своими дорогими друзьями: они так давно не встречались. И в этот день она казалась до того глупенькой и растерянной, что девицы Осборн и их гувернантка, провожая гостью взором, когда та печально возвращалась домой, пуще прежнего дивились, что мог Джордж найти в бедной маленькой Эмили.

Да и ничего в этом нет странного! Как могла Эмилия раскрыть свое робкое сердечко перед нашими востроглазыми девицами для обозрения. Лучше ему было съезжиться и притаиться. Я знаю, что девицы Осборн отлично разбирались в кашемировых шالях или розовых атласных юбках; и если мисс Тернер перекрашивала свою в пунцовый цвет и перешивала потом в спенсер или если мисс Пикфорд делала из своей горностаевой пелерины муфту и меховую опушку, то, ручаясь вам, эти изменения не ускользали от глаз двух проникательных молодых особ, о которых идет речь. Но, видите ли, есть вещи более тонкого свойства, чем меха или атлас, чем все великолепие Соломона, чем весь гардероб царицы Савской, — вещи, красота которых ускользает от глаз многих знатоков. Есть кроткие, скромные души, на которые вы случайно наталкиваетесь, когда они благоухают и нежно расцветают в тихих тенистых уголках; и бывают декоративные цветы величиной в добрую медную грелку, способные привести в смущение само солнце. Мисс Седли не принадлежала к разряду таких подсолнечников, и, мне кажется, было бы ни с чем несообразно рисовать фиалку величиной с махровый георгин.

Поистине, жизнь юной простодушной девушки, еще не покинувшей родительского гнезда, не может отличаться такими волнующими событиями, на какие обычно претен-

дует героиня романа. Силки или охотничьи ружья угрожают взрослым птицам, вылетающим из гнезда в поисках пищи, а то и ястреб налетит, от которого то ли удастся спастись, то ли придется погибнуть; между тем как птенцы в гнезде ведут очень спокойный и отнюдь не романтический образ жизни, лежа на пуху и соломе, пока не наступает и их черед расправить крылья. В то время как Бекки Шарп где-то в далекой провинции носилась на собственных крыльях, прыгала с ветки на ветку и, минуя множество расставленных силков, успешно и благополучно поклевывала свой корм, Эмилия безмятежно пребывала у себя дома на Рассел-сквере. Если она и выглядывала наружу, то лишь в надежном сопровождении старших. Никакое бедствие, казалось, не могло обрушиться на нее или на этот богатый, приветливый, удобный дом, служивший ей ласковым приютом. У матери были свои утренние занятия, ежедневные прогулки и те приятные выезды в гости и по магазинам, которые составляют привычный круг развлечений, или, если хотите, профессию богатой лондонской дамы. Отец совершал свои таинственные операции в Сити, жившем кипучей жизнью в те дни, когда война бушевала по всей Европе и судьбы империй ставились на карту; когда газета «Курьер» насчитывала десятки тысяч подписчиков; когда один день приносил известие о сражении при Виттории*, другой — о пожаре Москвы, или в обеденный час раздавался рожок газетчика, трубивший на весь Рассел-сквер о таком, например, событии: «Сражение под Лейпцигом — участвовало шестьсот тысяч человек — полный разгром французов — двести тысяч убитых». Старик Седли раз или два приезжал домой с очень озабоченным лицом. Да и не удивительно, поскольку подобные известия волновали все сердца и все биржи Европы.

Между тем жизнь на Рассел-сквере, в Блумсбери, протекала так, как если бы в Европе ничего решительно не изменилось. Отступление от Лейпцига* не внесло никаких перемен в количество трапез, которые вкушал в людской столовой мистер Самбо. Союзники вторглись во Францию, но обеденный колокол звонил попрежнему в пять часов, как будто ничего не случилось. Не думаю, чтобы бедняжка Эмилия хоть сколько-нибудь тревожилась за исход боев под Бриенном и Монмирайлем* или чтобы она серьезно

интересовалась войной до отречения императора, но тут она захлопала в ладоши, вознесла молитвы — и какие признательные! — и от полноты души бросилась на шею Джорджу Осборну, к удивлению всех свидетелей такого бурного проявления чувств. Свершилось, мир объявлен, Европа собирается отдыхать, корсиканец низложен, и полку лейтенанта Осборна не придется выступать в поход. Вот ход рассуждений мисс Эмилии. Судьба Европы олицетворялась для нее в лейтенанте Джордже Осборне. Для него миновали все опасности, и Эмилия благословляла небо. Он был ее Европой, ее императором, ее союзными монархами и августейшим принцем-регентом. Он был для нее солнцем и луной. И, мне кажется, Эмилия воображала, будто парадная иллюминация и бал во дворце лорда-мэра, данный в честь союзных монархов, предназначались исключительно для Джорджа Осборна.

Мы уже говорили о корысти, эгоизме и нужде, как о тех бессердечных наставниках, которые руководили воспитанием бедной мисс Бекки Шарп. А у мисс Эмилии Седли ее главной наставницей была любовь; и просто изумительно, какие успехи сделала наша юная ученица под руководством этой столь популярной учительницы! После пятнадцати или восемнадцатимесячных ежедневных и постоянных прилежных занятий с такой просвещенной воспитательницей какое множество тайн познала Эмилия, о которых понятия не имели ни мисс Уирт, ни черноглазые девицы, жившие по ту сторону сквера, ни даже сама старуха мисс Пинкертон из Чизвика! Да и, по правде говоря, что могли в этом понимать такие чопорные и почтенные девственницы? Для мисс П. и мисс У. нежной страсти вообще не существовало: я не решился бы даже заподозрить их в этом. Мисс Мария Осборн питала, правда, «привязанность» к мистеру Фредерику-Огастесу Буллоку, совладельцу фирмы «Халкер, Буллок и К°», но ее чувства были самые респектабельные, и она точно так же вышла бы замуж за Буллока-старшего, потому что все ее помышления были направлены на то, на что и полагается их направлять всякой хорошо воспитанной молодой леди: на дом-особняк на Парк-лейн, на загородный дом в Уимблдоне, на красивую коляску, на пару чудовищно огромных

лошадей и выездных лакеев и на четвертую часть годового дохода знаменитой фирмы «Халкер, Буллок и К°», — словом, на все блага и преимущества, воплощенные в особе Фредерика-Огастеса. Если бы был уже изобретен флердоранж (эта трогательная эмблема женской чистоты, ввезенная к нам из Франции, где, как правило, дочерей продают в замужество), то, конечно, миссис Мария надела бы на себя венок непорочности и уселась бы в дорожную карету рядом со старым, лысым, красноносым подагриком Буллоком-старшим и с похвальным усердием посвятила бы свою прекрасную жизнь его счастью. Только старый-то джентльмен был уже давно женат, и потому мисс Мария отдала свое юное сердце младшему компаньону. Прелестные распускающиеся цветы померанца! На днях я видел, как некая новобрачная (в девичестве мисс Тротер), разукрашенная ими, впорхнула в дорожную карету у церкви св. Георга (Ганновер-сквер), а за нею проковылял лорд Мафусаил. С какой чарующей скромностью она опустила на окнах экипажа шторы — о милая непорочность! На бракосочетание съехалась чуть ли не половина всех карет Ярмарки Тщеславия.

Не такого рода любовь завершила воспитание Эмилии и на протяжении года превратила славную молодую девушку в славную молодую женщину, которая станет хорошей женой, едва лишь пробьет счастливый час. Юная сумасбродка эта (быть может, со стороны родителей было очень неразумно поощрять ее в таком беззаветном поклонении и глупых романтических бреднях) полюбила от всего сердца молодого офицера, состоявшего на службе его величества и нам уж несколько знакомого. Она начала думать о нем с первой же минуты своего пробуждения, и его имя было последним, которое она поминала в своих вечерних молитвах. В жизни не видела она такого умного, такого обворожительного мужчины; как он хорош верхом на коне, какой он танцор — словом, какой он герой! Рассказывают о поклоне принца-регента! Но разве можно сравнить это с тем, как кланяется Джордж! Эмилия видела мистера Бреммеля, которого все так превозносили. Но можно ли этого человека ставить рядом с ее Джорджем? Среди молодых щеголей, посещавших оперу (а в те дни щеголи появлялись в опере в шапокляках *!), не было ни одного подстать Джорджу! С ним мог сравниться

только сказочный принц; как великодушно с его стороны, что он снизошел до ничтожной Золушки! Будь мисс Пинкертон наперсницей Эмилии, она, несомненно, попыталась бы положить предел этому слепому обожанию, но едва ли с большим успехом. Такова уж природа некоторых женщин. Одни из них созданы для интриг, другие для любви; и я желаю каждому почтенному холостяку, читающему эти строки, выбрать себе жену того сорта, какой ему больше по душе.

Под властью своего всепоглощающего чувства мисс Эмилия самым бессовестным образом оставила в небрежении всех своих двенадцать милых подруг в Чизвике, как обычно и поступают такие себялюбивые особы. Разумеется, у нее было только одно на уме, а мисс Солтайр была слишком холодна для наперсницы, писать же мисс Суорц, курчавой и смуглой наследнице из Сент-Китса, Эмилии и в голову не приходило. Она брала к себе на праздники маленькую Лауру Мартин и, боюсь, сделала ее поверенной своих тайн, пообещав бедной сиротке взять ее к себе после своего замужества и преподав ей бездну всяких сведений относительно любовной страсти, которые, вероятно, были исключительно полезны и новы для этой юной особы. Увы, увy! Боюсь, что ум у Эмилии был недостаточно уравновешен!

Но что же делали ее родители, как они не уберегли это сердечко, позволив ему так сильно биться? Старик Седли, повидимому, мало обращал внимания на творившееся вокруг. В последнее время он казался очень озабоченным, дела в Сити поглощали его целиком. Миссис Седли была такой покладистой и безучастной натурой, что даже не ревновала дочь. Мистер Джоз находился в Челтенхеме, где выдерживал осаду со стороны какой-то ирландской вдовушки. Весь дом был в распоряжении Эмилии, и — ах! — иной раз она чувствовала себя в нем слишком одинокой, — не то, чтобы ее одолевала сомнения, ибо Джорджу нужно же бывать в казармах конной гвардии и он не всегда может отлучиться из Четема *. Кроме того, он должен навещать друзей и сестер и показываться в обществе (а он является украшением всякого общества!), когда бывает в Лондоне; а когда бывает в полку, то слишком утомляется, чтобы писать длинные письма. Я знаю, где Эмилия прячет пакет с письмами, и могу

пробраться в ее комнату и исчезнуть незаметно, как Иакимо... Как Иакимо *? Нет, это некрасивая роль. Лучше я поступлю, как Лунное сияние, и, не причиняя вреда, загляну в постель, где грезят во сне вера, красота и невинность.

Но если письма Осборна были кратки и отличались слогом, свойственным воину, то нужно признаться, что, вздумай мы напечатать письма мисс Седли к мистеру Осборну, нам пришлось бы растянуть этот роман на такое количество томов, что он не оказался бы под силу и самому чувствительному читателю. Эмилия не только списывала целые листы вдоль и поперек и даже крест-накрест, в самых противоестественных комбинациях, не оставляя живого места на полях и между строк, но и без зазрения совести выписывала целые страницы из стихотворных сборников и подчеркивала отдельные слова и фразы с самым неистовым жаром, являя все признаки расстройства, свойственного такому душевному состоянию. Она не была героиней. Ее письма были полны повторений. Она нередко забывала о грамматике и грешила против законов метрики. Но, о *mesdames*, если вам не разрешается взволновать преданное вам сердце иной раз и не по правилам синтаксиса или если вас нельзя любить, пока вы не усвоите разницы между трехстопником и четырехстопником, то пусть тогда всякая поэзия летит к чертям и да погибнут самым жалким образом все школьные учителя.

ГЛАВА XIII.

*чувствительная, но богатая и другим
содержанием*

Боюсь, что джентльмен, к которому были адресованы письма мисс Эмилии, отличался критическим складом ума. Где бы ни находился лейтенант Осборн, за ним по пятам следовало такое множество записочек, что в офицерском полку ему покоя не было от всяких шуточек. В конце концов он приказал слуге передавать их ему, только когда он будет один у себя в комнате. Видели, что он как-то зажигал одной из них сигару, к ужасу капитана Доббина, который, я уверен, не пожалел бы банкового билета за такой автограф.

Долгое время Джордж старался держать свои сердечные дела в секрете. Что тут была замешана дама — этого он не скрывал. «И не первая, — говорил прапорщик Спунн прапорщику Стаблу. — Этот Осборн — настоящий дьявол!

В Демераре дочка судьи просто с ума по нем сходила, и потом еще эта красавица квартиронка мисс Пай в Сент-Винсенте. А уж с тех пор как полк вернулся домой, он, говорят, стал сущим Дон Жуаном, ей-богу!»

По мнению Стабла и Спунни, стать «сущим Дон Жуаном, ей-богу» — значило обладать самым лестным для мужчины качеством. Да и вообще репутация Осборна среди полковой молодежи стояла очень высоко. Он отличался во всех видах спорта, и в пении застольных песен, и на смотрах. Сыпал деньгами, которыми его щедро снабжал отец, и одевался лучше всех в полку, обладая самым богатым и добротным гардеробом. Солдаты его обожали. Он мог перепить всякого другого офицера в собрании, не исключая старика Хевитопа, полковника; он мог устоять в боксе даже против рядового Нилса, который раньше выступал на ринге и которого давно произвели бы в капралы, не будь он отпетым пьяницей; был лучшим игроком в крокетной команде полкового клуба; скакал на собственной лошади Ракете и выиграл гарнизонный кубок на квебекских скачках. Не только Эмилия боготворила Осборна — Стабл и Спунни видели в нем некоего Аполлона; Доббин пророчил ему карьеру несравненного Крайтона *, и даже супруга майора, миссис О'Дауд, соглашалась, что он блестящий кавалер и напоминает ей Фитцжеральда Фогарти, второго сына лорда Каслфогарти.

Итак, Стабл, Спунни и вся остальная компания предавались самым романтическим догадкам насчет корреспондентки Осборна, высказывая мнение, что в него влюбилась какая-то герцогиня в Лондоне, или что это дочь генерала — она сговорена с другим, а сама без памяти от Джорджа, или что это жена некоего члена парламента, которая спит и видит, как бы бежать с ним на четверке вороных; называли и другие жертвы страсти, восхитительно пламенной, романтической и одинаково компрометантной для обеих сторон. Но ни одна из этих догадок не удостоилась одобрения Джорджа, и он хранил упорное молчание, предоставляя своим юным почитателям и друзьям изобретать всякие истории и разукрашивать их всеми средствами своей фантазии.

В полку так ничего бы и не узнали, если бы не нескромность капитана Доббина. Однажды капитан сидел за своим завтраком в офицерском собрании, когда Кекл,

помощник полкового врача, и оба ранее названных достойных джентльмена обсуждали на все лады интрижку Осборна. Стабл твердил, что его дама сердца — герцогиня и что она близка ко двору королевы Шарлотты, а Кекл божился, что она оперная певица самой незавидной репутации. Услышав это, Доббин так возмутился, что, хотя рот его был набит яйцами и хлебом с маслом и хотя ему вообще следовало бы молчать, не удержался и выпалил:

— Кекл, вы совершеннейший болван! Вечно вы несете чепуху и сплетничаете. Осборн не собирается убегать с герцогинями или губить модисток. Мисс Седли — одна из самых очаровательных молодых особ, какие когда-либо жили на свете. Джордж давным-давно с ней помолвлен. И человеку, который говорит о ней гадости, лучше бы не делать этого в моем присутствии!

На этом Доббин прервал свою речь, весь красный от волнения, и едва не поперхнулся чаем. Через полчаса эта история стала известна всему полку, и в тот же вечер жена майора, миссис О'Дауд, написала своей сестре Глорвине в О'Даудс-тоун, чтобы та не торопилась с отъездом из Дублина: молодой Осборн, оказывается, давно помолвлен.

В тот же самый вечер за стаканом шотландского грога она, как водится, поздравила лейтенанта, и Осборн, взбешенный, отправился домой отчитать Доббина (который отклонил приглашение на вечер к майорше О'Дауд и сидел у себя в комнате, играя на флейте и, как мне думается, сочиняя стихи самого меланхолического свойства) — за то, что он выдал его тайну.

— Кой черт просил тебя трезвонить о моих делах? — набросился Осборн на приятеля. — За каким дьяволом нужно знать всему полку, что я собираюсь жениться? К чему позволять этой болтунье, старой ведьме Пегги О'Дауд трепать мое имя за ее распроклятым ужином и звонить в колокола о моей помолвке на все три королевства? Да, кроме того, Доббин, какое ты имел право говорить, что я помолвлен, и вообще вмешиваться в мои дела?

— Мне кажется... — начал капитан Доббин.

— Наплевать, что тебе кажется! — перебил его младший товарищ. — Я тебе кругом обязан, я это знаю, знаю слишком хорошо! Но не хочу я вечно выслушивать всякие твои наставления только потому, что ты меня на пять лет старше! Пусть меня повесят, если я буду еще терпеть твой

тон превосходства, проклятого снисхождения и покровительства. Да, снисхождения и покровительства! Хотелось бы мне знать, чем я тебя хуже?

— Ты помолвлен? — прервал его капитан Доббин.

— Какое, черт подери, дело тебе или кому угодно, помолвлен я или нет?

— Ты стыдишься этого? — продолжал Доббин.

— Какое вы имеете право, сэр, задавать мне подобный вопрос, хотелось бы мне знать?

— Великий боже! Уж не собираешься ли ты отказаться от помолвки? — спросил Доббин, вскакивая с места.

— Иными словами, вы меня спрашиваете, честный ли я человек, или нет? — окончательно разъярился Осборн. — Это вы имеете в виду? За последнее время вы усвоили себе со мной такой тон, что, будь я... если стану и дальше это терпеть!

— Что же я сделал? Я только говорил тебе, что ты невнимателен к очень милой девушке, Джордж. Я говорил тебе, что, когда ты едешь в Лондон, тебе нужно сидеть у нее, а не в игорных домах в районе Сент-Джемса.

— Очевидно, вы непрочь получить обратно свои деньги, — сказал Джордж с усмешкой.

— Конечно, непрочь, и всегда был непрочь, разве тебе это не известно? — ответил Доббин. — Ты говоришь, как подобает благородному человеку.

— Нет, к черту, Вильям, прошу прощения! — перебил его Джордж в порыве раскаяния. — Ты выручал меня под дружески один бог знает сколько сотен раз! Ты вызволял меня из множества всяких бед! Когда гвардеец Кроули обыграл меня на такую огромную сумму, я пропал бы, если бы не ты. Непременно пропал бы, не спорь! Но только зачем ты вечно изводишь меня, пристаешь со всякими расспросами. Я очень люблю Эмилию, я обожаю ее... и тому подобное. Не смотри на меня сердито. Она само совершенство, я знаю это. Но, видишь ли, всякий интерес теряется, когда что-нибудь само дается тебе в руки. Черт побери! Полк только что вернулся из Вест-Индии, надо же мне немного побеситься, а потом, когда я женюсь, я исправлюсь... Честное слово, я образумлюсь! И... слушай, Доб, не сердись, я отдам тебе в следующем месяце ту сотню фунтов, — отец, я знаю, раскошелится! И я отпрошусь у

Хевитопа в отпуск, съезжу в Лондон и завтра же повидаюсь с Эмилией... Ну, как? Удовлетворен?

— На тебя, Джордж, нельзя долго сердиться, — промолвил добряк капитан, — а что касается денег, старина, то ты ведь сам знаешь: нуждайся я в них, и ты поделишься со мной последним шиллингом.

— Конечно, Доббин, честное слово! — заявил Джордж с необычайным великодушием, хотя, по правде сказать, у него никогда не бывало свободных денег.

— Одного я только желал бы: чтобы ты, Джордж, наконец, перебесился. Если бы ты видел личико бедняжки мисс Эмми, когда она на днях справлялась у меня о тебе, ты послал бы свои бильярды куда-нибудь подальше. Поезжай утешь ее, негодный! Поди напиши ей длинное письмо. Сделай что-нибудь, чтобы ее порадовать. Для этого так мало нужно.

— Она и в самом деле чертовски в меня влюблена, — сказал лейтенант с самодовольным видом и отправился в офицерское собрание заканчивать вечер в кругу веселых товарищей.

Тем временем на Рассел-сквере Эмилия смотрела на луну, озарявшую тихую площадь так же, как и плац перед Четемскими казармами, где был расквартирован полк лейтенанта Осборна, и размышляла, чем-то сейчас занят ее герой. Быть может, он на бивуаке, думалось ей; быть может, делает обход часовых; быть может, дежурит у ложа раненого товарища или же изучает военное искусство в своей одинокой комнатке. И ее тихие думы полетели вдаль, словно были ангелами и обладали крыльями, вниз по реке, к Чему и Рочестеру, стремясь заглянуть в казармы, где находился Джордж... Если принять это в соображение, то, пожалуй, удачно, что ворота оказались запертыми и часовой никого не пропускал в казармы, — бедному ангелочку в белоснежных одеждах не привелось услышать, какие песни орали наши молодые люди за стаканом пунша.

На другой день после упомянутой беседы в Четемских казармах молодой Осборн, решив показать другу, как он держит слово, собрался ехать в Лондон, чем вызвал восторженное одобрение капитана Доббина.

— Мне хотелось бы сделать ей какой-нибудь подарок, — признался Джордж другу, — но только я сижу без гроша, пока отец не расщедрится.

Доббин не мог допустить, чтобы такой порыв великодушия и щедрости пропал зря, и потому ссудил Осборна несколькими фунтовыми билетами, которые тот и принял, немного поломавшись.

И я осмеливаюсь утверждать, что Джордж непременно купил бы для Эмилии что-нибудь очень красивое, но только при выходе из экипажа на Флит-стрит он загляделся на красивую булавку для галстука в витрине какого-то ювелира — и не мог устоять против соблазна. Когда он заплатил за нее, у него осталось слишком мало денег, чтобы позволить себе какое-нибудь дальнейшее проявление любезности. Но ничего: поверьте, Эмилии вовсе не нужны были его подарки. Когда он пожаловал на Рассел-сквер, лицо у нее просияло, словно Джордж был ее солнцем. Маленькие горести, опасения, слезы, робкие сомнения, тревожные думы многих дней и бессонных ночей были мгновенно забыты под действием этой знакомой неотразимой улыбки. Когда он появился в дверях гостиной, великолепный, с надушенными бакенбардами, разливая сияние, словно какое-то божество, Самбо, прибежавший доложить о капитане Осборне (на радостях он произвел молодого офицера в следующий чин), тоже просиял сочувственной улыбкой, а увидев, как девушка вздрогнула, залилась румянцем и быстро поднялась, оставив свой наблюдательный пункт у окна, поспешил ретироваться; и как только дверь за ним закрылась, Эмилия смущенно бросилась на грудь к Джорджу Осборну, словно это было для нее единственным естественным убежищем, где она могла укрыться. О, бедное, трепещущее создание! Самое красивое дерево в лесу, с самым прямым стволом, с самыми крепкими ветвями и самой густой листвой, на котором ты собираешься вить свое гнездо и ворковать, может быть обречено на сруб — как знать? — и скоро с треском рухнет... Какое старое-старое сравнение человека со строевым лесом!

Джордж между тем нежно целовал Эмилию в лоб и сияющие глаза и был весьма мил и добр; а она думала о том, что его брильянтовая булавка в галстук (которой она еще на нем не видала) — самое прелестное украшение, какое только можно себе вообразить.

Наблюдательный читатель, от которого не ускользнуло кое-что и в прошлом поведении нашего молодого офицера

и который сохранил в памяти наш рассказ о краткой беседе, имевшей место между ним и капитаном Доббином, вероятно пришел уже к кое-каким заключениям касательно характера мистера Осборна. Какой-то циник-француз сказал, что в любовных делах всегда есть две стороны: одна любит, а другая позволяет, чтобы ее любили. Иногда любящей стороной является мужчина, иногда женщина. Не раз бывало, что какой-нибудь ослепленный пастушок по ошибке принимал бесчувственность за скромность, тупость за девическую сдержанность, полнейшую пустоту за милую застенчивость, — одним словом, гусыню — за лебедя! Быть может, и какая-нибудь наша возлюбленная читательница наряжает осла во всю пышность и блеск своего воображения, восхищаясь его тупоумием, как мужественной простотой, преклоняясь перед его себялюбием, как перед мужественной гордостью, усматривая в его глупости величественную важность, — словом, обходясь с ним так, как блистательная фея Титания обращалась с известным афинским ткачом *. Мне сдается, я видел не однажды, как разыгрываются в этом мире подобные «комедии ошибок» *. Во всяком случае, несомненно то, что Эмилия считала своего возлюбленного одним из самых доблестных и неотразимых мужчин во всей империи. Вполне возможно, что и сам Осборн придерживался того же мнения.

Джордж был несколько легкомыслен. Но разве не легкомысленны многие молодые люди? И разве девушкам не нравятся больше повесы, чем рохли? Просто, он еще не перебесился, но скоро перебесится. Выйдет в отставку — ведь мир уже объявлен, корсиканское чудовище заключено на острове Эльба, всякому продвижению по службе настал конец и нет никаких перспектив для дальнейшего применения его военных талантов и доблести. Получаемых от отца средств в добавление к приданому Эмилии хватит на то, чтобы уютно устроиться где-нибудь в деревне, в какой-нибудь местности, где можно развлекаться спортом. Джордж стал бы немножко охотиться, немножко заниматься сельским хозяйством, и они с Эмилией были бы счастливы. О том, чтобы оставаться в армии в качестве женатого человека, наш герой и думать не хотел. Представьте себе миссис Джордж Осборн на офицерской квартире в какой-нибудь провинциальной

дыре. Или, еще того хуже, в Ост- или Вест-Индии, в обществе офицеров, под крылышком майорши миссис О'Дауд. Эмилия умирала со смеху, слушая рассказы Осборна о майорше. Нет, он слишком горячо любит Эмилию, чтобы заставляя ее сносить вульгарные выходки этой ужасной женщины и обрекать на суровую долю жены военного. О себе-то он не заботится, но его дорогая девочка должна занять в обществе место, подобающее его жене. Можете быть уверены, что она соглашалась со всеми этими планами, как согласилась бы со всякими другими, лишь бы они исходили от того же лица.

Поддерживая такой разговор и строя бесчисленные воздушные замки (которые Эмилия украшала всевозможными цветниками, тенистыми аллеями, деревенскими церквями, воскресными школами и тому подобным, тогда как мысли Джорджа были направлены на конюшни, псарни и винный погреб), наша юная чета провела очень весело часа два. А так как в распоряжении лейтенанта был всего лишь один день и его ждала в Лондоне куча самых неотложных дел, то было внесено предложение, чтобы Эмилия пообедала у своих будущих золовок. Это предложение было с радостью принято. Джордж проводил Эмилию к сестрам и там оставил ее, причем Эмилия на этот раз болтала и щебетала с таким оживлением, что удивила молодых девиц, решивших, что Джордж, пожалуй, может сделать из нее что-нибудь путное. Тем временем лейтенант Осборн отправился по своим делам.

Другими словами, он вышел из дому, съел порцию мороженого в кондитерской на Чэринг-кроссе, примерил новый сюртук на Пель-Мель, забежал к «Старому Слотеру» * проведать капитана Кеннона, сыграл с капитаном одиннадцать партий на бильярде, из которых выиграл восемь, и вернулся на Рассел-сквер, опоздав на полчаса к обеду, но зато в отличнейшем расположении духа.

В совершенно ином состоянии духа был старый мистер Осборн. Когда этот джентльмен приехал из Сити и был встречен в гостиной дочерьми и чопорной мисс Уирт, они сразу увидели по его лицу — оно и в лучшую-то пору было одутловатым, торжественно-важным и желтым — и понахмуренным, судорожно подергивающимся черным бро-

вям, что за его широким белым жилетом бьется чем-то расстроенное и взволнованное сердце. Когда же Эмилия подошла к нему поздороваться, что она всегда делала с превеликим трепетом и робостью, старик что-то глухо проворчал вместо приветствия и выпустил ее руку из своей большой волосатой лапы, не сделав ни малейшей попытки пожать эти маленькие пальчики. Он мрачно оглянулся на старшую дочь, которая безошибочно поняла значение этого взгляда, вопрошавшего: «На кой черт она здесь?» — и сейчас же ответила:

— Джордж в городе, папа. Он поехал в конногвардейские казармы и будет к обеду.

— Ах, вот как, он здесь? Имей в виду, Джейн, ждать с обедом мы его не будем!

С этими словами достойный муж опустил в свое любимое кресло, и в аристократически холодной, пышно обставленной гостиной воцарилась мертвая тишина, нарушаемая только испуганным тиканьем больших французских часов.

Когда этот хронометр, увенчанный жизнерадостной бронзовой группой, изображавшей жертвоприношение Ифигении *, гулко, словно почтенный осипший соборный колокол, отсчитал пять ударов, мистер Осборн яростно дернул за сонетку, и в гостиную поспешно вошел дворецкий.

— Обедать! — рявкнул мистер Осборн.

— Мистер Джордж еще не вернулся, сэр, — доложил слуга.

— К черту мистера Джорджа, сэр! Разве я не хозяин в доме? Обедать!

Мистер Осборн грозно насупился, Эмилия задрожала. Остальные три дамы обменялись взглядами, посылая друг другу телеграфические знаки. Послушный колокол на нижнем этаже зазвонил, извещая о трапезе. Когда звон замолк, глава семейства засунул руки в широкие карманы длинного синего сюртука с бронзовыми пуговицами и, не дожидаясь дальнейшего приглашения, стал спускаться по лестнице один, хмурясь через плечо на четырех женщин.

— В чем дело, дорогая? — спрашивали они друг дружку, сорвавшись со своих мест и на цыпочках поспешая за родителем.

— Должно быть, фонды упали на бирже, — прошептала мисс Уирт; и с трепетом, в молчанье, оробевшая дамская компания трусцой последовала за своим мрачным главою. Все молча расселись за столом. Старик пробурчал молитву, прозвучавшую с суровостью проклятия. Большие серебряные крышки были сняты с блюд. Эмилия дрожала, сидя на своем месте, — она была ближайшей соседкой грозного Осборна, и, кроме нее, по сю сторону стола никого больше не было — свободное место принадлежало Джорджу.

— Супу? — замогильным голосом спросил мистер Осборн, схватив разливательную ложку и пронизывая взором Эмилию. Налив ей и всем остальным, он некоторое время не произносил ни слова.

— Уберите тарелку мисс Седли, — приказал он наконец. — Она не может есть этот суп, да и я не могу. Он никуда не годится. Уберите суп, Хикс, а ты, Джейн, завтра же прогони кухарку!

Сделав эти замечания насчет супа, мистер Осборн очень кратко высказался относительно рыбы, также в весьма свирепом и ядовитом тоне, и помянул недобрым словом Билингсгейтский рынок с решительностью, вполне достойной этого места; после чего он в полном молчании стал пить вино, принимая все более и более грозный вид, пока резкий стук в дверь не возвестил о прибытии Джорджа, отчего все несколько оживились.

Он не мог притти раньше. Генерал Дегилет заставил его дожидаться в конногвардейских казармах. Все равно, супу или рыбы. Дайте что-нибудь. Ему совершенно безразлично. Чудесная баранина, да и все чудесно!

Радужное настроение молодого офицера представляло разительный контраст с суровостью его отца. И Джордж в течение всего обеда безумолку болтал, к полному восхищению всех, а особенно одной из присутствующих, называть которую нет надобности.

Как только молодые леди покончили с апельсинами и стаканом вина, которым обычно завершались унылые трапезы в доме мистера Осборна, был дан сигнал к отплытию, и дамы поднялись со своих мест и удалились в гостиную. Эмилия питала надежду, что Джордж скоро присоединится к ним. Она принялась играть его любимые вальсы (лишь недавно ввезенные в Англию) на большом,

одетом в кожаный чехол рояле с высокими резными ножками. Но эта маленькая уловка не привлекла Джорджа. Он оставался глух к призыву вальсов; звуки становились все нерешительнее и постепенно замирали. Огорченная музыкантша оставила, наконец, в покое огромный инструмент. И хотя три ее приятельницы исполнили несколько бравурных пьесок, представлявших самое свежее и блестящее пополнение их репертуара, Эмилия не слышала ни единой ноты и сидела задумавшись, предчувствуя сердцем какую-то беду. Нахмуренные брови старика Осборна, и обычно-то грозные, никогда еще не казались Эмилии такими страшными. Его взоры провожали ее до порога столовой, словно Эмилия была в чем-то виновата. Когда ей подали кофе, она вздрогнула, точно дворецкий, мистер Хикс, предложил ей чашу с ядом. Какая тайна скрывалась за всем этим? О, женщины! Они возьматся и нячатся со своими предчувствиями и любовно носят с самыми мрачными мыслями, как матери с увечными детьми.

Угрюмый вид отца заронил некоторые опасения в душу Джорджа Осборна. Если родитель так хмурит брови, если у него такой невероятно желчный вид, то как выжать из него деньги, в которых молодой офицер отчаянно нуждался? И Джордж пустился расхваливать родительское вино. Это был обычный способ умастить старого джентльмена.

— Мы никогда не получали в Вест-Индии такой мадеры, как ваша, сэр. Полковник Хевитоп вылакал три бутылки из тех, что вы послали мне прошлый раз.

— Правда? — сказал старый джентльмен. — Она обходится мне по восемь шиллингов за бутылку.

— Не возьмете ли вы шесть гиней за дюжину такой мадеры, сэр? — продолжал Джордж со смехом. — Один из самых великих людей в королевстве хотел бы приобрести такого винца.

— Да что ты? — проворчал старик. — Что ж, желаю ему удачи!

— Когда генерал Дегилет был в Четеми, сэр, Хевитоп давал завтрак в его честь и попросил меня ссудить ему несколько бутылок вашей мадеры. Генералу она страшно понравилась, и он пожелал приобрести для главнокомандующего целую бочку. Он правая рука его королевского высочества!

— Да, вино недурное! — заметили нахмуренные брови, и настроение их явственно улучшилось. Джордж собирался уже воспользоваться благоприятной минутой, чтобы поговорить о деньгах, когда отец, опять напустивший на себя важность, велел сыну, впрочем довольно сердечным тоном, позвонить, чтобы подали красного вина.

— Посмотрим, Джордж, уступит ли оно мадере, которая, конечно, к услугам его королевского высочества. А пока мы будем распивать вино, я хочу поговорить с тобой об одном важном деле.

Эмилия, сидевшая наверху в тревожном ожидании, слышала звонок, требовавший красного вина. Невольно она подумала, что это какой-то зловещий звонок, предвещающий недоброе. Если вас постоянно томят предчувствия, то некоторые из них обязательно сбудутся, будьте уверены!

— Вот что мне хотелось бы знать, Джордж, — начал старый джентльмен, смакуя первые глотки вина. — Вот что мне хотелось бы знать: как у тебя и... гм... и у этой малышки наверху обстоят дела?

— Мне кажется, сэр, это нетрудно заметить, — сказал Джордж с самодовольной усмешкой. — Достаточно ясно, сэр... Какое чудесное вино!

— Что это значит — достаточно ясно, сэр?

— Черт возьми, сэр, не нажимайте на меня так энергичски! Я человек скромный. Я... гм... не считаю себя покорителем сердец, но должен признаться, что она чертовски влюблена в меня!.. Всякий это заметит, если он не слепой.

— А ты сам?

— Да разве, сэр, вы не приказывали мне жениться на ней? А ведь я пай-мальчик! И разве наши родители не уладили этот вопрос в незапамятные времена?

— Нечего сказать, пай-мальчик! Вы думаете, я не слышал о ваших делах, сэр, с лордом Тарквином, с капитаном гвардии Кроули, достопочтенным мистером Дьюисом и тому подобное? Берегитесь, сэр, берегитесь!

Старый джентльмен произносил эти аристократические имена с величайшим смаком. Где бы он ни встречал вельможу, он раболепствовал перед ним и величал его милордом с таким пылом, на какой способен только свободнорожденный бритт. Приезжая домой, он выски-

вал в Книге пэров биографию этого лица и поминал его на каждом третьем слове, хвастаясь сиятельным знакомством перед дочерьми. Он простирался перед ним ниц и грелся в его лучах, как неаполитанский нищий греется на солнце. Джордж встревожился, услышав перечисленные фамилии. Он испугался, не осведомлен ли отец о некоторых его делишках за карточным столом. Но старый моралист успокоил его, заявив невозмутимо:

— Ну, ладно, ладно! Молодые люди все одинаковы. Меня утешает, Джордж, то, что ты возвращаешься в лучшем английском обществе... надеюсь, что это так, верю и надеюсь... Мои средства дают тебе эту возможность.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Джордж, сразу хватая быка за рога. — Но нельзя жить среди такой знати, не имея ни гроша в кармане. А мой кошелек — вот, взгляните, сэр! — и он выложил маленький презент, связанный ему Эмилией и содержащий в себе последний фунтовый билет из числа полученных от Доббина.

— Вы не будете нуждаться, сэр. Сын английского купца не будет нуждаться, сэр! Мой гинеи не хуже, чем у них, Джордж, мой мальчик! И я не трясусь над ними. Зайди к мистеру Чоперу, когда будешь завтра в Сити: у него найдется кое-что для тебя. Я не жалею денег, когда мне известно, что ты в хорошем обществе, потому что в хорошем обществе ты не свихнешься. Не думай, что во мне говорит гордость. Я рожден в скромной доле, но тебе больше повезло. Воспользуйся же своим положением, водись со знатной молодежью. Многим из них не под силу истратить шиллинг там, где ты можешь кинуть гинею, мой мальчик. А что касается розовых шляпок (тут из-под нависших бровей был брошен многозначительный, но не очень приятный взгляд) — что ж, мальчишки все одинаковы! Есть только одна вещь, которой я приказываю тебе избегать, а в случае непослушания не дам тебе больше ни шиллинга, клянусь богом! Это касается игры, сэр!

— Ну конечно, сэр! — сказал Джордж.

— Однако вернемся к вопросу об Эмили. Почему бы тебе не жениться на какой-нибудь девице познатнее дочери биржевого маклера, Джордж? Вот что мне хотелось бы знать!

— Ведь это дело семейное, сэр, — сказал Джордж,

пощелкивая орехи. — Вы с мистером Седли договорились о нашем браке чуть ли не сто лет тому назад!

— Так-то оно так, но времена меняются, сэр. Я не отрицаю, что Седли помог мне составить состояние, или, вернее сказать, способствовал мне приобрести, в силу моих личных талантов и дарования, то почетное положение, которое, смею сказать, я занимаю в торговле свечным салом и в Сити. Я доказал Седли свою признательность, и он недавно имел случай испытать ее на деле, сэр, как это может подтвердить, сэр, моя чековая книжка. Джордж! Скажу тебе по секрету: мне не нравится, как идут дела у мистера Седли. Мой главный конторщик, мистер Чопер, придерживается того же мнения, а он человек опытный и знает биржу, как никто в Лондоне. «Халкер и Буллок» смотрят на Седли косо. Боюсь, что он промахнулся в своих расчетах. Говорят, будто судно «Jeune Emilie»¹, захваченное американским капером «Меласса», принадлежало ему. Так и знай: пока я не увижу, что за Эмилией дают десять тысяч приданого, ты не женишься на ней. Не желаю вводить в свою семью дочь банкрота! Ну-ка, налей мне еще вина... или лучше позвони, чтобы подали кофе!

С этими словами мистер Осборн развернул вечернюю газету, и Джордж понял по этому намеку, что беседа кончена и папаша хочет немножко вздремнуть.

Он поспешил наверх к Эмили в очень веселом состоянии духа. Что заставило его быть в этот вечер таким внимательным к ней, чего уж давно не замечалось, так усердно занимать ее, быть таким нежным, таким блестящим собеседником? Великодушное ли его сердце прониклось теплотой в предвидении несчастья, или же мысль об утрате этого маленького сокровища заставила Джорджа ценить его больше?

Эмилия много дней потом жила впечатлениями этого счастливого вечера, вспоминала слова Джорджа, его взгляды, романсы, которые он пел, его позу, когда он склонялся над ней или же смотрел на нее издали. Ей казалось, что никогда еще ни один вечер в доме мистера Осборна не проходил так быстро. И впервые наша моло-

¹ «Юная Эмилия» (франц.).

дая девица едва не рассердилась, когда за нею преждевременно явился мистер Самбо с ее шалью.

На следующее утро Джордж зашел к Эмили и нежно с нею распрощался, а затем поспешил в Сити, где посетил мистера Чопера, главного конторщика отца, и получил от этого джентльмена документ, который и обменял у «Халкера и Буллока» на целую кучу денег. Когда Джордж входил в банкирскую контору, старый Джон Седли выходил из приемной банкира с очень мрачным видом, но крестник был слишком весело настроен, чтобы заметить угнетенное состояние достойного биржевого маклера или печальный взгляд, которым окинул его старый добряк. Молодой Буллок не выглянул из приемной с веселой улыбкой, чтобы проводить старика, как это бывало в прежние годы.

И когда широкие двери банкирского дома «Халкер, Буллок и К^о» закрылись за мистером Седли, мистер Квил, кассир (чье человеколюбивое занятие состоит в том, чтобы выдавать хрустящие банковые билеты из ящика конторки и выбрасывать медной лопаточкой соверены), подмигнул мистеру Драйверу, конторщику, сидевшему справа от него. Мистер Драйвер подмигнул мистеру Квилу.

— Не идут, — шепнул мистер Д.

— Ни по какой цене, — сказал мистер К. — Как позволите уплатить вам, мистер Джордж Осборн?

Джордж живо распахнул по карманам кучу банковых билетов; в тот же вечер, в офицерском собрании, он рассчитался с Доббином, вернув ему пятьдесят фунтов.

И в этот самый вечер Эмилия написала ему нежнейшее из своих длинных писем. Сердце ее было преисполнено любви, но все еще чувало беду. «Почему мистер Осборн так мрачен? — спрашивала она. — Не вышло ли у них чего-нибудь с ее отцом? Бедный папа вернулся из Сити таким расстроенным, что все домашние за него в тревоге», — словом, целых четыре страницы любви, опасений, надежд и предчувствий.

— Бедняжка Эмми... милая моя маленькая Эмми! Как она влюблена в меня, — говорил Джордж, пробегая послание. — Черт возьми, до чего же голова трещит от этого пунша!

В самом деле — бедная маленькая Эмми!

ГЛАВА XIV

Мисс Кроули у себя дома

Около того же времени к чрезвычайно уютному и благоустроенному дому на Парк-лейн подъехала дорожная коляска с ромбовидным гербом на дверцах, с недовольною особою женского пола, в зеленой вуали и локончиках, на заднем сиденье, и с величественным слугою на козлах, — очевидно, доверенным лицом своих господ. Это был экипаж нашего друга мисс Кроули, возвращающейся из Хемпшира. Окна кареты были подняты; жирная болонка, чья морда и язык обыкновенно высывались в одно из них, покоилась на коленях недовольной особы. Когда экипаж остановился, из кареты был извлечен объемистый сверток шалей, — для чего оказалась необходимой помощь нескольких слуг и молодой леди, сопровождавшей эту грудю одежды. Сверток содержал в себе мисс Кроули, которая была немедленно доставлена наверх и уложена в постель в спальне, надлежаще протопленной для такой оказии. За докторами для мисс Кроули были разосланы гонцы. Врачи явились, посовещались, прописали лекарства и исчезли. Молодая спутница мисс Кроули

по окончании консилиума вышла к ним, выслушала наставления, а затем употребила по назначению противолихорадочные средства, прописанные учеными мужами.

На следующий день из Найтсбриджских казарм прискакал капитан лейб-гвардии Кроули. Его вороной взрыл копытами солому, разостланную перед домом страждущей тетушки. Капитан с большим участием расспросил о здоровье своей любезной родственницы. Повидимому, имелись основания для самых худших опасений: он нашел горничную мисс Кроули (недовольную особу женского пола) необычайно сердитой и удрученной; мисс Бригс, компаньонку тетушки, он застал всю в слезах, одиноко сидящей в гостиной. Мисс Бригс поспешила домой, услышав о болезни своего любимого друга. Она хотела лететь к ее ложу, к тому ложу, которое она, Бригс, так часто опраивала в часы болезни. Но ее не допустили в апартаменты мисс Кроули. Какая-то чужая подавала ей лекарства, какая-то чужая из провинции, противная мисс... Тут слезы прервали речь компаньонки, и она спрятала свои оскорбленные чувства и свой бедный старенький красный носик в носовой платок.

Родон Кроули послал сердитую горничную доложить о его приезде, и новая компаньонка мисс Кроули, живо спустившаяся из спальни больной, протянула маленькую ручку капитану, предупредительно поспешившему ей навстречу, смерила презрительным взглядом растерявшуюся Бригс и, поманив за собой молодого гвардейца, увела его вниз, в пустынную теперь парадную столовую, прославленную столькими пиршествами.

Здесь они беседовали вдвоем минут десять, обсуждая, несомненно, симптомы болезни немощной старухи, лежавшей наверху. К концу этой беседы резко зазвонил звонок в столовой, и на него немедленно отозвался мистер Боулс, величественный дворецкий мисс Кроули (который — разумеется, случайно — оказался у замочной скважины и простоял у двери в течение большей части разговора). Капитан вышел из дому, покручивая усы, и вскочил на своего вороного, рывшего копытами солому, к восхищению маленьких сорванцов, собравшихся на улице. Он взглянул на окна столовой, сдерживая лошадь, которая выкидывала курбеты и красиво приплясывала на одном месте. На мгновение в окне показалась молодая

особа, но затем ее фигурка исчезла, — без сомнения, она отправилась наверх и опять приступила к выполнению трогательных обязанностей милосердия.

Кто же была эта молодая женщина, хотелось бы мне знать? Вечером в столовой был подан скромный обед на две персоны (тем временем миссис Феркин, горничная миледи, бросилась в опочивальню хозяйки и все возилась там, пока, за временной отлучкой самозванки, место оставалось свободным), и новая сиделка уселась с мисс Бригс за мирную трапезу.

Бригс от волнения не могла проглотить ни кусочка. Молодая особа с отменным изяществом разделила курицу и так отчетливо попросила подливки из яиц, что бедная Бригс, перед которой находилась эта великолепная приправа, вздрогнула и после неудачных попыток удержать в руке непослушную соусную ложку снова впала в состояние истерики, разразившись рыданиями.

— Не дадите ли вы мисс Бригс стакан вина? — обратилась молодая особа к мистеру Боулсу, величественному дворецкому.

Тот подал вино. Бригс машинально схватила стакан, судорожно проглотила вино, тихо простонала и начала ковырять цыпленка на тарелке.

— Мне кажется, мы обойдемся и без любезных услуг мистера Боулса, — заявила молодая особа с величайшей мягкостью. — Мистер Боулс, сделайте милость, мы позвоним, когда вы нам понадобится.

Боулс отправился вниз, где, между прочим, накинуся с самыми страшными ругательствами на ни в чем не повинного лакея, своего подчиненного.

— Какая жалость, что вы принимаете все это так близко к сердцу, мисс Бригс, — сказала молодая леди холодным, слегка саркастическим тоном.

— Мой бесценный друг так болен и не же-е-е-лает видеть меня! — воскликнула мисс Бригс в неудержимом порыве горя.

— Она вовсе уж не так плоха. Утешьтесь, дорогая мисс Бригс. Она просто объелась, вот и все. Ей гораздо лучше. Скоро она выздоровеет. Она ослабела от банок и лекарства, но теперь ей станет легче. Прошу вас, утешьтесь и выпейте еще вина.

— Но почему же, почему она не хочет меня видеть? —

захныкала мисс Бригс. — О Матильда, Матильда, после двадцатитрехлетней привязанности так-то ты платишь своей бедной, бедной Арабелле?

— Не проливайте столь обильных слез, бедная Арабелла, — заметила ее собеседница с легкой усмешкой. — Она не хочет вас видеть только потому, что вы будто бы не умеете так хорошо за ней ухаживать, как я. Мне не доставляет никакого удовольствия просиживать без сна все ночи. Я хотела бы, чтобы вы меня заменили.

— Разве я не дежурила около этого дорогого ложа в течение многих лет? — возопила Арабелла. — А теперь...

— А теперь она предпочитает других. Знаете, у больных людей бывают подобные фантазии, и им приходится потакать в этом. Когда она поправится, я уеду.

— Никогда, никогда! — воскликнула Арабелла, с остервенением вдыхая из флакона нюхательную соль.

— Никогда не поправится, или я никогда не уеду? Что вы имеете в виду, мисс Бригс? — спросила ее собеседница с тем же вызывающим добродушием. — Вздор! Через две недели она будет здоровехонька, и я уеду к своим маленьким ученицам в Королевское Кроули и к их матери, которая больна гораздо серьезнее, чем наш друг. Вам нечего ревновать ее ко мне, дорогая моя мисс Бригс. Я бедная молоденькая девушка, без единого друга на свете и никому не делаю зла. Я не хочу оттеснить вас и лишиться благосклонности мисс Кроули. Она позабудет меня через неделю после моего отъезда, а ее привязанность к вам создавалась годами. Пожалуйста, налейте мне немного вина, дорогая моя мисс Бригс, и давайте будем друзьями. Право, я нуждаюсь в друзьях!

Миролюбивая и мягкосердая Бригс безмолвно протянула сопернице руку при этом призыве, но с тем большей остротой почувствовала свою обиду и горько-горько стала сетовать на непостоянство Матильды. Через полчаса, когда обед окончился, мисс Ребекка Шарп (потому что, как ни странно, таково было имя той, которую до сей поры мы изобретательно называли «молодой особой») отправилась снова наверх в покои своей пациентки, выпроводив оттуда с самой изысканной вежливостью бедную Феркин.

— Благодарю вас, миссис Феркин, так будет хорошо. Как чудесно вы все делаете! Я позвоню, когда понадобится.

— Благодарю вас! — И Феркин сошла вниз, охваченная бурей ревности, тем более опасной, что ей приходилось таить ее в своей груди.

Не эта ли буря распахнула дверь гостиной, когда горничная проходила по площадке первого этажа? Нет, дверь была тихонько приоткрыта рукою мисс Бригс. Бригс стояла на страже. Бригс слишком ясно слышала, как скрипели ступени лестницы, когда Феркин спускалась по ним, и как звенели ложка и кастрюлька из-под кашицы, которые несла женщина, в чьих услугах не нуждались.

— Ну, Феркин, — сказала Бригс, когда горничная вошла в комнату. — Ну, Джейн?

— Хуже и быть не может, мисс Бригс, — ответила та, покачав головой.

— Разве ей не лучше?

— Она всего только один раз и заговорила со мной. Я спросила ее, не полегчало ли ей, и она велела мне попридержаться мой глупый язык. О мисс Бригс, никогда я не думала, что доживу до такого дня!

И чувства ее неудержимо хлынули наружу.

— Что за особа эта мисс Шарп, Феркин? Не думала я, не гадала, веселясь на святках в благородном доме моих близких друзей, преподобного Лайонеля Деламира и его любезной супруги, что мне придется увидеть, как чужой человек займет мое место и вытеснит меня из сердца моей, все еще горячо любимой, Матильды!

Мисс Бригс, как можно судить по оборотам ее речи, отличалась склонностью к изящной литературе и чувствительным излияниям и даже выпустила как-то в свет — по подписке — томик своих стихотворений «Трели соловья».

— Все они там с ума посходили от этой девицы, мисс Бригс, — отвечала Феркин. — Сэр Питт ни за что не хотел отпускать ее сюда, да не посмел отказать мисс Кроули. Миссис Бьют, пасторша, — еще того хуже: просто жить без нее не может! Капитан совсем от нее без ума. Мистер Кроули смертельно ее ревнует. С тех пор как мисс Кроули занемогла, она никого не хочет возле себя видеть, кроме мисс Шарп. А почему и отчего — не сумею сказать. Я думаю, она их всех просто-напросто околдовала!

Ребекка провела эту ночь в неусыпном бдении у постели мисс Кроули; но на следующую ночь старая леди

так спокойно спала, что Ребекке тоже удалось чудесно отдохнуть несколько часов, устроившись на диванчике, поставленном в ногах у ложа ее покровительницы. Очень скоро мисс Кроули настолько оправилась, что могла уже сидеть и от всей души хохотать над импровизацией Ребекки, с большим искусством изображавшей разобиженную мисс Бригс. Всклипывания и причитания Бригс и ее манера прибегать к помощи носового платка передавались ею с таким совершенством, что мисс Кроули совсем развеселилась, к изумлению приехавших ее навестить докторов, которые при малейших заболеваниях этой достойной светской дамы обычно находили ее в состоянии самого позорного уныния и страха смерти.

Капитан Кроули заезжал ежедневно и получал от мисс Ребекки бюллетени о здоровье своей тетушки. Оно столь быстро улучшалось, что бедной Бригс было позволено повидаться со своей благодетельницей. Люди, обладающие нежным сердцем, могут себе представить душевраздирающее волнение этой сентиментальной представительницы прекрасного пола и трогательный характер свидания.

Вскоре мисс Кроули стала чаще допускать к себе верную Бригс. Ребекке пришло в голову передразнивать почтенную даму в лицо с самым невинным видом и неподражаемой серьезностью, что придавало этим мимическим сценам двойную пикантность в глазах ее достойной приятельницы.

Причины, повлекшие за собой прискорбную болезнь мисс Кроули и ее отъезд из имения брата, были столь непоэтического свойства, что их едва ли удобно пояснять на страницах нашей элегантной и сентиментальной повести. В самом деле, можно ли сказать о деликатной особе женского пола, принадлежащей к лучшему обществу, что она объелась и опилась и что обильный ужин из горячих омаров в доме пастора послужил причиной заболевания, упорно приписываемого самой мисс Кроули исключительно действию сырой погоды? Припадок был такой острый, что Матильда, — как выразился его преподобие, — едва не «окачурилась». Памятуя о ее духовной, все семейство было охвачено лихорадкой ожидания, а Родон

Кроули уже твердо рассчитывал, что к началу лондонского сезона у него будет по крайней мере сорок тысяч фунтов. Мистер Кроули прислал тетушке пачку тщательно подобранных брошюр, дабы подготовить ее к переходу с Ярмарки Тщеславия и с Парк-лейн в другой мир. Но какой-то сведущий саутгемптонский врач, приглашенный во-время, одержал победу над омаром, чуть было не оказавшимся роковым для мисс Кроули, и влил в нее достаточно сил для возможности вернуться в Лондон. Баронет не скрывал своей необычайной досады при таком обороте дел.

В то время как все ухаживали за мисс Кроули и гонцы из пасторского дома ежечасно привозили нежным родственникам вести о ее здоровье, в самом замке лежала тяжело больная дама, на которую никто не обращал внимания; это была леди Кроули. Добряк доктор только покачал головой, осмотрев больную (сэр Питт согласился на его визит, так как платить за него особо не приходилось), и леди Кроули предоставили тихонько угасать в ее одинокой спальне и обращали внимания на нее не больше, чем на какую-нибудь сорную траву в парке.

Молодые девицы тоже оказались в небрежении, лишившись бесценных благ, приносимых им уроками гувернантки. Мисс Шарп была такой нежной сиделкой, что мисс Кроули соглашалась принимать лекарства не иначе как из ее рук. Феркин была низложена еще задолго до отъезда своей хозяйки из деревни; эта верная служанка по возвращении в Лондон нашла для себя горькое утешение в том, что мисс Бригс терзается теми же муками ревности и терпит такое же поношение, как и она, миссис Феркин.

Капитан Родон получил продление отпуска по случаю болезни тетки и, послушный долгу, нес дежурство в ее доме. Он все время торчал в передней у тетки (больная лежала в парадной спальне, в которую можно было войти через маленькую голубую гостиную), и отец постоянно наталкивался на него; если Родон тихонечко проходил по коридору, то можно было наперед знать, что дверь, за которой скрывается его отец, приотворится и в щель выглянет лицо старого джентльмена, похожее на морду гиены. Что заставляло их так выслеживать друг друга? Несомненно, благородное соперничество: кто из них

окажется внимательнее к дорогой страдальце, лежащей в парадной спальне. Ребекка выходила и утешала их — то вместе, то порознь. Оба достойных джентльмена горели нетерпением узнать новости о больной из уст ее маленькой доверенной посланницы.

За обедом, к которому Ребекка спускалась на полчаса, она поддерживала мир между отцом и сыном, а потом исчезала на всю ночь. Тогда Родон уезжал верхом в 15-й полк, стоявший в Мадбери, и оставлял папашу в обществе мистера Хорокса и рома. Ребекка провела такие томительные две недели у одра мисс Кроули, какие только могут выпасть на долю смертного. Но ее нервы, казалось, были сделаны из железа, и ее ничуть не изнуляли ни уход за больной, ни изводящая скука больничной обстановки.

Лишь много, много времени спустя она позволила себе признаться в том, как тяжелы были ее обязанности; какой несносной пациенткой оказалась веселая старуха, какой она была капризницей и злючкой, какими она страдала бессонницами, как боялась смерти; сколько долгих ночей лежала она стеная, словно в безумном мучительном бреду, осаждаемая видениями того будущего мира, которого она и знать не хотела, когда бывала в добром здравии. Представьте себе, о прекрасная юная читательница, суетную, себялюбивую, противную, неблагодарную, неверующую старуху в корчах от боли и страха, да еще без парика! Представьте себе ее сами и, пока вы еще не состарились, научитесь молиться и любить!

Мисс Шарп с неистощимым терпением бодрствовала у этого мерзкого ложа. Ничто не ускользало от ее внимания, и, как мудрая управительница, она научилась извлекать пользу из всего решительно. В последовавшие затем дни она рассказывала множество забавных историй о болезни мисс Кроули, — историй, которые заставляли эту даму заливаться краской смущения под слоем искусственного румянца. Но за время ее болезни Ребекка ни разу не вышла из себя и всегда была на страже: спала легким сном, как человек с чистой совестью, и могла погрузиться в освежающее забытие почти в любую минуту. Да и по ее внешнему виду вы не заметили бы следов большой усталости. Правда, лицо у нее немного побледнело, а круги под глазами стали чуть темнее. Но когда бы мисс

Шарп ни выходила из комнаты болящей, она всегда улыбалась, всегда была свежа и опрятна и так мила в своем халатике и чепце, как в самом прелестном вечернем туалете.

Так думал капитан и бешено, до безумия влюбился в Ребекку. Зубчатая стрела любви пробила его толстую кожу. Шесть недель тесной близости и вынужденных встреч обрекли его на полнейшее закляние. Его наперсницей каким-то образом оказалась тетушка-пасторша. Миссис Бьют сначала подняла племянника на смех, — она заметила эту сумасбродную страсть, — и стала предостерегать, но кончила тем, что признала малютку Шарп самым умным, самым забавным, чудесным, добродушным, простым и милым созданием во всей Англии. Однако Родону не следует шутить с ее чувствами: милая мисс Кроули никогда ему этого не простит. Ведь она тоже без ума от маленькой гувернанточки и любит эту Шарп, как дочь. Родон должен уехать, вернуться в свой полк, в гадкий Лондон, и не играть чувствами бедной простодушной девушки.

Много, много раз эта добродушная дама, сочувствуя отчаянному положению лейб-гвардейца, доставляла ему, как мы видели, случай встретиться с мисс Шарп в пасторате и проводить ее домой. Милостивые государыни, когда мужчины известного сорта влюблены, то хотя они и видят крючок и леску и весь тот снаряд, с помощью которого будут пойманы, тем не менее они заглатывают приманку — они должны к ней подойти, они должны ее проглотить, — и вот их подсекают и вытаскивают на берег задыхающимися. Родон догадывался о намерении миссис Бьют поймать его Ребеккой, — он не отличался умом, но кой-какой опыт успел приобрести. Свет забрезжил в потемках его души — или так ему показалось — после одного его разговора с миссис Бьют.

— Запомни мои слова, Родон, — сказала она. — В один прекрасный день мисс Шарп будет твоей родственницей.

— Какой родственницей? Кузиной, э, миссис Бьют? Уж не Джеймс ли страдает по ней, что? — осведомился игривый офицер.

— Ищи ближе, — сказала миссис Бьют, сверкнув своими черными глазами.

— Не Питт ли? Она ему не достанется. Подлец ее не

стоит. К тому же у него расчеты на леди Джейн Шипшенкс.

— Вы, мужчины, ничего не замечаете. Эх ты, простак, слепец! Ежели что случится с леди Кроули, мисс Шарп станет твоей мачехой, помяни мое слово.

Родон Кроули, эсквайр, протяжно свистнул в знак своего изумления при таком открытии. Отрицать это было трудно: явная склонность отца к мисс Шарп не ускользнула и от него. Проделки почтенного родителя были ему известны. Более бессовестного старого греховодника... фью-ю!.. И, не окончив фразы, он зашагал домой, покручивая усы и вполне уверенный, что им найден ключ к разгадке тайны миссис Бьют.

«Ну и ну, честное слово! — думал Родон. — До чего дошло! Эта баба хочет погубить бедную девочку для того, чтобы она не могла войти в семью в качестве леди Кроули!»

Встретившись с Ребеккой наедине, он с присущим ему изяществом пошутил над привязанностью к ней отца. Она гневно вскинула голову, взглянула ему прямо в лицо и сказала:

— Ну, хорошо, предположим, он влюблен в меня. Но ведь не только он один, не правда ли, капитан Кроули? Не думаете ли вы, что я боюсь его? Или вы полагаете, что я не сумею защитить свою честь? — заявила маленькая женщина с высокомерием королевы.

— О... а... почему же... я просто предостерегаю вас... будьте, знаете, осторожны... вот и все! — ответил растерявшийся усач.

— Значит, вы намекаете на что-то неблагоприятное? — сказала она вспыхнув.

— О... черт... да что вы... мисс Ребекка, — защищался неповоротливый драгун.

— Уж не полагаете ли вы, что у меня нет чувства собственного достоинства только потому, что я бедна и одинока, или потому, что им не обладают богачи? Вы думаете, что если я гувернантка, так я лишена понятий, тех правил чести и хорошего воспитания, какие есть у вас, хемпширских дворян? Я — Монморанси. Чем, по-вашему, Монморанси хуже Кроули?

Когда мисс Шарп пребывала в волнении и ссылалась на свою родню со стороны матери, она всегда говорила

с легким иностранным акцентом, который придавал особую прелесть ее чистому, звонкому голосу.

— Нет, — продолжала она, все больше воспламеняясь, — я могу перенести бедность, но не позор, пренебрежение, но не надругательство, да еще от кого — от вас!

Ее чувства вырвались наружу, и она залилась слезами.

— К черту, мисс Шарп... Ребекка... ей-богу... клянусь своей душой... я и за тысячу фунтов не стал бы... Погодите, Ребекка!..

Она ушла. В этот день она выезжала кататься с мисс Кроули. Это было еще до болезни последней. За обедом Ребекка была необычайно остроумна и весела, но не желала обращать ни малейшего внимания на все намеки, кивки, неловкие оправдания посрамленного, безумно влюбленного гвардейца. Такого рода стычки постоянно происходили во время этой маленькой войны — о них утомительно рассказывать, — и кончались они всегда одинаково: тяжелая кавалерия Кроули терпела поражения в изматывающих схватках с противником и, что ни день, обращалась в бегство.

Если бы баронет из Королевского Кроули не боялся упустить сестрино наследство, он никогда бы не позволил, чтобы его милые девочки лишались тех благ образования, которыми их наделяла бесценная воспитательница. Старый дом казался без нее опустевшим — столь полезной и приятной в нем сумела сделать себя Ребекка. Письма сэра Питта не переписывались и не исправлялись; книги велись неаккуратно; его домашние дела и многообразные проекты оставались в небрежении, с тех пор как уехал его маленький секретарь. Уже самый тон и орфография многочисленных писем, которые сэр Питт посылал Ребекке, умоляя ее и повелевая ей вернуться, показывали, сколь необходим ему этот личный секретарь. Чуть ли не каждый день приносил с собою освобожденное от почтовых сборов письмо баронета с самыми убедительными представлениями в адрес мисс Кроули насчет печального положения дел с образованием его дочерей. Но мисс Кроули обращала весьма мало внимания на эти дипломатические ноты.

Мисс Бригс не получила формальной отставки, но ее положение в качестве компаньонки превратилось в пустую видимость и насмешку. Компанию ей в пустой гостиной составляла отныне жирная болонка или же — иной раз — недовольная Феркин в своей тесной келии экономки. С другой стороны, хотя старая леди и слышать не хотела об отъезде Ребекки, однако та не занимала никакой определенной должности на Парк-лейн. Подобно многим состоятельным людям, мисс Кроули привыкла пользоваться услугами низших до тех пор, пока это было ей нужно, и, нимало не задумываясь, отпускала их от себя, едва эта надобность проходила. Некоторым богатым людям органически несвойственна благодарность, да и трудно ждать ее от них. Они принимают услуги людей неимущих как нечто должное. Но и у вас, бедные паразиты и смиренные блюдолизы, мало оснований жаловаться. В ваших дружеских чувствах к богачу столько же искренности, как и в его ответном к вам расположении. Вы любите деньги, а не самого человека! И если бы Крез и его слуга поменялись ролями, то ты отлично знаешь, о несчастный плут, в чью пользу расположило бы тебя твое подобоострастие!

И я не уверен, что, несмотря на всю простоту, живость, кротость и неутомимую веселость Ребекки, хитрая лондонская старуха, на которую расточались все эти сокровища дружбы, не относилась с первых же дней с затаенной подозрительностью к своей нежной сиделке и приятельнице. Должно быть, в голове у мисс Кроули не раз мелькала мысль, что никто ничего не делает даром. И если она отдавала себе отчет в своих собственных чувствах по отношению к миру, то должна была знать истинную цену чувствам этого мира по отношению к самой себе. Быть может, задумывалась она и над тем, что таков уж обычный жребий людей — не иметь ни одного истинного друга, если сами они никого не любят.

Но пока Бекки была для нее очень нужна и полезна; поэтому она подарила ей два-три новых платья, старое ожерелье и шаль и выказывала свою дружбу тем, что перемывала с новой фавориткой косточки всем близким знакомым (можно ли найти более трогательное доказательство расположения) и довольно неопределенно подумывала о каком-то великом благодеянии для Ребекки в будущем — не выдать ли ее замуж за аптекаря Клампа,

или не устроить ли ее счастье каким-нибудь еще образом? В крайнем случае, когда Ребекка ей прискучит и начнется разгар лондонского сезона, ее можно будет отослать обратно в Королевское Кроули.

Когда мисс Кроули перешла на положение выздоравливающей и начала спускаться в гостиную, Бекки пела ей и всячески ее развлекала; когда же она настолько оправилась, что могла выезжать, Бекки сопровождала ее. И во время этих выездов какое же из всех мест на свете могло привлечь мисс Кроули, преисполненную благодушия и чувства дружбы, как не дом Джона Седли, эсквайра, на Рассел-сквере в Блумсбери.

Мы знаем, что еще до этого события между обеими любящими подругами шла горячая переписка. Однако за короткий срок пребывания Ребекки в Хемпшире вечная дружба молодых девиц (следует ли в том признаться?) значительно ослабела и так износилась и выдохлась с возрастом, что грозила окончательно захиреть. Да и немудрено. Ведь у каждой из них мысли были заняты собственными важными делами: Ребекке надо было думать о своем преуспейании у нанимателей, а у Эмилии была своя всепоглощающая тема. Когда обе приятельницы встретились и бросились друг другу в объятия с пылкостью, отличающей молодых девиц при свидании, Ребекка разыграла свою роль с отменной стремительностью и энергией. Бедная же маленькая Эмми густо покраснела, целуя подругу, ибо ее мучило чувство, что она виновата перед нею в чем-то очень похожем на холодность.

Первая их встреча была весьма краткой. Эмилия как раз собиралась итти гулять. Мисс Кроули ждала внизу в коляске, и слуги ее дивились на эту часть города, где они очутились, и глазели на честного Самбо, черного лакея из Блумсбери, принимая его за одного из забавных туземцев этой местности. Но когда Эмилия вышла на улицу, прелестная, с ласковой своей улыбкой (ведь должна же была Ребекка представить ее своему другу; и мисс Кроули безумно хотелось взглянуть на нее, но только она была слишком тяжело больна, чтобы выйти из экипажа), — когда, говоря я, Эмилия вышла на улицу, парк-лейнская ливрейная аристократия и вовсе растерялась, не будучи в состоянии понять, как подобное существо могло появиться на свет божий в Блумсбери. Мисс

Кроули была положительно пленена нежным, зардевшимся от смущения личиком молодой особы, так робко и так грациозно приближавшейся к ней, чтобы засвидетельствовать уважение покровительнице своей подруги.

— Что за цвет лица, душенька! Какой милый голосок! — говорила мисс Кроули, когда их экипаж после этого краткого свидания покатил в западную часть города. — Милая моя Шарп, ваша юная подруга очаровательна. Привезите ее ко мне на Парк-лейн, слышите?

У мисс Кроули был отличный вкус. Ей нравилась естественность манер, а легкая робость только выгодно ее оттеняла. Она любила видеть около себя хорошенькие личики в такой же мере, как красивые картины и дорогой фарфор. В тот день она раз десять с восхищением отозвалась об Эмилии и упомянула о ней и при Родоне Кроули, когда тот, по чувству долга, прибыл разделить с тетушкой ее цыпленка.

Конечно, Ребекка не преминула сообщить, что Эмилия уже просватана... за лейтенанта Осборна... ее давнишняя любовь!

— Не служит ли он в армейском полку? — спросил капитан Кроули и вспомнил не без труда — как оно и подобает гвардейцу — номер полка: — не в *** ли?

Ребекка подтвердила, что, пожалуй, полк именно этот самый.

— Фамилия его капитана, — прибавила она, — Доббин.

— Неуклюжий, долговязый малый, — продолжал Кроули, — на всех натывается? Я знаю его. А этот Осборн такой смазливый хлыщ с большими черными бакенбардами?

— Огромнейшими, — подтвердила Ребекка Шарп, — и он ими необычайно гордится, могу вас уверить.

Капитан Кроули довольно заржал вместо ответа. И так как дамы потребовали от него объяснений, он удовлетворил их любопытство, как только справился с овладевшим им приступом веселости.

— Он воображает, что умеет играть на бильярде, — сказал Родон. — Я обыграл его на двести фунтов в «Кокосовой Пальме». Никакой он не игрок. В тот день он все спустил бы, не уведи его во-время приятель — капитан Доббин, чтоб ему провалиться!

— Родон, Родон, не будь таким гадким! — заметила мисс Кроули, приходя в полный восторг.

— Но позвольте, сударыня, из всех армейских молочкососов, которых я знавал, этот молодец, пожалуй, самый желторотый! Тарквин и Дьюсис вытягивают из него столько денег, сколько их душе угодно. Он готов продаться самому дьяволу, лишь бы его увидели в компании с лордами. Платит в Гринвиче за их обеды, а они приводят с собой целую ораву гостей.

— И, надо думать, миленьких гостей!

— Совершенно верно, мисс Шарп! Как всегда, справедливо, мисс Шарп. Необычайно милых, хо-хо-хо! — И капитан хохотал все раскатистее и громче, очень довольный своей остротой.

— Родон, не будь таким противным! — воскликнула его тетка.

— Ну, что ж! Отец у него деляга: говорят, он чудовищно богат. К чорту этих торгашей, их не мешает маленько распотрошить. Я еще не покончил счетов с Осборном, так и знайте. Хо-хо-хо!

— Фи, капитан Кроули! Надо предостеречь Эмилию. Муж — игрок!

— Ужасно, не правда ли, а? — сказал капитан с превеликой важностью. И вдруг прибавил, словно осененный счастливой мыслью: — Ей-богу, сударыня, давайте пригласим его сюда!

— А его можно принимать в обществе? — осведомилась тетюшка.

— Можно ли его принимать? Ну конечно! Вполне! Вы и не отличите его от других! — отвечал капитан Кроули. — Давайте пригласим его, когда вы понемногу возобновите свои приемы. Да и эту... как, бишь, это говорится... а, мисс Шарп?.. Ну, его пассию... Пусть и она приходит! Ей-богу, напишу ему записку и позову его. Посмотрим, умеет ли он играть в пикет так же хорошо, как и на бильярде. Где он живет, мисс Шарп?

Мисс Шарп сообщила капитану Кроули городской адрес Осборна, и через несколько дней после этого разговора Осборн получил написанное каракулями письмо капитана Родона со вложением пригласительной записочки от мисс Кроули.

Ребекка в свою очередь отправила приглашение ми-

лой Эмили, и та немало обрадовалась, смею вас уверить, узнав, что Джордж будет в числе гостей. Эмилия провела все утро на Парк-лейн с дамами и была прекрасно ими принята. Ребекка обращалась с ней покровительственно и чуть свысока: ведь она была много умнее Эмили, а ее подруга так кротка и миролюбива, что всегда готова была уступить, если кому-нибудь припадала охота командовать ею; она выслушивала приказы Ребекки с полнейшей покорностью и смирением. Мисс Кроули тоже встретила ее необычайно милостиво. Она продолжала восторгаться маленькой Эмилией, говорила о ней вслух, не смущаясь ее присутствием, словно та была служанкой, куклой или картиной, и выражала свое восхищение с величайшей благосклонностью. Меня умиляет то умиление, с каким зная взирает иногда на обыкновенных смертных. Нет приятнее зрелища, чем то, когда обитатели Мейфэра * проявляют снисходительность. Чрезмерное благоволение мисс Кроули, пожалуй, утомило их бедную гостью, и мне сдается, что из всех трех особ женского пола на Парк-лейн Эмили больше всего понравилась честная мисс Бригс. Она сразу почувствовала к ней симпатию, как и вообще ко всем приниженным и кротким людям. Эмилия не была, как говорится, женщиной с запросами.

Джордж получил приглашение отобедать вместе с капитаном Кроули «en garçon»¹.

Парадная карета Осборнов доставила его с Рассел-сквера на Парк-лейн. Надо сказать, что сестры Джорджа, которые не были приглашены, проявили величайшее равнодушие к такому пренебрежению, хотя все-таки отыскивали в списке баронетов имя сэра Питта Кроули и прочитали все, что этот труд мог сообщить о семействе Кроули, его родословной, о Бинки, их родственниках и пр., и пр. Родон Кроули встретил Джорджа Осборна с чрезвычайным радушием и любезностью: расхвалил его игру на бильярде, осведомился, когда ему будет угодно получить реванш, интересовался полком Осборна и предложил бы ему сыграть тут же в пикет, если бы мисс Кроули решительно не запретила в своем доме всякую игру на интерес. Поэтому кошелек молодого офицера не был облегчен гостеприимным хозяином — по крайней мере в этот день. Во

¹ Без дам (франц.).

всяком случае, они условились встретиться где-нибудь в ближайшее же время — взглянуть на лошадь, которую собирался продать Кроули, и испытать ее в Парке, а затем пообедать вместе и провести вечерок в веселой компании.

— Конечно, если вам не надо дежурить подле этой хорошенькой мисс Седли, — сказал Кроули, многозначительно подмигивая. — Впрочем, она чертовски мила, клянусь честью, Осборн! — соблаговолит он добавить. — Куча денег, я полагаю, а?

Осборн не собирался дежурить, — он с удовольствием составит Кроули компанию. И когда они встретились на следующий день, капитан похвалил мастерскую езду своего нового приятеля — что мог сделать, не покрывив душой, — и познакомил его с тремя или четырьмя молодыми людьми самого высшего круга, весьма польстив этим простоватому молодому офицеру.

— Кстати, как поживает маленькая мисс Шарп? — с фатовским видом осведомился Осборн у своего друга за стаканом вина, — славная девчурка! Пришлась ли она вам ко двору в Королевском Кроули? Мисс Седли очень к ней благоволила прошлый год.

Капитан Кроули свирепо глянул на лейтенанта узенькими щелочками своих голубых глаз и все время наблюдал за ним, когда тот отправился наверх, чтобы возобновить знакомство с хорошенькой гувернанткой. Однако поведение ее должно было успокоить Родона, если бы в груди нашего лейб-гвардейца и шевельнулось нечто вроде ревности.

Когда молодые люди поднялись наверх и Осборн был представлен мисс Кроули, он направился к Ребекке с покровительственной, небрежной развязностью; он намеревался быть ласковым и протезировать ей. Желая обойтись с ней, как с подругой Эмилии, он даже протянул ей левую руку со словами: «Ну, как поживаете, мисс Шарп?», ожидая, что она будет сражена такой честью.

Мисс Шарп подала ему свой правый указательный палец и кивнула с такой убийственной холодностью, что Родон Кроули, наблюдавший за ними из соседней комнаты, едва не прыснул, увидя полное поражение лейтенанта, — тот вздрогнул, осекся и с невероятным смущением соблаговолит, наконец, взять протянутый ему пальчик.

— Да она и самому дьяволу не даст спуска, ей-богу! — сказал в восторге капитан. А лейтенант для начала любезно осведомился у Ребекки, как ей нравится ее новое место.

— Мое место? — холодно произнесла мисс Шарп. — До чего же с вашей стороны мило напомнить мне об этом! Место довольно сносное, жалование достаточно хорошее — не такое, пожалуй, высокое, как мисс Уирт получает у ваших сестриц на Рассел-сквере. А как они, кстати, поживают?.. Впрочем, мне не следовало бы об этом спрашивать.

— Почему же? — спросил озадаченный мистер Осборн.

— Да потому, что они никогда не удостаивали меня разговора или приглашения к себе, пока я гостила у Эмили. Но мы, бедные гувернантки, как вам известно, привыкли к таким щелчкам.

— Дорогая мисс Шарп, что вы! — воскликнул Осборн.

— По крайней мере в некоторых семействах, — продолжала Ребекка. — Впрочем, вы и представить себе не можете, какая иногда наблюдается разница. Мы не так богаты в Хемпшире, как вы, счастливы из Сити. Но зато я в семье джентльмена из хорошего старинного английского рода. Быть может, вы знаете, что отец сэра Питта отказался от пэрства? И вы видите, как со мной обращаются. Мне тут очень хорошо. Право, у меня, пожалуй, отличное место. Но как вы любезны, что справляетесь об этом.

Осборн был вне себя от бешенства. Маленькая гувернантка издевалась над ним до тех пор, пока наш юный британский лев не почувствовал себя крайне неловко. К тому же он не сумел проявить достаточное присутствие духа и найти какой-нибудь предлог, чтобы уклониться от этой в высшей степени усладительной беседы.

— Мне казалось, что раньше вам весьма даже нравились семейства из Сити, — сказал он надменно.

— Вы хотите сказать — в прошлом году, когда я только что выскочила из этой ужасной вульгарной школы? Конечно нравились! Разве каждой девушке не приятно бывает приезжать домой на праздники? Да и могла ли я судить тогда? Но, ах, мистер Осборн, эти полтора года научили меня смотреть на жизнь совершенно другими глазами! Полтора года, проведенных — простите меня, что я так говорю, — среди джентльменов... Что же касается

милой Эмили, то она, я согласна с вами, настоящее сокровище и будет одинаково мила в любом обществе. Ну вот, я вижу, вы начинаете приходить в хорошее расположение духа. Ах, уж эти чудачки из Сити! А мистер Джоз? Как поживает наш изумительный мистер Джозеф?

— Сдается мне, что изумительный мистер Джозеф был вам не так уж неприятен в прошлом году, — любезно сказал Осборн.

— Как это жестоко с вашей стороны! Ну, что ж, говоря *entre nous*¹, сердце мое из-за него не разбилось. Однако, если бы он попросил меня сделать то, на что вы намекаете своими взглядами (кстати, весьма выразительными и учтивыми), я не ответила бы ему «нет»!

Взгляд мистера Осборна, казалось, говорил: «В самом деле? Вы весьма бы его обязали!»

— Вы думаете, что для меня была бы большая честь породниться с вами? Быть невесткой Джорджа Осборна, эсквайра, сына Джона Осборна, эсквайра, сына... кто был ваш дедушка, мистер Осборн? Ну, не сердитесь! Вы не можете изменить свою родословную, а я не отрицаю, что могла бы выйти замуж за мистера Джо Седли. А что еще оставалось делать бедной девушке без гроша в кармане? Теперь вы знаете мой секрет. Как видите, я с вами откровенна. И если принять в расчет все эти обстоятельства, ваши намеки делают вам честь, — очень любезно и вежливо с вашей стороны, Эмилия, милочка! Мы с мистером Осборном беседуем о вашем бедном брате Джозефе. Что, как он?

Таким образом Джордж был разбит наголову. Нельзя сказать, чтобы Ребекка была права, но она с величайшей ловкостью повела дело так, что Осборн оказался неправым. И он обратился в постыдное бегство, чувствуя, что, продлись их беседа еще минуту, его поставили бы в дурацкое положение в присутствии Эмили.

Хотя Ребекка и одержала над ним победу, но Джордж был выше низких сплетен или мести по отношению к женщине; он только не мог удержаться, чтобы не преподнести на следующий день по секрету капитану Кроули кое-какие свои соображения относительно мисс Ребекки: она, мол, особа лукавая, опасная, отчаянная кокетка и т. д. Со

¹ Между нами (франц.).

всеми этими мнениями Родон, смеясь, согласился, — и со всеми ими, без исключения, мисс Ребекка ознакомились в тот же день, и они только подкрепили ее первоначальное отношение к мистеру Осборну. Женский инстинкт говорил ей, что это Джордж помешал успеху ее первой матримонимальной затеи, и она питала к лейтенанту соответствующие чувства.

— Я просто предостерегаю вас, — говорил Джордж Родону Кроули с многозначительным видом (он купил у Родона лошадь и проиграл ему после обеда несколько десятков гиней), — просто лишь предостерегаю. Я знаю женщин и советую вам держать ухо востро.

— Спасибо вам, мой милый, — ответил капитан, и взгляд его выражал особую благодарность. — Вы, как я вижу, малый не промах!

И Джордж ушел, считая, что Кроули молодчина.

Он рассказал Эмилиии обо всем, что сделал, и как он посоветовал Родону Кроули — чертовски хорошему, прямому малому — быть настороже и опасаться этой хитрой шельмы Ребекки.

— Кого опасаться? — изумилась Эмилия.

— Твоей приятельницы, гувернантки. Что ты так смотришь на меня?

— О Джордж! Что ты наделал! — воскликнула Эмилия.

Взор ее женских глаз, обостренный любовью, мгновенно обнаружил тайну, которой не видели ни мисс Кроули, ни бедная девственница Бригс, ни тем более глупые гляделки этого молодого, довольного собою и своими бакенбардами лейтенанта Осборна.

Дело в том, что, когда Ребекка закутывала Эмилию в шали в одной из комнат верхнего этажа, нашим приятельницам удалось незаметно переглянуться и вступить в один из тех маленьких заговоров, которые составляют прелесть женской жизни. Эмилия вдруг подошла к Ребекке и, взяв обе ее руки в свои, проговорила:

— Ребекка, я все вижу!

Ребекка поцеловала ее.

И больше ни одного звука не было произнесено обеими девушками об этом восхитительном секрете. Но ему суждено было очень скоро обнаружиться.

Невдолге после описанных выше событий, когда мисс Ребекка Шарп все еще гостила в доме своей покровительницы на Парк-лейн, на Грейт-Гонт-стрит, среди множества траурных гербов, которые всегда украшают этот мрачный квартал, можно было заметить некое прибавление семейства: теперь герб висел и на доме сэра Питта Кроули, но возвещал не о кончине достойного баронета, — это был женский траурный герб. Несколько лет тому назад он служил поминальной данью старухе матери сэра Питта, вдовствующей леди Кроули. Когда кончился срок его службы, траурный герб вышел в отставку и с тех пор отлеживался где-то в недрах дома. Теперь его снова извлекли на свет божий — в честь бедной Розы Досон. Сэр Питт опять овдовел. Геральдические знаки, красовавшиеся на щите рядом с собственным гербом сэра Питта, не имели, конечно, никакого отношения к бедняжке Розе. У нее не было своего герба. Но представленный здесь херувим годился для нее в такой же мере, как и для матери сэра Питта, а под херувимом, охраняемым справа и слева голубем и змеей рода Кроули, висела надпись: «Resurgam»¹. Гербы и траурные щиты, надпись Resurgam — какая благодарная тема для моральных размышлений!

Только один молодой мистер Кроули навещал всеми забытое ложе. Она покинула этот мир, ободренная теми словами утешения, которые он оказался в состоянии ей преподать. На протяжении многих лет она видела ласку только от него. Лишь его дружба хоть сколько-нибудь услаждала эту слабую, одинокую душу. Ее сердце умерло гораздо раньше тела. Она продала его, чтобы стать женой сэра Питта Кроули. Матери и дочери повседневно совершают такие сделки на Ярмарке Тщеславия.

Когда леди Кроули скончалась, ее супруг обретался в Лондоне, поглощенный одним из своих бесчисленных проектов и занятый бесконечными тяжбами. Тем не менее он находил время частенько навещать Парк-лейн и отправлять Ребекке массу писем, умоляя ее, предписывая, приказывая ей вернуться в деревню к своим юным ученицам, которые остались совсем без всякого призора из-за болезни их матери. Но мисс Кроули и слышать не

¹ Воскресну (лат.).

хотела об отъезде Ребекки. Хотя в Лондоне не было ни одной светской дамы, которая более хладнокровно покидала бы своих друзей, как только ей надоедало их общество, и хотя мало было дам, которым так скоро надоедали бы их друзья, — однако, пока ее прихоть продолжалась, привязанность ее не знала предела, и старуха все еще с величайшей энергией цеплялась за Ребекку.

Известие о смерти леди Кроули вызвало в семейном кругу мисс Кроули не больше огорчения или толков, чем этого следовало ожидать.

— Придется, пожалуй, отложить прием, назначенный на третье, — сказала мисс Кроули. И прибавила, помолчав: — Надеюсь, у моего братца достанет приличия не жениться еще раз!

— Вот чертовски взбесится Питт, если старик женится! — заметил Родон с обычным уважением к своему старшему брату.

Ребекка ничего не сказала. Повидимому, она была поражена и опечалена больше всех. Она оставила комнату, прежде чем Родон ушел от них в тот день, но случайно они встретились внизу, когда племянник уезжал, распрощавшись с тетушкой, и между ними произошла какая-то беседа.

На следующее утро Ребекка, выглянув в окно, напугала мисс Кроули, мирно занятую чтением французского романа, тревожным восклицанием:

— Сударыня, сэр Питт приехал!

Вслед за этим сообщением раздался стук баронета в дверь.

— Дорогая моя, я не могу его видеть. Я не хочу его видеть. Передайте Боулсу, что меня нет дома, или ступайте вниз и скажите, что я чувствую себя очень плохо и никого не принимаю. Мои нервы сейчас положительно не в состоянии выносить моего братца! — вскричала мисс Кроули и снова принялась за чтение.

— Она очень больна и не может принять вас, сэр, — заявила Ребекка, сбежав вниз к сэру Питту, который уже собирался подняться.

— Тем лучше, — ответил сэр Питт, — мне нужно видеть вас, мисс Бекки. Пойдемте со мной в столовую. — И оба они прошли в эту комнату.

— Я хочу, чтобы вы вернулись в Королевское Кроу-

ли, мисс, — сказал баронет, устремив взор на Ребекку и снимая черные перчатки и шляпу, повязанную широкой креповой лентой. Взгляд его имел такое странное выражение и следил за Ребеккой с таким упорством, что мисс Шарп стало страшно.

— Я надеюсь скоро приехать, — промолвила она тихим голосом, — как только мисс Кроули станет лучше, я вернусь к... к милым деткам.

— Вы говорите так все эти три месяца, Бекки, — возразил сэр Питт, — а сами попрежнему вешаетесь на шею моей сестре, которая отшвырнет вас, как старый башмак, когда вы ей прискучите! Говорю вам: вы мне нужны! Я уезжаю на похороны. Хотите вернуться домой? Да или нет?

— Я не смею... мне кажется... будет не совсем прилично... жить одной... с вами, сэр, — отвечала Бекки, повидимому в сильном волнении.

— Повторяю, вы мне нужны, — сказал сэр Питт, барабанив пальцами по столу. — Я не могу обходиться без вас. Я не понимал этого до вашего отъезда. Все в доме идет кувырком! Он стал совсем другим. Все мои счета опять запутаны. Вы должны вернуться. Возвращайтесь! Дорогая Бекки, возвращайтесь!

— Вернуться... но в качестве кого, сэр? — задыхаясь, произнесла Ребекка.

— Возвращайтесь в качестве леди Кроули, если вам угодно, — сказал баронет, комкая в руках свою траурную шляпу. — Ну! Это вас удовлетворит? Возвращайтесь и будьте моей женой. Вы заслуживаете этого по своему уму. К черту происхождение! Вы такая же достойная леди, как и все другие, кого я знаю. В вашем мизинчике больше мозгов, чем у жены любого нашего баронета во всем графстве. Хотите ехать? Да или нет?

— О сэр Питт! — воскликнула Ребекка, весьма сильно потрясенная.

— Скажите «да», Бекки, — продолжал сэр Питт. — Я старик, но еще крепок. Меня хватит еще лет на двадцать. Вы будете счастливы со мной, увидите! Можете делать, что вашей душе угодно. Тратьте денег, сколько хотите. И во всем решительно поступайте по-своему. Я выделю на ваше имя капитал. Я все устрою. Ну вот, глядите!

И старик упал на колени, уставившись на нее, как сатир.

Ребекка отшатнулась, являя своим видом картину полнейшего оцепенения. На протяжении нашего романа мы еще ни разу не видели, чтобы она теряла присутствие духа. Но теперь это произошло, и она заплакала самыми неподдельными слезами, какие когда-либо лились из ее глаз.

— О сэр Питт! — промолвила она. — О сэр... я... я *уже* замужем!

ГЛАВА XV.

*в которой на короткое время
появляется супруг Ребекки*

Всякому читателю, склонному к чувствительности (а других нам и не надобно) должна понравиться картина, которой закончился последний акт нашей маленькой драмы. Ибо что может быть прекраснее образа Эроса на коленях перед Психеей?

Но когда Эрос услышал от Психеи ужасное сообщение, что она уже замужем, он поднялся с ковра, где стоял в униженной позе, и разразился восклицаниями, от которых бедная маленькая Психея, и без того повергнутая в ужас собственным признанием, пришла в полное расстройство чувств.

— Замужем? Вы шутите! — закричал баронет после первого взрыва ярости и изумления. — Вы смеетесь надо мной, Бекки! Да кому придет в голову жениться на вас, когда у вас гроша нет за душой?

— Замужем! Замужем! — повторила Ребекка, горько рыдая. Голос ее прерывался от волнения, носовой платочек был прижат к глазам, источающим потоки слез, и она

бессильно прислонилась к каминной доске, подобная статуе скорби, способной растрогать самое зачерствелое сердце.

— О сэр Питт, дорогой сэр Питт, не считите меня неблагодарной, неспособной оценить вашу доброту. Только ваше благородство исторгло у меня мою тайну.

— К чертям благородство! — завопил сэр Питт. — За кем это вы замужем? Где вы поженились?

— Позвольте мне вернуться с вами в деревню, сэр. Позвольте мне ухаживать за вами так же преданно, как и раньше. Не разлучайте, не разлучайте меня с милым Королевским Кроули!

— Значит, молодчик вас бросил, так, что ли? — сказал баронет, начиная, как он воображал, понимать. — Ладно, Бекки! Возвращайтесь, если хотите. Что с возу упало, то пропало. Во всяком случае, я сделал вам предложение по всем правилам. Возвращайтесь ко мне гувернанткой, все равно — все будет по-вашему.

Ребекка протянула ему руку. Она рыдала так, что сердце у нее разрывалось. Локончики упали ей на лицо и рассыпались по мраморной каминной доске, на которую она уронила голову.

— Так, значит, негодяй удрал, а? — повторил сэр Питт, делая гнусную попытку утешить ее. — Ничего, Бекки, я позабочусь о вас.

— О сэр! С какой гордостью вернулась бы я в Королевское Кроули, чтобы взять на себя заботу о детках и о вас, как было прежде, когда вы говорили, что вам по сердцу услуги вашей маленькой Ребекки. Когда я подумаю о том, что вы мне только что предложили, сердце мое переполняется благодарностью — право, так. Я не могу быть вашей женой, сэр... позвольте же мне... позвольте мне быть вашей дочерью.

С этими словами Ребекка самым трагическим образом упала на колени и, схватив корявую черную лапу сэра Питта и сжав ее в своих ручках (красивых, беленьких и мягких, как атлас), взглянула ему в лицо с выражением трогательной мольбы и доверия, как вдруг... как вдруг дверь распахнулась и в комнату ворвалась мисс Кроули.

Миссис Феркин и мисс Бригс, чисто случайно оказавшиеся у дверей вскоре после того, как баронет с Ребеккой вошли в столовую, увидели — также чисто случайно приткнув к замочной скважине — старого джентльмена,

распростертого перед гувернанткой, и слышали великодушное предложение, сделанное ей. Не успело оно вырваться из его уст, как миссис Феркин и мисс Бригс устремились вверх по лестнице, вихрем ворвались в гостиную, где мисс Кроули читала французский роман, и передали старой леди ошеломляющую весть: сэр Питт стоит на коленях и предлагает мисс Шарп вступить с ним в брак! И если вы подсчитаете, сколько времени занял вышеозначенный диалог и сколько времени понадобилось Бригс и Феркин, чтобы долететь до гостиной, а мисс Кроули — чтобы удивиться и выронить из рук томик Пиго-Лебрена *, а затем спуститься вниз по лестнице, то вы увидите, что наша история излагается совершенно точно и что мисс Кроули должна была появиться в ту именно минуту, когда Ребекка приняла свою смиренную позу.

— На полу дама, а не джентльмен,— произнесла мисс Кроули с величайшим презрением во взоре и голосе.— Мне передали, что вы стояли на коленях, сэр Питт. Ну, станьте же еще раз и дайте мне посмотреть на такую чудесную парочку.

— Я благодарила сэра Питта Кроули, сударыня,— сказала Ребекка, вставая,— и говорила ему, что... что я никогда не стану леди Кроули.

— Отказала?! — воскликнула мисс Кроули, не веря своим ушам. Бригс и Феркин, вытаращив глаза и разинув рот, застыли у дверей от изумления.

— Да, отказала,— продолжала Ребекка скорбным голосом, полным слез.

— Возможно ли, что вы действительно сделали ей предложение, сэр Питт! — спросила старая леди.

— Да, сделал,— ответил баронет.

— И она отказала вам, как она говорит?

— Отказала! — подтвердил сэр Питт, и лицо его расплылось в довольную улыбку.

— Повидимому, это обстоятельство не сокрушило вашего сердца,— заметила мисс Кроули.

— Ни капельки,— отвечал сэр Питт с хладнокровием и благодушием, которые привели изумленную мисс Кроули в полное неистовство. Как! Старый джентльмен высокого звания падает на колени перед нищей гувернанткой и потом только хохочет, когда та отказывается выйти за него замуж; а эта самая нищая гувернантка

отвергает баронета с четырьмя тысячами фунтов годового дохода! Тут была тайна, которую мисс Кроули не могла постигнуть и которая оставляла далеко позади замысловатые интриги любезного ей Пиго-Лебрена.

— Я рада, что вы считаете это забавным, братец,— продолжала она, ощупью пробираясь через дебри изумления.

— Ну и ну! — восхищался сэр Питт. — Кто бы мог подумать! Вот хитрый бесенок! Вот лисичка-то! — бормотал он про себя, хихикая от удовольствия.

— Что — кто мог бы подумать? — закричала мисс Кроули, топая ногой. — Что же, мисс Шарп, уж не дожидаетесь ли вы, когда разведется принц-регент, если считаете наше семейство мало для себя подходящим?

— Моя поза, — сказала Ребекка, — когда вы вошли сюда, сударыня, не показывает, чтобы я отнеслась без должного уважения к той чести, которую этот добрый... этот благородный человек соблаговолил оказать мне. Неужели вы думаете, что у меня нет сердца! Вы все полюбили меня и были так ласковы к бедной сироте, всеми покинутой девушке, и я этого не чувствую? О мои друзья! О мои благодетели! Неужто вся моя любовь, моя жизнь, мое чувство долга недостаточны, чтобы отплатить вам за все ваше доверие? Неужто вы не хотите допустить во мне даже чувства благодарности, мисс Кроули? Это уж слишком!.. Сердце мое разрывается на части!.. — И она опустилась в кресло с видом такого отчаяния, что большинство присутствовавших было растрогано ее горем.

— Выйдете вы за меня замуж или нет, но только вы хорошая девочка, Бекки, и я ваш друг, запомните это, — заключил сэр Питт и, надев свою траурную шляпу, вышел из комнаты, к великому облегчению Ребекки. Ясно было, что ее тайна осталась не открытой для мисс Кроули, и Ребекка могла воспользоваться краткой передышкой.

Приложив платок к глазам и отмахнувшись от услуг честной Бригс, которая собиралась было последовать за ней наверх, она поднялась к себе в комнату. Тем временем Бригс и мисс Кроули, обе в состоянии величайшего возбуждения, принялись обсуждать странное событие; Феркин же, не менее взволнованная, нырнула в кухонные сферы, где разгласила о происшедшем всему тамошнему

обществу как мужскому, так и женскому. Эта новость так поразила миссис Феркин, что она сочла необходимым отписать о ней с вечерней же почтой, «свидетельствуя свое нижайшее почтение миссис Бьют Кроули и пасторскому семейству... а сэр Питт приезжал сюда и сделал предложение мисс Шарп, на что она отказала ему ко всеобщему удивлению».

Обе дамы, усевшись в столовой (куда достойная мисс Бригс, к своему великому восхищению, была снова допущена для доверительного разговора со своей благодетельницей), не могли вдоволь надивиться предложению сэра Питта и отказу Ребекки. Бригс весьма проницательно намекнула, что тут обязательно должно быть какое-нибудь препятствие в виде прежней привязанности, иначе ни одна молодая здравомыслящая женщина не отвергла бы столь выгодного предложения.

— А вы сами, Бригс, приняли бы его конечно? — любезно осведомилась мисс Кроули.

— Разве я не приобрела бы тогда права назваться сестрой мисс Кроули? — ответила Бригс с робкой уклончивостью.

— А ведь в сущности из Бекки вышла бы прекрасная леди Кроули! — заметила мисс Кроули (растроганная отказом девушки, она проявляла терпимость и великодушие теперь, когда никто уже не требовал от нее жертв). — Она смышленная девушка (у нее больше ума в одном мизинчике, чем во всей вашей голове, бедная моя милочка Бригс). Мanners у нее стали великолепные, после того как я их отшлифовала. Она — Монморанси, Бригс, а кровь все-таки сказывается, хотя я лично плюю на это. И она сумела бы поставить себя среди этих напыщенных, глупых хемпширцев куда лучше, чем та несчастная дочь торговца железом.

Бригс, по своему обыкновению, поддакнула, и затем собеседницы стали обсуждать вопрос о предполагаемой «прежней привязанности».

— Вам, бедным одиноким созданиям, трудно обойтись без какого-нибудь дурацкого увлечения, — заметила мисс Кроули. — Да вот и вы, разве не были влюблены в учителя чистописания (не ревите, Бригс; вечно вы ревете, он от этого не воскреснет)? Я думаю, что несчастная Бекки тоже оказалась сентиментальной дурочкой... и какой-

нибудь аптекарь, домоправитель, живописец, молодой викарий, вообще кто-нибудь в этом роде...

— Бедняжка, бедняжка! — сказала Бригс, мысленно возвращаясь на двадцать четыре года вспять, к чахоточному молодому учителю чистописания, чей русский локон и чьи письма, прекрасные по своей неразборчивости, она благоговейно хранила у себя наверху в старой конторке.— Бедняжка, бедняжка! — повторила Бригс. Снова она была восемнадцатилетней девушкой со свежими щечками, сидела в церкви во время вечерней службы, и оба они с чахоточным учителем чистописания пели дрожащими голосами псалмы по одному молитвеннику.

— После такого поступка Ребекки, — с энтузиазмом заявила мисс Кроули, — наше семейство обязано что-нибудь для нее сделать. Выведайте, кто ее предмет, Бригс. Я помогу ему обзавестись аптекою и встать на ноги. Или прикажу написать мой портрет. А то поговорю о нем с моим родственником епископом... И дам Ребекке приданое; мы сыграем свадьбу. Бригс, вы займетесь устройством завтрака и будете подружкой невесты.

Бригс объявила, что это будет восхитительно, клятвенно заверила, что ее дорогая мисс Кроули всегда была добра и великодушна, и побежала наверх, в спальню Ребекки, утешить ее и поболтать о предложении, об отказе и причинах последнего. А заодно намекнуть о благих намерениях мисс Кроули и выпытать, кто тот джентльмен, который завладел сердцем мисс Шарп.

Ребекка была очень ласкова, очень нежна и растрогана. Она отозвалась с благодарной горячностью на участливое отношение к ней Бригс, призналась, что у нее есть тайная привязанность, восхитительная тайна (какая жалость, что мисс Бригс не пробыла еще с полминутки у замочной скважины!). Может быть, Ребекка сказала бы и больше, но через пять минут после прихода мисс Бригс в комнату Ребекки пожаловала сама мисс Кроули — неслыханная честь! Нетерпение ее одолело, она не в состоянии была дольше ждать свою медлительную посланницу. И вот она явилась самолично и приказала Бригс удалиться из комнаты. Похвалив благоразумие Ребекки, она осведомилась о подробностях свидания и предшествовавших обстоятельствах, приведших сэра Питта к столь неожиданному шагу.

Ребекка сказала, что она уже давно имела случай заметить расположение, которым удостаивал ее сэр Питт (поскольку у него была привычка обнаруживать свои чувства весьма откровенным и непринужденным образом), но возраст баронета, его положение и склонности таковы, что они делают брак с ним совершенно немыслимым, не говоря уже о других причинах, частного свойства, изложением коих ей не хотелось бы в данный момент утруждать мисс Кроули. Да и вообще может ли скольконибудь уважающая себя и порядочная женщина выслушивать признания вздыхателя в момент, когда еще не преданы земле останки его скончавшейся супруги?

— Вздор, моя милая, вы никогда бы ему не отказали, не будь тут замешан кто-то другой, — заявила мисс Кроули, сразу приступив к делу. — Расскажите мне про ваши причины частного свойства. Какие у вас причины частного свойства? Тут кто-то замешан. Кто же тронул ваше сердце?

Ребекка опустила глазки долу и призналась, что это так и есть.

— Вы отгадали верно, дорогая леди, — сказала она нежным, душевным голосом. — Вас удивляет, что у бедного одинокого существа может быть привязанность, не правда ли? Но я никогда не слыхала, чтобы бедность ограждала от этого. Ах, если бы это было так!

— Мое дорогое дитя! — воскликнула мисс Кроули, всегда готовая впасть в сентиментальную слезливость. — Значит, наша страсть не встречает ответа? Неужели мы томимся втайне? Расскажите мне все и позвольте вас утешить.

— Ах, если бы вы могли меня утешить, дорогая леди! — ответила Ребекка тем же печальным голосом. — Право, право же, я нуждаюсь в утешении!

И она положила головку на плечо к мисс Кроули и заплакала так естественно, что старая леди, поневоле растрогавшись, обняла Ребекку почти с материнской нежностью, сказала ей много успокоительных слов, уверяя ее в своей любви и расположении, клялась, что привязана к ней, как к дочери, и сделает все, что только будет в ее власти, чтобы помочь ей.

— А теперь, моя дорогая, скажите, кто он? Не брат ли этой хорошенькой мисс Седли? Вы упоминали о

какой-то истории с ним. Я приглашу его сюда, моя дорогая, и он будет ваш, обязательно будет ваш.

— Не спрашивайте меня сейчас, — сказала Ребекка. — Вы скоро все узнаете. Право, узнаете. Милая, добрая мисс Кроули! Дорогой мой друг, если я могу вас так называть!

— Конечно, можете, мое дитя, — отвечала старая леди, целуя ее.

— Сейчас я не в силах говорить, — прорыдала Ребекка, — я слишком несчастна. Но только любите меня всегда... Обещайте, что будете всегда меня любить! — И среди взаимных слез — ибо волнение младшей женщины передалось старшей — мисс Кроули торжественно дала такое обещание и покинула свою маленькую протеже, благословляя ее и восхищаясь ею, как чудным, бесхитростным, мягкосердечным, нежным, непостижимым созданием.

И вот Ребекка осталась одна, чтобы подумать о внезапных и удивительных событиях дня, о том, что произошло и что могло произойти. Какие же, по вашему мнению, были у мисс... — простите у миссис Ребекки — причины частного свойства? Если несколькими страницами выше автор этой книги претендовал на право заглядывать украдкой в спальню мисс Эмили Седли, чтобы со всеведением романиста рассказать о нежных муках и страстях, обступивших ее невинное изголовье, то почему бы ему не объявить себя также и наперсником Ребекки, поверенным ее тайн и хранителем печали ее святая святых?

Так вот, Ребекка прежде всего дала волю искренним и горьким сожалениям о том, что счастье наконец-то постучалось к ней в дверь, а она была вынуждена от него отказаться. Эту естественную печаль, наверное, разделит с Ребеккой всякий здравомыслящий читатель. Какая добрая мать не пожалеет бедную бесприданницу, которая могла бы стать миледи и иметь свою долю в ежегодном доходе в четыре тысячи фунтов? Какая благовоспитанная леди из подвизающихся на Ярмарке Тщеславия не почувствует трудолюбивой, умной, достойной всяческой похвалы девушке, получающей такое почетное, такое выгодное и соблазнительное предложение как раз тогда, когда уже вне ее власти принять его. Я уверен, что разоча-

рование нашей приятельницы Бекки заслуживает всяческой симпатии и обязательно возбудит ее.

Помню, я как-то и сам был на Ярмарке, на званом вечере. Я заметил среди гостей старую мисс Тоди, обращавшую на себя внимание тем, как она лебезила и заискивала перед маленькой миссис Брифлес, женой адвоката, которая, правда, очень хорошего рода, но, как нам всем известно, бедна до того, что уж беднее и быть нельзя. В чем заключается, спрашивал я себя, причина такого раболепия? Получил ли Брифлес место в суде графства, или его жене досталось наследство? Мисс Тоди сама рассеяла мои недоумения с той откровенностью, какая отличает ее во всем.

— Видите ли, — сказала она, — миссис Брифлес приходится внучкой сэру Джону Редхенду, который так заболел в Челтенхеме, что не протянет и полугода. Папаша миссис Брифлес вступает в права наследства, а следовательно, как вы сами понимаете, она станет дочерью баронета.

И Тоди пригласила Брифлеса с женой отобедать у нее на следующей же неделе.

Если одна возможность стать дочерью баронета может доставить даме столько почестей в свете, то как же мы должны уважать скорбь молодой женщины, утратившей случай сделаться женой баронета! Кто мог думать, что леди Кроули так скоро умрет! «Она принадлежала к числу тех болезненных женщин, которые могут протянуть и добрый десяток лет, — размышляла про себя Ребекка. — А я могла бы стать миледи! Могла бы вертеть этим стариком, как мне заблагорассудится. Могла бы отблагодарить миссис Бьют за ее покровительство и мистера Питта за его несносную снисходительность. У меня был бы заново обставлен и отделан городской дом. У меня был бы самый красивый экипаж во всем Лондоне и ложа в опере. И меня представили бы ко двору в ближайшем же сезоне...» Все это могло бы осуществиться, а теперь... теперь все было полно сомнений и неизвестности.

Однако Ребекка была слишком решительной и энергичной молодой особой, чтобы предаваться напрасной и бессмысленной печали о непоправимом прошлом. А потому, посвятив ему надлежащую долю сожаления, она благоразумно обратила все свое внимание на будущее,

которое в данную минуту было для нее много важнее, и занялась обзором своего положения и связанных с ним сомнений и надежд.

Прежде всего она *замужем* — это очень важное обстоятельство. Сэру Питту оно известно. Признание вырвалось у нее не потому, что она была застигнута врасплох, — скорее ее побудил к этому внезапно мелькнувший у нее расчет. Рано или поздно ей нужно будет открыться, так почему не сейчас? Тот, кто не считал для себя зазорным сделать ее своей супругой, не должен возражать против нее как против своей невестки. Но как отнесется к такому известию мисс Кроули — вот в чем вопрос. Некоторые опасения на этот счет у Ребекки были, но она помнила все то, что мисс Кроули говорила по этому поводу: открытое презрение старой леди к вопросу о происхождении; ее смелые либеральные взгляды; ее романтические наклонности; ее страстную привязанность к племяннику и неоднократно выраженные добрые чувства к самой Ребекке. Она так его любит, думалось Ребекке, что все ему простит. Она так привыкла ко мне, что без меня ей будет не по себе, я в этом уверена. Когда все выяснится, произойдет сцена, будет истерика, страшная ссора, а затем наступит великое примирение. Во всяком случае, что пользы откладывать? Жребий брошен, и теперь ли, завтра ли — все равно. И вот, решив, что мисс Кроули нужно поставить обо всем в известность, молодая особа принялась размышлять о том, как сделать это лучше. Встретить ли ей лицом к лицу бурю, которая обязательно разразится, или же обратиться в бегство и переждать, пока первый бешеный порыв не уляжется. В состоянии такого раздумья Ребекка написала следующее письмо:

«Мой бесценный друг!

Роковая минута, которую мы так часто предвидели в наших разговорах, наступила. Моя тайна известна — наполовину. Я думала и передумывала, пока не пришла к выводу, что настало время открыть все. Сэр Питт явился ко мне сегодня и сделал мне — что бы ты думал? — формальное предложение. Вот неожиданный пассаж! Бедная я, бедная! Могла бы стать леди Кроули. Как

обрадовалась бы миссис Бьют, да и *ma tante*¹, если бы я заняла положение выше ее! Я могла бы стать кому-то маменькой, а не... О, я трепещу, трепещу при мысли о том, что скоро все раскроется!

Сэр Питт знает теперь, что я замужем, но, видимо, не слишком огорчен, так как ему неизвестно, кто мой муж. *Ma tante* чуть ли не сердится, что я отказала ему. Но она — сама доброта и любезность, соблаговолила сказать, что я была бы хорошей женой сэру Питту, и клялась, что станет матерью для твоей маленькой Ребекки. Нужно ли нам опасаться чего-либо, кроме минутной вспышки гнева? Не думаю. Более того, я уверена, что нам ничто не грозит. Она так к тебе благоволит (гадкий, негодный ты сорванец!), что все простит тебе. А я положительно верю, что следующее место в ее сердце принадлежит мне и что без меня она будет несчастной. Милый друг! Что-то говорит мне, что мы победим. Ты оставишь свой противный полк, бросишь игру и скачки и станешь пай-мальчик. Мы будем жить на Парк-лейн, и *ma tante* завещает нам все свои деньги.

Я постараюсь выйти завтра гулять в три часа в обычное место. Если мисс Б. будет сопровождать меня, приходи к обеду, принеси ответ и вложи в третий том проповедей Портиаса. Но, во всяком случае, приходи к своей

P.

Мисс Элизе Стайлс.

По адресу мистера Барнета, седельщика. Найтс-бридж».

Я уверен, что не найдется ни одного читателя этой маленькой повести, у которого не хватило бы проницательности догадаться, что мисс Элиза Стайлс (старая школьная подруга, по словам Ребекки, с которой та за последнее время возобновила оживленную переписку), обычно заходявшая к седельщику за этими письмами, носила медные шпоры и густые выющиеся усы и была, конечно, не кем иным, как капитаном Родоном Кроули.

¹ Моя тетушка (франц.).

ГЛАВА XVI

Письмо на подушечке для булавок

Как они поженились, это ровно никого не касается. Что могло помешать совершеннолетнему капитану и девице, достигшей брачного возраста, выправить лицензию и обвенчаться в любой лондонской церкви? Всякий знает, что если женщина чего-нибудь захочет, то непременно поставит на своем. Мне думается, что в один прекрасный день, когда мисс Шарп отправилась на Рассел-сквер провести утро со своей милой подружкой мисс Эмилией Седли, вы могли бы увидеть некую особу, весьма похожую на Ребекку, входящей в одну из церквей Сити в сопровождении джентльмена с нафабранными усами, — а через четверть часа оный джентльмен проводил свою даму до поджидавшей ее наемной кареты, — это и было скромное свадебное торжество.

Да и кто из живущих станет отрицать безусловное право джентльмена жениться на ком угодно, судя по тому, что мы ежедневно наблюдаем? Сколько умных и ученых

людей женились на своих кухарках! Разве сам лорд Элдон *, рассудительнейший человек, не увез свою невесту тайком? Разве Ахилл и Аякс не были влюблены в своих служанок? * И можем ли мы ждать от тяжело-весного драгуна, наделенного сильными желаниями и карликовым мозгом, никогда в жизни не умевшего владеть своими страстями, чтобы он внезапно взялся за ум и перестал любой ценой добиваться исполнения той прихоти, которая засела ему в голову? Если бы люди заключали только благоразумные браки, какой урон это нанесло бы росту народонаселения на земле!

На мой взгляд, брак мистера Родона был, пожалуй, одним из самых честных поступков, какие нам придется отметить в той части биографии этого джентльмена, которая связана с настоящим повествованием. Никто не скажет, что недостойно человека быть увлеченным женщиной или, увлекшись, жениться на ней. А удивление, восторг, страсть, безграничное доверие и безумное обожание, какими этот рослый воин мало-помалу начал проникаться к маленькой Ребекке,— все это чувства, которые — во всяком случае по мнению дам — скорее делают ему честь. Когда Ребекка пела, каждая нота заставляла трепетать его ленивую душу и отдавалась в его грузном теле. Когда она говорила, он напрягал все силы своего ума, чтобы внимать и удивляться. Если она бывала в шутливом настроении, он обычно долго переваривал ее шутки и лишь полчаса спустя, уже на улице, начинал громко хохотать над ними — к изумлению своего груга, сидевшего рядом с ним в тильбюри, или товарища, с которым он катался верхом на Ротен-роу *.

Ее слова были для него вещаниями оракула, самый пустячный ее поступок носил отпечаток непогрешимой мудрости и такта. «Как она поет! Как рисует! — думал он. — Как она справилась с этой норовистой кобылой в Королевском Кроули!» И он говаривал Ребекке восхищенно:

— Ей-богу, Бек, тебе бы быть главнокомандующим или архиепископом Кентерберийским, клянусь честью!

И разве это такой редкий случай? Разве мы не видим повседневно добродушных Геркулесов, оказавшихся под башмаком у Омфал *, и огромных бородатых Самсонов, лежащих у ног Далил *?

И вот, когда Бекки сообщила Родону, что великая минута наступила и пора действовать, он выразил такую же готовность слушаться ее приказа, с какою пустился бы со своим эскадроном в атаку по команде полковника.

Ему не понадобилось вкладывать письмо в третий том *Портиаса*. На следующий день Ребекка легко нашла способ отделаться от своей спутницы Бригс и встретиться со своим верным другом в «обычном месте». За ночь она все обдумала и сообщила Родону результат своих решений. Конечно, он был на все согласен, а также уверен, что все обстоит отлично, что ее предложение лучшее из возможных, что мисс Кроули обязательно смягчится со временем, или «утихомирится», как он выразился. Если бы Ребекка пришла к противоположному решению, он принял бы его так же безоговорочно. «У тебя хватит ума на нас обоих, Бек,— говорил он,— ты наверняка выручишь нас из беды. Я не знаю никого, кто мог бы с тобой сравниться, а я на своем веку встречал немало пройдох». И с этим невинным признанием, в котором заключался его символ веры, уязвленный любовью драгун распростился с Ребеккой и отправился приводить в исполнение свою часть плана, который Ребекка составила для них обоих.

План этот состоял в найме скромной квартирки для капитана и миссис Кроули в Бромптоне или вообще по соседству с казармами. Дело в том, что Ребекка решила— и, по нашему мнению, весьма благоразумно — бежать. Родон был вне себя от счастья, он склонял ее к этому уже в течение нескольких недель. Со всем пылом любви помчался он нанимать квартиру и с такой готовностью согласился платить две гиней в неделю, что квартирная хозяйка пожалела, что запросила мало. Он заказал фортепьяно, закупил пол-оранжереи цветов и кучу всяких приятных вещей. Что же касается шалей, лайковых перчаток, шелковых чулок, золотых французских часиков, браслетов и духов, то он послал их на квартиру с расточительностью слепой любви и неограниченного кредита. Облегчив душу подобным излиянием щедрости, он отправился в клуб и там пообедал, с волнением ожидая великого часа.

События предыдущего дня — благородное поведение Ребекки, отклонившей сделанное ей столь выгодное предложение, тайное несчастье, тяготевшее над нею, кротость

и безропотность, с какими она сносила превратности судьбы,— еще больше расположили к ней мисс Кроули. Такого рода события, как свадьба, отказ или предложение, всегда приводят в трепет женское население дома и пробуждают все истерические наклонности представительниц прекрасного пола. В качестве наблюдателя человеческой природы я регулярно посещаю в течение сезона светских свадеб церковь св. Георга, близ Ганновер-сквера. И хотя я никогда не видал, чтобы кто-либо из мужчин, друзей жениха, проливал слезы или чтобы приходские сторожа и церковнослужители проявляли хоть малейшие признаки расстройств чувств, но зато вы сплошь и рядом можете увидеть, как женщины, не имеющие никакого касательства к происходящему торжеству,— старые дамы, давно вышедшие из брачного возраста, дородные матроны средних лет, обремененные большим семейством, не говоря уж о хорошеньких молоденьких созданиях в розовых шляпках (они ожидают своего производства в высший чин и потому, естественно, интересуются церемонией), — так вот, говорю я, вы можете сплошь и рядом увидеть, как присутствующие женщины проливают слезы, рыдают, сморкаются, прячут лица в крошечные бесполезные носовые платочки, и все — и старухи, и молодые — вздыхают от глубины души. Когда мой друг, фешенебельный Джон Пимлико, вступал в брак с очаровательной леди Белгрейвией Грин-Паркер, все так волновались, что даже маленькая, перепачканная нюхательным табаком старушка, присматривавшая за церковными скамьями и проводившая меня на место, заливалась слезами. «А почему? — спросил я себя. — Ведь ее-то не выдают замуж».

Словом, после истории с сэром Питтом мисс Кроули и Бригс предавались безудержной оргии чувств, и Ребекка стала для них предметом нежнейшего интереса. В ее отсутствие мисс Кроули утешалась чтением самого сентиментального романа, какой только нашелся у нее в библиотеке. Малютка Шарп с ее тайными горестями стала героиней дня.

В тот вечер Ребекка пела слаще и беседовала занимательнее, чем когда-либо на Парк-лейн. Она обвилась вокруг сердца мисс Кроули. Она говорила в шутилом тоне и с улыбкой о предложении сэра Питта, высмеивая дикую блажь старика; когда же она сказала, что не хо-

тела бы для себя никакого иного жребия, кроме возможности остаться навсегда со своей дорогой благодетельницей, глаза ее наполнились слезами, а сердце Бригс — горестным сознанием собственной ненужности.

— Дорогая моя крошка, — промолвила старая леди, — я не позволю вам тронуться с места еще много, много лет, — можете в этом не сомневаться. О том, чтобы возвратиться к моему противному брату после всего происшедшего, не может быть и речи. Вы останетесь здесь со мною, а Бригс — Бригс часто выражала желание навестить родных. Бригс, теперь вы можете ехать куда угодно! Ну, а вам, моя дорогая, придется остаться и ухаживать за старухой.

Если бы Родон Кроули присутствовал здесь, а не сидел в клубе и не тянул в волнении красное вино, наша парочка могла бы броситься на колени перед старой де-вой, признаться ей во всем и в мгновение ока получить прощение. Но в таком счастливом исходе было отказано молодой чете — несомненно, для того, чтобы можно было написать наш роман, в котором будет рассказано о множестве изумительных приключений этих супругов, — приключений, которые никогда не были бы ими пережиты, если бы им предстояло обитать под кровом удобного для них, но не интересного для читателя прощения мисс Кроули.

В доме на Парк-лейн под командой миссис Феркин состояла молодая девушка из Хемпшира, которой вменялось в обязанность наряду с прочими ее делами стучать в дверь мисс Шарп и подавать кувшин горячей воды, так как Феркин скорее наложила бы на себя руки, чем стала оказывать подобные услуги незваной гостье. У этой девушки, выросшей в фамильном поместье, был брат в эскадроне капитана Кроули, и если бы все стало известно то, пожалуй, оказалось бы, что она осведомлена о многих делах, имеющих весьма близкое касательство к нашей истории. Во всяком случае, девушка приобрела себе желтую шаль, пару зеленых башмаков и голубую шляпу с красным пером на три гиней, подаренные ей Ребеккой; а так как малютка Шарп вовсе не отличалась чрезмерной щедростью, то, надо полагать, Бетти Мартин получила эту взятку за оказанные ею услуги.

Наутро после предложения, сделанного сэром Питом Кроули гувернантке мисс Шарп, солнце встало, как обычно, и в обычный час Бетти Мартин, горничная, прислуживавшая наверху, постучала в дверь гувернантки.

Ответа не последовало, и Бетти постучала вторично. По-прежнему полная тишина. Тогда Бетти, не выпуская кувшина с горячей водой, открыла дверь и вошла в комнату.

Беленькая постелька под кисейным пологом оставалась такой же аккуратной и прибранной, как и накануне, когда Бетти собственноручно помогала привести ее в порядок. Два чемоданчика, перевязанные веревками, стояли в одном углу комнаты, а на столе перед окном — на подушечке для булавок, на большой пухлой подушечке для булавок, с розовой подкладкой, просвечивавшей сквозь сетку, связанную, наподобие дамского ночного чепца, в диагональ, — лежало письмо. Вероятно, оно пролежало тут всю ночь.

Бетти подошла к нему на цыпочках, словно боялась разбудить его, взглянула на письмо, обвела взором комнату с видом величайшего изумления и удовлетворенности, взяла его с подушечки, повертела в руках, довольно ухмыляясь, и, наконец, понесла вниз, в комнату мисс Бригс.

Желал бы я знать, каким образом Бетти могла решить, что письмо адресовано мисс Бригс? Все обучение Бетти свелось к тому, что она посещала воскресную школу миссис Бьют Кроули, так что в писанных буквах она разбиралась не лучше, чем в древнееврейских текстах.

— О мисс Бригс! — воскликнула девушка. — О мисс! Наверное, что-нибудь случилось: в комнате мисс Шарп никого нет, на постели никто не спит, а сама она сбежала, вот только оставила вам это письмо, мисс!

— Что?! — закричала Бригс, роняя гребень и рассыпая по плечам жидкие пряди выцветших волос. — Побег? Мисс Шарп убежала? Что же это, что же это? — И, живо сломав аккуратную печать, она принялась, как говорится, пожирать глазами содержание письма, ей адресованного.

«Дорогая мисс Бригс, — писала беглянка, — столь нежное сердце, как ваше, отнесется с жалостью и сочувствием ко мне и простит меня. Обливаясь слезами и вознося к небу молитвы и благословения, покидаю я тот дом, где

бедная сиротка встречала всегда ласку и любовь. Требования, стоящие выше даже требований моей благодетельницы, отзывают меня. Я иду, послушная велению долга, к своему *мужу*. Да, я замужем. Мой супруг *приказывает* мне следовать за ним в скромное жилище, которое мы зовем своим.

Дражайшая мисс Бригс, сообщите эту весть моему дорожному, моему возлюбленному другу и благодетельнице,— ваше доброе сердце подскажет вам, как это сделать. Скажите ей, что, прежде чем уйти, я оросила слезами ее дорогое изголовье — то изголовье, которое столь часто опраивляла во время ее болезни... у которого мечтаю *снова* бодрствовать. О, с какой радостью я вернусь на дорогую мне Парк-лейн! Как трепещу в ожидании ответа, который решит мою судьбу! Когда сэр Питт соблаговолил предложить мне руку, оказав мне честь, которой я *заслуживаю*, по словам возлюбленной моей мисс Кроули (благодарю ее за то, что она сочла бедную сиротку достойной стать ее сестрой!), я призналась сэру Питту в том, что я замужем. Даже он простил меня. Но у меня не хватило смелости сказать ему все: что я не могу быть его женой — потому что я его дочь! Я связала свою жизнь с достойнейшим, благороднейшим человеком: Родон мисс Кроули — *мой Родон*. Это по его распоряжению я открываюсь теперь перед вами и следую за ним в наш скромный дом, как пошла бы *на край света*. О мой дивный и ласковый друг, заступитесь перед любимой тетушкой моего Родона за него и за бедную девушку, к которой вся его *благородная* родня проявила такую ни с чем *не сравнимую* *приязнь*. Упросите мисс Кроули принять *своих детей*. Не могу ничего больше прибавить, но призываю тысячу благословений на всех в том милом доме, который я покидаю.

Ваша любящая и

заранее благодарная Ребекка Кроули.

Полночь».

Не успела Бригс дочитать этот трогательный и захватывающий документ, восстанавливавший ее в положении первой наперсницы мисс Кроули, как в комнату вошла миссис Феркин.

— Приехала с почтовой каретой из Хемпшира миссис Бьют Кроули и просит чаю. Не позаботитесь ли вы о завтраке, мисс?

К изумлению Феркин, мисс Бригс, запахнув полы своего капота, устремилась вниз к миссис Бьют с письмом, содержащим изумительную новость, причем жиденькая косичка ее растрепалась и развевалась сзади, а папилюшки все еще гроздьями окаймляли ее чело.

— О миссис Феркин,— задыхаясь, доложила Бетти,— вот оказия! Мисс Шарп взяла да и сбежала с капитаном. Они удрали в Гретна-Грин*.

Мы посвятили бы целую главу описанию чувств миссис Феркин, если бы нашу элегантную музу не занимали в большей степени страсти, обуревавшие ее высокопоставленных хозяек.

Когда миссис Бьют Кроули, которая окоченела от ночного путешествия и грелась теперь у только что затопленного и весело потрескивающего камина в столовой, услышала от мисс Бригс о тайном браке, она заявила, что само провидение привело ее в такое время для оказания голубушке мисс Кроули поддержки в постигшем ее горе и что Ребекка — хитрая маленькая бестия, лично она никогда ни минуты в этом не сомневалась. А что касается Родона, то для нее всегда было загадкой, как он сумел так ловко обойти старуху, ведь это пропащая душа, погибший малый,— она, миссис Бьют, давно это говорила. Хорошо еще, что этот мерзкий поступок откроет голубушке мисс Кроули глаза на истинный характер этого невозможного человека. Затем миссис Бьют с аппетитом напилась чаю с горячими гренками, а так как в доме оказалось теперь свободное помещение, то ей уже не надо было больше ютиться в Глостерской кофейной, куда доставила ее портсмутская почтовая карета, и она приказала лакею, состоявшему под началом у мистера Боулса, доставить ей оттуда ее чемоданы.

Мисс Кроули, надо вам сказать, не покидала своей комнаты почти до полудня — она пила по утрам шоколад в постели, пока Бекки Шарп читала ей «Морнинг пост», или как-нибудь иначе убивала время. Заговорщицы внизу условились между собой щадить чувства дорогой леди,

пока она не появится в гостиной. Тем временем старухе доложили, что миссис Бьют Кроули прибыла с почтовой каретой из Хемпшира, остановилась в «Глостере», шлет свой привет и любовь мисс Кроули и просит разрешения позавтракать с мисс Бригс. Прибытие миссис Бьют в другое время не вызвало бы особого восторга, но теперь оно было принято с удовольствием. Мисс Кроули радовалась возможности посудачить с невесткой о покойной леди Кроули, о предстоящих приготовлениях к похоронам и о внезапном предложении сэра Питта, сделанном Ребекке.

Лишь после того как старая леди удобно погрузилась в свое обычное кресло в гостиной и между дамами произошел предварительный обмен приветствиями и расспросами, заговорщицы решили, что пора приступить к операции. Кто не восхищался искусными и деликатными маневрами, какими женщины «подготавливают» друзей к дурным новостям! Обе приятельницы мисс Кроули пустили в ход такую машинерию таинственности, прежде чем преподнести ей новость, что довели старуху до надлежащего градуса сомнений и тревоги.

— И она отказала сэру Питту, моя голубушка, голубушка мисс Кроули, потому что... мужайтесь,— говорила миссис Бьют,— потому что не могла поступить иначе.

— Конечно, тут были причины,— заметила мисс Кроули.— Она любит кого-то другого. Я так и сказала вчера Бригс.

— Любит кого-то другого! — произнесла, задыхаясь, Бригс.— О мой дорогой друг, она уже замужем!

— Уже замужем! — повторила миссис Бьют. Обе они сидели, стиснув руки и поглядывая то друг на друга, то на свою жертву.

— Пришлите ее ко мне, как только она вернется. Этакая негодница! Как же она посмела не рассказать мне? — воскликнула мисс Кроули.

— Она не скоро вернется. Приготовьтесь, дорогой друг: она ушла из дому надолго... она... она совсем ушла.

— Боже милосердный, а кто же будет мне варить шоколад? Пошлите за нею и доставьте ее обратно. Я желаю, чтобы она вернулась,— кипятилась старая леди.

— Она исчезла этой ночью, сударыня! — воскликнула миссис Бьют.

— Она оставила мне письмо,— добавила Бригс,— она вышла замуж за...

— Подготовьте ее, ради бога! Не мучайте ее, моя дорогая мисс Бригс.

— За кого она вышла замуж? — крикнула старая дева, приходя в бешенство.

— За... за родственника...

— Она отказала сэру Питту,— закричала жертва.— Говорите же. Не доводите меня до сумасшествия!

— О сударыня!.. Подготовьте ее, мисс Бригс... она вышла замуж за Родона Кроули.

— Родон женился... на Ребекке... на гувернантке... на ничтож... Вон из моего дома, дура, идиотка! Бригс — безмозглая старуха! Как вы осмелились! Это ваших рук дело... вы заставили Родона жениться, рассчитывая, что я лишу его наследства... Это вы сделали, Марта! — визжала бедная старая леди, раздражаясь истерическим словоизвержением.

— Я, сударыня, буду уговаривать члена такой фамилии жениться на дочери учителя рисования?

— Ее мать была Монморанси! — воскликнула старая леди, изо всей мочи дергая за сонетку.

— Ее мать была балетной танцовщицей, да и сама она выступала на сцене или еще того хуже,— возразила миссис Бьют.

Мисс Кроули издала заключительный вопль и откинулась на спинку кресла в обмороке. Пришлось отнести ее обратно в спальню, которую она только что покинула. Один припадок истерики следовал за другим. Послали за доктором — прибежал аптекарь. Миссис Бьют заняла пост сиделки у кровати больной.

— Ее родственники должны быть с ней,— заявила эта любезная женщина.

Не успели перенести старуху в ее спальню, как появилось новое лицо, которому тоже необходимо было преподнести эту новость, — сэр Питт.

— Где Бекки? — сказал он, входя в столовую. — Где ее пожитки? Она поедет со мной в Королевское Кроули.

— Разве вы не слышали умопомрачительной вести об ее утаенном от всех союзе? — спросила Бригс.

— А мне какое до него дело? — возразил сэр Питт.—

Я знаю, что она замужем! Не все ли равно? Скажите ей, чтобы она сейчас же спускалась и не задерживала меня.

— А разве вы не осведомлены, сэр,— продолжала мисс Бригс,— что она покинула наш кров, к ужасу мисс Кроули, которую чуть не убила весть о браке ее с капитаном Родоном?

Когда сэр Питт Кроули услышал, что Ребекка вышла замуж за его сына, он разразился такой бешеной бранью, которую неудобно повторять здесь. Бедная Бригс выскочила из комнаты содрогааясь. Вместе с нею и мы закрыли дверь за обезумевшим стариком, дошедшим до неистовства и потерявшим разум от ненависти и несбывшихся желаний.

День спустя, вернувшись в Королевское Кроули, он как сумасшедший ворвался в комнату, которую занимала Ребекка, когда жила там, растоптал ногами ее коробки и картонки и расшвырял ее бумаги, одежду и прочие пожитки. Мисс Хорокс, дочь дворецкого, завладела некоторыми вещами Бекки; другие достались девочкам, и они разыгрывали в них свои комедии. Это произошло через несколько дней после того, как их бедная мать отправилась в одинокое место своего последнего упокоения и была положена, никем не оплаканная и никому не нужная, в склеп, где лежали одни чужие.

— А вдруг старуха не угомонится? — говорил Родон своей маленькой жене, когда они сидели вдвоем в уютной бромптонской квартирке. Ребекка все утро пробовала новое фортепьяно. Новые перчатки пришлись ей удивительно впору; новые шали замечательно были ей к лицу; новые кольца блестели на ее маленьких ручках, и новые часы тикали у ее талии. — А вдруг она не утихомирится? А, Бекки?

— Тогда я сама устрою твою судьбу,— ответила она. И Далила потрепала Самсона по щеке.

— Ты можешь все сделать! — согласился он, целуя маленькую ручку. — Ей-богу, можешь. А пока едем в «Звезду и Подвязку» обедать, честное слово.

ГЛАВА XVII

*О том, при каких обстоятельствах капитан
Доббин приобрел фортепьяно*

Если есть на Ярмарке Тщеславия выставка, на которую рука об руку придут и Чувство и Сатира, где вы на каждом шагу натываетесь на самые неожиданные контрасты как смехотворные, так и плачевные, где одинаково уместно и трогательное сочувствие и открытое, беспощадное осмеяние,— так это одно из тех публичных сборищ, объявления о коих пачками публикуются ежедневно на последней странице газеты «Таймс» и где с таким достоинством председательствовал мистер Джордж Робин. Мне думается, в Лондоне нет человека, который не побывал бы на этих сборищах, и каждый, кто чувствует в себе жилку моралиста, не может не задуматься с внезапным и странным холодком в душе о том, когда настанет и его черед и когда по иску Диогена или указанию судебного исполнителя аукционист пустит с молотка библиотеку Эпикура, мебель, посуду, гардероб и его изысканные вина.

Чье сердце, будь это даже самый черствый из посе-

тителей Ярмарки Тщеславия, не забьется участием и сожалением при виде этой неприглядной стороны похорон скончавшегося друга? Останки милорда Богача покоятся в семейном склепе; ваятели вырежут надпись на могильной плите, правдиво вещающую о его добродетелях и о скорби наследника, который уже распоряжается его добром. Какой гость, сидевший за столом Богача, пройдет без вздоха мимо знакомого дома, где так весело загорались огни в семь часов, где так гостеприимно распахивались входные двери и подобострастные слуги звонко выкрикивали ваше имя от площадки к площадке, пока вы поднимались по удобной лестнице и пока оно не достигало того покоя, где радушный старый Богач приветствовал своих друзей! Сколько их у него было, и с каким благородством он их принимал! Как остроумны бывали здесь люди, и как они мгновенно менялись и становились угрюмы, едва за ними закрывалась дверь! И сколь обходительны бывали здесь те, кто поносил и ненавидел друг друга во всяком ином месте. Он был чванлив, но при таком поваре чего не проглотить! Он был, пожалуй, скучноват, но разве такое вино не оживляет всякой беседы? «Нужно раздобыть несколько бутылок его бургонского за любую цену!» — кричат безутешные друзья в его клубе. «Я приобрел эту табакерку на распродаже у старого Богача, — говорит Пинчер, пуская ее по рукам, — одна из метресс Людовика Десятого; миленькая вещица, не правда ли? Прелестная миниатюра!» И тут начинается разговор о том, как молодой Богач расточает свое состояние.

Но как, однако, изменился дом! Фасад испещрен объявлениями, на которых жирными прописными буквами перечисляется по статьям все выставленное на продажу. Из окна верхнего этажа свесился обрывок ковра; с полдюжины носильщиков толчется на грязном крыльце; сени кишат потрепанными личностями с восточной наружностью, которые суют вам в руки печатные карточки и предлагают торговаться за вас. Старухи и коллекционеры наводнили верхние комнаты, щупают занавески у кроватей, тычут пальцами в матрацы, взбивают перины и хлопают ящиками комодов. Предприимчивые молодые хозяйки вымеряют зеркала и драпировки, соображая, подойдет ли они к их новому обзаведению (сноб будет

потом несколько лет хвастать, что приобрел то-то или то-то на распродаже у Богача), а мистер Аукционист, восседая на большом обеденном столе красного дерева внизу в столовой и размахивая молоточком из слоновой кости, выхваливает свои товары, пуская в ход все доступные ему средства красноречия — энтузиазм, уговоры, призывы к разуму, отчаяние, — орет на своих помощников, подтрунивает над нерешительностью мистера Дэвидса, наседает на мистера Мосса, умоляет, командует, вопит — пока молоток не опускается с неумолимостью рока и мы не переходим к следующему номеру. О Богач, кто мог бы подумать, сидя за широчайшим столом, на котором сверкало серебро и столовое белье ослепительной белизны, что в один прекрасный день мы увидим на почетном месте такое блюдо, как орущий Аукционист!

Распродажа подходила к концу. Великолепная гостиная работы лучших мастеров, знаменитый ассортимент редких вин (все они приобретались по любой цене покупателем-знатоком, обладавшим отличным вкусом), богатейший фамильный серебряный сервиз были проданы в предшествующие дни. Некоторые из самых тонких вин (пользовавшихся большой славой среди любителей-соседей) были куплены дворецким нашего друга, Джона Осборна, эсквайра, с Рассел-сквера, для своего хозяина, знавшего их очень хорошо. Небольшая часть самых роскожных предметов из столового серебра досталась каким-то молодым маклерам из Сити. И вот, когда публику стали соблазнять всякой мелочью, восседавший на столе оратор принялся расхваливать достоинства портрета, который он хотел сбыть с рук какому-нибудь наивному покупателю: это было уже далеко не то избранное и многочисленное общество, которое посещало аукцион в предшествовавшие дни.

— Номер триста шестьдесят девять! — провозгласил мистер Аукционист. — Портрет джентльмена на слоне. Кто даст больше за джентльмена на слоне? Поднимите картину повыше, Блоумен, и дайте публике полюбоваться на этот номер!

Какой-то долговязый бледный джентльмен в военном мундире, скромно сидевший у стола красного дерева, не мог удержаться от улыбки, когда этот ценный номер был предъявлен к осмотру мистером Блоуменом.

— Поверните-ка слона к капитану, Блоумен! Сколько мы предложим, сэр, за слона?

Но капитан, весь залившись краской и совершенно сконфузившись, отвернулся. Аукционист тем временем продолжал, повергая его в еще большее смущение:

— Ну, скажем, двадцать гиней за это произведение искусства? Пятнадцать? Пять? Назовите вашу цену! Да ведь один джентльмен без слона стоит пять фунтов.

— Удивляюсь, как слон не свалится под ним,— заметил какой-то присяжный шутник. — Уж больно седок-то упитанный.

Это замечание (едуший на слоне был изображен весьма дородным мужчиной) вызвало дружный смех в зале.

— Не пытайтесь сбить цену этой редкостной вещи, мистер Мосс,— сказал мистер Аукционист,— пусть уважаемая публика хорошенько рассмотрит этот шедевр: поза благородного животного вполне отвечает натуре; джентльмен в нанковом жакете, с ружьем в руках, выезжает на охоту; вдали виднеется баньяновое дерево и пагода, — перед нами, очевидно, какой-то примечательный уголок наших славных восточных владений. Сколько даете за этот номер? Прошу вас, джентльмены, не задерживайте меня здесь на целый день.

Кто-то дал пять шиллингов. Услыхав это, военный джентльмен взглянул в ту сторону, откуда исходило такое щедрое предложение, и увидел другого офицера, под руку с молодой дамой. Оба они, казалось, весьма забавлялись происходившей сценой, и в конце концов картина пошла за полгинеи и досталась им. Заметив эту парочку, сидевший у стола еще больше прежнего удивился и сконфузился: голова его ушла в воротник, и джентльмен отвернулся, как будто желая избежать неприятной встречи.

Мы не собираемся упоминать о всех других предметах, которые мистер Аукционист имел честь предложить скрытому соисканию в этот день, кроме лишь одной вещи: это было маленькое фортепьяно, которое доставили вниз с верхнего этажа (большой концертный рояль был вывезен раньше). Молодая дама попробовала его быстрой и ловкой рукой (заставив офицера снова по-

краснеть и вздрогнуть), и когда настала очередь фортепьяно, агент дамы стал торговать его.

Но тут он встретил препятствие. Еврей, состоявший в роли адъютанта при офицере у стола, стал наддавать цену против еврея, нанятого покупателями слона, и из-за маленького фортепьяно загорелась оживленная битва, причем мистер Аукционист усиленно подбодрял обоих противников.

Наконец, когда соревнование уже порядочно затянулось, капитан и дама, купившие слона, отказались от дальнейшей борьбы; молоток опустился, Аукционист объявил: «За мистером Льюисом двадцать пять!» И таким образом шеф мистера Льюиса стал собственником маленького фортепьяно. Сделав это приобретение, он выпрямился в своем кресле с видом величайшего облегчения и в эту самую минуту был замечен своими неудачливыми соперниками. Дама сказала своему кавалеру:

Слушай, Родон, ведь это капитан Доббин!

Вероятно, Бекки была недовольна новым фортепьяно, взятым для нее напрокат, или же хозяева инструмента потребовали его обратно, отказав в дальнейшем кредите; а может быть, ее особенное пристрастие к тому фортепьяно, которое она только что пыталась приобрести, объясняется воспоминаниями о давно минувших днях, когда она играла на нем в маленькой гостиной нашей милой Эмили Седли?

Ибо аукцион происходил в старом доме на Рассел-сквере, где мы провели несколько вечеров в начале этого повествования. Старый добряк Джон Седли разорился. Его имя было объявлено в списке неисправных должников на Лондонской бирже, а за этим последовали его банкротство и коммерческая смерть. Дворецкий мистера Осборна скупил часть знаменитого портвейна и перевез его в погреб по другую сторону сквера. Что же касается дюжины столовых серебряных ложек и вилок прекрасной работы, продававшихся на вес, и дюжины таких же десертных, то нашлось три молодых биржевых маклера (фирма «Дейл, Спигот и Дейл» на Треднидл-стрит), которые раньше вели дела со стариком и видели с его стороны много хорошего в те дни, когда он был так мил

и любезен со всеми, с кем ему приходилось иметь дела,— они-то и послали доброй миссис Седли эти жалкие обломки крушения, выразив тем свое уважение к ней. Что же касается фортепьяно, то, поскольку оно принадлежало Эмили и та могла больно чувствовать его отсутствие и нуждаться в нем теперь, а капитан Вильям Доббин умел играть на нем так же, как танцевать на канате, нам остается предположить, что капитан приобрел его не для собственной надобности.

Словом, фортепьяно было в тот же вечер доставлено в крошечный домик на улице, идущей от Фулем-род,— на одной из тех лондонских улочек, которые носят такие изысканно-романтические названия (эту, в частности, именовали: Вилла св. Аделаиды, Анна-Мария-род, Вест) и где дома кажутся кукольными; где обитатели, выглядывающие из окон бельэтажа, должны, как представляется зрителю, сидеть, опустив ноги в гостиную нижнего этажа; где кусты в палисадниках круглый год цветут детскими передничками, красными носочками, чепчиками и т. п. (*polyandria polygynia*); где до вас доносятся звуки разбитых клавикордов и женского пения; где пивные кружки висят на заборах, просушиваясь на солнышке; где по вечерам вы встретите конторщиков, устало бредущих из Сити. Вот на одной из таких улиц и находилось жилище мистера Клепа, конторщика мистера Седли, и в этом убежище преклонил голову добрый старый джентльмен с женой и дочерью, когда произошел крах.

Джоз Седли, когда известие о постигшем семью несчастье дошло до него, поступил так, как и следовало ожидать от человека с его характером. Он не поехал в Лондон, но написал матери, чтобы она обращалась к его агентам за любой суммой, какая ей потребуется, так что его добрые, удрученные горем старики родители могли на первых порах не страшиться бедности. Совершив это, Джоз продолжал жить попрежнему в челтенхемском пансионе. Он ездил кататься в своем кабриолете, пил красное вино, играл в вист, рассказывал о своих индийских похождениях, а ирландка-вдова попрежнему утешала и улещала его. Денежный подарок Джоза, как ни нуждались в нем, не произвел на родителей большого впечатления; и я слышал, со слов Эмили, что ее удрученный отец впервые поднял голову в этот день, когда был получен ящичек

с ложками и вилками вместе с приветом от молодых маклеров; он разрыдался, как ребенок, и был растроган гораздо больше, чем даже его жена, которой было адресовано это подношение. Эдвард Дейл, младший компаньон фирмы, непосредственный исполнитель этого поручения, давно уже заглядывался на Эмилию и теперь воспользовался случаем, чтобы сделать ей предложение, невзирая ни на что. Женился от только в 1820 году, на мисс Луизе Катс (дочери владельца фирмы «Хайем и Катс», видного хлеботорговца), взяв за нею крупный куш. Сейчас он великолепно устроен и живет припеваючи со своим многочисленным семейством в собственной элегантной вилле на Масуэл-хилл. Однако воспоминание об этом добром малом не должно отвлекать нас от главной темы нашего безыскусственного рассказа.

Надеюсь, читатель составил себе слишком хорошее мнение о капитане и миссис Кроули, чтобы предположить, будто им могла притти в голову мысль наведаться в столь отдаленный квартал, как Блумсбери, если бы они знали, что семейство, которое они решили осчастливить своим посещением, не только окончательно сошло со сцены, но и осталось без всяких средств и не могло уже пригодиться молодой чете. Ребекка была чрезвычайно поражена, когда увидела, что в уютном старом доме, где она была так обласкана, хозяйничают барышники и маклаки, а укромное достояние жившей в нем семьи отдано на поток и разграбление. Через месяц после своего бегства она вспомнила об Эмилии, и Родон с довольным ржанием выразил полнейшую готовность опять повидаться с молодым Джорджем Осборном.

— Он очень приятный знакомый, Бек, — заметил шутник. — Я с удовольствием сразился бы с ним на бильярде. В нашем положении он был бы нам, так сказать, весьма полезен, миссис Кроули. Ха-ха-ха! — Эти слова не следует понимать в том смысле, что у Родона Кроули было заранее обдуманное намерение обобрать мистера Осборна. Он только видел в этом свою законную выгоду, которую на Ярмарке Тщеславия почти каждый гуляка-джентльмен считает должной данью со стороны своего ближнего.

Старуха тетка не слишком торопилась «угомониться».

Прошел целый месяц. Мистер Боулс продолжал отказывать Родону в приеме; его слугам не удавалось получить доступ в дом на Парк-лейн; его письма возвращались нераспечатанными. Мисс Кроули ни разу не вышла из дому — она была нездорова, — и миссис Бьют все еще жила у нее и не оставляла ее ни на минуту. Это затянувшееся пребывание пасторши в Лондоне не предвещало молодым супругам ничего хорошего.

— Черт, я начинаю теперь понимать, почему она все сводила нас в Королевском Кроули, — сказал как-то Родон.

— Вот лукавая бабенка! — вырвалось у Ребекки.

— Ну что же! Я об этом не жалею, если не жалеешь ты! — воскликнул капитан, все еще страстно влюбленный в жену, которая вместо ответа наградила его поцелуем и, конечно, была немало удовлетворена великодушным признанием супруга.

«Если бы он не был так непроходимо глуп, — думала она, — я могла бы что-нибудь из него сделать». Но она никогда не давала ему заметить, какое составила себе о нем мнение: попрежнему слушала с неиссякаемым терпением его рассказы о конюшне и офицерской столовой, смеялась его шуткам, выказывала живейший интерес к Джеку Спатердашу, у которого пала упряжная лошадь, и к Бобу Мартингейлу, которого забрали в игорном доме, и к Тому Синкбарсу, который предполагал участвовать в скачках с препятствиями. Когда Родон возвращался домой, она была оживлена и счастлива; когда он собирался куда-нибудь, она сама торопила его; если же он оставался дома, она играла ему и пела, приготовляла для него вкусные напитки, заботилась об его обеде, грела ему туфли и баловала, как могла. Лучшие из женщин — лицемерки (я это слышал от своей бабушки). Мы и не знаем, как много они от нас скрывают; как они бдительны, когда кажутся нам простодушными и доверчивыми; как часто их ангельские улыбки, которые не стоят им никакого труда, оказываются просто-напросто ловушкой, чтобы подольститься к человеку, обойти его или обезоружить, — я говорю вовсе не о записных кокетках, но о ваших примерных матронах и образцах женской добродетели. Кому не приходилось видеть, как жена скрывает от всех скудомие дурака-мужа или успокаивает ярость своего не в

меру расходившегося повелителя? Мы принимаем это любезное нам рабство как нечто должное и восхваляем за него женщину; мы называем это прелестное лицемерие правдой. Добрая жена и хозяйка — по необходимости лгунья. И супруг Корнелии * был таким же простофилей, как и Потифар *, но только на другой манер.

Эти трогательные заботы превратили закоренелого повесу Родона Кроули в счастливого и покорного супруга. Его давно не видали ни в одном из злчных мест, где он был завсегдатаем. Приятели справлялись о нем раза два в его клубах, но не особенно ощущали его отсутствие: в балаганах Ярмарки Тщеславия люди редко ощущают отсутствие того или другого из своей среды. Сторонящаяся общества, всегда улыбающаяся и приветливая жена, удобная квартирка, уютные обеды и непритязательные вечера — во всем этом было очарование новизны и тайны. Их брак еще не стал достоянием молвы; сообщение о нем еще не появилось в «Морнинг пост». Кредиторы Родона слетелись бы к ним толпой, если бы узнали о его женитьбе на бесприданнице. «Мои родные на меня не ополчатся», — говорила Ребекка с горьким смехом. И она соглашалась спокойно ждать, когда старая тетка примирится с их браком, и не требовала для себя места в обществе. Так жила она в Бромптоне, не видя никого или видясь лишь с теми немногими сослуживцами мужа, которые допускались в ее маленькую столовую. Все они были очарованы Ребеккой. Скромные обеды, смех, болтовня, а потом музыка приводили в восторг всех, кто принимал участие в этих удовольствиях. Майору Мартингейлу никогда не пришло бы в голову спросить у них их брачное свидетельство. Капитан Синкбарс был в полнейшем восторге от искусства Ребекки готовить пунш. А юный лейтенант Спатердаш (он необычайно пристрастился к игре в пикет, и потому Кроули частенько его приглашали) был явно и без промедления пленен миссис Кроули. Но осмотрительность и осторожность ни на минуту ее не покидали, а репутация отчаянного и ревнивого вояки, укрепившаяся за Кроули, была еще более надежной и полной защитой для его маленькой жены.

В Лондоне есть немало высокородных и высокопоставленных джентльменов, никогда не бывавших в дамских

гостиных. Поэтому, хотя о женитьбе Родона Кроули, может быть, и говорили по всему графству, где, разумеется, миссис Бьют разгласила эту новость, но в Лондоне в ней сомневались или на нее не обращали внимания, а то и вовсе о ней не знали. Родон с комфортом жил в кредит. У него был огромный капитал, состоявший из долгов, а если тратить его с толком, такого капитала может хватить человеку на много-много лет. Некоторые светские жуиры умудряются жить на него во сто раз лучше, чем живут даже люди с свободными средствами. В самом деле, кто из лондонских жителей не мог бы указать десятка человек, пышно проезжающих мимо него, в то время как сам он идет пешком, — людей, которых балуют в свете и провожают до самых карет поклоны лавочников; людей, которые не отказывают себе ни в чем и живут неизвестно на что. Мы видим, как Джек Трифтлес гарцует в Парке или катит на своем рысак по Пель-Мель; мы едим его обеды, подаваемые на изумительном серебре. «Откуда все это берется? — спрашиваем мы. — И чем это кончится?» — «Дорогой мой, — сказал как-то Джек, — у меня долги во всех европейских столицах». В один прекрасный день должен наступить конец, но пока Джек живет в свое удовольствие; всякому лестно пожать ему руку, все пропускают мимо ушей темные слушки, которые время от времени гуляют о нем в городе, и его называют добродушным, веселым и беспечным малым.

Увы, надо признаться, что Ребекка вышла замуж как раз за джентльмена такого сорта. Дом его был полная чаша, в нем было все, кроме наличных денег, в которых их ménage¹ довольно скоро почувствовало острую нужду. И вот, читая однажды «Газету» и натолкнувшись на извещение, что «лейтенант Дж. Осборн, вследствие покупки им чина, производится в капитаны вместо Смита, который совершает с ним обмен». Родон и высказал о поклоннике Эмилии то мнение, которое привело к визиту наших новобрачных на Рассел-сквер.

Когда Родон с женой, увидав капитана Доббина, поспешили к нему, чтобы расспросить о катастрофе, обрушившейся на старых знакомых Ребекки, нашего приятеля уже и след простыл, и кое-какие сведения им удалось

¹ Хозяйство (франц.).

собрать только от случайного носильщика, или старьевщика, на аукционе.

— Посмотрите-ка на этих носатых, — сказала Бекки, весело усаживаясь в коляску с картиною подмышкой. — Они похожи на коршунов на поле битвы.

— Не знаю. Никогда не бывал в сражении, моя дорогая. Спроси у Мартингейла, он был в Испании адъютантом генерала Блейзиса.

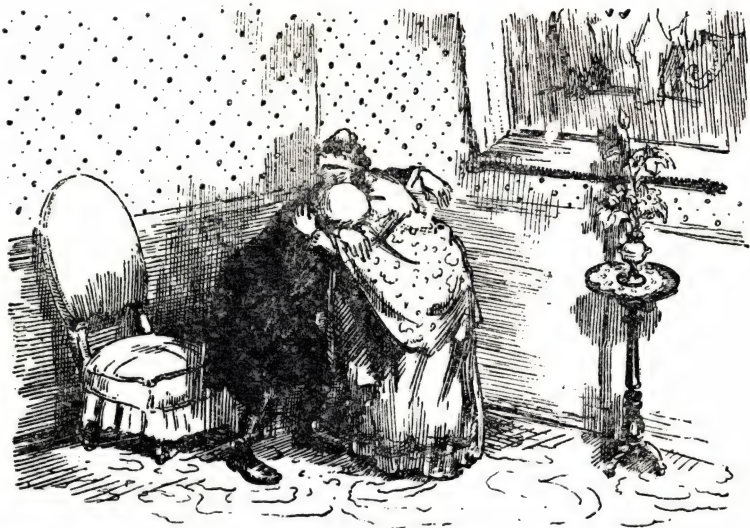
— Он очень милый старичок, этот мистер Седли, — заметила Ребекка. — Право, мне жаль, что с ним случилась беда.

— Ну, у биржевых маклеров банкротство... они к этому, знаешь, привыкли, — заявил Родон, сгоняя муху, севшую на шею лошади.

— Как жаль, Родон, что нам нельзя приобрести что-нибудь из столового серебра, — мечтательно продолжала его супруга. — Двадцать пять гиней чудовищно дорого за это маленькое фортепьяно. Мы вместе покупали его у Бродвуда для Эмилии, когда она окончила школу. Оно стоило только тридцать пять.

— Этот... как его там... Осборн... теперь, пожалуй, даст тягу, раз семейство разорилось. Недурной афронт для твоей хорошенькой приятельницы. А, Бекки?

— Смею думать, она это переживет, — ответила Ребекка с улыбкой. И они покатили дальше, заговорив о чем-то другом.

ГЛАВА XVIII

*Кто играл на фортепьяно, которое приобрел
Доббин*

Но вот наш рассказ неожиданно попадает в круг прославленных лиц и событий * и соприкасается с историей. Когда орлы Наполеона Бонапарта, выскочки-корсиканца, вылетели из Прованса, куда они спустились после короткого пребывания на острове Эльба, и потом, перелетая с колокольни на колокольню, достигли, наконец, Собора Парижской богоматери, то вряд ли эти царственные птицы хотя бы краешком глаза заметили крошечный приход Блумсбери в Лондоне — такой тихий и безмятежный, что вы бы подумали, будто шум и хлопанье их могучих крыльев никого там не встревожило.

«Наполеон высадился в Каннах». Это известие могло вызвать панику в Вене, спутать карты России, загнать Пруссию в угол, заставить Талейрана и Меттерниха переглянуться или озадачить князя Гарденберга и даже ныне

здравствующего маркиза Лондондери; но каким образом это известие могло смутить покой молодой особы на Рассел-сквере, перед дверью которой ночной сторож протяжно выкликал часы, когда она спала; молодой леди, которую, когда она гуляла по скверу, охраняли решетка и приходский сторож; которую, когда она выходила из дому всего лишь затем, чтобы купить ленточку на Саутгемптон-роу, сопровождал черномазый Самбо с огромною тростью, леди, о которой всегда заботились, которую одевали, укладывали в постель и оберегали многочисленные ангелы-хранители как состоявшие, так и не состоявшие на жалованье. *Bon Dieu*, — скажу я, — разве не жестоко, что столкновение великих империй не может свершиться, не отразившись самым губительным образом на судьбе безобидной маленькой восемнадцатилетней девушки, воркующей или вышивающей кисейные воротнички у себя на Рассел-сквере? О нежный, простенький цветочек! Неужели грозный рев военной бури настигнет тебя здесь, хотя ты и приютился под защитой Холборна *? Да, Наполеон делает свою последнюю ставку, и счастье бедной маленькой Эмми Седли каким-то образом вовлечено в общую игру.

В первую очередь этой роковой вестью было сметено благосостояние отца Эмми. Все спекуляции злосчастного старого джентльмена терпели неудачу. В то время смелые коммерческие начинания рушились, купцы банкротились, государственные процентные бумаги падали, когда, по расчетам старика, им следовало бы повышаться. Стоит ли вдаваться в подробности! Если успех наблюдается редко и достигается медленно, то каждому известно, как быстро и легко происходит разорение. Старик Седли ни с кем не делился своим горем. Казалось, все шло по-старому в его мирном и богатом доме; благодушная хозяйка, ничего не подозревая, проводила время в обычной хлопотливой праздности и несложных повседневных заботах; дочь, неизменно поглощенная одной — эгоистической и нежной — мыслью, не замечала ничего в окружающем мире, когда произошел тот окончательный крах, под тяжестью которого пала вся эта достойная семья.

Однажды вечером миссис Седли писала приглашения на званый вечер. Осборны уже устроили таковой у себя, и миссис Седли не могла оставаться в долгу. Джон Седли,

вернувшийся из Сити очень поздно, молча сидел у камина, между тем как жена его оживленно болтала; Эмми поднялась к себе наверх в подавленном настроении и чувствуя себя больной.

— Она несчастлива, — говорила мать, — Джордж Осборн невнимателен к ней. Меня начинает раздражать поведение этих господ. Вот уже три недели, как девицы к нам глаз не кажут, и Джордж два раза приезжал в город, а к нам не заходил, — Эдвард Дейл видел его в опере. Эдвард охотно женился бы на Эмили, я уверена, да и капитан Доббин, по-моему, тоже непрочь, но у меня, откровенно говоря, сердце не лежит к этим военным. Подумаешь, каким денди стал Джордж! И эти его военные замашки! Надо показать некоторым людям, что мы не хуже их. Только подай надежду Эдварду Дейлу — и ты увидишь! Нам следует устроить у себя вечер, мистер Седли. Что же ты молчишь, Джон? Не назначить ли, скажем, вторник, через две недели? Почему ты не отвечаешь? Боже мой, Джон, что случилось?

Джон Седли поднялся с кресла навстречу жене, кинувшейся к нему. Он обнял ее и торопливо проговорил:

— Мы разорены, Мери. Нам придется начинать все сызнова, дорогая. Лучше, чтобы ты узнала все сразу.

Произнося эти слова, он дрожал всем телом и едва держался на ногах. Он думал, что это известие совершенно сразит его жену, — жену, которая за всю жизнь не слышала от него резкого слова. Но хотя удар был для нее неожиданным, миссис Седли проявила бóльшую душевную выдержку, чем ее муж. Когда он бессильно упал в кресло, жена приняла на себя обязанности утешительницы. Она взяла его дрожащую руку, покрыла ее поцелуями и обвила ею свою шею; она называла его своим Джоном — своим милым Джоном, своим старичком, своим любимым старичком; она излила на него множество бессвязных слов любви и нежности. Ее кроткий голос и простодушные ласки довели это скорбное сердце до невыразимого восторга и грусти, подбодрили и успокоили истрадавшегося старика.

Только один раз на протяжении долгой ночи, которую они провели, сидя вместе, после того как бедный Седли открыл ей свою душу и рассказал историю своих потерь и неудач, об измене некоторых стариннейших друзей, о бла-

городной доброте других, от кого он не мог этого ждать, — словом, принес повинную, — только в одном случае его верная жена не сумела справиться со своим волнением.

— Боже мой, боже мой, это разобьет сердце Эмми! — сказала она.

Отец забыл о бедной девочке. Она лежала наверху без сна, чувствуя себя несчастной. Дома, среди друзей и нежных родителей, она была одинока. И много ли найдется людей, которым вы, читатель, могли бы все рассказать? Как возможна откровенность там, где нет никакой симпатии? Кто захочет излить душу перед теми, кто его не поймет? Именно так одинока была наша кроткая Эмилия. У нее не было никакой поверенной, если можно так выразиться, с тех пор как ей было что поверять. Она не могла поделиться со старухой матерью своими сомнениями и заботами; будущие же сестры с каждым днем казались ей все более чужими. А у Эмми были дурные предчувствия и опасения, в которых она не смела признаться даже себе самой, хотя терзалась ими втайне.

Ее сердце упорствовало в убеждении, что Джордж Осборн достоин ее и верен ей, хотя она чувствовала, что это не так. Сколько раз она обращалась к нему, не встречая никакого отклика. Сколько у нее было случаев заподозрить его в эгоизме и равнодушии. Но она упрямо обходила все это. Кому могла рассказать бедная маленькая мученица о своей ежедневной борьбе и пытке? Сам герой Эмми слушал ее только в пол-уха. Она не решалась признаться, что человек, которого она любила, был ниже ее, или подумать, что она слишком поторопилась отдать ему свое сердце. Раз отдав его, чистая, стыдливая девушка была слишком скромна, слишком мягка, слишком правдива, слишком слаба, слишком женщина, чтобы потребовать его обратно. Мы обращаемся, как турки, с чувствами наших женщин и так же деспотически заставляем их подчиняться нашим взглядам. Мы позволяем их телам разгуливать довольно свободно, их улыбки, локончики и розовые шляпки заменяют им покрывала и чадры. Но душу их может видеть только один единственный мужчина, а они и рады повиноваться и соглашаются сидеть дома в качестве наших рабынь, прислуживая нам и выполняя всю черную работу.

В таком одиночестве и в таких мучениях пребывало

это нежное сердечко, когда в марте, в лето от рождества христово 1815-ое Наполеон высадился в Каннах, Людовик XVIII бежал, вся Европа пришла в смятение, государственные бумаги упали, и старый Джон Седли разорился.

Мы не последуем за достойным маклером через все те пытки и испытания, через которые проходит всякий разоряющийся делец до наступления своей коммерческой смерти. Его несостоятельность огласили на бирже; он не появлялся у себя в конторе; векселя его были опротестованы; признание банкротства оформлено. Дом и обстановка на Рассел-сквере были описаны и проданы с молотка, и старика с семьей, как мы видели, выбросили на улицу, предоставив им искать себе приюта где угодно.

У Джона Седли не хватило мужества произвести смотр штату своей домашней прислуги, которая то и дело появлялась на наших страницах, но теперь бедность заставила его с ней расстаться. Всему этому достойному человеку было выплачено содержание с той точностью, какую обычно выказывают в таких случаях люди, задолжавшие большие суммы. Слуги с сожалением покидали хорошее место, но сердце их не разрывалось от горя при расставании с обожаемыми хозяином и хозяйкой. Горничная Эмилии не скупилась на соболезнования, но ушла, успокоившись на том, что устроится лучше в каком-нибудь более аристократическом квартале города. Черномазый Самбо в ослеплении, свойственном его профессии, решил открыть питейное заведение. Честная миссис Бленкинсоп, помнившая рождение Джоза и Эмилии, да и пору женитьбы Джона Седли и его жены, пожелала остаться при них без содержания, так как скопила себе на службе у почтенной семьи кругленький капитал; и потому она временно последовала за своими разоренными хозяевами в их новое скромное убежище, где продолжала ухаживать за ними и ворчать на них.

Среди всех противников Седли в его пререканиях с кредиторами, которые начались теперь и до того истерзали чувства униженного старого джентльмена, что он за шесть недель состарился больше, чем за пятнадцать предшествовавших лет, — самым несговорчивым, самым упрямым оказался Джон Осборн, его старый друг и сосед,

Джон Осборн, которому он помог выйти в люди, который был ему кругом обязан и сын которого должен был жениться на его дочери, Эмилии. Любого из этих обстоятельств было бы достаточно, чтобы объяснить жестокосердие Осборна.

Когда один человек чрезвычайно обязан другому, а потом с ним ссорится, то обыкновенное чувство порядочности заставляет его больше враждовать со своим бывшим другом и благодетелем, чем если бы это было совершенно постороннее лицо. Чтобы оправдать собственное жестокосердие и неблагодарность, вы обязаны представить своего противника злодеем. Дело не в том, что вы жестоки, эгоистичны и раздражены неудачей своей спекуляции, — нет, нет, — это ваш компаньон вовлек вас в нее из самого низкого вероломства и из самых злостных побуждений. Хотя бы для того, чтоб быть последовательным, гонитель обязан доказывать, что потерпевший — негодяй, иначе он, гонитель, сам окажется подлецом.

К тому же, как общее правило (и это позволяет всем неумолимым кредиторам жить в ладу со своей совестью), ни один человек, попавший в бедственное положение, не поступает вполне честно, — во всяком случае, такова видимость. Банкроты всегда что-то утаивают; они преувеличивают свои шансы на удачу; они скрывают истинное положение вещей; они говорят, что их предприятие процветает, когда оно безнадежно; они не перестают улыбаться (невеселая это улыбка) на краю банкротства; они готовы ухватиться за любой предлог для получения отсрочки или каких-нибудь денег, лишь бы отдалить хотя бы на несколько дней неизбежное разорение. «Ну, и погибай, когда ты так бесчестен», — говорит кредитор, торжествуя, и на чем свет стоит ругает потерпевшего крушение. «Глупец, ну стоит ли хвататься за соломинку!» — говорит здравый смысл утопающему. «Негодяй, чего ты брыкаешься, не лучше ли примириться и упокоиться в «Газете», откуда уже нет возврата!» — говорит Преуспеяние бедняге, который отчаянно борется на дне темной пучины. Кто не замечал, с какой готовностью ближайшие друзья и честнейшие люди подозревают и обвиняют друг друга в обмане, как только дело коснется денежных расчетов? Все так поступают. Мне думается, каждый прав, и весь мир мошенничает.

Осборна, ко всему прочему, беспокоила и злила память о прежних благодеяниях старика Седли, а это всегда служит к усилению враждебности. Наконец — ему нужно было расстроить свадьбу своего сына и дочери Седли. А так как дело зашло действительно далеко и было затронуто счастье, а может быть, и репутация бедной девушки, то требовалось представить сильнейшие резоны для разрыва, и Джону Осборну нужно было доказать, что Джон Седли поистине гнусная личность.

И вот на собраниях кредиторов он держал себя с такой неприязнью и презрением по отношению к Седли, что едва не довел бедного банкрота до разрыва сердца. Он тотчас же запретил Джорджу всякое знакомство с Эмилией, угрожая сыну проклятием, если тот нарушит приказ, и всячески чернил невинную девушку, понося ее как низкую и лукавую интриганку. Как часто злоба и ненависть порождаются тем, что вам приходится клеветать на ненавистного человека и верить этой клевете, как мы уже говорили, единственно для того, чтобы быть последовательным.

Когда окончательный крах наступил, когда было возвещено о банкротстве, был покинут Рассел-сквер и заявлено, что между Эмилией и Джорджем все кончено, — кончено все между нею и ее любовью, между нею и ее счастьем, между нею и ее верой в людей, — заявлено в форме грубого письма от Джона Осборна, сообщавшего в нескольких коротких строках, что в силу недостойного поведения ее отца все обязательства, связывавшие оба семейства, считаются расторгнутыми, — когда пришел этот неотвратимый приговор, он не поразил ее так сильно, как ожидали родители, вернее — мать (потому что сам Джон Седли был совершенно сражен крахом своих дел и ударом, нанесенным его чести). Эмилия приняла это известие очень спокойно и только сильно побледнела. Оно было лишь подтверждением мрачных предчувствий, уже давно появившихся у нее. Это было простое чтение приговора, вынесенного за преступление, в котором Эмилия была повинна с давних пор, — за преступление, заключавшееся в том, что она полюбила неудачно, слишком горячо, вопреки рассудку. Своих мыслей она попрежнему никому не высказывала. Едва ли она была несчастнее теперь, когда убедилась, что все ее надежды рухнули,

чем прежде, когда чувствовала сердцем беду, но не смела в этом признаться. Она переехала из большого дома в маленький, не замечая ничего или не ощущая никакой разницы; старалась как можно больше оставаться в своей комнатке, молча чахла и таяла день ото дня. Я не хочу сказать, что все особы женского пола таковы. Милая моя мисс Буллок, не думаю, чтобы ваше сердце от этого разбилось. Вы здравомыслящая молодая женщина, с надлежащими правилами. Не стану утверждать, что и мое сердце разбилось бы. Оно страдало, — однако, нужно сознаться, все-таки выжило. Но есть души, которые так уж созданы — нежными, хрупкими, слабыми и кроткими!

Всякий раз, когда старый Джон Седли задумывался о положении дел у Джорджа с Эмилией или заговаривал об этом, он проявлял почти такое же озлобление, как и сам мистер Осборн. Он осыпал бранью Осборна и его семью, называл их бессердечными, низкими и неблагодарными. Нет силы на земле, клялся он, которая могла бы понудить его выдать дочь за сына такого негодяя; он приказал Эмми изгнать Джорджа из своих помыслов и вернуть ему все подарки и письма, какие она когда-либо от него получила.

Она обещала исполнить это и пыталась повиноваться. Собрала две-три безделушки, достала письма из шкатулки, перечла их — словно не знала наизусть, — но расстаться с ними не могла, это было выше ее сил. И она спрятала их у себя на груди, — так мать баюкает умершее дитя. Юная Эмилия чувствовала, что умрет или немедленно сойдет с ума, если у нее вырвут это последнее утешение. Как, бывало, она заливалась румянцем и как зажигались у нее глаза, когда приходили эти письма! Как она убегала к себе с бьющимся сердцем, чтобы прочесть их, когда никто ее не увидит! Если они бывали холодны, то с какой настойчивостью эта маленькая влюбленная сумасбродка старалась истолковать их в противоположном смысле! Если они бывали кратки или эгоистичны, сколько она находила извинений для писавшего их!

Над этими-то ничего не стоящими клочками бумаги она и думала, думала без конца. Она переживала свою прошедшую жизнь — каждое письмо, казалось, воскрешало перед нею какое-нибудь событие прошлого. Как

хорошо она помнила их все! Взгляды Джорджа, звук его голоса, его платье, что он говорил и как, — эти реликвии и воспоминания об умершей любви были для Эмилии единственным, что осталось у нее на свете. Ее жизненным делом стало стеречь труп Любви.

Какой желанной представлялась ей теперь смерть. «Тогда, — думала она, — я всегда буду с ним». Я не восхваляю поведения Эмилии и не собираюсь выставить его в качестве образца для мисс Буллок. Мисс Буллок умеет управлять своими чувствами гораздо лучше, чем это бедное создание. Мисс Буллок никогда не скомпрометировала бы себя, как безрассудная Эмилия, которая отдала свою душу в бессрочный залог и отписала сердце в пожизненное владение, а взамен ничего не получила, кроме хрупкого обещания, вмиг разлетевшегося вдребезги и превратившегося в ничто. Затянувшаяся помолвка — это договор о товариществе, который одна сторона вольна выполнить или порвать, но который поглощает весь капитал другого участника.

Поэтому будьте осторожны, молодые леди. Будьте осмотрительны, когда связываете себя обещанием. Бойтесь любить чистосердечно; никогда не высказывайте всего, что чувствуете... или (еще того лучше) старайтесь поменьше чувствовать. Помните о последствиях, к которым приводят неуместная честность и прямота; и не доверяйте ни себе самим, ни кому другому. Выходите замуж так, как это делается во Франции, где подружками невесты и ее наперсниками являются адвокаты. Во всяком случае, никогда не обнаруживайте чувств, которые могут поставить вас в тягостное положение, и не давайте никаких обещаний, которые вы в нужную минуту не могли бы взять обратно. Вот способ преуспевать, пользоваться уважением и блистать добродетелями на Ярмарке Тщеславия.

Если бы Эмилия могла слышать все замечания по ее адресу, исходившие из того круга, откуда разорение отца только что изгнало ее, она увидела бы, в чем заключаются ее преступления и до какой степени она рисковала своей репутацией. Подобного преступного легкомыслия миссис Смит никогда не встречала, такую ужасную фамильярность миссис Броун всегда осуждала, и да послужит этот финал предостережением для ее собственных дочерей.

— Капитан Осборн, разумеется, не женится на дочери банкрота, — говорили обе мисс Доббин. — Вполне достаточно того, что ее папаша их надул. Что же касается маленькой Эмили, то ее сумасбродство положительно превзошло все...

— Что все? — взревел капитан Доббин. — Разве не были они помолвлены с самого детства? И разве это не тот же брак? Да смеет ли кто на земле произнести хоть слово против этой прекраснейшей, чистейшей, нежнейшей девушки, истинного ангела?

— Перестань, Вильям. Ну что ты распетушился? Мы ведь не мужчины, мы с тобой драться не можем, — уговаривала его мисс Джейн. — Да и что мы собственно такого сказали о мисс Седли? Только что поведение ее было от начала до конца *чрезвычайно неблагоприятным*, чтобы не сказать больше. А родители ее, конечно, вполне заслужили свое несчастье.

— А не сделать ли тебе самому предложение, Вильям, раз мисс Седли теперь свободна? — саркастически спросила мисс Энн. — Это было бы весьма подходящее родство. Ха-ха-ха!

— Мне жениться на ней? — горячо воскликнул Доббин, багрово покраснев. — Если вы, мои милые, так швыряетесь своими привязанностями, то не думайте, что она на вас похожа. Смеяться и издеваться над этим ангелом! Она ведь вас не слышит, а к тому же бедная девушка так несчастна и одинока, что вполне заслуживает насмешек. Продолжай свои шуточки, Энн! Ты у нас известная острячка, а другие в восторге от твоих острот.

— Я должна еще раз напомнить тебе, что мы не в казарме, Вильям, — заметила мисс Энн.

— В казарме? Ей-богу, я очень хотел бы, чтобы кто-нибудь заговорил так в казарме, — воскликнул этот разбуженный британский лев. — Хотелось бы мне услышать, как кто-нибудь произнес бы хоть слово против нее, клянусь честью! Но мужчины не говорят таких вещей; это только женщины соберутся вместе и давай шипеть, готать и кудахтать. Ну, брось, Энн, не реви! Я только сказал, что вы обе гусыни, — добавил Виль Доббин, заметив, что красные глазки мисс Энн начинают, по обыкновению, увлажняться. — Ладно, вы не гусыни, вы павы, все

что хотите, но только оставьте, пожалуйста, мисс Седли в покое.

«Это просто неслыханно, это такое ослепление — увлечься глупенькой девочкой, ничтожной кокеткой!» — в полном согласии думали мамаша и сестры Доббина. И они трепетали, как бы Эмилия не подцепила второго своего поклонника — капитана, раз ее помолвка с Осборном расстроилась. Питая подобные опасения, эти достойные молодые девушки судили, несомненно, по собственному опыту, или, вернее, на основании собственных представлений о добре и зле (потому что до сей поры у них не было еще случая ни выйти замуж, ни отказать жениху).

— Слава богу, маменька, что полку приказано выступить за границу, — говорили девицы. — Одной опасности наш братец во всяком случае избежал.

Так оно действительно и было; и, таким образом, на сцене появляется французский император и принимает участие в представлении домашней комедии Ярмарки Тщеславия, которую мы сейчас разыгрываем и которая никогда не была бы исполнена без вмешательства этого августейшего статиста. Это он погубил Бурбонов и мистера Джона Седли. Это его прибытие в столицу призвало всю Францию на его защиту и всю Европу на то, чтобы выгнать его вон. В то время как французский народ и армия клялись в верности, собравшись вокруг его орлов на Марсовом поле, четыре могущественных европейских рати двинулись на великую *chasse à l'aigle*¹, и одной из них была британская армия, в состав которой входили два наших героя — капитан Доббин и капитан Осборн.

Известие о бегстве Наполеона и его высадке было встречено доблестным *** полком с пылким энтузиазмом, понятным всем, кто знает эту славную воинскую часть. Начиная с полковника и кончая самым скромным барабанщиком, все преисполнились надежд, честолюбивых стремлений и патриотической ярости и, как за личное одолжение, благодарили французского императора за то, что он явился смутить мир в Европе. Настало время, которого так долго ждал *** полк, — показать товарищам по оружию, что он сумеет драться не хуже ветеранов

¹ Охоту на орла (франц.).

испанской войны и что его доблесть и отвага не убиты Вест-Индией и желтой лихорадкой. Стабл и Спунн мечтали получить роту, не приобретая чина покупкой. Супруга майора О'Дауда надеялась еще до окончания кампании (в которой она решила принять участие) подписываться: «жена полковника О'Дауда и кавалера ордена Бани». Оба наших друга (Доббин и Осборн) были взволнованы так же сильно, как и все прочие, и каждый по-своему — мистер Доббин очень спокойно, а мистер Осборн очень шумно и энергически — намеревался исполнить свой долг и добиться своей доли славы и отличий.

Волнение, охватившее страну и армию в связи с этим известием, было столь велико, что на личные дела не обращали внимания. Поэтому, вероятно, Джордж Осборн, только что произведенный, как извещала «Газета», в командиры роты, занятый приготовлениями к неизбежному походу и жаждавший дальнейшего повышения по службе, был не так уж сильно затронут другими событиями, хотя во всякое другое время они не оставили бы его холодным. Признаться, он был не слишком удручен катастрофой, постигшей доброго старого мистера Седли. В тот самый день, когда состоялось первое собрание кредиторов несчастного джентльмена, Джордж примерял свой новый мундир, удивительно ему шедший. Отец рассказал ему о злом, мошенническом и бесстыдном поведении банкрота, напомнил о том, что уже и раньше говорил об Эмилии, что их отношения порваны навсегда, и тут же подарил сыну крупную сумму денег для уплаты за новый мундир и эполеты, в которых Джордж выглядел таким красавцем. Деньги всегда нужны были этому юному расточителю, и он взял их без лишних разговоров. Дом Седли, где Джордж провел столько счастливых часов, был весь обклеен объявлениями, и, выйдя из дому и направляясь к «Старому Слотеру» (где он останавливался, приезжая в Лондон), он увидел, как они белеют в лунном сиянии. Итак, этот уютный дом закрыл свои двери за Эмилией и ее родителями; где-то они нашли себе пристанище? Мысль об их разорении сильно опечалила молодого Осборна. Весь вечер он сидел, угрюмый и мрачный, в общем зале Слотера и, как было замечено его товарищами, много пил.

Некоторое время спустя туда заглянул Доббин и сделал приятелю замечание, но Джордж заявил, что пьет потому, что ему дьявольски не по себе. Когда же Доббин пустился в непрошенные намеки и спросил многозначительно, нет ли чего новенького, молодой офицер отказался разговаривать на эту тему, признавшись, впрочем, что у него кошки скребут на сердце.

Три дня спустя Доббин зашел к Осборну в казарму. Молодой капитан сидел, опустив голову на стол с разбросанными на нем бумагами, явно пребывая в состоянии полнейшего уныния.

— Она... она вернула мне вещицы, которые я ей дарил... какие-то проклятые безделушки. Вот, посмотри!

На столе лежал пакетик, надписанный хорошо знакомым почерком и адресованный капитану Джорджу Осборну, а кругом валялось несколько вещиц: кольцо, серебряный ножик, купленный Джорджем для Эмми на ярмарке, когда он был еще мальчиком, золотая цепочка и медальон с прядью волос.

— Все кончено, — произнес Осборн со стоном скорбного раскаяния. — Вот, посмотри, Виль, прочти, если хочешь.

Он указал на письмецо в несколько строк:

«Папенька приказал мне вернуть вам эти подарки, сделанные в более счастливые дни, и я пишу вам в последний раз. Я думаю — нет, я знаю, — что вы чувствуете так же больно, как и я, удар, обрушившийся на нас. Но я сама возвращаю вам слово, ввиду его невыполнимости при нашем теперешнем несчастье. Я уверена, что вы тут ни при чем и не разделяете жестоких подозрений мистера Осборна — самого горького из того, что выпало на нашу долю. Прощайте! Прощайте! Молю бога, чтобы он дал мне силы перенести эту невзгону, как и все другие, и благословлять вас всегда.

Э.

Я буду часто играть на фортепьяно — на вашем фортепьяно. Это так похоже на вас — прислать его мне».

У Доббина было на редкость доброе сердце. Вид страдающих детей и женщин всегда его расстраивал. Мысль об Эмилии, одинокой и тоскующей, терзала этого доб-

ряка. И он пришел в волнение, которое всякий, кому угодно, волен счесть недостойным мужчины. Он поклялся, что Эмилия ангел, с чем от всего сердца согласился Осборн. Джордж снова переживал всю историю их жизней, — он вновь видел перед собой Эмилию от раннего ее детства до последних дней, такую прекрасную, такую невинную, такую очаровательно простодушную, безыскусственно влюбленную и нежную.

Какое несчастье потерять все это; иметь — и не сохранить! Тысячи милых сердцу воспоминаний и видений толпой нахлынули на него — и всегда он видел ее доброй и прекрасной. И Джордж краснел от раскаяния и стыда, ибо воспоминания о собственном эгоизме и холодности были особенно мучительны рядом с этой совершенной чистотой. На время и слава и война — все было позабыто, и оба друга говорили только об Эмилии.

— Где они? — после долгой беседы и продолжительного молчания спросил Осборн, по правде сказать, немало удрученный мыслью, что он не предпринял ничего, чтобы узнать, куда Эмилия переехала. — Где они? В записке нет адреса.

Доббин знал. Он не только отослал фортепьяно, но и отправил миссис Седли письмо, испрашивая позволения навестить ее. И он видел вчера миссис Седли, а также и Эмилию, перед тем как отправиться в Четем. Больше того: это Доббин привез с собой прощальное письмо Эмилии и пакетик, которые так растрогали его и Джорджа.

Добряк убедился, что миссис Седли страшно рада его приходу и очень взволнована прибытием фортепьяно, которое, по ее догадкам, было прислано Джорджем в знак его дружеского расположения. Капитан Доббин не стал разубеждать почтенную даму, но, выслушав с большим сочувствием ее жалобную повесть, он вместе с ней скорбел о их потерях и лишениях и порицал жестокую неблагодарность мистера Осборна по отношению к его бывшему благодетелю. Когда же она несколько облегчила переполненную душу и излила все свои горести, Доббин набрался смелости и попросил разрешения повидаться с Эмилией, которая, как всегда, сидела у себя наверху. Мать привела ее вниз, трепещущую от волнения.

Вид у нее был такой истомленный, а взгляд выражал такое красноречивое отчаяние, что честный Вильям Доб-

бин испугался; на бледном застывшем личике девушки он прочел самые зловещие предзнаменования. Просидев минуту-другую в обществе капитана, Эмилия сунула ему в руку пакетик со словами:

— Передайте, пожалуйста, это капитану Осборну и... и... надеюсь, он вполне здоров... и очень мило с вашей стороны, что вы зашли нас провести... нам очень нравится наш новый дом! А я... я, пожалуй, пойду к себе, маменька, мне нездоровится.

С этими словами бедная девочка присела перед капитаном, улыбнулась и отправилась к себе. Мать, уводя ее наверх, бросала через плечо на Доббина тревожные взгляды. Но добряк не нуждался в таком призыве. Он и сам горячо любил Эмилию. Невыразимая печаль, жалость и страх овладели им, и он удалился, чувствуя себя преступником.

Услышав, что его друг разыскал Эмилию, Осборн начал горячо и нетерпеливо расспрашивать о бедной девочке. Как она поживает? Что она говорила? Какой у нее вид? Товарищ взял Джорджа за руку и взглянул ему в лицо.

— Джордж, она умирает! — сказал Вильям Доббин и больше не в силах был вымолвить ни слова.

В домике, где семейство Седли нашло себе пристанище, служила одной прислугой жизнерадостная девушка-ирландка. Не раз в течение этих дней веселая толстушка пыталась отвлечь внимание Эмилии от грустных мыслей и развеселить ее, но тщетно: Эмми была слишком удручена и не только не отвечала, но даже не замечала ее ласковых попыток.

Четыре часа спустя после беседы Доббина и Осборна добродушная девушка вбежала в комнату Эмилии, где та сидела, по обыкновению, одна и размышляла над письмами — своими маленькими сокровищами. Войдя с лукавым и радостным видом, служанка всячески старалась привлечь внимание Эмилии, но та не поднимала головы.

— Мисс Эмми! — окликнула, наконец, служанка.

— Иду, — отвечала Эмми, не оглядываясь.

— Вас спрашивают, — продолжала служанка. — Тут

что-то... тут кто-то... словом, вот вам новое письмо... не читайте больше тех... старых.

И она подала ей письмо, которое Эмми взяла и стала читать.

«Я должен тебя видеть, — было написано в нем. — Милая моя Эмми, любовь моя... дорогая моя суженая, приходи ко мне».

Джордж и мать Эмми стояли за дверью и ждали, когда она прочтет письмо.

ГЛАВА XIX

Мисс Кроули на попечении сиделки

Мы видели, что миссис Феркин, горничная, как только какое-нибудь событие, более или менее важное для семейства Кроули, становилось ей известным, чувствовала себя обязанной сообщить о нем миссис Бьют Кроули в пасторат; и мы уже упоминали о том, с каким особенным дружеским расположением и приязнью относилась эта доброжелательная дама к доверенной служанке мисс Кроули. Такой же преданной дружбой дарила она и мисс Бригс, компаньонку, и приобрела ее ответную преданность тем, что не жалела никаких посулов и знаков внимания, которые так дешево обходятся и все же очень ценны и приятны для получающего их.

И действительно, всякий хороший хозяин и домоуправитель должен знать, как дешевы и вместе с тем полезны такие средства и какой приятный вкус они придают даже самым постным блюдам. Что за враль и идиот сказал, будто «баснями соловья не кормят». В обществе, как известно, басни считаются чем-то вроде универсального

соуса, и нет такого куска, который они не помогли бы вам проглотить. Подобно тому как бессмертный Алексис Суайе * приготовит вам за полушку чудесный суп, какого иной невежда повар не сварил бы и из многих фунтов овощей и говядины, так и ловкий очковтиратель может с помощью нескольких простых и приятных фраз достичь гораздо большего успеха, чем какой-нибудь пачкун, обладая он целым запасом благ, куда более существенных. Мало того, мы знаем, что блага существенные часто отягощают желудок, между тем как большинство людей способно переварить любое количество прекрасных слов и всегда с восторгом принимаются за новую порцию этого кушанья. Миссис Бьют так часто говорила Бригс и Феркин о своей горячей любви к ним и о том, что она сделала бы для таких замечательных и таких верных друзей на месте мисс Кроули, что означенные дамы возымели к почтенной пасторше глубочайшее уважение и питали к ней такую благодарность и доверие, как если бы она уже осыпала их драгоценными знаками своего внимания.

С другой стороны, Родон Кроули, как и подобает такому себялюбивому и недалекому драгуну, никогда не заботился о том, чтобы улещать адъютантов своей тетушки, и с полнейшей откровенностью выказывал обоим свое презрение — заставлял Феркин при случае стаскивать с себя сапоги, гонял ее в дождь с каким-нибудь унижительным поручением, а если когда и дарил ей гинеею, то швырял деньги так, словно давал пощечину. А поскольку тетушка избрала Бригс мишенью для своих насмешек, то капитан следовал ее примеру и отпускал по адресу компаньонки шутки такого же деликатного свойства, как удар копытом его боевого коня. Между тем миссис Бьют советовалась с мисс Бригс по всем вопросам, требующим тонкого вкуса и суждения, восхищалась ее стихами и на тысячи ладов доказывала, как высоко она ценит ее. Поднося Феркин какой-нибудь грошовый подарок, она сопровождала его столькими комплиментами, что медные гроши превращались в золото в благодарном сердце горничной, которая, между прочим, не упускала из виду и будущее и весьма уверенно ждала каких-то баснословных выгод в тот день, когда миссис Бьют вступит во владение наследством.

На различие в поведении этих двух персон почтительно

предлагается обратить внимание особам, впервые вступающим в свет. Хвалите всех и каждого, скажу я таким особам, бросьте чистоплюйство, говорите людям комплименты в глаза и за глаза, если у вас есть основание думать, что они дойдут по назначению. Никогда не упускайте случая сказать ласковое слово. Подобно тому как Колингвуд не мог видеть ни одного пустого местечка у себя в имении, чтобы не вынуть из кармана жолудь и не посадить его тут же, так и вы поступайте с комплиментами на протяжении всей вашей жизни. Жолудь ничего не стоит, но может стать когда-нибудь огромнейшим дубом.

Словом, пока Родон Кроули процветал, ему повиновались лишь с угрюмой покорностью; когда же он впал в немилость, никто не желал ни помочь ему, ни пожалеть его. Зато, когда миссис Бьют приняла командование домом мисс Кроули, весь тамошний гарнизон с восторгом отдался под начало такого предводителя, ожидая от его посулов, щедрости и ласковых слов всяких наград и отличий.

Миссис Бьют Кроули была далека от мысли, что Родон сочтет себя побитым с первого же раза и не сделает попытки снова овладеть потерянной позицией. Она считала Ребекку слишком ловкой, умной и отчаянной противницей, чтобы та могла покориться без борьбы, и чувствовала, что ей нужно готовиться к сражению и быть постоянно начеку в ожидании вылазки, подкопа или какой-нибудь другой каверзы.

Прежде всего, хотя город и был ею взят, могла ли она быть уверена в самом главном его обитателе? Устоит ли мисс Кроули, и не лелеет ли она в тайниках сердца желания встретить с распростертыми объятиями изгнанную соперницу? Старая леди была привязана к Родону и Ребекке, которая ее развлекала. Миссис Бьют не могла утаить от себя того факта, что никто из ее приверженцев не умел быть приятен даме, получившей городское воспитание. «Пение моих девочек после этой противной гувернантки невыносимо слушать, это я отлично знаю, — чисто-сердечно признавалась себе жена пастора. — Старуха всегда отправлялась спать, когда Марта и Луиза разыгрывали свои дуэты. Неуклюжие манеры Джима и болтовня моего бедняги Бьюта о собаках да лошадях докучали ей. Если я перевезу ее к нам в пасторат,

она со всеми нами переругается и убежит, в этом нет ни малейшего сомнения, и того и гляди опять попадет в лапы ужасному Родону и станет жертвой гадючки Шарп. Впрочем, для меня ясно, что она очень больна и не может двинуться с места в течение нескольких недель. Тем временем надо придумать какой-нибудь план для ее защиты от происков этих бессовестных людей».

Если бы мисс Кроули даже в самые благополучные ее минуты сказали, что она больна или что у нее плохой вид, перепуганная старуха послала бы за домашним врачом. Теперь же — после внезапного семейного происшествия, которое могло бы расшатать и более крепкие нервы, она и в самом деле чувствовала себя прескверно. Во всяком случае, миссис Бьют сочла своим долгом объявить и доктору, и аптекарю, и компаньонке, и прислуге, что мисс Кроули чуть ли не при смерти. Она приказала по колено устлать улицу соломой и снять с парадных дверей молоток, сдав его на хранение мистеру Боулсу. Она настояла на том, чтобы доктор заезжал дважды в день, и через каждые два часа пичкала свою пациентку лекарством. Когда кто-нибудь входил в комнату, она выпускала такое злое «тсс!», что пугала бедную старуху, лежавшую в постели, и так бдительно оберегала ее покой, что больная не могла повернуть голову, не увидев устремленных на нее бисерных глазок миссис Бьют, которая прочно обосновалась в креслах у ее ложа. Глаза эти, казалось, светились в темноте (миссис Бьют держала занавески спущенными), когда она бесшумно двигалась по комнате, как кошка на бархатных лапках. Так мисс Кроули и лежала целыми днями — много дней подряд, — а миссис Бьют читала ей вслух душеспасительные книги и бодрствовала долгими, долгими ночами, прислушиваясь к протяжным крикам ночного сторожа да к потрескиванию ночника. В полночь — на сон грядущий — больную посещал вкрадчивый аптекарь, а затем ей предоставлялось смотреть на искрящиеся глазки миссис Бьют и на желтый отсвет, отбрасываемый тростниковой свечой на темный потолок. Сама Гигея * не выдержала бы такого режима, а тем более бедная старуха, жертва больных нервов. Мы уже говорили, что когда эта почтенная обительница Ярмарки Тшеславия бывала в добром здравии и хорошем расположении духа, то придерживалась таких свобод-

ных взглядов насчет религии и морали, каким мог бы позавидовать сам monsieur Вольтер; но когда она хворала, муки ее усугублялись ужаснейшим страхом смерти, и старой растерявшейся грешницей овладевала отчаянная трусость.

Поучения и благочестивые размышления у ложа страждущего, конечно, неуместны в простом повествовании, и мы не собираемся (по примеру некоторых нынешних романистов) заманивать публику на проповедь, когда читатель платит деньги за то, чтобы посмотреть комедию. Но и без чтения проповедей следует держать в памяти ту истину, что суета, торжество, смех и веселье, которые Ярмарка Тщеславия выставляет напоказ, не всегда сопутствуют актеру в его частной жизни, и нередко им овладевают уныние и горькое раскаяние. Воспоминание о самых пышных банкетах едва ли способно подбодрить заболевшего прожигателя жизни. Память о самых красивых платьях и блестящих победах в обществе очень мало способна утешить отцветшую красавицу. Быть может, и государственные деятели в известные периоды своей жизни не испытывают большого удовлетворения, вспоминая о самых замечательных своих триумфах. Успехи или радости вчерашнего дня представляют слабое утешение, когда впереди — хорошо известное (хотя и неведомое) завтра, над которым всем нам рано или поздно придется призадуматься. О братья по шутовскому наряду! Разве не бывает таких минут, когда нам тошно от зубоскальства и кувыркания, от звона погремушек и бубенцов на шутовском колпаке? И вот, дорогие друзья и спутники, моя приятная задача в том и состоит, чтобы прогуляться вместе с вами по Ярмарке для осмотра ее лавок и витрин, а потом вернуться домой и после блеска, шума и веселья, оставшись наедине с собою, почувствовать себя глубоко несчастным.

«Если бы у моего бедного мужа была голова на плечах, — думала миссис Бьют Кроули, — то при нынешних обстоятельствах как бы он мог быть полезен этой несчастной старой леди! Он мог бы заставить ее раскаяться в своем ужасном вольнодумстве; он мог бы понудить ее выполнить свой долг и окончательно разорвать с этим

гнусным нечестивцем, опозорившим и себя и свою семью; мог бы склонить ее воздать должное моим дорогим девочкам и обоим мальчикам, которые требуют, да и, несомненно, заслуживают всяческой помощи, какую только могут оказать им родственники».

И так как ненависть к пороку всегда есть шаг вперед на пути к добродетели, то миссис Бьют Кроули старалась внушить своей невестке должное отвращение ко всем многообразным провинностям Родона Кроули, и супруга его дядюшки предъявила такой их перечень, которого, право, было бы вполне достаточно, чтобы осудить целый полк молодых офицеров! Если кто-нибудь совершит в своей жизни дурной поступок, то, по-моему, ни один моралист не указывает всему свету на его ошибку с большей готовностью, чем его собственные родичи. Так и миссис Бьют проявила самый родственный интерес к истории Родона, обнаружив необычайную осведомленность. Она собрала все подробности о его безобразной ссоре с капитаном Маркером, завершившейся тем, что Родон, виноватый во всем, застрелил капитана. Она знала, что несчастный лорд Довдейл, мать которого переехала в Оксфорд, чтобы воспитание юноши проходило под ее присмотром, и который ни разу в жизни до приезда в Лондон не прикасался к картам, попал в лапы к Родону в клубе «Кокосовой Пальмы», и этот гнусный соблазнитель и развратитель юношества напоил его до бесчувствия и обчистил на четыре тысячи фунтов. Она описывала в живейших подробностях страдания помещичьих семейств, разоренных Родоном: сыновей, ввергнутых в пучину бесчестия и нищеты, дочерей, обольщенных и доведенных до гибели. Она знала бедных торговцев, которых Родон обобрал до нитки, не брезгуя самыми низкими мошенническими проделками; знала, с каким возмутительным коварством он надувал благороднейшую из теток и какой неблагодарностью и насмешками оплатил за все ее жертвы. Она сообщала эти сведения мисс Кроули постепенно, не щадя старухи, полагая это своей священной обязанностью христианки и матери семейства и не чувствуя ни малейших угрызений совести или сострадания к жертве, которую обрекал на заклятие ее язык. Наоборот, она, по всей вероятности, считала свой поступок весьма похвальным и кичилась той решительностью, с которой его совершала. Да, если тре-

буется очернить человека, то уж, будьте уверены, никто не сделает этого лучше его родственников. А в отношении злополучного Родона Кроули должно признать, что и одной голой истины было бы вполне достаточно, чтобы ссудить его, а потому все клеветнические измышления друзей только доставляли им напрасные хлопоты.

Ребечке, на правах родственницы, также было уделено обширнейшее место в бескорыстных дознаниях миссис Бьют. Эта неутомимая правдоискательница (отдав строжайшее приказание не принимать гонцов или писем от Родона) взяла карету мисс Кроули и отправилась к своему старому другу мисс Пинкертон, в дом Минервы на Чизвикской аллее, и, объявив ужасную весть об обольщении капитана Родона девицей Шарп, в свою очередь узнала от мисс Пинкертон разные странные подробности относительно рождения и детства экс-гувернантки. У друга Лексикографа оказалась масса всяких интересных сведений. Мисс Джемайме было приказано принести все расписки и письма учителя рисования. Одно было из долгового отделения, другое умоляло об авансе, третье благодарило чизвикских дам за их готовность приютить Ребекку. Последним документом, вышедшим из-под пера незадачливого художника, было письмо, в котором он, на смертном одре, поручал свою осиротевшую девочку покровительству мисс Пинкертон. Среди этой коллекции были также и детские письма Ребекки, умолявшей о помощи отцу или выражавшей свою признательность. Пожалуй, на Ярмарке Тщеславия нет лучших сатир, чем письма. Возьмите связку писем от человека, бывшего вашим закадычным другом лет десять тому назад, — закадычным другом, которого вы сейчас ненавидите. Взгляните на пачку писем от вашей сестры: вы с ней души не чаяли друг в друге, пока не поссорились из-за наследства в двадцать фунтов! Достаньте детские каракули вашего сына — того самого, который впоследствии разбил вам сердце своей черствостью и непочтительностью. А то возьмите связку своих собственных писем, исполненных неудержимой страсти и бесконечной любви, которые были возвращены вам вашей любовницей, когда она вышла замуж за набоба, — той любовницей, до которой вам теперь столько же дела, сколько до королевы Елизаветы. Клятвы, любовь, обещания, признания, благодарность —

как забавно читать все это спустя некоторое время. На Ярмарке Тщеславия следовало бы издать закон, предписывающий уничтожение всякого письменного документа (кроме расписок торговцев в получении денег) по истечении известного короткого, но вполне приличного промежутка времени. А всем этим шарлатанам и человеконенавистникам, публикующим о продаже вечных японских чернил, пожелаем провалиться в тартарары вместе с их злополучным изобретением! Лучшими чернилами для употребления на Ярмарке Тщеславия будут те, которые совершенно выцветают в два-три дня, оставляя бумагу чистой и белой, чтобы на ней можно было написать еще кому-нибудь.

От резиденции мисс Пинкертон неутомимая миссис Бьют прошла по следам Шарпа и его дочери до квартиры на Грик-стрит, где проживал покойный живописец и где на стенах малой гостиной до сих пор висели портреты хозяйки в белом атласе и ее супруга в медных пуговицах, написанные Шарпом в счет квартирной платы. Миссис Стокс, женщина словоохотливая, сразу же рассказала все, что знала о мистере Шарпе: какой он был беспутный и нищий, какой добродушный весельчак; как за ним вечно охотились судебные исполнители и надоедливые заимодавцы; как он, к ужасу домохозяйки, обвенчался со своей женой лишь незадолго до ее смерти (впрочем, она всегда терпеть не могла эту женщину); какой забавной хитрой лисичкой была его дочка; как она потешала их своими шуточками и передразниванием, как всегда бегала за джином в трактир и была известна во всех студиях квартала, — короче сказать, миссис Бьют собрала такой полный отчет о родственниках своей новой племянницы, о воспитании и поведении Ребекки, который едва ли бы пришлось той по вкусу, узнай она, что о ней производится такое дознание.

Обо всем этом доскональном расследовании было во всех подробностях доложено мисс Кроули. Миссис Родон Кроули — дочь балетной танцовщицы. Она сама танцевала. Служила моделью художникам. Была воспитана, как и подобает дочери ее матери: пила джин вместе с отцом и т. д., и т. п. Словом, это была пропащая женщина, вышедшая замуж за пропадающего человека. А мораль рассказа миссис Бьют была такова: эта милая парочка —

отъявленные мошенники, и ни одному приличному человеку не следует с ними знаться.

Таковы были материалы, собранные предусмотрительной миссис Бьют на Парк-лейн, — так сказать, провиант и боевые припасы на случай осады, которой, как она знала, мисс Кроули обязательно подвергнется со стороны Родона и его жены.

Но если в действиях миссис Бьют была допущена ошибка, то таковая заключалась в ее чрезмерной ретивости: она, пожалуй, перестаралась. Без сомнения, она пеклась о здоровье мисс Кроули гораздо больше, чем это было необходимо. И хотя старуха всецело отдалась в ее власть, последняя была столь тягостна и сурова, что жертва была склонна освободиться от нее при первом же удобном случае. Женщины-правительницы — украшение своего пола, — женщины, устраивающие все и вся для всех и каждого, знающие гораздо лучше самих заинтересованных лиц, что для них полезно, иной раз не принимают в расчет возможности домашнего бунта или каких-либо других нежелательных последствий, проистекающих от превышения власти.

Так, например, миссис Бьют, действуя, несомненно, с самыми лучшими намерениями, — она изнуряла себя до полусмерти, отказываясь от сна, обеда и чистого воздуха ради болящей невестки, — так далеко зашла в своих попечениях о здоровье старой дамы, что едва не вогнала ее в гроб. Как-то в разговоре с мистером Клампом, постоянным аптекарем мисс Кроули, она указала на принесенные ею жертвы и на их результат.

— Могу сказать, дорогой мой мистер Кламп, — говорила она, — я делаю все, чтобы поставить на ноги нашу драгоценную больную, сердце которой растерзал неблагодарный племянник. Я никогда не считаюсь ни с какими лишениями и готова на любые жертвы.

— Ваша преданность поистине изумительна, — отвечал мистер Кламп с низким поклоном, — но...

— Со времени своего приезда я, кажется, ни разу и глаз не сомкнула. Я готова поступиться сном, здоровьем, любыми удобствами, если речь идет о долге. Когда у моего бедного Джемса была оспа, разве я позволила какой-нибудь наемнице ухаживать за ним? Ни в коем случае!

— Вы поступили, как истинная мать, сударыня... как лучшая из матерей, но...

— Как мать семейства и жена английского священника, я смиренно верю, что держусь добрых правил, — произнесла миссис Бьют с несокрушимой твердостью духа, — и пока мое естество позволяет мне, никогда, никогда, мистер Кламп, не покину я поста, на который поставил меня долг. Другие могут разными огорчениями довести до одра болезни эту седую голову (тут миссис Бьют взмахнула рукой, указывая на одну из принадлежащих мисс Кроули накладок кофейного цвета, надетую на подставку в ее будуаре), но я никогда не покину ее. Ах, мистер Кламп! Я боюсь, я знаю, что это ложе нуждается в духовном утешении столько же, сколько и во врачебной помощи.

— Я хотел заметить, сударыня, — снова перебил ее Кламп кротко, но решительно, — я хотел заметить, когда вы стали выражать чувства, делающие вам честь, что, как мне кажется, вы понапрасну тревожитесь о нашем милом друге и жертвуете ради нее своим здоровьем слишком расточительно...

— Я жизни не пощажу для исполнения своего долга или ради любого родственника моего мужа, — прервала его миссис Бьют.

— Да, сударыня, если бы это было нужно. Но мы не желаем, чтобы миссис Бьют Кроули стала мученицей, — галантно промолвил Кламп. — Поверьте, доктор Сквилс и я — мы оба обсудили положение мисс Кроули с величайшим усердием и тщательностью. Мы находим, что у нее удрученное состояние духа, что она нервничает. Семейные события взволновали ее...

— Ее племянник доведет ее до гибели! — воскликнула миссис Кроули.

— ...взволновали ее, а вы явились, как ангел-хранитель, дорогая сударыня, положительно как ангел-хранитель, уверяю вас, чтобы облегчить ей бремя невзгод. Но доктор Сквилс и я — мы думаем, что наш любезный друг вовсе не в таком состоянии, которое вызывает необходимость пребывания в постели. Она в угнетенном состоянии духа, но затворничество только увеличивает угнетенность. Ей нужна перемена: свежий воздух и развлечения — это самые восхитительные средства, какие знает медицина, — сказал мистер Кламп, улыбаясь и показывая свои пре-

красные зубы. — Убедите ее встать, сударыня, стащите ее с постели и заставьте воспрянуть духом, настаивайте на том, чтобы она предпринимала небольшие прогулки в экипаже. Они восстановят розы и на ваших щеках, если только я смею дать такой совет уважаемой миссис Бьют Кроули.

— Она может случайно увидеть своего ужасного племянника в Парке; мне говорили, что этот субъект катается с бесстыжей соучастницей своих преступлений, — заметила миссис Бьют (выпустив кота из мешка), — и это нанесет ей такой удар, что нам придется опять уложить ее в постель. Пока я при ней, я не позволю ей выезжать. А что касается *моего* здоровья, то что мне до него! Я с радостью отдаю его, сэр. Я приношу эту жертву на алтарь семейного долга.

— Честное слово, сударыня, — объявил тут напрямик мистер Кламп, — я не отвечаю за ее жизнь, если она по-прежнему будет сидеть взаперти в этой темной комнате. Она так нервна, что мы можем потерять ее в любой день. И если вы желаете, чтобы капитан Кроули стал ее наследником, то предупреждаю вас откровенно, сударыня, вы делаете буквально все, чтобы угодить ему.

— Боже милостивый! Разве ее жизнь в опасности? — воскликнула миссис Бьют. — Почему, почему же, мистер Кламп, вы не сказали мне об этом раньше?

Накануне вечером, за бутылкой вина в доме сэра Леппина Уорена, супруга которого собиралась подарить ему тринадцатое благословение неба, у мистера Клампа было совещание с доктором Сквилсом относительно мисс Кроули и ее болезни.

— Что за гарпия эта бабенка из Хемпшира, Кламп! Зацапала в свои лапы старуху Тилли Кроули, — заметил Сквилс. — Отличная мадера, не правда ли!

— Что за дурак Родон Кроули, — ответил Кламп, — взял да и женился на гувернантке! Хотя в девчонке что-то есть.

— Зеленые глазки, прекрасный цвет лица, чудесная фигурка, хорошо развитая грудная клетка, — заметил Сквилс. — Что-то в ней есть... А Кроули и всегда был дурак, поверьте мне, Кламп.

— Да, он и всегда был дурак, — согласился аптекарь.

— Конечно, старая тетка от него откажется, — сказал

врач и после минутного молчания прибавил: — Боюсь, это ее вконец уложит!

— Уложит, — согласился Кламп, ослабившись. — А я бы даже за двести фунтов в год не согласился потерять такую пациентку.

— Эта хемпширская баба доконает ее в два месяца, милый мой Кламп, если будет с ней еще возиться, — продолжал доктор Сквилс. — Женщина старая, охотница покушать, нервный субъект; начнется сердцебиение, давление на мозг, апоплексия — и готово. Поднимайте ее на ноги, Кламп! Вывозите гулять — иначе я недорого дам за ваши двести фунтов.

И вот на основании этого-то совета достойный аптекарь и заговорил с миссис Бьют Кроули так прямо.

Захватив в свои руки старуху, одинокую, без близких людей, прикованную к постели, миссис Бьют не раз приставала к ней с разговорами о завещании. Но у мисс Кроули такие мрачные разговоры еще больше усиливали страх смерти. И миссис Бьют поняла, что надо будет сперва вернуть пациентке бодрое расположение духа и поправить ее здоровье, а тогда уж можно будет подумать о благочестивой цели, которую почтенная пасторша имела в виду. Но куда вывозить ее — вот новая головоломка. Единственным местом, где старуха, по всей вероятности, не встретилась бы с противным Родоном, была церковь, но миссис Бьют справедливо считала, что посещение церкви не очень развеселит мисс Кроули. «Надо будет съездить осмотреть замечательные окрестности Лондона, — решила миссис Бьют. — Я слышала, что во всем мире нет таких живописных уголков». И вот у нее пробудился внезапный интерес к Хемстеду и Хорнси; она нашла также, что и Далич обладает огромными преимуществами для больной, и, усадив свою жертву в карету, стала таскать мисс Кроули по всем этим идиллическим местам, разнообразя их маленькие путешествия беседами о Родоне и его жене и рассказывая старой леди всевозможные истории, которые могли бы еще больше вооружить ее против этой нечестивой четы.

Пожалуй, миссис Бьют натянула струну чересчур уж туго. Хотя она и добилась того, что мисс Кроули и слышать не хотела о строптивом племяннике, но зато старуха возненавидела и свою мучительницу и втайне боялась ее,

а потому жаждала от нее отделаться. Вскоре она решительно-взбунтовалась против Хайгета и Хорнси. Ей хотелось прокатиться по Парку. Миссис Бьют знала, что они могут встретиться там с ненавистным ей Родоном, и была права. Однажды на круговой аллее показалась открытая коляска Родона. Ребекка сидела рядом с мужем. Во вражеском экипаже мисс Кроули занимала свое обычное место, имея слева от себя миссис Бьют, а на заднем сиденье — пуделя и мисс Бригс. Момент был захватывающий, и у Ребекки сердце забилось быстрее при виде знакомого ей въезда. Едва оба экипажа поравнялись, она всплеснула руками и обратила к старой деве лицо, дышащее любовью и преданностью. Сам Родон вздрогнул, и щеки его под нафабренными усами покрылись густым румянцем. Однако в другом экипаже только старая Бригс почувствовала волнение и в превеликой растерянности уставилась на своих прежних друзей. Капор мисс Кроули был решительно обращен в сторону Серпентайна *, а миссис Бьют в эту минуту как раз восторгалась пуделем, называя его милочкой, деткой, красавчиком. Оба экипажа продолжали путь в веренице других, каждый в свою сторону.

— Все пропало, ей-богу, — сказал Родон жене.

— Попробуй еще разок, Родон, — отвечала Ребекка. — Не удастся ли тебе сцепиться колесами, милый?

У Родона не хватило смелости проделать такой маневр. Когда экипажи опять встретились, он только привстал в своей коляске и выжидательно поднес руку к шляпе, глядя на старуху во все глаза. Но на этот раз мисс Кроули не отвернулась в сторону; она и миссис Бьют взглянули племяннику прямо в лицо, словно не узнавая его. Родон с проклятием упал на сиденье и, выбравшись из вереницы экипажей, пустился во весь дух домой.

Это был блестящий и решительный триумф для миссис Бьют. Но она чувствовала опасность повторения подобных встреч, так как видела явное волнение мисс Кроули, и потому решила, что для здоровья ее дорогого друга необходимо оставить на время столицу, и весьма настоятельно рекомендовала Брайтон.

ГЛАВА XX,

*в которой капитан Доббин выступает
в качестве вестника Гименея*

Сам не зная как, капитан Вильям Доббин оказался главным зачинщиком, устройтелем и распорядителем свадьбы Джорджа Осборна и Эмили. Если бы не он, брак его друга не состоялся бы. Капитан не мог не признаться в этом самому себе и горько улыбался при мысли, что на всем белом свете именно ему выпали заботы об этом брачном союзе. И хотя такое посредничество было, несомненно, самой тягостной задачей, какая могла ему представиться, однако когда речь шла о долге, капитан Доббин доводил дело до конца без лишних слов и колебаний. Придя к неоспоримому выводу, что мисс Седли не снесет удара, если будет обманута своим суженым, он решил сделать все, чтобы сохранить ей жизнь.

Не стану вдаваться в мельчайшие подробности встречи между Джорджем и Эмилией, когда наш brave капитан

был приведен обратно к стопам (не лучше ли сказать — в объятия?) своей юной возлюбленной стараниями честного Вильяма, своего друга. И более холодное сердце, чем Джорджа, растаяло бы при виде этого милого личика, столь сильно изменившегося от горя и отчаяния, и при звуках нежного голоса и простых и ласковых слов, которые рассказали ему ее многострадальную повесть. И так как Эмилия не лишилась чувств, когда трепещущая мать привела к ней Осборна, а только склонила голову на плечо к возлюбленному и залилась сладостными, обильными и освежающими слезами, облегчавшими ей сердце, старая миссис Седли, также почувствовав величайшее облегчение, сочла за лучшее предоставить молодых людей самим себе. Поэтому она покинула Эмми, которая плакала, припав к руке Джорджа и смиренно ее целуя, как будто Осборн был ее верховным властелином и повелителем, а она, Эмилия, — кающейся грешницей, ожидающей от него всяческой милости и снисхождения.

Такое преклонение и нежная безропотная покорность необычайно растрогали Джорджа Осборна и польстили ему. В этом простом, смиренном, верном создании он видел преданную рабыню, и душа его втайне трепетала от сознания своего могущества. Он пожелал быть великодушным султаном, поднять до себя эту коленопреклоненную Эсфирь * и сделать ее королевой. К тому же ее горе и красота растрогали его не меньше, чем покорность, и поэтому он ободрил девушку и, так сказать, поднял ее и простил. Все надежды и чувства, уже увядавшие и иссыхавшие в ней с тех пор, как солнце ее затмилось, сразу ожили под его щедрыми лучами. Вы не узнали бы в сияющем личике Эмилии, покоившейся в тот вечер на подушке, ту самую девушку, которая лежала тут накануне такая измученная, безжизненная, такая равнодушная ко всему окружающему. Честная горничная-ирландка, восхищенная переменой, попросила разрешения поцеловать это личико, так внезапно порозовевшее. Эмилия, словно дитя, обвила руками шею девушки и поцеловала ее от всего сердца. Да она и была почти что дитя. В эту ночь она и спала, как ребенок, глубоким здоровым сном, — а какой источник неопишуемого счастья открылся перед нею, когда она проснулась при ярком свете утреннего солнца!

«Сегодня он опять будет здесь, — подумала Эмилия.—

Нет человека благороднее и лучше его». И, по правде сказать, Джордж считал себя одним из самых великодушных людей на свете и полагал, что приносит ужаснейшую жертву, женись на этом юном создании.

Пока Эмилия и Осборн проводили время наверху в восхитительном tête-à-tête, старая миссис Седли и капитан Доббин беседовали внизу о положении дел, и о надеждах, и будущем устройстве молодых людей. Миссис Седли, соединив обоих влюбленных и оставив их крепко обнявшимися, с истинно-женской логикой утверждала, что никакая сила не может склонить мистера Седли к согласию на брак его дочери с сыном человека, который так бесстыдно, так чудовищно обошелся с ним. И она начала пространно рассказывать о более счастливых днях и былом великолепии, когда Осборн жил очень скромно на Нью-род и жена его бывала предовольна, когда получала кое-какие обноски Джоза, которыми миссис Седли снабжала ее при рождении какого-нибудь из маленьких Осборнов. Дьявольская неблагодарность этого человека — она в том уверена — разбила сердце мистера Седли. Нет, никогда, никогда, никогда не согласится он на этот брак.

— Так, значит, им придется бежать, сударыня, — сказал Доббин, смеясь, — по примеру капитана Родона Кроули и приятельницы мисс Эмми, маленькой гувернантки.

— Да неужели? Вот никогда бы не подумала! — Миссис Седли пришла в необычайное волнение, услышав эту новость. Рассказать бы об этом Бленкинсоп: Бленкинсоп всегда относилась с недоверием к этой мисс Шарп. «Счастливо отделался Джоз!» — и она пустилась описывать хорошо нам знакомую историю любовных походов Ребекки и коллектора Богли-Уолаха.

Впрочем, Доббин не так страшился гнева мистера Седли, как другого заинтересованного родителя, и признавался себе, что его весьма беспокоит и смущает поведение этого старого угрюмого тирана, коммерсанта с Рассел-сквера. «Ведь он решительно запретил этот брак, — размышлял Доббин, которому было известно, каким диким упорством отличался Осборн и как он всегда держался своего слова. — Единственным для Джорджа шансом на примирение, — рассуждал его друг, — было бы отличиться в предстоящей кампании. Если он умрет, за ним умрет и Эмилия. А если ему не удастся отличиться?.. Что ж, у него

есть какие-то деньги от матери — их хватит на покупку майорского чина... А то придется ему бросить армию, уехать за море и попытать счастья где-нибудь на приисках Канады или мыкать горе в деревенском коттедже». Сам Доббин с такой спутницей жизни не побоялся бы и Сибири. И странно сказать, этот бестолковый и в высшей степени неосмотрительный молодой человек ни на одну минуту не задумался над тем, что недостаток средств для содержания изящного экипажа и лошадей и отсутствие надлежащего дохода, который позволил бы его обладателям достойно принимать своих друзей, должны были бы явиться безусловным препятствием к союзу Джорджа и мисс Седли.

Эти веские соображения и заставили его прийти к выводу, что брак должен состояться как можно скорее. Как знать, уж не хотелось ли ему самому, чтобы со всем этим было раз навсегда покончено. Так иные, когда умирает близкий человек, торопятся с похоронами или, если решено расстаться, спешат с разлукой. Несомненно одно: мистер Доббин, взяв дело в свои руки, повел его с совершенно необычайным рвением. Он неотступно доказывал другу, что надо действовать твердо и решительно, уверял, что примирение с отцом не заставит себя ждать, пусть только в «Газете» будет с похвалой упомянуто имя Джорджа. Если понадобится, он сам отправится и к тому и к другому родителю и поговорит с ними. Во всяком случае, он молил Джорджа покончить с этим до приказа о выступлении полка в заграничный поход, которого ждали со дня на день.

Поглощенный этими матримониальными проектами, мистер Доббин с одобрения и согласия миссис Седли, не пожелавшей обсуждать этот вопрос со своим супругом, отправился на поиски Джона Седли в кофейню «Тапиока», обычное его теперь пристанище в Сити, где со времени закрытия собственной конторы и с тех пор, как судьба обрушилась на него, бедный разбитый старик ежедневно проводил время, — здесь он писал письма, получал их, связывал в какие-то таинственные пачки, которые постоянно торчали из карманов его сюртука. Я не знаю ничего более плачевного, чем деловитость, суетливость и таинственность разорившегося человека. Он показывает вам эти письма от богачей, он раскладывает перед вами эти затасканные, за-

саленные документы с обещанием поддержки, с выражением сочувствия, и в глазах его светится тоскливый огонек: здесь все его надежды на восстановление доброго имени и благосостояния. Моего любезного читателя, без сомнения, не раз останавливал такой злосчастный неудачник. Он отводит вас куда-нибудь в уголок, вытаскивает из оттопырившегося кармана сюртука связку бумаг, развязывает ее и, взяв веревочку в зубы, отбирает излюбленные письма и раскладывает перед вами. Кому не знаком его скорбный, беспокойный, полубезумный взгляд, устремленный на вас с выражением безнадежности?

Доббин в таком именно состоянии и нашел Джона Седли, некогда жизнерадостного, цветущего и преуспевающего. Сюртук его, обычно такой щеголеватый и опрятный, побелел по швам, а на пуговицах сквозила медь. Лицо осунулось и было небрито; жабо и галстук повисли тряпкой над мешковатым жилетом. Бывало, в прежние времена, угощая приятеля в кофейне, Седли кричал и смеялся громче всех, и все лакеи суеились около него. А теперь просто больно было смотреть, как смиренно и вежливо разговаривал он в «Тапиоке» с Джоном, старым подслеповатым слугой в грязных чулках и стоптанных туфлях, на обязанности которого было подавать рюмки с облатками, оловянные чернильницы вместо оловянных кружек и клочки бумаги вместо сендвичей посетителям этого мрачного увеселительного заведения, где, кажется, ничего иного и не потреблялось. Что же касается Вильяма Доббина, которому мистер Седли частенько жертвовал монету-другую в дни его юности и над которым сотни раз подшучивал, то теперь старый джентльмен протянул ему руку очень робко и нерешительно и назвал его «сэр». Под впечатлением этой робости и искренности бедного старика чувство стыда и раскаяния овладело Вильямом Доббином, словно он и сам был как-то повинен в неудачах, доведших Седли до такого унижения.

— Очень рад видеть вас, капитан Доббин, сэр, — произнес старик, несмело взглянув на посетителя (долговязая фигура и военная выправка которого вызвали искру какого-то оживления в подслеповатых глазах лакея, шмыгавшего взад-вперед в стоптанных бальных туфлях, и разбудили старую леди в черном, дремавшую за стойкой, среди грязных надбитых кофейных чашек). — Как пожи-

вают достойный олдермен и миледи, ваша добрейшая матушка, сэр? — Произнося это «миледи», он оглянулся на лакея, словно желая сказать: «Слышите, Джон, у меня еще есть друзья, и к тому же особы знатные и почтенные». — Вы пожаловали ко мне по какому-нибудь делу, сэр? Мои молодые друзья, Дейл и Спигот, сейчас ведут за меня все дела, пока не будет готова моя новая контора. Ведь я здесь только временно, капитан. Чем мы можем служить вам, сэр? Не угодно ли чего-нибудь выпить или закусить?

Доббин в величайшем замешательстве стал отказываться, уверяя, что ничуть не голоден и не испытывает жажды. Дело у него никаких решительно нет, и он явился только осведомиться о здоровье мистера Седли и пожать руку старому другу. И, безбожно кривя душой, капитан добавил:

— Матушка моя вполне здорова... то есть была очень нездорова и только ожидает первого ясного дня, чтобы выехать и посетить миссис Седли. Как поживает миссис Седли, сэр? Надеюсь, она в добром здоровье?

Тут он умолк, пораженный полнейшим несообразием своих слов, ибо день был такой ясный и солнце так ярко светило, как только это возможно в Кофин-корте, где находится кофейня «Тапиока»; мистер Доббин также вспомнил, что сам видел миссис Седли только час тому назад, когда подвез Осборна в Фулем на своем шарабане и оставил его там *tête-à-tête* с мисс Эмилией.

— Моя жена будет счастлива повидаться с миледи, — отвечал Седли, вытаскивая свои бумаги. — У меня тут очень любезное письмецо от вашего батюшки, сэр. Прошу вас передать ему от меня почтительнейший привет. Леди Доббин найдет нас в домике, который несколько меньше того, где мы привыкли принимать наших друзей. Но он уютен, а перемена воздуха полезна для моей дочери... она все хворала в городе... Вы помните маленькую Эмми, сэр?.. Да, она сильно прихварывала.

Взоры старого джентльмена блуждали, пока он говорил. Он думал о чем-то другом, перебирая в руках бумаги и теребя красный истертый шнурок.

— Вы человек военный, — продолжал он, — и я спрашиваю вас, Виль Доббин, мог ли кто рассчитывать на возвращение этого корсиканского злодея с Эльбы? Когда

союзные монархи были здесь в прошлом году и мы задали им обед в Сити, сэр, и любовались на Храм Согласия, на фейерверки и китайский мост в Сент-Джемском парке, мог ли какой разумный человек предположить, что мир на самом деле не заключен, хотя мы уже отслужили благодарственные молебны, сэр? Я спрашиваю вас, Вильям, мог ли я предполагать, что австрийский император — изменник, проклятый изменник и ничего больше? Я говорю то, что есть: это подлый изменник и интриган, который только и думает о том, как бы вернуть своего зятя. И я утверждаю, что бегство Бони с Эльбы — это не что иное, как заговор и хитрый обман, сэр, в котором замешана добрая половина европейских держав, — они спят и видят, как бы вызвать падение государственных бумаг и разорить нашу страну. Вот почему я нахожусь здесь, Вильям. Вот почему мое имя напечатано в «Газете». Я доверился русскому императору и принцу-регенту. Вот посмотрите. Взгляните на мои бумаги. Посмотрите, какой был курс на государственные бумаги первого марта и что стоили французские пятипроцентные, когда я купил их на срок. А какой их курс теперь? Тут был сговор, сэр, иначе этот мерзавец никогда не удрал бы. Где был английский комиссар? Почему он позволил ему убежать? Его следовало бы расстрелять, сэр, — предать военно-полевому суду и расстрелять, ей-богу!

— Мы собираемся прогнать Бони, сэр, — сказал Доббин, встревоженный яростью старика: жилы вздулись у него на лбу, и он гневно барабанил кулаком по своим бумагам. — Мы собираемся прогнать его, сэр, — герцог уже в Бельгии *, и мы со дня на день ждем приказа о выступлении.

— Не давайте ему пощады! Привезите нам голову негодяя, сэр! Пристрелите подлеца, сэр! — ревел Седли. — Я и сам пошел бы в армию, клянусь... Но я разбитый старик, разоренный этим проклятым негодяем... и шайкой воров и мошенников, наших же англичан, которых я сам вывел в люди, сэр, и которые катаются теперь в каретах, — добавил он дрогнувшим голосом.

Доббин был немало взволнован при виде этого некогда доброго старого друга, почти обезумевшего от горя и кипевшего старческой злобой. Отнеситесь с сожалением к павшему джентльмену вы все, для которых деньги и ре-

путация являются главнейшими благами. А ведь так оно и есть на Ярмарке Тщеславия.

— Да, — продолжал старик, — бывают же такие ехидны — ты их отогреваешь, а потом они жалят тебя. Бывают такие нищие — ты помогаешь им сесть на лошадь, а они же первые дают тебя. Вы знаете, на кого я намекаю, Вильям Доббин, мой мальчик. Я говорю об этом гордеце, об этом разбогатевшем негодяе с Рассел-сквера, которого я знавал без гроша в кармане. Молю бога и надеюсь, что еще увижу его таким же нищим, каким он был до того, как я помог ему.

— Я кое-что слышал об этом, сэр, от моего друга Джорджа, — заметил Доббин, стараясь поскорее подойти к своей цели. — Ссора между вами и его отцом крайне огорчила его, сэр. И я даже имею к вам поручение от Джорджа.

— А, так вот какое у вас дело! — крикнул старик, вскочив со своего места. — Что? Пожалуй, он еще шлет мне соболезнование? Так, что ли? Весьма любезно со стороны этого напыщенного нахала с его фатовскими замашками и вест-эндским чванством *. Он, чего доброго, все еще шатается около моего дома. Если бы мой сын обладал храбростью настоящего мужчины, он пристрелил бы его. Это такой же негодяй, как и его отец. Не желаю, чтобы его имя упоминалось в моем доме. Проклинаю тот день, когда я позволил ему переступить мой порог. Я предпочту увидеть свою дочь мертвой, чем замужем за ним.

— Джордж не виноват в жестокости своего отца, сэр. Если ваша дочь любит его, то вы сами немало способствовали этому. Кто дал вам право надругаться над привязанностью двух молодых людей? Неужели ради своего каприза вы готовы сделать их несчастными?

— Запомните, это не его отец разрывает брак, — выкрикнул старый Седли. — Это я запрещаю! Его семья и моя расстались навеки. Я низко пал, но не настолько. Нет, нет! И вы так и скажите всему их отродью — сыну, отцу и сестрам, всем, всем!

— Я убежден, сэр, что у вас нет ни власти, ни права разлучать этих молодых людей, — отвечал Доббин тихим голосом. — И если вы не дадите дочери своего согласия, то она никоим образом не должна считаться с вашей волей. Нет разумного оправдания тому, чтобы она умерла или

влачила жалкое существование только из-за вашего упорства. По моему мнению, она уже так крепко связана брачным обязательством, как если бы оглашение их брака было сделано во всех лондонских церквях. И может ли быть лучший ответ на обвинение Осборна, — а ведь он вас действительно обвиняет, — чем просьба его сына позволить ему войти в вашу семью и жениться на вашей дочери?

Казалось, проблеск чего-то похожего на удовлетворение пробежал по лицу старого Седли, когда перед ним был выдвинут этот довод. Но он все еще продолжал упорно твердить, что никогда не даст согласия на брак Эмилии с Джорджем.

— Придется обойтись без вашего согласия, — заявил, улыбаясь, Доббин и рассказал мистеру Седли, как давеча рассказывал миссис Седли, о побеге Ребекки с капитаном Кроули. Это, очевидно, позабавило старого джентльмена.

— Вы, господа капитаны, ужасный народ! — промолвил он, перевязывая свои бумаги, и на лице его показалось какое-то подобие улыбки, к изумлению только что вошедшего подслеповатого лакея, который еще ни разу не видал подобного выражения лица у мистера Седли с тех пор, как тот начал навещать эту унылую кофейню.

Мысль о нанесении своему врагу, Осборну, такого удара, быть может, смягчила старого джентльмена, и, когда их беседа закончилась, они с Доббином расстались добрыми друзьями.

— Сестры говорят, что у нее брильянты с голубинное яйцо, — смеясь, говорил Джордж. — Представляю, как они идут к ее цвету лица! Когда она увешается своими драгоценностями, должно быть получается настоящая иллюминация. А ее черные как смоль волосы выются, как у Самбо. Наверное, она продела себе в нос кольцо, когда ездила представляться ко двору... Ей бы в волосы пучок перьев — и это будет настоящая *belle sauvage*! ¹

Так Джордж, беседуя с Эмилией, потешался над наружностью молодой особы, с которой недавно познакомились его отец и сестры и которая была предметом величайшего поклонения для семейства на Рассел-сквере.

¹ Прекрасная дикарка (франц.).

Говорили, что у нее без счету всяких плантаций в Вест-Индии, куча денег в государственных бумагах и что имя ее отмечено тремя звездочками в списке акционеров Ост-Индской компании. У нее был дворец за Темзой и дом на Портленд-плейс. Имя богатой вест-индской наследницы было упомянуто весьма лестно в «Морнинг пост». Миссис Хегистон, вдова полковника Хегистона, ее родственница, вывозила ее в свет и вела ее дом. Она только что вышла из школы, где заканчивала образование, и Джордж с сестрами встретился с нею на вечере в доме старого Халкера, на Девоншир-плейс («Халкер, Буллок и К°» были постоянной доверенной фирмой ее семьи в Вест-Индии); обе мисс Осборн осыпали ее любезностями, и наследница принимала их авансы весьма добродушно. «Быть сиротой в ее положении и при ее деньгах — как это интересно!» — говорили девицы Осборн. Они просто бредили своим новым другом, вернувшись с бала, и без конца рассказывали о ней мисс Уирт, своей компаньонке. Сестры сговорились с новой знакомой о постоянных встречах и на следующий же день взяли карету и поехали ее навестить.

Миссис Хегистон, вдова полковника Хегистона и родственница лорда Бинки, беспрестанно о нем говорившая, неприятно поразила неискушенных девиц своим надменным видом и слишком большой склонностью вспоминать на каждом слове своих знатных родственников. Но сама Рода была выше всяких похвал — искреннейшее, милейшее, приятнейшее существо — правда, нуждающееся в легкой шлифовке, но зато такое безобидное. Девушки сразу стали называть друг друга по имени.

— Посмотрела бы ты на нее в придворном туалете, Эмми, — рассказывал Осборн, смеясь. — Она примчалась к сестрам показать его, перед тем как ехать представляться ко двору во всем параде. Вывозит ее миледи Бинки, родственница Хегистон. Эта Хегистон состоит в родстве буквально со всеми. Брильянты у нее горели огнями, как Воксхолл в тот вечер, когда мы там были (помнишь Воксхолл, Эмми? И как Джоз распевал там своей душечке м-милоч-чке?). Брильянты и бронза, дорогая, — подумай, какое чудесное сочетание. А в волосах — то есть в шерсти — белые перья. Серьги величиной с подсвечник, их прямо можно зажечь, ей-богу! А желтый атласный шлейф волочился за нею, словно хвост кометы.

— Сколько ей лет? — спросила Эмми, которой Джордж трещал про смуглолицую красотку в утро их примирения, — трещал так, как, наверно, не мог бы никто в мире.

— Да этой чернокожей принцессе, хотя она только что со школьной скамьи, должно быть, года двадцать два, двадцать три. А посмотрела бы ты на ее каракули! Полковница Хегистон пишет за нее все письма, но как-то в минуту откровенности она сама вооружилась пером и написала моим сестрам. Она пишет вместо «атлас» — «отласс», а вместо «дворец» — «творец».

— Ах, это, наверно, мисс Суорц, наша пансионерка, та, что жила в отдельной комнате, — догадалась Эмми, вспомнив добродушную девочку-мулатку, которая так бурно сокрушалась, когда Эмилия покидала пансион мисс Пинкертон.

— Она, совершенно верно! — подхватил Джордж. — Отец ее был немецкий еврей, говорят, — рабовладелец, имевший какое-то отношение к Каннибальским островам. Он умер в прошлом году, и мисс Пинкертон докончила ее образование. Она может сыграть на фортепьяно две пьески, умеет петь три романса, может писать, когда рядом сидит миссис Хегистон и исправляет ей ошибки. Джейн и Мария уже полюбили ее, как сестру.

— Жаль, что они меня не полюбили, — промолвила задумчиво Эмми. — Они всегда обходились со мной так холодно.

— Дорогое мое дитя, они полюбили бы тебя, если бы у тебя было двести тысяч фунтов, — отвечал Джордж. — Так уж они воспитаны. В нашем обществе поклоняются чистогану. Мы живем среди банкиров и крупных дельцов Сити, черт бы их всех побрал, и каждый, кто разговаривает с тобой, побрякивает в кармане гинейми. Таков этот осел Фред Буллок, который собирается жениться на Марии, таков Голдмар, директор Ост-Индской компании, таков Дипли, торговец салом, — это по нашей линии, — добавил Джордж с принужденным смехом и краснея. — Проклятие всей этой шайке пошляков и загребателей денег! Я засыпаю на их торжественных обедах. Я стыжусь дурацких парадных вечеров у моего отца. Я привык жить с джентльменами, с людьми светскими и благовоспитанными, Эмми, а не с кучкой торгашей, объедающихся черепаховым

супом. Милочка, ты одна в нашем кругу настоящая леди и по наружности, и по речам, и по образу мыслей. И это потому, что ты ангел, и иначе быть не может. Не возражай! Ты у нас одна единственная леди. Разве не говорила того же мисс Кроули, которая вращалась в лучших кругах Европы? А что касается Кроули, лейб-гвардейца, то, черт его побери, он славный малый. И мне он нравится тем, что женился на девушке, которую полюбил.

Эмилия тоже восхищалась мистером Кроули, и по той же причине. Она была уверена, что Ребекка будет с ним счастлива, и, смеясь, выражала надежду, что Джоз утешится. И наша парочка продолжала болтать, как в давно минувшие дни. К Эмилии вернулась ее прежняя вера в Джорджа, хоть она то и дело из милого кокетства поминала мисс Суорц и даже призналась — какая лицемерка! — что ее ужасно пугает, как бы Джордж не позабыл ее для этой наследницы, ее капиталов и угодий на Сент-Китсе. Но на самом деле она была слишком счастлива, чтобы испытывать какие-либо опасения, сомнения или предчувствия, и, видя опять рядом с собой Джорджа, не боялась никаких наследниц, никаких красавиц, да и вообще ничего на свете.

Капитан Доббин вернулся к молодым людям, преисполненный симпатией к ним, — и на сердце у него потеплело, когда он увидел, как Эмилия опять расцвела, как она смеется, щебечет и распевает за фортепьяно старые знакомые романсы; исполнение их прервал только звонок, возвещавший о приходе мистера Седли. Еще до появления его, Джорджу было приказано ретироваться.

Если не считать первой приветственной улыбки — да и та была лицемерной, так как Эмилия сочла прибытие мистера Доббина несвоевременным и неуместным, — мисс Седли ни разу не обратила внимания на Доббина в течение его визита. Но он был доволен уж тем, что видел Эмилию счастливой и сам содействовал этому счастью.

ГЛАВА XXI

Ссора из-за наследницы

Нетрудно вспылать любовью к молодой особе, наделенной такими данными, какими обладала мисс Суорц. И вот в душу старого мистера Осборна вкралась великая честолюбивая мечта, и мисс Суорц призвана была ее осуществить. Он поощрял с величайшим энтузиазмом и дружелюбием нежную приязнь своих дочерей к молодой наследнице и заявлял, что ему, как отцу, доставляет искреннейшее удовольствие видеть, что любовь его девочек избрала себе достойный предмет.

— В нашем скромном особняке на Рассел-сквере, — говаривал он мисс Роде, — вы не найдете того великолепия и не встретите того круга, к которому вы привыкли в Вест-энде, дорогая моя. Мои дочери простые, бесхитростные девочки, но сердце у них золотое, и они питают к вам привязанность, которая делает им честь, — да, делает им честь. Я простой, обыкновенный, скромный английский купец,

честный, как могут засвидетельствовать мои почтенные друзья Халкер и Буллок, бывшие доверенные вашего покойного батюшки, царствие ему небесное. Вы найдете у нас дружную, простую, счастливую и — надеюсь, могу так сказать — почтенную семью; простой стол, простых людей, но горячий прием, дорогая моя мисс... Рода, — позвольте мне так вас называть, потому что сердце мое, право, полно горячей к вам приязни. Я человек откровенный, и вы мне нравитесь. Бокал шампанского! Хикс, шампанского мисс Суорц!

Нет никакого сомнения, что старик Осборн верил всему, что говорил, а его дочери совершенно искренне заявляли о своей любви к мисс Суорц. На Ярмарке Тщеславия люди естественно льнут к богачам. И если самый захудалый обыватель с умилением взирает на большое богатство (вызывая любого представителя нашей так называемой порядочной публики положить руку на сердце сказать, что понятие «богатство» не включает в себе чего-то приятного ему и внушающего благоговение; да и вы сами, если вам шепнуть, что ваш сосед за столом счастливый обладатель полумиллиона, — разве не будете разглядывать его с особым интересом?), если даже заурядный обыватель тает при виде богатства, то что уж говорить об испытанных людях света. Их чувства, можно сказать, рвутся наружу, чтобы приветствовать большие деньги, а сердце готово воспылать любовью к неотразимому обладателю оных. Я знаю многих почтенных особ, которые не считают себя вправе снизойти до дружбы с человеком, не имеющим известного веса или положения в обществе. Они дают волю своим чувствам только в подходящих случаях. И вот вам доказательство: большинство членов семьи Осборнов на протяжении пятнадцати лет не способно было проявить хоть сколько-нибудь сердечное отношение к Эмили Седли, а к мисс Суорц они за один вечер воспылали такой любовью, которой только может пожелать самый восторженный поклонник дружбы с первого взгляда.

Какая это была бы партия для Джорджа (в полном единодушии заявляли сестры и мисс Уирт), и насколько же мисс Суорц лучше этой ничтожной Эмили! Такой блестящий молодой человек, как Джордж, с его прекрасной внешностью и положением, с его дарованиями, был бы для

нее самым подходящим мужем. Картины балов на Портленд-плейс, представлений ко двору, знакомства с доброй половиной пэров волновали воображение молодых девиц, и они только и говорили, что о своей милой новой подруге, о Джордже да о его важных знакомых.

Старик Осборн тоже думал, что мулатка будет отличной партией для его сына. Джордж выйдет в отставку, вступит в парламент, займет видное место и в высшем свете, и в государстве. Кровь у него вскипала радостным волнением от преизбытка верноподданнических чувств, и он уже видел, как имя Осборнов украшено дворянским титулом, пожалованным его сыну, и мечтал о том, что станет родоначальником славной линии баронетов. Он усиленно разнюхивал в Сити и на бирже, пока не узнал все относительно состояния наследницы, порядка и способа размещения ее капиталов и местоположения принадлежащих ей недвижимостей.

Фред Буллок, один из его главных осведомителей, не прочь бы и сам поторговаться за нее (как выразился наш юный банкир), но только он уже записал себе на приход Марию Осборн. Не имея возможности гарантировать приобретение мисс Суорц в качестве жены, бескорыстный Фред весьма одобрял ее в качестве своей невестки. «Пусть Джордж вступает в игру и выигрывает ее,— таков был его совет.— Но только куй железо, пока горячо. Сейчас она еще новичок в городе. А через несколько дней явится из Вест-энда какой-нибудь распроклятый молодчик с титулом и разоренным родовым поместьем и выставит за двери всех нас, дельцов из Сити, как это сделал в прошлом году лорд Фицруфус с мисс Грогем, даром что она уже была просватана за Подера из фирмы «Подер и Браун». Чем скорее, тем лучше, мистер Осборн. Вот мое мнение»,— советовал наш мудрец. Впрочем, когда мистер Осборн покинул приемную банка, мистер Буллок вспомнил Эмилию, какая она хорошенькая, как привязана к Джорджу Осборну, и потратил по крайней мере десять секунд своего драгоценного времени на сожаления о злой беде, обрушившейся на несчастную молодую девушку.

Таким образом, в то время как благие намерения самого Джорджа Осборна и его добрый друг и гений Доббин влекли нашего повесу обратно к ногам Эмилии, родители Джорджа и его сестры занимались устройством для

него этой великолепной партии, ни на минуту не помышляя, что он может воспротивиться их плану.

Когда Осборн-старший, по его собственному выражению, изъяснялся «намекami», то даже самый заведомый тупица не мог бы понять его превратно. Так, спуская лакея с лестницы основательным пинком, он как бы давал ему понять, что в его услугах больше не нуждаются. Миссис Хегистон он заявил со своей обычной прямоотой и деликатностью, что выпишет ей чек на пять тысяч фунтов в тот самый день, когда его сын женится на ее подопечной. Это тоже был тонкий намек и чрезвычайно ловкий дипломатический ход. В конце концов он и Джорджу сделал соответствующий намек — то есть приказал ему жениться на мисс Суорц, и баста, — как приказал бы дворецкому откупорить бутылку вина или конторщику составить деловое письмо.

Этот властный намек сильно смутил Джорджа. Он переживал первые восторги и сладость своего второго романа с Эмилией, и это было ему невыразимо приятно. Контраст между манерами и внешностью Эмили и наследницы делал самую мысль о союзе с последней смешной и ненавистной. Что толку в пышных экипажах и оперных ложах, думал он, если его увидят там в обществе черномазой прелестницы! Прибавьте ко всему, что Осборн-младший не уступал в упрямстве старшему. Когда ему чего-либо хотелось, он был так же тверд в стремлении добиться своего и так же быстро приходил в ярость, когда бывал раздражен, как и его отец в свои наиболее грозные минуты.

В первый день, когда мистер Осборн сделал ему недвусмысленный намек, что он должен повергнуть свои чувства к ногам мисс Суорц, Джордж попытался оттянуть решение.

— Вам следовало бы подумать об этом раньше, сэр, — сказал он. — Сейчас ничего не сделаешь, когда мы каждую минуту ждем приказа выступить в заграничный поход. Подождите до моего возвращения, если только я вернусь. — И тут он стал доказывать, что время выбрано крайне неудачно, так как полк со дня на день может покинуть Англию; что те немногие дни и недели, которые ему еще остается пробыть дома, должны быть посвящены делам, а не ухаживаниям. Это успеется, когда он вернется

домой в майорском чине. — А я обещаю вам, — сказал он с самоуверенным видом, — что так или иначе, но вы увидите в «Газете» имя Джорджа Осборна.

Ответ на это отца основывался на сведениях, полученных им в Сити: вест-эндские молодчики обязательно зацапают наследницу при малейшем промедлении. Если он не женится на мисс Суорц сейчас, то во всяком случае может заручиться письменным ее обещанием, которое вступит в силу по его возвращении в Англию. А кроме того, человек, который может получать десять тысяч в год дома, должен быть дураком, чтобы рисковать своей жизнью за границей.

— Значит, вы хотите, чтобы я оказался трусом, сэр, а наше имя было опозорено ради денег мисс Суорц? — перебил его Джордж.

Это замечание озадачило старого джентльмена, но так как ему все-таки нужно было ответить сыну, а решение его было непреклонно, то он сказал:

— Вы будете обедать завтра с нами, сэр. И всякий раз, когда у нас бывает мисс Суорц, извольте быть дома, чтобы засвидетельствовать ей свое уважение. Если вам нужны деньги, обратитесь к мистеру Чоперу.

Таким образом, на пути Джорджа возникло новое препятствие, мешавшее его планам относительно Эмилии. И об этом у него с Доббином было не одно тайное совещание. Мы уже знаем мнение его друга насчет того, какой линии поведения ему следовало держаться. Что же касается Осборна, то, когда он задавался какой-нибудь целью, всякое новое препятствие, или скопление их, только усиливало его решимость.

Смуглолицый предмет заговора, составленного старейшинами клана Осборнов, — мисс Суорц знать не знала всех планов, ее касавшихся (как ни странно, ее приятельница и наставница предпочла о них умолчать), и, принимая лесть молодых девиц за неподдельные чувства, да и обладая к тому же, как мы уже имели случай показать, горячий и необузданной натурой, отвечала на их любовь с чисто тропическим жаром. Хотя, признаться, были у мисс Суорц и другие, более личные мотивы, которые влекли ее в дом на Рассел-сквере. Короче говоря, она находила, что

Джордж Осборн очаровательный молодой человек. Было что-то в повадке Джорджа, одновременно развязной и меланхолической, томной и пылкой, что заставляло угадывать в нем человека, обуреваемого страстями, скрывающего какие-то тайны и пережившего на своем веку много мучительного и опасного. Голос у него был звучный и проникновенный. Он мог сказать: «Какой чудный вечер!» или предложить своей соседке мороженого таким печальным и задушевым тоном, точно сообщал ей о смерти ее матушки или собирался признаться в любви. Он оставлял далеко за флагом всех молодых щеголей отцовского круга и был героем среди этих людей третьего сорта. Кое-кто из них подшучивал над ним и ненавидел его. Другие, вроде Доббина, фанатически восторгались им. Так и сейчас его бакенбарды возымели свое действие и начали обвиваться вокруг сердца мисс Суорц.

Как только представлялся случай встретиться с Джорджем на Рассел-сквере, эта наивная простушка рвалась навестить своих дорогих девиц Осборн. Она безрассудно сорила деньгами, покупая новые платья, браслеты, шляпы и чудовищные перья. Она украшала свою особу с невероятным старанием, чтобы понравиться завоевателю, и выставляла напоказ все свои простенькие таланты, чтобы приобрести его благосклонность. Девицы с величайшей серьезностью умоляли ее немного помузичировать, и она с готовностью принималась петь три своих романса и играть две своих пьески столько раз, сколько ее о том просили, причем каждый раз все с большим и большим удовольствием. Во время этих усладительных развлечений ее покровительница и мисс Уирт сидели рядом, рассуждая о пэрах и сплетничая о знати.

На другой день после разговора с отцом Джордж, незадолго до обеда, сидел, небрежно развалившись на диване в гостиной, в очень милой и естественной меланхолической позе. Он побывал, по указанию отца, у мистера Чопера в Сити (старый джентльмен хотя и давал сыну крупные суммы, но никогда не устанавливал ему определенного содержания и награждал, только когда бывал в хорошем расположении духа). После этого он провел три часа в Фулеме с Эмилией, со своей дорогой маленькой Эмилией, а вернувшись домой, застал в гостиной сестер, разодетых в накрахмаленный муслин, обеих вдов, кудяхавших на

заднем плане, и простужку Суорц в атласном платье излюбленного ею янтарного цвета, в браслетах, украшенных бирюзой, в бесчисленных кольцах, цветах и всевозможных финтифлюшках и побрякушках. Во всем этом убранстве она была так же элегантна, как трубочист в воскресный день.

После тщетных попыток вовлечь брата в разговор девушки затараторили о модах и последнем приеме во дворце. Джорджу вскоре стало тошно от их болтовни. Он сравнивал их поведение с поведением маленькой Эмми; их резкое, визгливое кудахтанье — с мелодическими звуками ее нежного голоса; их позы, их локти, их накрахмаленные платья — с ее скромными мягкими движениями и застенчивой грацией. Бедняжка мисс Суорц сидела на том месте, которое прежде занимала Эмми. Ее покрытые драгоценностями руки лежали растопыренные на обтянутых желтым атласом коленях. Ее побрякушки и серьги сверкали, и она усиленно вращала глазами. Она утопала в самодовольстве и считала себя очаровательной. Сестры уверяли, будто никогда не видавали, чтобы к кому-нибудь так шел атлас.

«Черт побери, — рассказывал потом Джордж Осборн своему закадычному другу, — она была похожа на китайского болванчика, который только и делает, что скалит зубы да качает головой. Ей-богу, Виль, я едва-едва сдержался, чтобы не запустить в нее диванной подушкой!» Однако он ничем не обнаруживал своих чувств.

Сестры начали играть «Битву под Прагой».

— Бросьте играть эту треклятую штуку, — взревел Джордж со своего дивана. — Я от нее взбешусь. Сыграйте, пожалуйста, вы, мисс Суорц, что-нибудь. Спойте, что хотите, но только не «Битву под Прагой».

— Не спеть ли мне «Синеокую Мери» или арию из «Музыкального кабинета»? — предложила мисс Суорц.

— Спойте эту миленькую арию из «Кабинета!» — подхватили сестры.

— Уже слышали! — подал реплику с дивана наш мизантроп.

— Я могла бы спеть «Флюви дю Тахи», — продолжала Суорц кротким голосом, — но только не знаю слова. — Это был самый свежий номер из репертуара достойной молодой особы.

— О, «Fleuve du Tage»¹, — сказала мисс Мария, — у нас есть ноты.— И она отправилась за нужной тетрадью.

Случайно ноты этого романса, весьма в то время популярного, были подарены молодым девицам одной их юной приятельницей, написавшей свое имя на обложке. Мисс Суорц, закончив песенку под аплодисменты Джорджа (ибо он вспомнил, что это был любимый романс Эмилии) и надеясь, что ее, быть может, попросят бисировать, сидела, перелистывая страницы нотной тетради, как вдруг взгляд ее упал на заголовок и она увидела надпись: «Эмилия Седли», выведенную в уголке.

— Боже! — воскликнула мисс Суорц, быстро повернувшись на фортепьянном табурете. — Неужели это моя Эмилия? Эмилия, которая училась в пансионе мисс Пинкертон в Хаммерсмите? Я знаю, это она. Это ее ноты... Расскажите мне о ней... где она?

— Не упоминайте этого имени, — поспешно сказала мисс Мария Осборн. — Ее семья себя опозорила. Отец ее обманул батюшку, и здесь, у нас, лучше о ней не вспоминать. — Так мисс Мария отомстила Джорджу за его грубое замечание о «Битве под Прагой».

— Вы подруга Эмилии? — воскликнул Джордж, вскакивая. — Да благословит вас бог за это, мисс Суорц! Не верьте тому, что говорят мои сестрицы. Ее-то уж во всяком случае не за что бранить. Она лучшая...

— Не смей говорить о ней, Джордж, — взвизгнула Джейн. — Папенька запрещает!

— Кто может мне запретить? Хочу и буду говорить о ней! — возразил Джордж. — Я говорю, что она лучшая, милейшая, добрейшая, прелестнейшая девушка во всей Англии. Обанкротился Седли или нет, но только мои сестры не стоят и мизинца Эмилии. Если вы ее любите, навестите ее, мисс Суорц. Ей нужны сейчас друзья. И повторяю: да благословит бог всякого, кто отнесется к ней по-дружески. Каждый, кто отзовется о ней хорошо, — друг мне! Всякий, кто скажет о ней дурное слово, — мой враг! Благодарю вас, мисс Суорц, — и он подошел к мулатке и пожал ей руку.

— Джордж! Джордж! — взмолилась одна из сестер.

— Заявляю, — яростно продолжал Джордж, — что

¹ «Река Тахо» (франц.).

буду благодарен каждому, кто любит Эмилию Сед...— Он остановился: старик Осборн стоял в комнате с помертвевшим от гнева лицом; глаза у него горели, как раскаленные угли.

Хотя Джордж и замолк, не dokonчив фразы, все же кровь в нем вскипела, и сейчас его не испугали бы все поколения дома Осборнов. Мгновенно овладев собой, он ответил на гневный взгляд отца взглядом, столь откровенным по таившейся в нем решимости и вызову, что старший Осборн в свою очередь смутился и отвернулся. Он почувствовал, что ссора неизбежна.

— Миссис Хегистон, позвольте мне проводить вас к столу, — сказал он. — Предложи руку мисс Суорц, Джордж. — И шествие тронулось.

— Мисс Суорц, я люблю Эмилию, и мы с ней помолвлены чуть ли не с детства, — заявил Осборн своей даме. И в течение всего обеда он болтал с таким оживлением, которое удивляло даже его самого, а отца заставило еще больше нервничать, потому что битва должна была начаться, как только дамы выйдут из-за стола.

Разница между отцом и сыном заключалась в том, что, в то время как отец был раздражителен и лют в гневе, сын обладал гораздо большей выдержкой и отвагой и мог не только наступать, но и отражать наступление. Он тоже приготовился к решительной схватке с отцом, но это не помешало ему приступить к обеду с полнейшим хладнокровием и прекрасным аппетитом. Наоборот, старший Осборн нервничал и много пил. Он путался в разговоре со своими соседками; хладнокровие Джорджа только пуще его бесило, и он чуть не обезумел, когда Джордж, взмахнув салфеткой, с преувеличенным поклоном распахнул перед дамами двери из столовой, а затем, налив себе вина, принялся смаковать его, глядя отцу прямо в глаза и как будто говоря: «Господа гвардейцы, стреляйте первыми!» Старик тоже возобновил запас картечи, но когда он наливал себе вино, графин предательски зазвенел о стакан.

После продолжительной паузы, весь побагровев, с перекосенным лицом, он, наконец, начал:

— Как вы смели, сэр, упомянуть имя этой особы у меня в гостиной, да еще в присутствии мисс Суорц? Я вас спрашиваю, сэр, как вы посмели это сделать?

— Остановитесь, сэр, — сказал Джордж, — я не потерплю ни от кого таких слов, сэр. Выражение «как вы смели» неуместно по отношению к капитану английской армии.

— Я буду говорить своему сыну то, что захочу. Я могу оставить его без единого шиллинга, если захочу. Я могу превратить его в нищего, если захочу. Я буду говорить, что хочу! — воскликнул старик.

— Я джентльмен, хотя и ваш сын, сэр, — надменно отвечал Джордж. — Всякого рода сообщения, которые вы имеете мне сделать, или приказания, какие вам угодно будет мне отдать, я попросил бы излагать таким языком, к какому я привык.

Когда наш юноша напускал на себя высокомерный тон, это всегда преисполняло родителя или великим благоговением, или великим раздражением. Старый Осборн втайне боялся своего сына, как джентльмена более высокой марки. Вероятно, моим читателям по собственному опыту, приобретенному на нашей Ярмарке Тщеславия, известно, что люди низменные ни перед кем так не терпят, как перед истинным джентльменом.

— Мой отец не дал мне образования, какое получили вы, он не предоставил мне ни тех преимуществ, какие имелись у вас, ни тех денежных средств, какими располагаете вы. Если бы я вращался в том обществе, где некоторые господа бывали благодаря моим средствам, пожалуй у моего сына не было бы никаких резонов, сэр, кичиться своим превосходством и своими вест-эндскими замашками (эти слова старик Осборн произнес самым язвительным тоном). Но в мое время не считалось достойным джентльмена оскорблять своего отца. Если бы я сделал что-либо подобное, мой отец спустил бы меня с лестницы, сэр!

— Я никак не оскорбил вас, сэр. Я сказал, что прошу вас помнить, что ваш сын такой же джентльмен, как и вы сами. Я знаю очень хорошо, что вы даете мне кучу денег, — продолжал Джордж (ощупывая пачку банковых билетов, полученных утром от мистера Чопера). — Вы упоминаете об этом довольно часто, сэр. Незачем опасаться, что я это забуду!

— Я хочу, чтобы вы помнили и о других вещах столь же хорошо, сэр! — отвечал отец. — Я хочу, чтобы вы за-

помнили, что в этом доме,— пока вам желательно, капитан, оказывать ему честь своим присутствием,— я хозяин, и что имя... что вы... что я...

— Что именно, сэр? — спросил Джордж с легкой усмешкой, наливая себе еще стакан красного вина.

— ...! — выругался отец непечатным словом. — ...чтоб имя этих Седли никогда здесь не произносилось, сэр!.. Ни одного имени из всей этой проклятой шайки, сэр!

— Это не я, сэр, упомянул имя мисс Седли. Мои сестры стали отзываться о ней дурно в разговоре с мисс Суорц. А я, клянусь, буду защищать ее где бы то ни было. Никто не посмеет пренебрежительно отзываться об этой девушке в моем присутствии. Наше семейство уж и без того нанесло ей достаточно всяких обид и могло бы, я полагаю, вести себя приличнее теперь, когда она находится в унижении. Я застрелю всякого,— кроме вас,— кто скажет против нее хоть слово.

— Продолжайте, сэр, продолжайте,— произнес старый джентльмен; от гнева глаза его готовы были выскочить из орбит.

— Продолжать? Но о чем же, сэр? О том, как мы обошлись с этой девушкой, с этим ангелом? Кто твердил мне, чтобы я любил ее? Вы! Я мог бы выбирать и в другом месте, поискать, пожалуй, где-нибудь повыше, а не в вашем кругу, но я повиновался. А теперь, когда ее сердце стало моим, вы приказываете мне отшвырнуть его прочь и наказывать ее, может быть даже убить,— за чужие ошибки. Клянусь небом, это позор! — говорил Джордж, взвинчивая себя все больше и больше, с нарастающей горячностью и словно в каком-то восторге. — Стидно играть чувствами молодой девушки... такого ангела, как она. Эмилия настолько выше всех, среди кого она жила, что могла бы возбудить зависть; но только она так добра и кротка, что было бы странно, если бы кто-либо вздумал ее ненавидеть. Если я брошу ее, сэр, то, как по-вашему, забудет она меня?

— Я не желаю, сэр, выслушивать всякие сентиментальные благоглупости и чепуху! — закричал отец. — У меня в семье не будет браков с нищими. Если вам нравится выбросить восемь тысяч годового дохода, который вы можете иметь, стоит лишь вам пожелать этого, то вы вольны поступать по своему усмотрению. Но тогда, кля-

нусь богом, забирайте свои пожитки и идите из этого дома на все четыре стороны! Ну, что же, сэр? Намерены вы поступить так, как я вам говорю, или нет? Спрашиваю в последний раз.

— Женюсь ли я на этой мулатке? — проговорил Джордж, поправляя свои воротнички. — Мне не нравится ее масть, сэр. Предложите ее негру, сэр, который подметает улицы у Флитского рынка. Я не собираюсь жениться на готтентотской Венере.

Мистер Осборн отчаянно рванул шнурок звонка, которым обычно требовал дворецкого, когда надо было подать еще вина, и с почерневшим лицом приказал этому должностному лицу вызвать карету для капитана Осборна.

— Все кончено, — сказал страшно бледный Джордж, входя час спустя к Слотеру.

— Что случилось, мой мальчик? — спросил Доббин.

Джордж рассказал, что произошло у него с отцом.

— Женюсь на ней завтра же! — воскликнул он. — С каждым днем, Доббин, я люблю ее все больше.

ГЛАВА XXII

Свадьба и начало медового месяца

Самый упорный и храбрый враг не может устоять против голода. Поэтому Осборн-старший был довольно спокоен насчет своего противника в сражении, которое мы только что описали, и с уверенностью ждал безоговорочной сдачи Джорджа, едва лишь у того выйдут запасы. Жаль, конечно, что молодой человек запасся провизией в тот самый день, когда произошло сражение. Но, по мнению старика Осборна, такая передышка была только временной и могла лишь отсрочить капитуляцию Джорджа. В течение нескольких дней между отцом и сыном не было никакого общения. Первый сердился на такое молчание, но не тревожился, потому что знал, каким образом можно принажать на Джорджа (так он выражался), и только ждал результатов этой операции. Он сообщил сестрам Джорджа о том, чем кончился их спор, но приказал им не обращать на это внимания и встретить

Джорджа по его возвращении, как будто ничего не произошло. Прибор для Джорджа ставился каждый день, как обычно, и, может быть, старый джентльмен ожидал сына даже с некоторым нетерпением. Однако Джордж не появлялся. О нем справлялись у «Слотера», но там сказали, что он со своим другом, капитаном Доббином, выехал из города.

Как-то раз, в бурный, ненастный день в конце апреля — дождь так и хлестал по мостовой старинной улицы, где находилась кофейня Слотера, — в помещение этой кофейни вошел Джордж Осборн, очень осунувшийся и бледный, хотя одетый довольно щегольски — в синий сюртук с медными пуговицами и в нарядный желтый жилет по моде того времени. Там уже был его друг, капитан Доббин, тоже в синем сюртуке с медными пуговицами, расставшийся на сей раз с военным мундиром и серыми брюками, которые обычно облекали его долговязую фигуру.

Доббин провел в кофейне с час времени, если не больше. Он перебрал все газеты, но не мог ничего в них прочесть; он не меньше ста раз посмотрел на часы и столько же раз на улицу, где лил дождь и стучали деревянные галоши прохожих, отражавшихся в мокрых плитках тротуара; он отбивал зорю по столу; сгрыз себе ногти почти до живого мяса (он привык украшать таким способом свои огромные руки); пытался уравновесить чайную ложку на крышке молочника; опрокинул его, и т. д., и т. д. Словом, обнаруживал все признаки беспокойства и прибегал ко всем тем отчаянным попыткам развлечься, к которым обычно обращаются люди, когда они очень встревожены, или смущены, или чего-то ждут.

Кое-кто из его товарищей, завсегдатаев кофейни, подшутил над великолепием его костюма и над его возбужденным видом. Один даже спросил, не собирается ли Доббин жениться. Доббин засмеялся и сказал, что pošлет этому своему знакомому (майору Уогстафу из инженерных войск) кусок пирога, когда произойдет такое событие. Наконец появился Джордж Осборн, очень изящно одетый, но страшно бледный и взволнованный, как мы уже упоминали. Он вытер свое бледное лицо большим желтым шелковым платком, отчаянно надушенным, пожал руку Доббину, взглянул на часы и приказал лакею Джону подать кюрасо. С нервной торопливостью он про-

глотил две рюмки этого ликера. Его приятель осведомился об его здоровье.

— Не мог заснуть ни на минуту до самого рассвета, Доб,— пожаловался он.— Адская головная боль и лихорадка. Встал в девять часов и отправился в турецкие бани. Знаешь, Доб, я чувствую себя совершенно так же, как в то утро, в Квебеке, когда садился на Ракету перед скачкой.

— И я тоже, — отвечал Вильям. — Я черт знает как волновался в то утро, гораздо больше тебя. Помню, ты отлично позавтракал. Поешь и теперь чего-нибудь.

— Ты хороший парень, Виль. Я выпью за твое здоровье, дружище, и прощай тогда...

— Нет, нет! Двух рюмок достаточно,— перебил его Доббин.— Эй, Джон, уберите ликеры! Возьми кайенского перцу к цыпленку. Впрочем, торопись, нам уже пора быть на месте.

Было около половины двенадцатого, когда происходила эта короткая встреча и разговор между обоими капитанами. У подъезда их ждала карета, в которую слуга капитана Осборна уложил шкатулку и чемодан своего хозяина. Оба джентльмена поспешно добежали под зонтиком до экипажа, а лакей взгромоздился на козлы, проклиная дождь и мокрого кучера рядом с собой, от которого валил пар.

— Мы найдем у церкви экипаж получше, — заявил он, — хоть это утешение.

И карета покатила по Пикадилли, где Эпсли-хаус и госпиталь св. Георга еще щеголяли красным одеянием *, где горели масляные фонари, где Ахиллес еще не появился на свет божий, где еще не воздвигалась арка Пимлико и отвратительное конное чудовище * не подавляло ее и всю окрестность, — и, миновав Бромптон, подъехали к некоей церкви вблизи Фулем-род.

Здесь ожидала карета, запряженная четверкой, и рядом — парадный наемный экипаж. По случаю проливного дождя собралась лишь очень небольшая кучка зевак.

— Что за чертовщина! — воскликнул Джордж. — Ведь я заказал просто пару.

— Мой барин пожелал заложить четверку, — ответил слуга мистера Джозефа Седли, поджидавший их; он вместе с лакеем мистера Осборна проследовал за Джорджем и Вильямом в церковь, и оба решили, что

«свадьба совсем никудышная, нет ни завтрака, ни свадебных бантов».

— Ну, вот и вы, — сказал наш старый друг, Джоз Седли, выходя им навстречу. — Ты опоздал на пять минут, мой милый Джордж. Что за погодка, а? Черт подери, точь-в-точь начало дождливого сезона в Бенгалии. Но ты увидишь, что моя карета непроницаема для дождя. Ну, идемте! Матушка с Эмми уже в ризнице.

Джоз Седли был великолепен. Он раздобыл еще больше. Воротничок его рубашки стал еще выше; лицо у него покраснело еще сильнее; брыжи пеной вздымались из-под пестрого жилета. Лакированная обувь тогда еще не была изобретена, но гессенские сапоги на его внушительных ногах сияли так, что их можно было принять за ту самую пару, перед которой брился джентльмен, изображенный на старинной картинке. А на светлозеленом сюртуке Джоза красовался пышный свадебный бант, подобный огромной белой магнолии.

Словом, Джордж принял великое решение: он собирался жениться. Отсюда его бледность и взвинченность, его бессонная ночь и утреннее возбуждение. Многие мне признавались, что, проходя через это, они испытывали такие же точно чувства. Без сомнения, проделав эту церемонию три-четыре раза, вы к ней привыкнете, — но окунуться в первый раз — страшно, с этим согласится всякий.

Невеста была одета в коричневую шелковую ротонду (как потом сообщил мне капитан Доббин), а на голове у нее была соломенная шляпка с розовыми лентами. На шляпу была накинута вуаль из белых кружев шантильи — подарок невесте от мистера Джозефа Седли, ее брата. Капитан Доббин в свою очередь испросил позволения подарить ей золотые часы с цепочкой, которыми она и щеголяла. Мать подарила ей свою брильянтовую брошь, чуть ли не единственную драгоценность, которую ей удалось сохранить. Во время церковной службы миссис Седли сидела на скамье, заливаясь слезами, а ирландка-прислуга и миссис Клеп, квартирная хозяйка, утешали ее. Старик Седли не пожелал присутствовать. Посаженым отцом был поэтому Джоз, а капитан Доббин выступал в роли шафера своего друга Джорджа.

В церкви не было никого, кроме церковнослужителей, небольшого числа участников брачной церемонии да их

прислуги. Оба лакея сидели поодаль с презрительным видом. Дождь хлестал в окна. В перерывы службы был слышен его шум и рыдания старой миссис Седли. Голос пастора мрачным эхом отдавался от голых стен. Слова Осборна: «Да, обещаю» — прозвучали очень глубоким басом. Ответ Эмми, сорвавшийся с ее губок, шел прямо от сердца, но его едва ли кто-нибудь расслышал, кроме капитана Доббина.

Когда служба окончилась, Джоз Седли выступил вперед и поцеловал сестру в первый раз за много месяцев. От меланхолии Джорджа не осталось и следа, вид у него был гордый и сияющий.

— Теперь твоя очередь, Вильям, — сказал он, ласково кладя руку на плечо Доббина. Доббин подошел и прикоснулся губами к щеке Эмили.

Затем они прошли в ризницу и расписались в церковной книге.

— Бог да благословит тебя, старый мой друг Доббин! — воскликнул Джордж, схватив друга за руку, и что-то очень похожее на слезы блеснуло в его глазах.

Вильям ответил лишь кивком головы. Сердце его было так переполнено, что он не мог сказать ни слова.

— Пиши сейчас же и приезжай как можно скорее, слышишь? — промолвил Осборн.

После того как миссис Седли с истерическими рыданиями распрощалась с дочерью, новобрачные направились к карете.

— Прочь с дороги, чертенята! — цыкнул Джордж на промокших мальчишек, облепивших церковные двери. Дождь хлестал в лицо молодым, когда они шли к экипажу. Банты фореяторов прилипли к их курткам, с которых струилась вода. Несколько ребятишек прокричали довольно печальное «ура», и карета тронулась, разбрызгивая грязь.

Вильям Доббин, стоя на церковной паперти, смотрел ей вслед, являя собой довольно-таки нелепую фигуру. Кучка зевак потешалась над ним. Но он не замечал ни их хохота, ни их самих.

— Поедем домой и закусим, Доббин, — раздался чей-то голос, пухлая рука легла ему на плечо, и честный малый очнулся от своих грез. Но душа у него не лежала к пиршеству с Джозом Седли. Он усадил миссис Седли и ее спут-

ниц в карету вместе с Джозом и расстался с ними без всяких лишних слов. Эта карета тоже отъехала, и мальчишки опять прокричали ей вслед насмешливое напутствие.

— Вот вам, пострелята, — сказал Доббин и роздал им несколько медяков, а затем отправился во-свояси один, под проливным дождем. Все кончено. Они повенчаны и счастливы, дай им этого бог! Никогда еще, со дней своего детства, он не чувствовал себя таким несчастным и одиноким. С болью в сердце он нетерпеливо ждал, когда пройдут первые несколько дней и он опять увидит Эмилию.

Дней через десять после только что описанной церемонии трое знакомых нам молодых людей наслаждались тем великолепным видом, какой Брайтон раскрывает перед путешественником: на стрельчатые окна с одной стороны и синее море — с другой. Иной раз восхищенный лондонец смотрит на океан, улыбающийся бесконечными морщинками ряби, испещренный белыми парусами, с сотнями кабинок для купанья, лобзающих кайму его синей одежды. А то, наоборот, какой-нибудь чужак, которого человеческая природа интересуется больше, чем красивые виды, предпочитает обратить свои взоры на стрельчатые окна и на многообразную человеческую жизнь, протекающую за ними. Из одного окна доносятся звуки фортепьяно, на котором молодая особа в локончиках упражняется по шести часов ежедневно, к великой радости своих соседей. У другого окна смазливая нянька Полли укачивает на руках мистера Омнума, в то время как у окна этажом ниже Джекоб, его папаша, лакомится креветками и пожирает за завтраком страницы «Таймс». Вот там, еще дальше, девицы Лири выглядывают из окон, поджидая, когда по берегу промаршируют военным шагом молодые артиллерийские офицеры. А там — делец из Сити, с видом заправского моряка и с подозрительной трубой, похожей на пушку-шестифунтовку, наводит свой инструмент на море и следит за каждой купальной кабинкой, за каждой лодкой для катанья, за каждой рыбацкой лодкой, которая приближается к берегу или отходит от него, и т. д. Но разве у нас есть досуг заниматься описанием Брайтона: Брайтона — этого чистенького Неаполя с благовоспитанными лаццарони; Брайтона, который всегда выглядит

блестящим, веселым и праздничным, словно куртка арлекина; Брайтона, который во времена нашего повествования отстоял от Лондона на семь часов, теперь отделен от него только сотней минут и может приблизиться к нему еще бог знает насколько, если только не явится Жуанвиль * и не подвергнет его невзначай бомбардировке?

— Что за чертовски красивая девушка вот там, в квартире над модисткой! — обратился один из трех прогуливавшихся джентльменов к другому. — Честное слово, Кроули, вы заметили, как она мне подмигнула, когда я проходил мимо?

— Не разбивайте ей сердца, Джоз, плут вы этакий! — ответил другой. — Не играйте ее чувствами, этакий вы Дон Жуан!

— Ах, полно! — сказал Джоз Седли, испытывая искреннее удовольствие и самым убийственным образом строя глазки горничной, о которой только что говорилось. В Брайтоне Джоз был еще великолепнее, чем на свадьбе своей сестры. На нем были роскошные жилеты, любой из коих мог бы послужить украшением записному франту. Фигуру его облакал сюртук военного образца, украшенный галуном, кисточками, черными пуговицами и шнурами. Последнее время он усвоил себе военную выправку и военные привычки. Он прогуливался со своими двумя друзьями офицерами, позвякивая шпорами, невероятно чванясь и бросая смертоубийственные взгляды на всех служанок, достойных погибнуть от его взоров.

— Что же мы станем делать, друзья, до возвращения дам? — спросил щеголь.

(Дамы поехали кататься в его коляске.)

— Давайте сыграем на бильярде, — предложил один из друзей — высокий, с нафабренными усами.

— Нет, к черту! Нет, капитан, — ответил Джоз, несколько встревоженный. — Сегодня никаких бильярдов, любезный мой Кроули! Достаточно вчерашнего дня!

— Вы очень хорошо играете, — заметил Кроули со смехом. — Как по-вашему, Осборн? Ведь он замечательно срезал пятерку, а?

— Феноменально! — подтвердил Осборн. — Джоз дьявольски играет на бильярде, да и во всем другом столь же силен! Жаль, что здесь нельзя поохотиться на тигра, а то бы мы уложили несколько штук до обеда! (Смотри,

какая идет хорошенькая девочка! Что за ножка, а, Джоз?) Расскажи-ка нам эту историю об охоте на тигра и как ты убил его в джунглях. Это изумительная история, Кроули! — Тут Джордж Осборн зевнул. — А здесь, надо сознаться, скучновато. Чем же мы займемся?

— Пойдемте посмотрим на лошадей, которых Снефлер привел с ярмарки в Льюисе, — предложил Кроули.

— А не пойти ли нам к Датону поесть пирожного? — сказал проказник Джоз, испытывавший желание погнаться сразу за двумя зайцами. — Там у Датона есть дьявольски хорошенькая девочка!

— А не пойти ли нам встретить «Молнию»? Сейчас как раз время, — сказал Джордж. Это предложение одержало верх и над конюшнями и над пирожным, и молодые люди направились к конторе пассажирских карет, чтобы поглазеть на прибытие «Молнии».

По дороге они повстречались с экипажем — открытой коляской Джоза Седли, украшенной пышными гербами, — с тем самым великолепным экипажем, в котором Джоз обычно разъезжал по Челтенхему, сложив на груди руки и в шляпе набекрень, величественный и одинокий, или же, в более счастливые дни, в компании дам.

Сейчас дам было в экипаже две: одна — миниатюрная, с рыжеватыми волосами, одетая по последней моде; другая — в коричневой шелковой ротонде и в соломенной шляпке с розовыми лентами, с румяным круглым счастливым личиком, на которое радостно было смотреть. Она остановила экипаж, когда тот приблизился к трем джентльменам, но после такого проявления самостоятельности смутилась и покраснела самым нелепым образом.

— Мы чудно прокатились, Джордж, — сказала она, — и мы... и мы так рады, что вернулись. А ты, Джозеф, пожалуйста, приходи с ним домой пораньше.

— Не вводите наших супругов в соблазн, мистер Седли, гадкий, гадкий вы человек! — добавила Ребекка, грозя Джозу прехорошеньким пальчиком в изящной французской лайковой перчатке. — Никаких бильярдных, никакого курения, никаких шалостей!

— Дорогая моя миссис Кроули... что вы! Честное слово! — вот все, что мог в ответ произнести Джоз. Но зато ему удалось принять живописную позу: он стоял, склонив голову на плечо, смотря с веселой улыбкой снизу

вверх на свою жертву и заложив за спину руку, опирающуюся на трость, а другою (на которой было брильянтовое кольцо) теребя свои брыжи и жилеты. Когда экипаж отъезжал, он послал дамам воздушный поцелуй рукою, украшенной брильянтом. Ах, как ему хотелось, чтобы весь Челтенхем, весь Чауринги, вся Калькутта видели его в этой позе, когда он махал рукой такой красавице, находясь в то же время в обществе такого знаменитого щеголя, как гвардеец Родон Кроули!

Наши юные новобрачные выбрали Брайтон местом своего пребывания на первые несколько дней после свадьбы. Сняв комнаты в Корабельной гостинице, они наслаждались полным комфортом и покоем, пока к ним не присоединился Джоз. Но он был не единственным, кого они здесь встретили. Возвращаясь как-то днем к себе в отель после прогулки по берегу моря, они неожиданно-негаданно столкнулись с Ребеккой и ее супругом. Все тотчас же узнали друг друга. Ребекка кинулась в объятия своей драгоценнейшей подруги, Кроули и Осборн обменялись довольно сердечным рукопожатием. И Бекки за один день добилась того, что Джордж позабыл о краткой, но неприятной беседе, которая как-то произошла между ними.

— Помните, как мы встретились с вами в последний раз у мисс Кроули и я так грубо обошлась с вами, дорогой капитан Осборн? Мне показалось, что вы недостаточно внимательны к нашей дорогой Эмили. Это-то меня и рассердило! И я была с вами дерзка, неприветлива, неблагодарна! Простите меня, пожалуйста!

Тут Ребекка протянула ему руку с такой прямою, с такой подкупающей грацией, что Осборну лишь оставалось пожать эту руку. Смирением и открытым признанием своей неправоты чего только не добьешься, сын мой! Я знавал одного джентльмена, весьма достойного участника Ярмарки Тщеславия, который нарочно чинил мелкие неприятности своим ближним, чтобы потом самым искренним и благородным образом просить у них прощения. И что же? Мой друг Кроки Дойль был повсюду любим и считался хоть и несколько несдержанным, но честнейшим малым. Так и Джордж Осборн принял смирение Бекки за искренность.

У обеих молодых парочек нашлось много о чем поговорить друг с другом. Был дан подробный отчет об обеих

свадьбах; их жизненные планы обсуждались с величайшей откровенностью и взаимным интересом. О свадьбе Джорджа должен был сообщить его отцу капитан Доббин, друг новобрачного, и молодой Осборн порядком трепетал в ожидании результатов этого сообщения. Мисс Кроули, на которую возлагал надежды Родон, все еще выдерживала характер. Не имея возможности получить доступ в ее дом на Парк-лейн, любящие племянник и племянница последовали за нею в Брайтон, где их эмиссары вечно торчали у тетушкиных дверей.

— Посмотрели бы вы на тех друзей Родона, которые вечно торчат у *наших* дверей, — со смехом сказала Ребекка. — Тебе приходилось когда-нибудь видеть кредиторов, милочка? Или бейлифа и его помощника? Двое этих противных субъектов всю прошлую неделю дежурили напротив нас, у лавочки зеленщика, так что мы до воскресенья не могли выйти из дому. Если тетушка не смилостивится, то что же мы будем делать?

Родон с громким хохотом рассказал с десяток забавных анекдотов о своих кредиторах и об умелом и ловком обращении с ними Ребекки. Он клялся самым торжественным образом, что во всей Европе нет ни одной женщины, которая так умела бы заговаривать зубы кредиторам, как его жена. Ее практика началась немедленно после их свадьбы, и супруг нашел в своей жене бесценное сокровище. У них был самый широкий кредит, но и счетов к оплате у них было видимо-невидимо. Наличных же денег почти никогда не хватало, и супругам приходилось всячески изворачиваться. Быть может, эти денежные затруднения плохо отражались на состоянии духа Родона? Ничуть. Всякий на Ярмарке Тщеславия, вероятно, замечал, как отлично живут те, кто увяз по уши в долгах, как они ни в чем себе не отказывают, как они жизнерадостны и легкомысленны. У Родона с женой были лучшие комнаты в гостинице; хозяин, внося в столовую первое блюдо, низко кланялся им, как самым своим именитым постояльцам. Родон ругал обеды и вина с дерзостью, которой не мог бы превзойти ни один вельможа в стране. Долговременная привычка, благородная осанка, безукоризненная обувь и платье, прочно усвоенная надменность в обращении часто выручают человека не хуже крупного счета в банке.

Молодые супруги постоянно посещали друг друга в

гостинице. После двух или трех встреч джентльмены сыграли как-то вечером в пикет, пока их жены сидели в сторонке, занимаясь болтовней. Такое времяпрепровождение, а также приезд Джоза Седли, который появился в Брайтоне в своей большой открытой коляске и затем сыграл с капитаном Кроули несколько партий на бильярде, в известной степени пополнили кошелек Родона и обеспечили ему некоторый запас наличных денег, без коих даже величайшие умы иной раз обрекаются на бездействие.

Итак, наши три джентльмена отправились встречать карету «Молния». С точностью до одной минуты, переполненная пассажирами внутри и снаружи, словно подготавливаемая знакомыми звуками почтового рожка, «Молния» стремительно пролетела по улице и подкатила к конторе.

— Смотрите-ка! Старина Доббин! — в восторге закричал Джордж, усмотрев на империале своего старого приятеля, которого он уже давно поджидал.

— Ну, как поживаешь, старина? Вот хорошо, что приехал! Эмми будет так рада! — сказал Осборн, горячо пожимая руку своему товарищу, как только тот спустился на землю. А затем добавил более тихим и взволнованным голосом: — Что нового? Был ты на Рассел-сквере? Что говорит отец? Расскажи мне обо всем.

Доббин был очень бледен и серьезен.

— Я видел твоего отца, — ответил он. — Как здоровье Эмилии... миссис Джордж? Я расскажу тебе все, но я привез одну, самую главную, новость, и она заключается в том, что...

— Ну же, выкладывай, старина! — воскликнул Джордж.

— Мы получили приказ выступить в Бельгию. Уходит вся армия... гвардия и все. У Хевитопа разыгралась подагра, и он в бешенстве, что не может двинуться с места. Командование полком переходит к О'Дауду, и мы отплываем из Четема на будущей неделе.

Это известие громом разразилось над нашими влюбленными и заставило всех джентльменов очень серьезно задуматься.

ГЛАВА XXIII

Капитан Доббин вербует союзников

Что это за тайный месмеризм *, который присущ дружбе и под действием которого человек, обычно неповоротливый, холодный, робкий, становится сообразительным, деятельным и решительным ради чужого блага? Подобно тому как Алексис после нескольких пассов доктора Элиотсона * начинает презирать боль, читает затылком, видит на расстоянии многих миль, заглядывает в будущую неделю и совершает прочие чудеса, на которые он не способен в своем обычном состоянии, — точно так же мы видим и в повседневных делах, как под влиянием магнетизма дружбы скромник становится дерзким, лентяй — деятельным, застенчивый человек — самоуверенным, а человек вспыльчивый — осмотрительным и миролюбивым. С другой стороны, что заставляет законника отказываться от ведения собственного дела и обращаться за советом к своему ученому собрату? И что побуждает доктора, если он захворает, посылать за своим соперником, вместо того чтобы обследовать свой язык перед каминным зеркалом и написать самому себе рецепт за собственным письмен-

ным столом? Предлагаю ответить на эти вопросы рассудительным читателям, которые знают, какими мы бываем в одно и то же время легковверными и скептиками, уступчивыми и упрямыми, твердыми, когда речь идет о других, и нерешительными, когда дело касается лично нас. Во всяком случае, верно одно: наш друг Вильям Доббин, который обладал таким покладистым характером, что, если бы его родители нажали на него хорошенько, он, вероятно, пошел бы в кухню и женился бы на кухарке, и которому ради собственных интересов трудно было бы перейти через улицу, оказался таким деятельным и ревностным в устройстве дел Джорджа Осборна, каким не мог бы быть самый хитроумный эгоист в преследовании своих целей.

Пока наш друг Джордж и его молодая жена наслаждались первыми безоблачными днями своего медового месяца в Брайтоне, честный Вильям оставался в Лондоне в качестве полномочного представителя Джорджа, чтобы довести до конца деловую часть их брака. На его обязанности было навещать старика Седли и его жену и поддерживать в отце Эмилии бодрость духа, затем теснее сблизить Джоза с зятем, чтобы положение и достоинство Джоза, как коллектора Богли-Уолаха, могли в какой-то мере искупить в глазах общества падение его отца и примирить с таким союзом старика Осборна, и, наконец, сообщить последнему о браке сына таким образом, чтобы возможно меньше прогневать старого джентльмена.

И вот, прежде чем предстать перед главой дома Осборнов с вестью, которую Доббин должен был сообщить, он счел весьма политичным обзавестись друзьями среди остальной части семейства и, если возможно, привлечь на свою сторону дам. «В глубине души они не могут сердиться, — думал он. — Никогда еще ни одна женщина не сердилась по-настоящему из-за романтического брака. Немножко пошумят, но потом обязательно примирятся с братом. А затем мы втроем поведем атаку на старого мистера Осборна». И вот этот лукавый пехотный капитан, уподобляясь Макиавелли, стал выискивать хитроумные способы или уловки, при помощи которых можно было бы осторожно и постепенно довести до сведения девиц Осборн тайну их брата.

Наведя кое-какие справки относительно приглашений, полученных матерью, он довольно скоро определил, кто из друзей миледи устраивает у себя приемы в этом сезоне и где он вероятнее всего может повстречаться с сестрами Осборн. И хотя к раутам и вечерним приемам он питал отвращение, которое, увы, наблюдается у многих разумных людей, однако скоро выяснил, на каком из них должны были присутствовать девицы Осборн. Появившись на этом балу, он протанцевал несколько раз с обеими сестрами и был с ними до крайности любезен, а затем набрался храбрости и попросил старшую мисс Осборн уделить ему для беседы несколько минут на другой день утром, так как он имеет сообщить ей, как он выразился, чрезвычайно интересную новость.

Что же заставило мисс Осборн отшатнуться, устремить на мгновение взор на капитана Доббина, а потом опустить глаза долу и задрожать, точно она готова была упасть без чувств в его объятия, и не сделала этого лишь потому, что Доббин очень кстати наступил ей на ногу и тем вернул сей девице самообладание? Почему мисс Осборн так ужасно взволновалась, услышав просьбу Доббина? Этого мы никогда не узнаем. Но когда Доббин явился к ним на следующий день, то Марии не случилось в гостиной, а мисс Уирт ушла под предлогом позвать ее, так что капитан и мисс Джейн Осборн оказались вдвоем. Оба сидели так тихо, что было совершенно отчетливо слышно, как на камине тикают часы, украшенные жертвоприношением Ифигении.

— Какой чудесный был вчера бал, — начала, наконец, мисс Осборн, чтобы подбодрить своего гостя, — и как... и какие вы сделали успехи в танцах, капитан Доббин! Наверное, кто-нибудь обучал вас, — добавила она с милым лукавством.

— Вы посмотрели бы, как я танцую шотландский танец с супругой майора О'Дауда из нашего полка или джигу... вы видели когда-нибудь джигу? Но, мне кажется, с *вами* всякий сумеет танцевать, мисс Осборн, ведь вы так отлично танцуете!

— А супруга майора молода и красива, капитан? — продолжала свой допрос прелестница. — Ах, как, должно быть, ужасно быть женой военного! Я удивляюсь, как это

им хочется танцевать, да еще в такое страшное время, когда у нас война! О капитан Доббин, я иногда трепещу при мысли о нашем дорогом Джордже и об опасностях, грозящих бедному солдату. А много у вас в полку женатых офицеров, капитан Доббин?

— Честное слово, это уж она чересчур в открытую играет, — пробормотала мисс Уирт. Но ее замечание было сделано как бы в скобках и не проникло сквозь щелку приоткрытой двери, у которой гувернантка произнесла его.

— Один из наших молодых офицеров только что женился, — ответил Доббин, подходя теперь прямо к цели. — Это была очень старая привязанность, но молодые оба бедны, как церковные крысы!

— О, как восхитительно! О, как романтично! — воскликнула мисс Осборн, когда капитан сказал: «старая привязанность» и «бедны».

Ее сочувствие придало ему храбрости.

— Лучший офицер из всей нашей полковой молодежи, — продолжал Доббин. — Храбрее и красивее его не найдется в армии. А какая у него очаровательная жена! Как бы она вам понравилась! Как вы ее полюбите, когда узнаете ее, мисс Осборн!

Собеседница его подумала, что решительная минута настала и что волнение Доббина, внезапно им овладевшее и проявлявшееся в подергиваниях лица и в том, как он постукивал по полу своей огромной ногой и быстро расстегивал и застегивал пуговицы на мундире и т. д. ... — словом, повторяю, мисс Осборн подумала, что, когда капитан оправится от смущения, он выскажется до конца, и с нетерпением приготовилась слушать. И когда часы с Ифигенией начали после предварительных конвульсий уныло отбивать двенадцать, мисс Осборн показалось, что бой их затянется до часу, — так долго они звонили, по мнению взволнованной старой девы.

— Но я пришел сюда не за тем, чтобы говорить о браке... то есть об этом браке... то есть... нет, я хочу сказать... дорогая моя мисс Осборн, это касается нашего дорогого друга Джорджа, — запинаясь, промолвил Доббин.

— Джорджа? — повторила она таким разочарованным тоном, что Мария и мисс Уирт расхохотались, стоя за дверью, и даже сам Доббин, — подумайте, какой

сердцеед нашелся! — едва сдержал улыбку, ибо и ему было кое-что известно об истинном положении дел. Джордж частенько отпускал на этот счет милые шуточки и поддразнивал его: «Черт возьми, Виль, почему ты не женишься на старушке Джейн? Она охотно за тебя пойдет, если ты посватаешься. Ставлю пять против двух, что пойдет!»

— Да, Джорджа, — продолжал Доббин. — У него вышла какая-то неприятность с мистером Осборном. А я так его люблю... ведь вы знаете, мы были с ним как братья... и я надеюсь... я молю бога, чтобы ссора была улажена. Мы отправляемся в заграничный поход, мисс Осборн. Нам могут приказать выступить со дня на день. Кто знает, что может случиться во время кампании! Не волнуйтесь, дорогая мисс Осборн! Но во всяком случае отцу с сыном нужно расстаться друзьями.

— Никакой ссоры не было, капитан Доббин, произошла лишь небольшая обычная размолвка с папой, — заявила мисс Осборн. — Мы со дня на день поджидаем возвращения Джорджа. Папа желал ему же добра. Пусть только он вернется, и я уверена, что все отлично уладится. А милая Рода, хоть и уехала от нас в страшном, страшном гневе, простит его, я это знаю. Женщина, капитан, прощает даже слишком охотно!

— Такой ангел, как *вы*, конечно, простит, я в том уверен, — сказал мистер Доббин с адским коварством. — Но ни один мужчина не может простить себе, если он причинит страдание женщине. Что бы вы почувствовали, если бы мужчина поступил с вами вероломно?

— Я погибла бы... Я выбросилась бы из окна... Я бы отравилась... Я бы зачахла... и умерла. Да, да, я бы умерла! — воскликнула мисс Осборн, которая, впрочем, пережила уже один или два романа, даже не помыслив о самоубийстве.

— Есть и другие, — продолжал Доббин, — наделенные таким же верным и нежным сердцем, как вы. Я говорю не о вест-индской наследнице, мисс Осборн, но о той девушке, которую полюбил Джордж и которая с самого своего детства росла с мыслью о нем одном. Я видел ее в бедности, когда сердце ее было разбито, но она не роптала, не жаловалась. Я говорю о мисс Седли. Дорогая мисс Осборн, можете ли вы, с вашим великодушным

сердцем, сердиться на брата за то, что он остался ей верен? Могла ли бы его собственная совесть простить, если бы он ее бросил? Будьте ей другом... она всегда вас любила... И я пришел сюда по поручению Джорджа, сообщить вам, что он почитает свои обязательства по отношению к ней своим священнейшим долгом, и буду умолять, чтобы по крайней мере вы были на его стороне.

Когда мистером Доббином овладевало сильное волнение, он мог после первых двух-трех смущенных слов говорить совершенно плавно. И было очевидно, что в данном случае его красноречие произвело известное впечатление на особу, к которой он обращался.

— Ну, знаете, — промолвила она, — все это... чрезвычайно странно... чрезвычайно прискорбно... совершенно необычайно... что скажет папа? Чтобы Джордж пренебрег такой великолепной партией, которая ему представлялась... Но во всяком случае он нашел очень отважного защитника в вашем лице, капитан Доббин. Впрочем, это ничему не поможет, — продолжала она, немного помолчав. — Я очень сочувствую бедной мисс Седли, от всей души... самым искренним образом, можете быть уверены. Мы никогда не считали это хорошей партией, хотя всегда были ласковы к мисс Седли, когда она бывала у нас, — очень ласковы. Но папа ни за что не согласится, я в этом уверена. И всякая хорошо воспитанная молодая женщина, понимаете... со стойкими принципами... обязана... Джордж должен отказаться от нее, капитан Доббин, право же должен.

— Значит, мужчина должен отказаться от любимой им женщины как раз тогда, когда ее постигло несчастье? — сказал Доббин, протягивая руку. — Дорогая мисс Осборн! От вас ли я слышу такой совет? Нет, невозможно, вы должны отнестись к ней по-дружески. Он не может от нее отказаться. Неужели вы думаете, что мужчина мог бы отказаться от *вас*, если бы вы были бедны?

Этот ловко заданный вопрос немало растрогал сердце мисс Джейн Осборн.

— Не знаю, капитан, следует ли нам, бедным девушкам, верить тому, что говорите вы, мужчины, — ответила она. — Нежное сердце женщины так склонно к легковерию. Боюсь, что вы жестокие обманщики, — тут Доббин

совершенно безошибочно почувствовал пожатие руки, протянутой ему девицей Осборн.

Он выпустил эту руку в некоторой тревоге.

— Обманщики? — произнес он. — Нет, дорогая мисс Осборн, не все мужчины таковы. Вот ваш брат — не обманщик. Джордж полюбил Эмилию Седли еще в то время, когда они были детьми. Никакое богатство в мире не заставило бы его жениться на другой женщине! Неужели он должен теперь ее покинуть? Неужели вы бы ему это посоветовали?

Что могла ответить мисс Джейн на такой вопрос, да еще имея в виду собственные цели? Отвечать ей было нечего, и потому она уклонилась от ответа, сказав:

— Ну, что же! Если вы не обманщик, то во всяком случае большой романтик. — Капитан Вильям пропустил это замечание без возражений.

Наконец решив после еще некоторых тонких намеков, что мисс Осборн достаточно подготовлена к восприятию известия целиком, он довел до слуха своей собеседницы всю правду:

— Джордж не мог отказаться от Эмили... Джордж женился на ней.

И тут он описал все обстоятельства, приведшие к браку, о чем мы уже знаем: как бедная девушка наверное бы умерла, если бы ее возлюбленный не сдержал своего слова, как старик Седли наотрез отказался дать свое согласие на брак и пришлось выправить лицензию; как Джоз Седли приезжал из Челтенхема, чтобы быть посаженным отцом, как затем новобрачные поехали в Брайтон в экипаже Джоза, на четверке лошадей, чтобы провести там свой медовый месяц, и как Джордж рассчитывает на то, что его дорогие, милые сестры примирят его с отцом, — а они наверное это сделают, как женщины любящие и нежные. И затем, испросив разрешение (охотно данное) повидаться с мисс Осборн еще раз и справедливо полагая, что сообщенная им новость будет не позднее чем через пять минут рассказана другим двум дамам, капитан Доббин откланялся и покинул гостиную.

Едва он успел выйти из дому, как мисс Мария и мисс Уирт вихрем ворвались к мисс Осборн, которая и поведала им все подробности изумительной тайны. **Нужно от-**

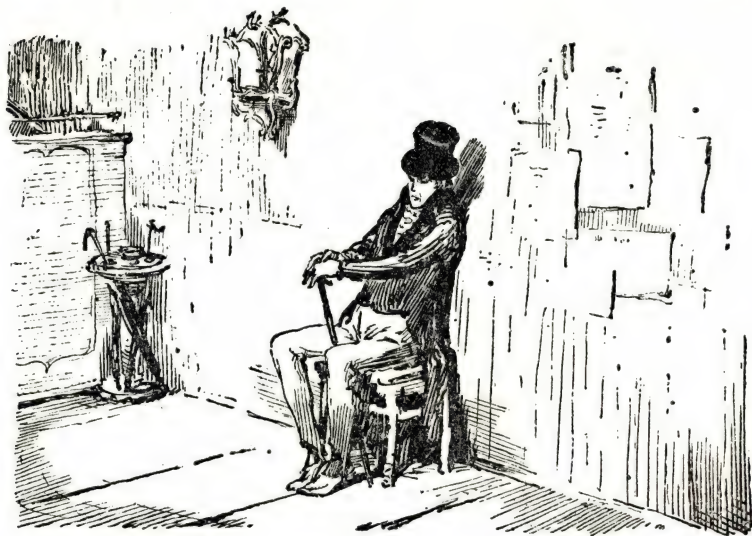
дать им справедливость: ни та, ни другая сестра не были особенно разгневаны. В тайных браках есть что-то такое, на что не многие женщины могут серьезно сердиться. И Эмилия даже выросла в их глазах благодаря отваге, которую она проявила, согласившись на подобный союз. Пока они обсуждали эту историю и трещали о ней, высказывая предположения о том, что сделает и что скажет папенька, раздался громкий стук в дверь, от которого заговорщицы вздрогнули, как от карающего удара грома. «Это, должно быть, папенька», — подумали они. Но это был не он. Это был только мистер Фредерик Буллок, приехавший, по уговору, из Сити, чтобы сопровождать девиц на выставку цветов.

Само собой понятно, что этот джентльмен не долго пребывал в неведении относительно великой тайны. Но когда он ее услышал, на его лице отразилось изумление, далеко не похожее на сентиментальное сочувствие сестер Осборн. Мистер Буллок был человеком светским и младшим компаньоном богатой фирмы. Ему было известно, что такое деньги, и он знал им цену. Восхитительный трепет надежды сверкнул в его глазках и заставил его улыбнуться своей Марии — при мысли, что благодаря такой глупости со стороны мистера Джорджа мисс Мария поднялась теперь в цене на тридцать тысяч фунтов, по сравнению с тем, что он раньше рассчитывал получить за нею приданое.

— Черт возьми, Джейн! — сказал он, поглядывая с некоторым интересом даже на старшую сестру. — Илс пожалеет, что пошел на попятный! Ведь вам теперь цена тысяч пятьдесят!

До этой минуты мысль о деньгах ни разу не приходила сестрам в голову, но Фред Буллок с изящной веселостью подшучивал над ними по этому поводу во время их предобеденной прогулки, и обе девицы весьма выросли в собственных глазах к тому моменту, когда они, закончив утренний круг развлечений, возвращались обедать. Пусть мой уважаемый читатель не поднимает крика по поводу такого эгоизма и не считает его неестественным. Не дальше как сегодня утром автор этой повести ехал в омнибусе из Ричмонда. Сидя на империале, он, пока меняли лошадей, обратил внимание на трех маленьких ребят-шек, возившихся на дороге в луже, очень грязных, друж-

ных и счастливых. К этим трем ребятишкам подбежала еще одна крошка. «Полли! — сообщила она. — *Твоей сестре дали пенни*». При этих словах ребятишки моментально вылезли из лужи и побежали подлизываться к Пегги. И когда омнибус трогался с места, я видел, как Пегги, сопровождаемая толпой ребятишек, с большим достоинством направлялась к лотку ближайшей торговли сластями.

ГЛАВА XXIV,

*в которой мистер Осборн снимает с полки
фамильную библию*

Подготовив таким образом сестер, Доббин поспешил в Сити выполнять вторую, более трудную часть задачи, принятой им на себя. Мысль оказаться лицом к лицу со старым Осборном немало его тревожила, и не раз уже он подумывал о том, чтобы предоставить сестрам сообщить отцу тайну, которую, он был в том уверен, они не смогут долго скрывать. Но он обещал доложить Джорджу, как примет известие Осборн-старший. Поэтому, отправившись в Сити в отцовскую контору на Темз-стрит, он послал оттуда записку мистеру Осборну с просьбой уделить ему полчаса времени для разговора, касающегося дел его сына Джорджа. Посланный Доббина вернулся с ответом, что мистер Осборн велел кланяться и будет рад видеть капитана теперь же; и Доббин незамедлительно отправился на свидание с ним.

Собираясь признаться в тайне, связанной с его же

преступным соучастием, и ожидая мучительного и бурного объяснения, капитан вошел в контору мистера Осборна нерешительной походкой, с самым мрачным видом. Когда он проходил через первую комнату, где властвовал мистер Чопер, этот последний приветствовал его из-за своей конторки веселым поклоном, что еще больше расстроило Доббина. Мистер Чопер подмигнул, кивнул головой и, указав пером на хозяйскую дверь, произнес: «Вы найдете его в отличном расположении духа!», вложив в эти слова совершенно непонятную приветливость.

В довершение всего Осборн поднялся со своего места, крепко пожал руку капитану и промолвил: «Как поживаете, дорогой мой?» — с такой сердечностью, что посланник бедняги Джорджа почувствовал себя кругом виноватым. Рука его была словно мертвая и не ответила на крепкое пожатие старого джентльмена. Капитан чувствовал, что он был в большей или меньшей степени причиной всего происшедшего. Ведь это он привел Джорджа обратно к Эмилии; это он поощрял, одобрял и почти сам заключил тот брак, о котором он явился теперь докладывать отцу Джорджа. А тот принимает его с приветливой улыбкой, похлопывает по плечу, называет «милым моим Доббином»! Да, посланцу Джорджа было от чего повесить голову.

Осборн был в полной уверенности, что Доббин явился, чтобы сообщить ему о капитуляции его сына. Мистер Чопер и его принципал беседовали о Джордже как раз в тот момент, когда прибыл посыльный от Доббина, и оба пришли к заключению, что Джордж шлет весть о своем решении подчиниться. Оба ожидали этого уже несколько дней. «И, боже ты мой, Чопер, какую мы теперь сыграем свадьбу!» — сказал мистер Осборн своему клерку, щелкнув толстыми пальцами, побрякивая всеми гинейями и шиллингами в своем огромном кармане и устремив на подчиненного торжествующий взгляд.

Все так же гремя деньгами в обоих карманах, Осборн с веселым многозначительным видом поглядел из своего кресла и на Доббина, когда тот уселся против него, бледный и безмолвный. «Что за увалень, а еще капитан армии, — подумал старик Осборн. — Удивительно, как это Джордж не научил его лучшим манерам!»

Наконец Доббин призвал всю свою храбрость и начал:

— Сэр, я привез вам весьма важное известие. Я был сегодня утром в казармах конной гвардии и узнал достоверно, что нашему полку будет приказано выступить в заграничный поход и отправиться в Бельгию в течение этой недели. А вам известно, сэр, что мы не вернемся домой без потасовки, которая может оказаться роковой для многих из нас.

Осборн стал серьезен.

— Я не сомневаюсь, — что мой с... то есть ваш полк, сэр, исполнит свой долг, — произнес он.

— Французы очень сильны, сэр, — продолжал Доббин. — Русским и австрийцам понадобится много времени, чтобы подтянуть свои войска. Нам придется первым вступать в бой, сэр, и — будьте покойны — Бони позаботится о том, чтобы дело было жаркое!

— К чему вы это клоните, Доббин? — воскликнул его собеседник, беспокойно хмурясь. — Я полагаю, ни один британец не побоится какого-нибудь треклятого француза, а?

— Я хочу лишь сказать, что перед тем как нам уходить и принимая во внимание огромный и несомненный риск, которому каждый из нас подвергается... если у вас с Джорджем произошла какая-нибудь размолвка... то было бы хорошо, сэр, если бы... если бы вы пожали друг другу руки, не так ли? Случись с ним что-либо, и вы, как мне думается, никогда не простите себе, что не помирились с сыном.

Произнося эти слова, бедный Вильям Доббин покраснел до корней волос и почувствовал себя гнусным предателем. Если бы не он, то, быть может, этого разлада вообще никогда бы не произошло. Почему нельзя было отложить брак Джорджа? Какая была надобность так торопить его? Доббин сознавал, что Джордж во всяком случае расстался бы с Эмилией без смертельной боли. Эмилия тоже *могла бы* оправиться от удара, причиненного ей потерей жениха. Это его, Доббина, совет привел к их браку и ко всему тому, что вытекало отсюда. Почему же это произошло? Потому, что он любил Эмилию так горячо, что не в силах был видеть ее несчастной? А может потому, что для него самого муки неизвестности были так невы-

носимы, что он рад был покончить с ними разом, — подобно тому, как мы торопимся с похоронами после чьей-нибудь смерти, или, когда неизбежна разлука с любимыми людьми, не можем успокоиться, пока она не станет свершившимся фактом.

— Вы хороший малый, Вильям, — промолвил мистер Осборн более мягким тоном, — нам с Джорджем не следует расставаться в ссоре, это так! Но послушайте меня. Я сделал для него столько, сколько не сделает для сына ни один отец. Ручаюсь вам, что он получал от меня втрое больше денег, чем вам когда-либо давал ваш батюшка! Но я не хвастаюсь этим. Как я трудился ради него, как работал, не жалея сил, об этом я говорить не буду. Спросите Чопера. Спросите его самого. Спросите в лондонском Сити. И вот я предлагаю ему вступить в такой брак, каким может гордиться любой английский дворянин... Единственный раз в жизни я обратился к нему с просьбой — и он отказывает мне. Что же, разве я не прав? И разве это я затеял ссору? Чего же я ищу, как не его блага, ради которого я с самого его рождения тружусь, словно каторжник. Никто не может сказать, что во мне говорит какой-то эгоизм. Пусть он возвращается. Вот вам моя рука. Я говорю: все забыто и прощено! А о том, чтобы жениться теперь же, не может быть и речи. Пусть они с мисс Суорц помирятся, а пожениться могут потом, когда он вернется домой полковником, потому что он *будет* полковником, черт меня подери, обязательно будет, уж за деньгами дело не станет. Я рад, что вы его образумили. Я знаю, это сделали вы, Доббин! Вы и прежде не раз выручали его из беды. Пусть он возвращается! Я не буду суров. Приходите-ка сегодня к нам на Рассел-сквер обедать — приходите оба. Прежний адрес, прежний час! Будет отличная оленина, и никаких неприятных разговоров.

Эти похвалы и доверие острой болью пронзили сердце Доббина. По мере того как разговор продолжался в таком тоне, капитан чувствовал себя все более и более виноватым.

— Сэр, — произнес он, — я боюсь, что вы себя обманываете. Я даже уверен, что это так. Джордж человек слишком возвышенных понятий, чтобы жениться на деньгах. В ответ на угрозу, что вы в случае неповиновения,

лишите его наследства, с его стороны может последовать только сопротивление.

— Черт возьми, сэр, какая же это угроза — предложить ему ежегодный доход в восемь или десять тысяч фунтов? — заметил мистер Осборн все еще с вызывающим добродушием. — Если бы мисс Суорц пожелала в супруги меня, я, черт подери, был бы к ее услугам! Я не обращаю особого внимания на оттенок кожи! — И старый джентльмен хитро подмигнул и разразился хриплым смехом.

— Вы забываете, сэр, о прежних обязательствах, принятых на себя капитаном Осборном, — сказал Доббин очень серьезно.

— Какие обязательства? На что вы, черт возьми, намекаете? Вы же не хотите сказать, — продолжал изумленно мистер Осборн, вскипая гневом при мысли, которая сейчас впервые мелькнула у него, — вы же не хотите сказать, что он такой треклятый болван, чтобы все еще лгнуть к дочери этого старого мошенника и банкрота? Ведь не явились же вы сюда, чтобы сказать мне, что он хочет жениться на ней? Жениться на ней — еще чего! Чтобы мой сын и наследник женился на дочери нищего! Да черт бы его побрал, если он это сделает! Пусть тогда купит себе метлу и подметает улицы! Она всегда лезла к нему и строила ему глазки, я прекрасно помню. И не сомневаюсь, что ее на это подстрекал старый пройдоха, ее папаша.

— Мистер Седли был вашим добрым другом, сэр, — перебил Доббин, почти обрадованный тем, что в нем тоже начал закипать гнев. — Было время, когда вы не называли его мошенником и негодяем. Этот брак — дело ваших рук! Джордж не имел права играть чувствами...

— Чувствами? — взревел старик Осборн. — Играть чувствами!.. Черт меня возьми, ведь это те же самые слова, которые произнес и мой джентльмен, когда важничал тут в четверг, две недели назад, и вел разговоры о британской армии с отцом, который породил его. Так это вы настроили его, а? Очень вам благодарен, господин капитан! Так это вы хотите вводить в мою семью нищих! Весьма вам признателен, капитан! Еще чего — жениться на ней! Ха-ха-ха! Да на что это ему? Ручаюсь вам — она и без этого мигом к нему прибежит!

— Сэр, — произнес Доббин с нескрываемой яростью,

вскакивая на ноги, — я никому не позволю оскорблять эту молодую особу в моем присутствии, и меньше всего — вам!

— Ах, вот как! Вы, чего доброго, еще на дуэль меня вызовете? Подождите, дайте я позвоню, чтобы нам подали пистолеты! Мистер Джордж прислал вас сюда затем, чтобы вы оскорбляли его отца? Так, что ли? — кричал мистер Осборн, дергая сонетку.

— Мистер Осборн, — возразил Доббин дрожащим голосом, — это вы оскорбляете лучшее в мире создание. Вам следовало бы пощадить ее, сэр, ведь она... жена вашего сына!

И, произнеся эти слова, Доббин вышел, чувствуя, что не в силах больше разговаривать, а мистер Осборн откинулся на спинку своего кресла, устремив безумный взор вслед уходившему. Вошел клерк, послушный звонку. И не успел капитан выйти на улицу со двора, где помещалась контора мистера Осборна, как его догнал мистер Чопер, совсем запыхавшийся и без шляпы.

— Ради бога, что случилось? — воскликнул мистер Чопер, хватая капитана за фалды. — Хозяину дурно! Скажите, что сделал мистер Джордж?

— Он женился на мисс Седли пять дней тому назад, — отвечал Доббин. — Я был у него шафером, мистер Чопер, а вы должны остаться ему другом.

Старый клерк покачал головой.

— Если вы принесли такие вести, капитан, значит дело плохо! Хозяин никогда ему этого не простит.

Доббин попросил Чопера сообщить ему о дальнейшем в гостиницу, где он остановился, и угрюмо зашагал в западную часть города, сильно взволнованный мыслями о прошедшем и о будущем.

Когда обитатели дома на Рассел-сквере собрались в этот вечер к обеду, они застали главу семьи на обычном месте, но выражение его лица было так мрачно, что домоладцы, хорошо знавшие это выражение, не смели рта раскрыть. Девицы и мистер Буллок, обедавший у них, поняли, что новость доведена до сведения мистера Осборна. Его грозный вид так подействовал на мистера Буллока, что тот затих и присмирел и только был необычайно предупредителен к мисс Марии, рядом с ко-

торой сидел, и к ее сестре, занимавшей председательское место.

Мисс Уирт, таким образом, сидела в одиночестве на своей стороне стола, между нею и мисс Джейн Осборн оставалось пустое место. Это было место Джорджа, когда он обедал дома, и для него, как мы говорили, всегда был приготовлен прибор на случай возвращения блудного сына. За время обеда ничто не нарушило тишину, если не считать редких, шепотом произнесенных замечаний улыбавшегося мистера Фредерика, да звона посуды и серебра. Слуги бесшумно двигались вокруг стола, исполняя свои обязанности. Факельщики на похоронах — и те не отличаются таким мрачным видом, какой был у лакеев мистера Осборна! Оленина, на которую он приглашал Доббина, была разрезана стариком в полнейшем молчании, но кусок дичины, взятый им себе, убрали со стола почти нетронутым; зато пил он много, и дворецкий усердно наполнял его стакан.

Наконец, когда было подано последнее блюдо, глаза мистера Осборна, которые он поочередно устремлял на каждого, остановились на приборе, поставленном для Джорджа. Мистер Осборн указал на прибор левой рукой. Дочери глядели на него, не понимая или не желая понять этого знака, да и лакеи сперва его не поняли.

— Убрать этот прибор! — крикнул он, наконец, вставая из-за стола, и, с проклятием оттолкнув кресло, удалился к себе.

Позади столовой была комната, известная в доме под названием кабинета. Это было святилище главы семейства. Сюда мистер Осборн обычно удалялся в воскресенье утром, когда ему не хотелось идти в церковь, и проводил здесь все утро, сидя в малиновом кожаном кресле и читая газету. Здесь стояли два-три стеклянных книжных шкафа с многотомными изданиями в прочных позолоченных переплетах: «Летописный обзор», «Журнал для джентльменов», «Проповеди Блейра» и «Юм и Смоллет». По целым годам мистер Осборн не снимал с полок ни одного из этих томов, но никто из членов семейства никогда ни под каким видом не посмел бы до них дотронуться. Исключением являлись те редкие воскресные вечера, когда не устраивалось званых обедов. Большая библия в красном переплете и молитвенник вынимались тогда из угла, где

они стояли рядом с «Книгой пэров», прислуга созывалась звонком в парадную гостиную, и Осборн читал своему семейству вечернюю службу неестественно громким и резким голосом. Никто в доме, ни чада, ни домоладцы, не входил в эту комнату без некоторого трепета. Здесь мистер Осборн проверял счета экономки и просматривал инвентарную книгу винного погреба, подаваемую дворецким. Отсюда ему была видна в глубине чистого, усыпанного гравием дворика задняя дверь конюшни, куда был проведен один из звонков. Кучер выходил в этот дворик, словно узник на казнь, и Осборн ругал его из окна кабинета. Четыре раза в год мисс Уирт являлась в эту комнату за получением своего жалованья, а дочери мистера Осборна — за получением своих карманных денег. Джорджа, когда он был мальчиком, частенько драли в этой комнате, а мать сидела в это время на лестнице ни жива ни мертва, прислушиваясь к ударам хлыста. Мальчик никогда не кричал, когда его пороли, а после наказания бедная женщина украдкой ласкала и целовала его и потихоньку давала ему денег.

Над камином висел семейный портрет, перенесенный сюда из столовой после смерти миссис Осборн: Джордж верхом на пони, старшая сестра подает ему букет цветов, а младшую мать держит за руку. Все с румяными щеками, большими красными ртами и глупо улыбаются друг другу, как принято изображать на семейных портретах. Мать лежала теперь в земле, давно всеми забытая; у сестер и брата появились свои разнообразные интересы, и они стали совершенно чужими друг другу. Через несколько десятков лет, когда все изображенные на портрете состарились, какой горькой сатирой кажутся такие чопорные, наивные семейные портреты — вся эта комедия чувств и лживых улыбок, и невинности, столь застенчивой и столь самодовольной! Почетное место в столовой, освобожденное семейной группой, занял парадный портрет самого Осборна, его кресла и большой серебряной чернильницы.

Вот в этот-то кабинет и удалился теперь старик Осборн, к великому облегчению всего небольшого общества, которое он покинул. Когда слуги ушли, оставшиеся начали было беседовать оживленно, но вполголоса, а потом тихонько отправились наверх, причем мистер Буллок последовал за дамами, осторожно ступая в своих скрипу-

чих башмаках. У него не хватило духу в одиночестве пить вино, да еще так близко от страшного старого джентльмена, сидевшего рядом, у себя в кабинете.

Уже давно стемнело, когда дворецкий, не получая никаких распоряжений, решился постучать в дверь и подать в кабинет восковые свечи и чай. Хозяин дома сидел в кресле, делая вид, будто читает газету, и когда слуга, поставив около него свечи и чайный прибор, удалился, Осборн поднялся и запер за ним дверь на ключ. На этот раз не оставалось никаких сомнений: все домочадцы поняли, что надвигается какая-то страшная катастрофа и что мистеру Джорджу не сдобровать.

В большом полированном бюро красного дерева у мистера Осборна был ящик, специально отведенный для дел и бумаг его сына. Здесь хранились все документы, касавшиеся Джорджа, с тех самых пор, как он был ребенком: здесь были его тетрадки и альбомы для рисования с похвальными отзывами, с пометками учителей; здесь были его первые письма, написанные крупным круглым почерком, с поцелуями папеньке и маменьке и с просьбой о присылке пирогов. Не раз упоминался в них его дорогой крестный Седли. Проклятия срывались с помертвевших губ старика Осборна, и страшная ненависть и злоба закипали у него в груди, когда он, просматривая письма, встречал это имя. Все бумаги были помечены, надписаны и перевязаны красной тесьмой. На них значилось: «От Джорджи с просьбой о 5 шиллингах 23 апреля 18.; ответ — 25 апреля». Или: «Джорджи: относительно пони, 13 октября», и так далее. В другом пакете были: «Счета доктора С.», «Счета портного Джорджи и за экипировку; векселя на меня, выданные Дж. Осборном-младшим», и т. д. Его письма из Вест-Индии; письма его агента и газеты, в которых было напечатано о его производствах. Здесь же хранился детский хлыстик Джорджа, а в бумажке — медальон с его локоном, который всегда носила его мать.

Несчастный провел много часов, перебирая эти сувениры и раздумывая над ними. Его самые честолюбивые мечты, самые заветные упования — все было здесь. Как он гордился своим мальчиком! Более красивого ребенка он не встречал. Все говорили, что он похож на сына настоящего аристократа. Одна из принцесс королевской крови заметила его на прогулке в садах Кью *, поцело-

вала и спросила, как его зовут. Какой еще делец из Сити мог похвастаться таким сыном? На какого принца тратилось столько забот? Его сын имел все, что можно было приобрести за деньги. Сам Осборн приезжал в дни актов в школу на четверке лошадей, со слугами в новых ливреях и одарял новенькими шиллингами учеников, товарищей Джорджа. А когда он отправился с Джорджем в казармы его полка, перед тем как юноша отплыл в Канаду, он устроил офицерам такой обед, что на нем мог бы присутствовать сам герцог Йоркский. Разве он отказывался когда-либо платить по векселям, которые Джордж выдавал на него? Вот они, и все оплачены беспрекословно! Не у всякого генерала были такие лошади, на каких ездил Джордж! Он вспоминал сына в самые различные периоды жизни, и тот вставал перед его глазами: то после обеда, когда Джордж приходил в столовую, смелый, как лорд, и отпивал из отцовской рюмки, сидя рядом с ним во главе стола; то верхом на пони в Брайтоне, когда он перескочил через изгородь и не отставал от взрослых охотников; то в тот день, когда он был представлен принцу-регенту на парадном выходе и весь сент-джемский двор * не мог похвастаться другим таким молодцом! И вот конец всему! Жениться на дочери банкрота, пренебречь сыновним долгом и богатством! Какое унижение и ярость, какое крушение честолюбивых надежд и любви, какую боль оскорбленного тщеславия и даже нежности познал теперь этот суетный старик!

Рассмотрев эти бумаги и посидев в задумчивости то над одной, то над другой из них, в той горчайшей из всех беспомощных печалей, с которой несчастные вспоминают о счастливых минувших временах, отец Джорджа вынул всю кипу документов из ящика, где он держал ее так долго, и запер в шкатулку, перевязав ее и запечатав своей печатью. Затем он открыл книжный шкаф и снял с полки большую красную библию, о которой мы уже говорили, — пышно разукрашенную и редко раскрываемую книгу, всю сверкавшую золотом. Фронтиспис книги изображал Авраама, приносящего в жертву Исаака. Здесь, на первом чистом листе, Осборн, согласно обычаю, записывал своим четким писарским почерком даты своего брака и смерти жены и дни рождения и имена своих детей: сперва шла Джейн, затем Джордж Седли Осборн, потом Мария-Френ-

сис, и дни крещения каждого из детей. Взяв перо, Осборн тщательно вычеркнул имя Джорджа и, когда листок совершенно высох, поставил книгу обратно на то место, откуда взял ее. Затем вынул из другого ящика, где хранились его личные бумаги, какой-то документ и, перечтя его, скомкал, зажег от одной из свечей и не спускал с него глаз, пока тот не сгорел дотла на каминной решетке. Это было его духовное завещание. Когда оно сгорело, Осборн присел к столу и написал какое-то письмо, потом позвонил слуге и велел ему доставить утром письмо по адресу. А утро уже наступило: когда старик поднимался к себе в спальню, весь дом был залит солнечным светом и среди свежей зеленой листвы Рассел-сквера распевали птицы.

Заботясь о том, чтобы умиловить всех членов семейства мистера Осборна и их присных и желая снискать Джорджу в час постигшей его невзгоды как можно большее число друзей, Вильям Доббин, которому было известно, какое влияние оказывают на человеческую душу хороший обед и доброе вино, немедленно по своем возвращении в гостиницу послал самое радужное приглашение Томасу Чоперу, эсквайру, прося этого джентльмена отобедать с ним на следующий день у «Слотера». Письмо застало мистера Чопера еще в Сити, и он немедленно написал ответ, гласивший, что «мистер Чопер свидетельствует свое глубокое уважение капитану Доббину и будет иметь честь и удовольствие» и т. д. Приглашение и черновик ответа на него были показаны миссис Чопер и ее дочерям, как только старший клерк воротился вечером домой в Сомерс-таун; и когда семейство уселось пить чай, то за столом только и было разговора, что о благородных офицерах и вест-эндских аристократах. Когда же девочки пошли спать, мистер и миссис Чопер начали обсуждать странные события, происходящие в семействе хозяина. Никогда еще клерк не видел его таким взволнованным. Войдя к мистеру Осборну после ухода капитана Доббина, мистер Чопер застал своего хозяина с почерневшим лицом и чуть что не в обмороке. Старый конторщик был уверен, что между мистером Осборном и молодым капитаном произошла какая-то ужасная ссора. Чоперу было дано распоряжение составить выписку всех сумм, выплаченных капитану Осборну за последние три года. «И цифра получилась не маленькая», — заявил он,

проникаясь еще большим уважением к своим хозяевам — и старому и молодому — за ту щедрость, с которой они сорили гинейми. Спор вышел как будто бы из-за мисс Седли. Миссис Чопер клялась и заверяла, что ей очень жаль бедную девушку: подумать только — потерять такого красивого молодого человека, как капитан! Мистер Чопер не питал особого уважения к мисс Седли, как к дочери неудачливого спекулянта, и всегда-то платившего очень скудный дивиденд. Он уважал фирму Осборна превыше всех других в лондонском Сити, и его надеждой и желанием было, чтобы капитан Джордж женился на дочери какого-нибудь аристократа. Клерк спал в эту ночь гораздо спокойнее своего принципала. А после раннего завтрака, который он съел с отменным аппетитом (хотя его скромная чаша жизни подслащалась только сахарным песком), приласкал детей, нарядился в лучшее свое платье и рубашку с брыжами и отправился в контору, пообещав восхищенной его видом жене не очень налегать вечером на портвейн капитана Доббина.

Когда мистер Осборн явился в свое обычное время в Сити, вид его поразил всех подчиненных, привыкших, по вполне понятным причинам, наблюдать за выражением хозяйского лица, — до того он был бледен и утомлен. В двенадцать часов мистер Хигс (адвокатская контора Хигс и Блетеруик на Бедфорд-роу), явившийся по особому вызову, был проведен в кабинет мистера Осборна и беседовал с ним наедине свыше часа. Около часу дня мистер Чопер получил записку, принесенную денщиком капитана Доббина, со вложением письма для мистера Осборна, которое клерк и передал по назначению, войдя в кабинет. Немного спустя туда снова были приглашены мистер Чопер и мистер Берч, второй клерк, которым было предложено расписаться в качестве свидетелей на представленном им документе. «Я составил новое завещание», — сказал мистер Осборн, и вышеупомянутые джентльмены снабдили документ своими подписями. Совершилось это в полном молчании. У мистера Хигса был чрезвычайно серьезный вид, когда он вышел в помещение конторы; он строго поглядел на мистера Чопера, но никаких объяснений не последовало. Было замечено, что мистер Осборн в тот день держал себя как-то особенно тихо и кротко, к великому изумлению тех, кто с самого утра ждал бури.

Он никого не разносил, ни разу не выругался и рано оставил контору, а перед уходом еще раз вызвал к себе старшего клерка и, дав ему общие указания, спросил с видимой неохотой: не известно ли ему, в городе капитан Доббин или нет?

Чопер ответил, что он, кажется, здесь. На самом деле это было прекрасно известно и тому и другому.

Осборн взял со стола письмо, адресованное этому офицеру, и, передав его клерку, попросил немедленно вручить Доббину в собственные руки.

— А теперь, Чопер, — сказал он, берясь за шляпу и как-то странно глядя на клерка, — у меня будет легче на душе!

Ровно в два часа (несомненно, по предварительному уговору) явился мистер Фредерик Буллок, и они с мистром Осборном уехали вместе.

Командиром *** полка, в котором Доббин и Осборн командовали ротами, был старый генерал, проделавший свою первую кампанию в Квебеке под начальством Вульфа. Годы и болезни уже давно вывели его из строя, но он продолжал интересоваться полком, главой которого попрежнему числился, и радушно приглашал кое-кого из своих молодых офицеров к столу, — гостеприимство, ныне, как мне кажется, отнюдь не распространенное среди его собратьев. Особенно любил старый генерал капитана Доббина. Доббин был начитан по своей части и мог беседовать о Фридрихе Великом, об императрице Терезии и об их войнах почти с таким же знанием дела, как и сам генерал, который был равнодушен к триумфам настоящего времени и все свои симпатии отдавал полководцам, прославившимся полвека тому назад. В то самое утро, когда мистер Осборн изменил свое духовное завещание, а мистер Чопер надел лучшую свою рубашку с брыжами, генерал пригласил Доббина к себе позавтракать и за завтраком сообщил своему любимцу, — дня за два до опубликования, — о том, чего все ожидали: о приказе выступать в Бельгию. Приказ полку быть в готовности будет издан через день или два, а так как кораблей для перевозки войск вполне достаточно, то не пройдет и недели, как они будут уже на пути в Бельгию. В Четеме

полк пополнился новобранцами, и старый генерал высказал надежду, что полк, который участвовал в победоносном бою против Монкальма в Канаде и в разгроме мистера Вашингтона на Лонг-Айленде, сумеет показать себя и на нидерландских полях, уже бывших свидетелями многих кровопролитных сражений.

— Итак, мой добрый друг, если у вас есть какая-нибудь *affaire là* ¹, — сказал старый генерал, беря щепоточку табаку дрожащими старческими пальцами и затем укаывая на то место под халатом, где у него все еще слабо билось сердце, — если у вас есть какая-нибудь Филлида *, которую надо утешить, или если вам нужно попроситься с папёнкой и маменькой, или же составить завещание, — рекомендую вам заняться этим безотлагательно! — После чего генерал подал своему молодому другу палец для пожатия и добродушно кивнул ему головой в напудренном парике с косичкой. А когда дверь за Доббином закрылась, взялся за перо и написал *poulet* ² (он всегда кичился своим знанием французского языка) *mademoiselle* Аменаиде из Театра его Величества.

Это известие заставило Доббина призадуматься. Он вспомнил о своих друзьях в Брайтоне и тут же устыдился, что Эмилия всегда занимала первое место в его думах (он думал о ней больше, чем об отце с матерью, о сестрах и служебном долге; всегда — и наяву, и во сне, и вообще в течение всего дня и ночи). Вернувшись к себе в гостиницу, он отправил мистеру Осборну коротенькую записку, доводя до его сведения о полученном известии, которое могло, как он надеялся, побудить отца к примирению с Джорджем.

Записка эта, отправленная с тем же посыльным, который отнес накануне приглашение Чоперу, немного встревожила достойного клерка. Она была адресована ему, и, вскрывая конверт, он трепетал при мысли, уж не откладывается ли, чего доброго, обед, на который он рассчитывал. У него сразу отлегло от сердца, когда он убедился, что для него самого в конверте было только напоминание. («Я буду ждать вас в половине шестого», — писал капитан

¹ Интрижка (франц.).

² Любовную записку (франц.).

Доббин.) Чопер очень входил в интересы хозяйского семейства, но — *que voulez-vous!*¹ — парадный обед занимал его гораздо больше, чем чьи бы то ни было чужие дела.

Доббин был уполномочен генералом передать полученное от него сообщение всем офицерам полка, которых капитан мог увидеть во время своих скитаний по городу. Поэтому он рассказал новость прапорщику Стаблу, встреченному им у агента, и тот со свойственным ему воинственным пылом немедленно отправился покупать новую саблю у поставщика военного снаряжения. Там этот юноша, — который, хотя и достиг всего лишь семнадцатилетнего возраста и ростом не превышал шестидесяти пяти дюймов, а к тому же был хил от рождения и сильно расшатал свое здоровье неумеренным потреблением коньяка, но отличался несомненной отвагой и храбростью льва, — начал взвешивать в руке, пробовать, сгибать и примерять оружие, с помощью которого он намеревался сеять смерть и ужас среди французов. Выкрикивая «га, га!» и с необычайной энергией притопывая маленькой ножкой, он сделал два-три выпада, наставляя острие на капитана Доббина, который со смехом парировал его удары своей бамбуковой тростью.

Мистер Стабл, как можно было судить по его росту и худобе, принадлежал к легкой пехоте. Зато прапорщик Спунн, юноша рослый, состоял в гренадерской роте (капитана Доббина), и он тут же занялся примеркой новой медвежьей шапки, в которой имел свирепый не по возрасту вид. Затем оба юнца отправились к «Слотеру» и, заказав обед наславу, уселись писать письма родителям, — письма, полные любви, сердечности, отваги и грамматических ошибок. Ах! Много сердец тревожно билось тогда по всей Англии! И во многих домах возносились к небу слезные материнские молитвы!

Увидев юного Стабла, занятого письмом за одним из столиков в общей зале «Слотера», причем слезы так и капали у него с носа на бумагу (он думал о своей маменьке и о том, что, может быть, никогда больше ее не увидит), Доббин, собиравшийся написать письмо Джорджу Осборну, призадумался и закрыл письменный

¹ Что вы хотите? (франц.).

прибор. «К чему писать? — сказал он себе. — Пусть она безмятежно поспит эту ночь. Завтра утром я навещу своих родителей, а потом сам съезжу в Брайтон».

Он встал, подошел к Стаблу и, положив свою большую руку ему на плечо, подбодрил юного воина, сказав, что если он бросит пить коньяк, то станет хорошим солдатом, так как всегда был благородным, сердечным малым. Глаза юного Стабла заблестели от этих слов, потому что Доббин пользовался большим уважением в полку, как лучший офицер и умнейший человек.

— Спасибо, Доббин, — ответил он, утирая глаза кулаками. — Я как раз и писал... как раз и писал ей, что брошу! Ах, сэр, она так меня любит!

Тут насосы опять заработали, и я не уверен, не замигали ли глаза и у мягкосердечного капитана.

Оба прапорщика, капитан и мистер Чопер отобедали все вместе, за одним столом. Чопер привез от мистера Осборна письмо, в котором тот в коротких словах свидетельствовал свое уважение капитану Доббину и просил его передать вложенный в письмо пакет капитану Джорджу Осборну. Больше Чопер ничего не знал. Правда, он описал вид мистера Осборна, рассказал об его свидании с адвокатом, дивился тому, что его патрон никого в тот день не обругал, и высказывал самые разнообразные предположения и догадки, особенно когда вкруговую пошло вино. Но с каждым стаканом его рассуждения становились все более туманными и под конец сделались совсем непонятными. Поздно вечером капитан Доббин усадил своего гостя в наемную карету, между тем как тот только икал и клялся, что будет... ик!.. до скончания веков... ик!.. другом капитану.

Мы уже говорили, что капитан Доббин, прощаясь с мисс Осборн, попросил у нее разрешения посетить ее еще раз, и поэтому старая дева на следующий день поджидала его в течение нескольких часов. И, может быть, если бы он пришел и обратился к ней с тем вопросом, на который она готова была ответить, — может быть, она объявила бы себя другом своего брата, и тогда могло бы произойти примирение Джорджа с разгневанным отцом. Но сколько она ни ждала, капитан так и не пришел. У него было достаточно собственных дел: надо было посетить и утешить родителей, пораньше занять место

на империале кареты «Молния» и съездить к своим друзьям в Брайтон. Днем мисс Осборн слышала, как отец отдал приказ никогда не пускать к нему на порог этого надоедливого прохвоста капитана Доббина. Таким образом, всем надеждам, какие мисс Осборн могла питать про себя, разом был положен конец. Явился мистер Фредерик Буллок и был особенно нежен с Марией и внимателен к убитому горем старому джентльмену. Ибо хотя мистер Осборн и говорил, что у него станет легче на душе, но, повидимому, средства, к которым он обратился, чтобы обеспечить себе душевный покой, оказались недействительными, и события минувших двух дней явно потрясли его.

ГЛАВА XXV.

*в которой все главные действующие лица
считают своевременным покинуть Брайтон*

Когда Дöbbина привели к дамам в Корабельную гостиницу, он напустил на себя веселый и беспечный вид, который доказывал, что этот молодой офицер с каждым днем становится все более ловким лицемером. Он пытался скрыть свои личные чувства, вызванные, во-первых, видом миссис Джордж Осборн в ее новом положении, а во-вторых, — страхом перед тем горем, какое ей, несомненно, доставит привезенная им печальная весть.

— Мое мнение таково, Джордж, — сказал он приятелю, — что не пройдет и трех недель, как французский император нагрянет на нас со всей своей конницей и пехотой и заставит герцога так поплясать, что в сравнении с этим испанская война * покажется детской забавой. Но не надо, по-моему, говорить об этом миссис Осборн. В конце концов нам, может быть, совсем не придется драться и наше пребывание в Бельгии сведется просто к военной оккупации. Многие так думают, Брюссель переполнен

светской знатью и модницами. — И между приятелями было решено представить Эмилии задачи британской армии в Бельгии именно в таком безобидном свете.

Подготовив этот заговор, лицемер Доббин весьма весело приветствовал миссис Джордж Осборн, попытался отпустить ей два-три комплимента по поводу ее нового положения замужней дамы (причем, нужно заметить, комплименты эти были чрезвычайно робки и неуклюжи), а затем стал распространяться насчет Брайтона, морского воздуха, местных развлечений, красот дороги и достоинств кареты «Молния» и лошадей — да так оживленно, что Эмилия ровно ничего не понимала, а Ребекка от души забавлялась, наблюдая за капитаном, как, впрочем, она наблюдала за всяким, с кем только сталкивалась.

Маленькая Эмилия, нужно в том признаться, была невысокого мнения о друге своего супруга, капитане Доббине. Он пришепetyвал, был некрасив, неотесан, чрезвычайно неуклюж и неловок. Она любила его за привязанность к мужу (конечно, заслуга тут не велика!) и считала, что Джордж очень великодушен и мил, раз удостоивает дружбой своего собрата по полку. Джордж частенько передразнивал в ее присутствии шепелявую речь Доббина и его забавные манеры, хотя, нужно отдать ему справедливость, всегда отзывался с похвалой о замечательных качествах своего друга. В дни недолгого своего триумфа Эмилия, будучи едва знакома с честным Вильямом, мало ценила его, и он отлично знал, какого она о нем мнения, и не роптал. Пришло время, когда она узнала его лучше и переменялась к нему, но до этого было еще далеко.

Что же касается Ребекки, то не успел капитан Доббин пробыть и двух часов в их обществе, как она разгадала его секрет. Доббин ей не нравился, и она его втайне побаивалась. Да и сам он тоже не очень был к ней расположен: он был так честен, что ее уловки и ужимки на него не действовали, и он с инстинктивным отвращением сторонился Ребекки. А так как Ребекка, подобно всем представительницам прекрасного пола, не чужда была зависти, то она еще больше невзлюбила Доббина за его обожание Эмилии. Тем не менее она была с ним очень почтительна и приветлива. Друг Осборнов! Друг дорогих ее благодетелей! Она клялась, что всегда будет искренно его любить. Она отлично помнит его по тому вечеру в

Воксхолле, сказала она лукаво Эмили и немножко произдевалась над ним, когда обе дамы удалились переодеваться к обеду. Родон Кроули не обратил на Доббина почти никакого внимания, считая его добродушным простофилей и неотесанным купеческим сыном. Джоз покровительствовал ему с большим достоинством.

Когда Джордж и Доббин остались вдвоем в номере капитана, тот вынул из своей шкатулки письмо, которое мистер Осборн поручил ему передать сыну.

— Это не отцовский почерк, — сказал Джордж с тревогой. Так оно и оказалось. Письмо было от поверенного мистера Осборна и гласило следующее:

Бедфорд-роу, мая 7, 1815 г.

Сэр, я уполномочен мистером Осборном уведомить вас, что он остается при решении, высказанном ранее вам лично, и что вследствие брака, который вам угодно было заключить, он отныне перестает считать вас членом своего семейства. Это решение окончательно и отмене не подлежит.

Хотя денежные средства, истраченные на вас до наступления вашего совершеннолетия, равно как и векселя, которые вы за последние годы столь щедро выдавали на вашего батюшку, далеко превышают по общему итогу ту сумму, на каковую вы можете иметь притязания по праву (она составляет третью часть состояния вашей матушки, покойной миссис Осборн, после ее кончины ~~перешедшего~~ к вам, к мисс Джейн Осборн и к мисс Марии-Френсис Осборн), однако я уполномочен мистером Осборном заявить вам, что он отказывается от всяких претензий на ваше имущество, и сумма в две тысячи фунтов, в четырехпроцентных бумагах, по курсу дня (то есть принадлежащая вам третья часть суммы в шесть тысяч фунтов) будет уплачена вам или вашим представителям под вашу расписку

вашим покорным слугой

С. Хигсом.

Р. S. Мистер Осборн просит меня заявить вам раз навсегда, что он заранее отказывается получать какие бы то ни было сообщения, письма или извещения от вас по сему предмету или по любому иному».

— Хорошо же ты уладил это дело! — сказал Джордж, свирепо глядя на Вильяма Доббина. — Вот, посмотри-ка! — и он бросил ему отцовское письмо. — Нищий, черт побери, а все из-за моей распроклятой чувствительности! Почему нельзя было подождать? Вполне возможно, что я погибну на войне, и что будет хорошего для Эмми, если она останется вдовой нищего? Все это ты наделал! Не мог успокоиться, пока не заставил меня жениться и не разорил! На какого дьявола мне две тысячи фунтов? Их не хватит и на два года? Я уже за то время, что мы здесь, продул Кроули сто сорок фунтов в карты и на бильярде. Нечего сказать, умеешь ты устраивать чужие дела!

— Нельзя отрицать, что положение трудное, — спокойно отвечал Доббин, прочтя письмо. — И, как ты говоришь, я отчасти тому причиной. Но есть люди, которые были бы непрочь поменяться с тобой, — добавил он с горькой усмешкой. — Ты сам подумай, много ли у нас в полку капитанов, имеющих две тысячи фунтов про черный день? Ты должен жить на жалованье, пока твой отец не смягчится, а если ты умрешь, то оставишь своей жене сто фунтов годового дохода.

— Неужели ты воображаешь, что человек с моими привычками в состоянии жить на жалованье и на какую-то сотню фунтов в год? — воскликнул Джордж всерьез. — Надо быть дураком, чтобы так говорить, Доббин! Как мне, черт подери, поддерживать свое положение в свете на такие жалкие гроши? Я не могу изменить своих привычек! Я *должен* жить с удобствами! Я вскормлен не на овсянке, как Мак-Уортер, и не на картошке, как старый О'Дауд. Может, ты хочешь, чтобы моя жена занялась стиркой на солдат или ездила за полком в обозном фургоне?

— Ну, ладно, ладно, — сказал Доббин, попрежнему добродушно. — Мы раздобудем для нее экипаж и лучше! Но не забывай, милый мой Джордж, что ты сейчас всего лишь свергнутый с трона принц, и наберись спокойствия на то время, пока бушует буря. Она скоро пронесется. Пусть только твое имя будет упомянуто в «Газете», и я ручаюсь, что отец смирится к тебе.

— Упомянуто в «Газете»? — повторил Джордж. — А в каком отделе? В списке убитых и раненых, да еще, чего доброго, в самом начале его?

— Брось! Не оплакивай себя раньше времени, — заметил Доббин. — А если что-нибудь и случится, то ты знаешь, Джордж, что у меня кое-что есть, я жениться не собираюсь и не забуду своего крестника в духовном завещании, — прибавил он с улыбкой.

Спор их, как и много десятков подобных разговоров между Осборном и его другом, закончился тем, что Джордж объявил, что нельзя долго сердиться на Доббина, и великодушно простил ему обиды, которые сам же нанес без всякого к тому основания.

— Послушай-ка, Бекки, — закричал Родон Кроули из своей туалетной комнаты жене, наряжавшейся к обеду у себя в спальне.

— Что? — раздался в ответ звонкий голос Бекки. Она гляделась через плечо в зеркало. С обнаженными плечами, в прелестном белом платье с небольшим ожерельем и голубым поясом, она являла собою образ юной невинности и девического счастья.

— Как по-твоему, что будет делать миссис Осборн, когда Осборн уйдет с полком? — сказал Кроули, входя в комнату; он исполнял на своей макушке дуэт двумя огромными головными щетками и с восхищением поглядывал из-под свисающих волос на свою хорошенькую жену.

— Наверно, выплачет себе глаза, — отвечала Бекки. — Она уже раз пять принималась хныкать при одном упоминании об этом, когда мы были вдвоем.

— А тебе, видно, решительно все равно, — сказал Родон, задетый за живое бесчувственностью своей жены.

— Ах ты, гадкий! Да разве ты не знаешь, что я намерена ехать с тобой? — воскликнула Бекки. — Кроме того, ты совсем другое дело! Ты идешь в качестве адъютанта генерала Тафто. Мы не состоим в строевых войсках! — сказала миссис Кроули, вздергивая головку с таким видом, что супруг пришел в восторг и, нагнувшись, поцеловал ее.

— Родон, голубчик... как ты думаешь... не лучше ли будет получить эти деньги с Купидона до его отъезда? — продолжала Бекки, прикалывая сногшибательный бантик. Она прозвала Джорджа Осборна Купидоном. Она де-

сятки раз говорила ему об его красивой наружности. Она ласково поглядывала на него за экарте по вечерам, когда он забежал к Родону на полчасика перед сном. Она часто называла Джорджа ужасным ветреником и грозилась рассказать Эмми о его времяпрепровождении и дурных сумасбродных привычках. Она подавала ему сигару и подносила огонь. Ей был хорошо известен эффект такого маневра, так как в былые дни она испробовала его на Родоне Кроули. Джордж считал ее веселой, остроумной, лукавой, *distinguée*, восхитительной. Во время прогулок и обедов Бекки, разумеется, совершенно затмевала бедную Эмми, которая робко сидела, не произнося ни слова, пока ее супруг и миссис Кроули оживленно болтали, а капитан Кроули и Джоз (вскоре присоединившийся к новобрачным) в молчании поглощали еду.

В душе у Эмми пробуждалось предчувствие чего-то недоброго со стороны подруги. Остроумие Ребекки, ее веселый нрав и таланты смущали ее и вызывали грустное беспокойство. Они женаты всего лишь неделю, а Джордж уже скучает с ней и жаждет другого общества! Она трепетала за будущее. «Какой я буду ему спутницей, — думала она, — ему, такому умному и блестящему, когда сама я такая незаметная и глупенькая! Как было благородно с его стороны жениться на мне, — отречься от всего и снизойти до меня. Мне следовало бы отказать ему, но у меня не хватило духу. Мне следовало бы остаться дома и ухаживать за бедным папой!» Она впервые вспомнила о своем небрежении к родителям (у бедняжки были, конечно, некоторые основания обвинять себя в этом) и покраснела от стыда. «О, я поступила очень гадко, — думала она, — я показала себя эгоисткой, когда забыла о них в их горе... когда заставила Джорджа жениться на мне. Я знаю, что недостойна его... Знаю, что он был бы счастлив и без меня... и все же... но ведь я старалась, старалась от него отказаться».

Тяжело, когда такие мысли и признания тревожат молодую жену в первую же неделю после свадьбы. Но так оно было. И накануне приезда Доббина, в чудный, залитый лунным светом майский вечер, такой теплый и благоуханный, что все окна были открыты на балкон, с которого Джордж и миссис Кроули любовались спокойной ширью океана, пока Родон и Джоз были заняты в

комнате играю в триктрак, — Эмилия лежала в большом кресле, всеми забытая, и, глядя на обе эти группы, чувствовала отчаяние и угрызения совести, которые тяжким гнетом ложились на эту нежную одинокую душу. Всего неделя, а вот до чего дошло! Будущее, если бы она заглянула в него, представилось бы ей поистине мрачным. Но Эмми была слишком робка, если можно так выразиться, чтобы заглядывать туда и пускаться в плавание по этому безбрежному морю одной, без указчика и защитника. Я знаю, что мисс Смит невысокого мнения о ней. Но, дорогая моя мисс Смит, много ли найдется женщин, одаренных вашей изумительной твердостью духа?

— Что за чудесная ночь, как ярко светит месяц! — сказал Джордж, попыхивая сигарой и пуская дым к небесам.

— Как восхитительно пахнут сигары на открытом воздухе! Я обожаю их аромат! Кто бы мог подумать, что луна отстоит от земли на двести тридцать шесть тысяч восемьсот сорок семь миль, — прибавила Бекки, с улыбкой поглядывая на ночное светило. — Разве я не умница, что еще помню это? Да, да, мы все это учили в пансионе мисс Пинкертон. Как спокойно море, и воздух совсем прозрачный. Право же, я, кажется, могу разглядеть французский берег! — И взор ее блестящих зеленых глаз устремился вдаль, пронзая ночной мрак, словно она действительно что-то видела вдали. — Знаете, что я собираюсь сделать в одно прекрасное утро? — продолжала она. — Я убедилась, что плаваю великолепно, и вот как-нибудь, когда компаньонка моей тетки Кроули... знаете, эта старушка Бригс, — вы ведь помните ее?.. такая особа с крючковатым носом, с длинными космами! — когда Бригс отправится купаться, я нырну к ней под кабинку и буду добиваться примирения в воде. Что, разве плохо придумано?

Джордж расхохотался при мысли о таком подводном свидании.

— Что у вас там такое? — крикнул им Родон, встряхивая стаканчик с костями.

Эмилия же вдруг расплакалась ни с того ни с сего и быстро ушла к себе в комнату, где могла проливать слезы без помехи.

Нашей истории суждено в этой главе то возвращаться

назад, то забегать вперед: доведя рассказ до завтрашнего дня, мы будем вынуждены немедленно обратиться вспять, к вчерашнему, чтобы читатель ничего не упустил из нашего повествования. То же самое вы можете наблюдать и на приемах у ее величества, когда кареты послов и высших сановников без промедления отъезжают от подъезда, между тем как дамам капитана Джонса приходится долго ждать своего экипажа. Так бывает и в приемной министра финансов: человек десять просителей терпеливо ждут своей очереди, и их вызывают на аудиенцию одного за другим, как вдруг в комнату входит депутат парламента от Ирландии или еще какая-нибудь важная особа и направляется прямо в кабинет товарища министра, словно и не заметив присутствующих. Точно так же и в развитии повествования романисту приходится быть не только справедливым, но и пристрастным. Он обязан рассказать обо всем, вплоть до мелочей, но важным событиям мелочи должны уступать дорогу. И, разумеется, обстоятельство, которое привело Доббина в Брайтон, — то есть получение гвардией и линейной пехотой приказа о выступлении в Бельгию и сосредоточение всех союзных армий в этой стране под командованием его светлости герцога Веллингтона, — такое замечательное обстоятельство, говорю я, имело все права и преимущества перед остальными, меньшими по своему значению происшествиями, из коих главным образом и складывается наша повесть. Отсюда и произошли некоторый беспорядок и путаница, впрочем вполне извинительные и допустимые. И сейчас мы продвинулись по времени за пределы XXII главы лишь настолько, чтобы развести наших действующих лиц по их комнатам переодеваться к обеду, который состоялся в день приезда Доббина обычным порядком.

Джордж или был слишком мягкосердечен, или же чересчур увлекся завязыванием шейного платка, чтобы сразу сообщить Эмилии известие, привезенное ему из Лондона товарищем. Когда же он вошел к ней в комнату с письмом поверенного в руке, вид у него был такой торжественный и важный, что жена его, всегда готовая ждать беды, решила, что произошло самое худшее, и, подбежав к супругу, стала умолять своего миленького Джорджа рассказать ей все решительно. Получен приказ

выступать за границу? На будущей неделе произойдет сражение? Сердце ее чуяло, что так и будет!

Миленький Джордж уклонился от вопроса о заграничном походе и, покачав меланхолически головой, сказал:

— Нет, Эмми, дело не в этом. Не о себе я забочусь, а о тебе! Я получил дурные известия от отца. Он отказывается от всяких сношений со мной, он порвал с нами и обрек нас на бедность. Я-то легко могу с этим примириться, но ты, моя дорогая, как ты это перенесешь? Читай!

И он дал ей письмо.

Эмилия с нежной тревогой во взоре выслушала своего благородного героя, выражавшего ей столь великодушные чувства, и, присев на кровать, стала читать письмо, которое Джордж подал ей с важным, мученическим видом. Но по мере того как она читала, лицо ее прояснялось. Мысль разделить бедность и лишения с любимым существом, как мы уже имели случай упоминать, отнюдь не пугает женщину, наделенную горячим сердцем. Маленькой Эмилии такая перспектива даже была приятна. Но потом она, как всегда, устыдилась, что почувствовала себя счастливой в такой неподходящий момент, и, подавив свою радость, сдержанно проговорила:

— Ах, Джордж, у тебя, должно быть, сердце обливается кровью при мысли о разлуке с отцом!

— Ну конечно! — ответил Джордж с выражением муки на лице.

— Но он не будет долго сердиться на тебя, — продолжала она. — Разве на тебя можно сердиться! Он должен будет простить тебя, мой дорогой, мой милый муж! Иначе я никогда себе этого не прощу.

— Меня беспокоит не мое несчастье, бедняжка моя Эмми, а твое, — сказал Джордж. — Что мне бедность? И к тому же, хоть я и не хочу хвастаться, но думаю, что у меня достаточно талантов, чтобы пробить себе дорогу в жизни.

— Разумеется! — перебила его жена и подумала, что война скоро кончится и Джорджа сейчас же произведут в генералы.

— Да, я пробью себе дорогу не хуже всякого другого, — продолжал Осборн. — Но ты, дорогая моя де-

вочка? Как я перенёсу, что ты лишена удобств и положения в обществе, на которые вправе рассчитывать моя жена? Моя девочка — в казармах; жена солдата, да еще в походе, где она подвергается всевозможным неприятностям и лишениям. Вот что разрывает мне сердце!

Эмми, совершенно успокоенная мыслью, что только это и тревожит ее мужа, взяла его за руку и с сияющим лицом стала напевать куплет из популярной песенки «Старая лестница в Уопинге», в которой героиня, упрекнув своего Тома в холодности, обещает «и штаны ему штопать, и грог подавать», если он останется ей верен, будет с ней ласков и не бросит ее.

— Кроме того, — промолвила она, помолчав, с таким прелестным и счастливым видом, какого можно пожелать всякой молодой женщине, — две тысячи фунтов это же целая куча денег! Разве нет, Джордж?

Джордж рассмеялся ее наивности. Вскоре они сошли вниз к обеду, причем Эмилия, держа мужа под руку, продолжала напевать «Старую лестницу в Уопинге», и на душе у нее было легче, чем во все эти последние дни.

Таким образом, состоявшийся, наконец, обед против ожидания прошел чрезвычайно весело и оживленно. Предвкушение похода отвлекало Джорджа от мрачных мыслей о суровом отцовском приговоре. Доббин по-прежнему балагурил безумолку. Он забавлял общество рассказами о жизни армии в Бельгии, где только и делают, что задают fêtes¹, веселятся и модничают. Затем, преследуя какие-то свои особые цели, наш ловкий капитан принялся описывать, как супруга майора, миссис О'Дауд, укладывала свой собственный гардероб и гардероб мужа и как его лучшие эполеты были засунуты в чайницу, а ее знаменитый желтый тюрбан с райской птицей, завернутый в бумагу, был заперт в жестяной футляр из-под майоровой треуголки. Можно себе представить, какой эффект произведет этот тюрбан при дворе французского короля в Генте или же на парадных офицерских балах в Брюсселе!

— В Генте? В Брюсселе? — воскликнула Эмилия, внезапно вздрогнув. — Разве уже получен приказ выступать, Джордж? Разве полк уже выступает?

¹ Празднества (франц.).

Выражение ужаса пробежало по ее нежному улыбающемуся личику, и она невольно прижалась к Джорджу.

— Не бойся, дорогая! — промолвил он снисходительно. — Переезд займет всего двенадцать часов. Это совсем не страшно. Ты тоже поедешь, Эмми!

— Я-то непременно поеду, — заявила Бекки. — Ведь я сама почти офицер штаба. Генерал Тафто большой мой поклонник, не правда ли, Родон?

Родон расхохотался своим громоподобным смехом. Вильям Доббин покраснел до корней волос.

— Она не может ехать, — сказал он. «Подумайте об опасности», — хотел он добавить. Но разве не старался он доказать всеми своими речами, что никакой опасности нет? Он сконфузился и замолчал.

— Я должна ехать, и поеду! — с жаром воскликнула Эмми. И Джордж, одоблив ее решительность, потрепал ее по щечке, спросил всех присутствующих за столом, видели ли они когда-нибудь такую задорную жену, и согласился на то, чтобы она его сопровождала.

— Мы попросим миссис О'Дауд опекать тебя! — обещал он.

Какое ей было дело до всего остального, раз ее муж будет с нею? Казалось, им удалось отодвинуть разлуку. Да, впереди их ждала война и опасность, но могли пройти месяцы, прежде чем война и опасность надвинутся на них вплотную. Во всяком случае, это была отсрочка, поэтому робкая маленькая Эмилия чувствовала себя почти такой же счастливой, как если бы войны вовсе не предстояло. И даже у Доббина отлегло от сердца. Ведь для него возможность видеть Эмилию составляла величайшую радость и надежду его жизни, и он уже думал про себя, как он будет охранять ее и беречь. «Будь она моей женой, я не позволил бы ей ехать», — подумал он. Но ее владыкой был Джордж, и Доббин не считал себя вправе отговаривать товарища.

Обняв подругу за талию, Ребекка, наконец, увела ее от обеденного стола, за которым было обсуждено столько важных дел, а мужчины, оставшись одни, в весьма приподнятом настроении стали распивать вино и вести веселые разговоры.

Еще за обедом Родон получил от жены интимную записочку, и хотя он сейчас же скомкал ее и сжег на

свечке, нам удалось прочесть ее, стоя позади Ребекки. «Великая новость! — писала она. — Миссис Бьют уехала. Получи от Купидона деньги сегодня же, так как завтра он, по всей вероятности, уедет. Не забудь об этом. Р.».

И вот, когда мужчины собрались перейти к дамам пить кофе, Родон тронул Осборна за локоть и сказал ему ласково:

— Слушайте, Осборн, голубчик! Если вас не затруднит, я побеспокою вас насчет той безделицы!

Джорджа это очень даже затрудняло, но тем не менее он вручил Родону в счет долга порядочный куш банковыми билетами, которые достал из бумажника, а на остающуюся сумму выдал вексель на своих агентов сроком через неделю.

Когда этот вопрос был улажен, Джордж, Джоз и Доббин, закулив сигары, стали держать военный совет и договорились, что на следующий день всем нужно ехать в Лондон в открытой коляске Джоза. Джоз, вероятно, предпочел бы остаться в Брайтоне до отъезда Родона Кроули, но Доббин и Джордж уломали его, и он согласился отвезти всех в Лондон и велел запрячь четверку, как подобало его достоинству. На этой четверке они и отправились в путь на следующий день, после раннего завтрака. Эмилия поднялась спозаранку и очень живо и ловко уложила свои маленькие чемоданы, между тем как Джордж лежал в постели, скорбя о том, что у его жены нет горничной, которая могла бы помочь ей. Эмилия же только радовалась, что может справиться с этим делом сама. Смутное неприятное чувство по отношению к Ребекке уже наполняло ее душу; и хотя они расцеловались на прощанье нежнейшим образом, однако нам известно, что такое ревность, а миссис Эмилия обладала и этой добродетелью в числе других, свойственных ее полу.

Нам следует вспомнить, что, кроме этих персонажей, посетивших Брайтон и теперь уехавших, там находился и еще кое-кто из наших старых знакомых, а именно мисс Кроули и ее свита. Хотя Ребекка с супругом проживали всего в нескольких шагах от той квартиры, которую занимала немощная мисс Кроули, однако двери ее оставались закрытыми для них так же неумолимо, как в свое время

в Лондоне. Пока миссис Бьют Кроули была около своей невестки, она принимала все меры к тому, чтобы ее возлюбленная Матильда не подвергалась волнениям, вызываемым встречами с племянником. Когда старая дева отправлялась кататься, верная миссис Бьют сопровождала ее в коляске. Когда мисс Кроули вывозили в кресле подышать чистым воздухом, миссис Бьют шла рядом с одной стороны, а честная Бригс охраняла другой фланг. И если им случалось встретить Родона и его жену, то, несмотря на то, что он всякий раз угодливо снимал шляпу, компания мисс Кроули проходила мимо него с таким холодным и убийственным безразличием, что Родон начал приходить в отчаяние.

— Мы могли бы с таким же успехом остаться в Лондоне, — говаривал капитан Родон с убитым видом.

— Удобная гостиница в Брайтоне лучше долгового отделения на Чансери-лейн, — отвечала его жена, обладавшая более жизнерадостным характером. — Вспомни только тех двух адъютантов мистера Мозеса, помощника шерифа, которые целую неделю дежурили около нашей квартиры. Наши здешние друзья очень глупы, мой милый Родон, но мистер Джоз и капитан Купидон все же лучше, чем агенты мистера Мозеса!

— Удивляюсь, как это исполнительные листы не прислали сюда вслед за мною, — продолжал Родон все так же уныло.

— Когда их пришлют, мы сумеем ускользнуть от них, — ответила отважная маленькая Бекки и затем указала своему супругу на великое удобство и выгоду встречи с Джозом и Осборном, в результате которой Родон весьма своевременно получил небольшую толику наличных денег.

— Их едва хватит для уплаты по счету гостиницы! — проворчал гвардеец.

— А зачем нам платить? — возразила супруга, у которой на все был готов ответ.

Через лакея Родона, который попрежнему поддерживал знакомство с мужской половиной прислуги мисс Кроули и был уполномочен при всяком удобном случае ставить ее кучеру выпивку, каждый шаг старой мисс Кроули был отлично известен нашей молодой чете. Ребекке пришла в голову счастливая мысль заболеть, и она

пригласила того же самого аптекаря, который пользовал старую деву, так что в общем супруги были осведомлены неплохо. К тому же Бригс, хотя и вынужденная занять враждебную позицию, не питала злобы к Родону и его жене. По доброте сердечной она не умела долго таить обиду, и теперь, когда причина ревности отпала, ее неприязнь к Ребекке тоже исчезла, и она вспоминала только ее неизменно ласковые слова и веселый нрав. Не говоря уж о том, что и она сама, и горничная миссис Феркин, и все домочадцы мисс Кроули втайне стонали под игом торжествующего тирана — миссис Бьют.

Как нередко бывает, эта хорошая, но не в меру властная женщинахватила через край и злоупотребляла своими преимуществами немилосердно. За несколько недель она довела больную до такого безропотного послушания, что несчастная всецело подчинилась распоряжениям невестки и даже не смела жаловаться на свою рабскую зависимость ни Бригс, ни Феркин. Миссис Бьют с неукоснительной аккуратностью отмеряла стаканы вина, которые мисс Кроули ежедневно дозволялось выпивать, к великому неудовольствию Феркин и дворецкого, лишенных теперь возможности распорядиться даже бутылкой хереса. Она решала, в каком количестве и в каком порядке давать мисс Кроули печенку, цыплят и желе. Ночью ли, днем ли, утром ли — она подавала больной отвратительные лекарства, прописанные доктором, и та глотала их так безропотно и смиренно, что Феркин говорила: «Бедная моя хозяйка принимает лекарство покорно, что твой ягненок!» Она предписывала катанье в коляске или же прогулки в кресле — одним словом, скрутила старую леди во время ее выздоровления так, как это подобает распорядительной, заботливой высоконравственной женщине. Если ее пациентка делала слабые попытки сопротивляться и просила дать ей лишний кусочек за обедом или немножко меньше лекарства, сиделка грозила ей немедленной смертью, так что мисс Кроули сейчас же сдавалась. «Совсем загрустила, бедная, — жаловалась Феркин компаньонке, — за три недели ни разу не назвала меня душой!» В конце концов миссис Бьют решила уволить вышеназванную честную горничную, а также толстого дворецкого мистера Боулса и самое Бригс и выписать своих дочерей из пасторского дома,

с тем чтобы потом перевезти дорогую страдалицу в Королевское Кроули, — как вдруг произошел прискорбный случай, вынудивший миссис Бьют отказаться от ее приятных обязанностей. Преподобный Бьют Кроули, ее супруг, возвращаясь как-то вечером домой, упал с лошади и сломал себе ключицу. У него началась лихорадка, появились признаки воспаления, и миссис Бьют пришлось оставить Сассекс и отбыть в Хемпшир. Она пообещала вернуться к своему дражайшему другу, как только поправится Бьют, и уехала, оставив строгие наказания всему дому на счет ухода за хозяйкой. И как только она заняла место в саутгемптонской карете, в доме мисс Кроули все вздохнули свободно и ощутили такую радость, какой не знали уже в течение многих недель. В тот же день мисс Кроули пропустила дневной прием лекарства; в тот же день, позже, Боулс откупорил особую бутылку хереса для себя и миссис Феркин; и в тот же вечер мисс Кроули и мисс Бригс разрешили себе партию в пикет вместо чтения одной из проповедей Портисаса. Произошло то же, что в старинной детской сказочке: палка позабыла бить собаку, и все мирно и счастливо вернулись к прерванным делам.

Два-три раза в неделю, в очень ранний утренний час, мисс Бригс имела обыкновение уходить к морю, занимать кабинку и плескаться в воде в фланелевом купальном костюме и клеенчатом чепце. Ребенке, как мы знаем, было известно это обстоятельство, и хотя она не выполнила своей угрозы нырнуть под кабинку и застигнуть Бригс врасплох, под священной сенью тента, однако решила атаковать компаньонку, когда та выйдет на берег, освеженная купаньем, набравшись новых сил и, вероятно, в хорошем расположении духа.

Поэтому, поднявшись наутро очень рано, Бекки принесла в гостиную, выходящую на море, подзорную трубу и навела ее на ряд кабинок. Она увидела, как Бригс показала, вошла в купальню и погрузилась в морские волны. Бекки очутилась на берегу как раз в ту минуту, когда нимфа, на поиски которой она явилась, ступила на прибрежную гальку. Это была премилая картина: берег, лица купальщиц, длинный ряд утесов и зданий — все алело и сверкало в сиянии солнца. Выйдя из кабинки,

Бригс увидела Ребекку, которая ласково, нежно улыбалась и протягивала ей свою хорошенькую белую ручку. Что оставалось Бригс, как не принять это приветствие?

— Мисс Ш... Миссис Кроули! — сказала она.

Миссис Кроули схватила ее руку, прижала к своему сердцу и, подавшись внезапному порыву, обняла мисс Бригс и страстно ее поцеловала.

— Дорогой, дорогой друг! — произнесла она с таким неподдельным чувством, что мисс Бригс, разумеется, сейчас же стала таять, и даже служанка при купальне размякла.

Ребекка без труда завязала с Бригс долгий восхитительный интимный разговор. Все, что произошло, начиная с того утра, когда Бекки внезапно уехала из дома мисс Кроули на Парк-лейн, и кончая долгожданным отъездом миссис Бьют, — все это мисс Бригс изложила обстоятельно и с чувством. Все признаки болезни мисс Кроули и мельчайшие подробности относительно ее состояния и лечения были описаны с той полнотой и точностью, которыми упиваются женщины. Разве дамам надоедает когда-нибудь болтать друг с другом о своих недомоганиях и докторах? Бригс это никогда не надоедало, а Ребекка слушала ее безустали. Какое счастье, что милой, доброй Бригс, что верной, бесценной Феркин было позволено оставаться с их благодетельницей во все время ее болезни! Да благословит ее небо! Правда, она, Ребекка, как будто бы нарушила свой долг по отношению к мисс Кроули, но разве не была ее вина вполне естественной и извинительной? Разве она могла отказать человеку, завладевшему ее сердцем? В ответ на такой вопрос сентиментальная Бригс могла лишь возвести очи к небу, испустить сочувственный вздох, вспомнить, что она тоже много лет тому назад подарила кому-то свою привязанность, и согласиться, что Ребекка вовсе уж не такая большая преступница.

— Могу ли я когда-нибудь позабыть ту, которая так пригрела одинокую сиротку? Нет, — говорила Ребекка, — хотя она и оттолкнула меня, я никогда не перестану ее любить, я посвящу служению ей всю свою жизнь! Милая моя мисс Бригс, я люблю и обожаю мисс Кроули больше всех женщин в мире, как свою благодетельницу и как обожаемую родственницу моего Родона. А после нее я

люблю всех тех, кто предан ей! Я никогда не стала бы обращаться с верными друзьями мисс Кроули так, как поступала эта противная интриганка миссис Бьют. Родон, — продолжала Ребекка, — у которого такое нежное сердце, хотя по своим манерам и виду он и может показаться грубым и беспечным, — Родон сотни раз говаривал со слезами на глазах, что он благословляет небо за то, что у его дражайшей тетушки есть две таких изумительных сиделки, как преданная Феркин и несравненная мисс Бригс. Если, как она весьма опасается, махинации этой ужасной миссис Бьют приведут к тому, что от одра мисс Кроули будут изгнаны все, кого она любит, и бедная леди останется во власти этих гарпий из пасторского дома, то Ребекка просит ее (мисс Бригс) помнить, что собственный дом Ребекки, хотя и скромный, будет всегда для нее открыт.

— Дорогой друг, — воскликнула она страстно, — *иные* сердца не забывают благодеяний; *не все* женщины похожи на миссис Бьют Кроули! Впрочем, мне ли на нее жаловаться, — прибавила Ребекка, — хотя я и была орудием и жертвой ее козней, но разве не ей я обязана моим дорогим Родоном?

И Ребекка разоблачила перед мисс Бригс все поведение миссис Бьют в Королевском Кроули, которое вначале было для нее загадкой, но достаточно объяснилось впоследствии, когда вспыхнула взаимная любовь, которую миссис Бьют поощряла с помощью всевозможных уловок, когда двое невинных молодых людей угодили в сети, расставленные им супругой пастора, полюбили друг друга, поженились и оказались разоренными благодаря ее хитрым проискам.

Все это было совершенно верно, и Бригс с полной ясностью поняла, что миссис Бьют сама подстроила брак Родона и Ребекки. Но хотя последняя и оказалась невинной жертвой, однако мисс Бригс не могла скрыть от нее своего опасения, что привязанность мисс Кроули безнадежно утрачена Ребеккой и старая леди никогда не простит племяннику столь неблагоприятного брака.

На этот счет у Ребекки имелось свое собственное мнение, и она попрежнему не теряла мужества. Если мисс Кроули не простит их сейчас, то, возможно, смилости-

вится в будущем. Даже и сейчас между Родоном и баронетством стоит только этот хилый, болезненный Питт Кроули. Случись с ним что-либо, и все будет хорошо! Так или иначе, но для нее уже было удовлетворением раскрыть все козни миссис Бьют и как следует о ней позлословить. Это могло оказаться полезным и для Родона. И Ребекка, проболтав добрый час со своим вновь обретенным другом, покинула мисс Бригс, нежно заверив ее в своем уважении и любви и не сомневаясь, что происшедший между ними разговор будет в самом скором времени передан мисс Кроули.

Между тем Ребекке уже пора было возвращаться в гостиницу, где все вчерашнее общество собралось за прощальным завтраком. Ребекка и Эмилия распрощались очень нежно, как подобает двум женщинам, связанным узами чисто сестринской любви; и Ребекка, много раз прибегнув к помощи носового платка, расцеловав подругу так, точно они расставались навеки, и намахавшись из окна платочком (кстати сказать, совершенно сухим) вслед отъезжавшей карете, вернулась к столу. Уплетая креветки с большим аппетитом, если принять во внимание ее волнение, она рассказала Родону, что произошло во время ее утренней прогулки между нею и Бригс. Исполненная самых радужных надежд, она и мужа заставила разделить их с нею. Ей почти всегда удавалось заставить мужа разделять с нею все ее мысли как грустные, так и радостные.

— Теперь, мой милый, будьте любезны присесть к тому столу и написать письмецо мисс Кроули, в котором сообщите ей, что вы хороший мальчик, и все такое.

И вот Родон сел за стол и сразу написал:

«Брайтон, четверг.

Дорогая тетя!..»

Но на этом воображение доблестного офицера иссякло. Он только грыз кончик пера, заглядывая в лицо жене. Та невольно рассмеялась при виде его жалобной физиономии и, заложив руки за спину, стала расхаживать по комнате, диктуя письмо, которое Родон и записал с ее слов.

— «Перед тем как покинуть отчизну и выступить в поход, который, очень может быть, окажется роковым...»

— Что? — сказал Родон, несколько изумленный, но все же понял юмор этой фразы и тотчас же записал ее ухмыляясь.

— «...который, очень может быть, окажется роковым, я прибыл сюда...»

— Почему бы не сказать: «приехал сюда», Бекки? «Приехал сюда» — это тоже будет правильно, — прервал ее драгун.

— «...я прибыл сюда, — твердо повторила Бекки, топнув ножкой, — чтобы сказать прости своему самому дорожному и давнишнему другу. Умоляю вас разрешить мне, перед тем, как я уеду, и, может быть, навсегда, еще разжать ту руку, из которой я в течение всей своей жизни не получал ничего, кроме благодеяний».

— Кроме благодеяний, — отозвался эхом Родон, выводя эти слова, в полном изумлении от своего умения сочинять письма.

— «Я прошу вас об одном: простимся друзьями. Я разделяю в некоторых отношениях гордость, присущую моему семейству, хотя и не во всем. Я женился на дочери художника и не стыжусь этого союза...»

— Ни капельки, вот уж несколько, разрази меня гром! — воскликнул Родон.

— Ах ты, старый глупыш, — сказала Ребекка, ущипнув мужа за ухо, и заглянула ему через плечо: не наделал ли он ошибок в правописании. — «Умоляю» не пишется через «а», но «давнишний» — пишется!

И Родон переправил эти слова, преклоняясь перед глубокими познаниями своей маленькой хозяйки.

— «Я думал, что вы были осведомлены о моей привязанности, — продолжала Ребекка. — Я знал, что миссис Бьют Кроули укрепляла и поощряла ее. Но я никого не упрекаю. Я женился на бедной девушке и не жалею об этом. Оставьте ваше состояние, милая тетя, кому захотите. Я *никогда* не посетую на то, как вы им распорядитесь. Поверьте, что я люблю вас, а не ваши деньги. Я желал бы помириться с вами, прежде чем покину Англию. Позвольте мне повидать вас до моего отъезда. Пройдет несколько недель, несколько месяцев — и, быть может, уже будет поздно. Меня убивает мысль, что придется

покинуть родину, не услышав от вас ласкового прощального привета».

— В *таком* письме она не узнает моего слога, — заметила Бекки. — Я нарочно придумывала фразы покороче и порезче.

И письмо было отправлено тетушке, в конверте, адресованном мисс Бригс.

Старая мисс Кроули рассмеялась, когда Бригс с большой таинственностью вручила ей это простодушное и искреннее послание.

— Теперь, когда миссис Бьют уехала, можно и почитать, что он пишет, — сказала она. — Прочтите мне, Бригс.

Когда Бригс закончила чтение, ее покровительница расхохоталась еще веселее.

— Как вы не понимаете, гусыня вы этакая, — сказала она Бригс, которую письмо, казалось, растрогало своей искренностью, — как вы не понимаете, что сам Родон не написал тут ни единого слова! Он в жизни не писал мне ничего, кроме просьб о деньгах, и все его письма перемазаны, полны ошибок и отличаются дурным слогом. Это им вертит эта маленькая змея-гувернантка! («Все они одинаковы, — подумала про себя мисс Кроули. — Все они жаждут моей смерти и зарятся на мои деньги!») Я ничего не имею против свидания с Родоном, — прибавила она, немного помолчав, тоном полнейшего равнодушия. — Пожать ему руку или нет — мне все равно. Если только не будет никакой сцены, то почему бы нам и не встретиться? Пожалуйста. Но человеческое терпение имеет свои границы. И потому запомните, моя дорогая: я почтительно отказываюсь принимать миссис Родон... что другое, а это мне не по силам.

И мисс Бригс пришлось удовольствоваться тем, что ее хлопоты увенчались успехом лишь наполовину. Торопясь свести старуху с племянником, она решила предупредить Родона, чтобы он поджидал тетушку на Утесе, когда мисс Кроули выедет в своем кресле подышать воздухом.

Там они и встретились. Я не знаю, испытала ли мисс Кроули какое-нибудь чувство приязни или волнения, увидев своего прежнего любимца, но она протянула ему два пальца с таким веселым и добродушным видом, словно они встречались всего лишь накануне. Что же касается

Родона, то он покраснел, как кумач, и чуть не оторвал мисс Бригс руку, так велик был его восторг и смущение при этой встрече. Быть может, его взволновали корыстные чувства, а быть может, любовь; может быть, он был тронут той переменной, которую произвела в его тетушке болезнь.

— Старуха всегда меня баловала, — заявил он жене, рассказывая об этом свидании, — и мне, понимаешь, стало как-то неловко и все такое. Я шел рядом с этим, как это называется... и дошел до самых ее дверей, а там Боулс вышел, чтобы помочь ей войти в дом. И мне тоже страшно хотелось зайти, но только...

— И ты не зашел, Родон! — взвизгнула его жена.

— Нет, моя дорогая! Хочешь верь, хочешь нет, но когда до этого дошло, я испугался!

— Дурак! Ты должен был войти и больше уж никогда не уходить! — воскликнула Ребекка.

— Не ругай меня, — угрюмо проговорил гвардеец. — Может быть, я и дурак, Бекки, но тебе не следовало бы так говорить, — и взгляд, который он метнул на жену, свидетельствовал о неподдельном гневе, а в такие минуты выражение его лица не сулило ничего хорошего.

— Ну, полно, полно, голубчик! — сказала Ребекка, стараясь успокоить своего разгневанного повелителя. — Но завтра ты опять ее подстереги и уж зайди к ней обязательно, даже если она тебя не пригласит. — На что Родон ответил, что поступит, как ему заблагорассудится, и будет весьма признателен, если она станет выражаться пожеливее. Затем оскорбленный супруг удалился и провел все утро в бильярдной — мрачный, надутый и молчаливый.

Но не успел закончиться этот вечер, как Родону уже пришлось, по обыкновению, отдать должное высшей мудрости и дальновидности своей жены, ибо ее предчувствия относительно последствий допущенной им ошибки подтвердились самым печальным образом. Мисс Кроули, несомненно, взволновалась, встретившись с племянником и пожав ему руку после столь длительного разрыва. Она долго размышляла об этой встрече.

— Родон очень потолстел и постарел, Бригс, — сказала она компаньонке. — Нос у него стал красный, и весь он ужасно погрубел. Женитьба на этой женщине безнадежно его опошшила. Миссис Бьют уверяла меня, что они оба

пьют. И я не сомневаюсь, что так оно и есть. Да! От него разило джином. Я это заметила. А вы?

Тщетно Бригс возражала, что миссис Бьют обо всех отзывается плохо; и если ей, Бригс, дозволено высказать свое скромное мнение, так ведь и сама миссис Бьют...

— Хитрая интриганка? Да, это правда, и она обо всех говорит только дурное, но я уверена, что та женщина спаивает Родона. Все эти люди низкого происхождения...

— Он был очень растроган, когда увидел вас, сударыня, — сказала компаньонка, — и если вы вспомните, что он отправляется на поле брани...

— Сколько он посулил вам, Бригс? — закричала старая дева, взвинчивая себя до нервного иступления. — Ну вот, а теперь вы, конечно, разреветесь! Ненавижу сцены! За что только меня всегда расстраивают? Ступайте плакать к себе в комнату, а ко мне пришлите Феркин... Нет, стойте! Садитесь за стол, высморкайтесь, перестаньте реветь и напишите письмо капитану Кроули!

Бедная Бригс послушно уселась за бювар, испещренный следами твердого, уверенного, быстрого почерка последнего секретаря старой девы — миссис Бьют Кроули.

— Начните так: «дорогой Родон», или нет: «дорогой сэр», этак будет лучше, и напишите, что мисс Кроули... нет, доктор мисс Кроули, мистер Криммер, поручил вам сообщить, что здоровье мое в таком состоянии, что сильное волнение может мне быть опасно, и потому я вынуждена отказаться от всяких семейных переговоров и каких бы то ни было свиданий. Затем поблагодарите его за приезд в Брайтон и так далее и попросите не оставаться здесь дольше из-за меня. И еще, мисс Бригс, можете добавить, что я желаю ему *bon voyage*¹ и что если он потрудится зайти к моим поверенным на Грейз-Иннсквере, он найдет там для себя весточку. Да, это все. И это заставит его покинуть Брайтон.

Доброжелательная Бригс записала последнюю фразу с величайшим удовольствием.

— Захватить меня врасплох, чуть только уехала миссис Бьют! — возмущалась старуха. — Полнейшее неприличие! Бригс, дорогая моя, напишите миссис Кроули,

¹ Счастливого пути (франц.).

чтобы она *не трудилась* приезжать. Да, да. Может не трудиться... нечего ей приезжать... Я не хочу быть рабой в собственном доме... не хочу, чтобы меня морили голодом и пичкали отравой. Все они хотят убить меня... все... все! — И одинокая старуха истерически разрыдалась.

Последняя сцена плачевной комедии, которую она играла на подмостках Ярмарки Тщеславия, быстро приближалась. Пестрые фонарики гасли один за другим, и темный занавес уже готов был опуститься.

Заключительная фраза письма, отсылавшая Родона к поверенному мисс Кроули в Лондоне и так охотно написанная мисс Бригс, несколько утешила драгуна и его супругу в их горе, вызванном отказом старой девы в примирении, и произвела то именно действие, на которое и была рассчитана, — то есть заставила Родона весьма поспешно выехать в Лондон.

Проигрышами Джоза и банковыми билетами Джорджа Осборна он уплатил по счету в гостинице, владеlec которой, должно быть, и по сей день не знает, как легко он мог лишиться этих денег. Дело в том, что Ребекка, подобно генералу, который перед битвой отсылает свой обоз в тыл, предусмотрительно уложила свои наиболее ценные вещи и отослала их с почтовой каретой, под охраной лакея Джорджа, которому было поручено доставить в Лондон сундуки своих господ. Родон с супругой вернулись в город на следующий день в той же карете.

— Мне жаль, что я не повидал старушку перед отъездом, — сказал Родон. — Она так осунулась, так изменилась, что, наверно, долго не протянет. Интересно, какой же чек я получу у Уокси? Фунтов двести... наверное, не меньше двухсот... ты как думаешь, Бекки?

Хорошо помня частые визиты адъютантов мидльсекского шерифа, Родон с женой не вернулись к себе на квартиру в Бромптоне, а остановились в гостинице. Ребекке представился случай увидеть этих джентльменов на следующий день рано утром, по дороге к дому старой миссис Седли в Фулеме, куда она отправилась навестить свою милочку Эмилию и брайтонских друзей. Однако все они уже выехали в Четем, а оттуда в Харвидж, чтобы

отплыть с полком в Бельгию, — дома была только старушка миссис Седли, одинокая и плачущая.

Когда Ребекка вернулась к себе в гостиницу, ее муж успел уже побывать в Грейз-Инне и узнать свою судьбу.

— Черт подери, Бекки, — крикнул он в бешенстве, — она дала мне всего двадцать фунтов!

Над ними подшутили жестоко, но шутка была так хороша, что Бекки громко рассмеялась, глядя на расстроенную физиономию Родона.

ГЛАВА XXVI

Между Лондоном и Четемом

Покинув Брайтон, наш друг Джордж, как и подобало знатной особе, путешествующей в коляске четверкой, важно подкатил к прекрасной гостинице на Кевендиш-сквере, где для этого джентльмена и его молодой жены был уже приготовлен ряд великолепных комнат и превосходно сервированный стол, окруженный полдюжиной молчаливых черных слуг. Джордж принимал Джоза и Доббина с видом вельможи, а робкая Эмилия в первый раз сидела на месте хозяйки «за своим собственным столом», по выражению Джорджа.

Джордж браковал вино и третиrowал слуг совсем по-королевски; Джоз с громадным наслаждением поглощал суп из черепахи; Доббин же то и дело подливал ему, потому что хозяйка, перед которой стояла миска, была так неопытна, что собиралась налить мистеру Седли супу, забыв положить в него столь лакомого черепашиного жира.

Великолепие пира и апартаментов, в которых он происходил, встревожило мистера Доббина, и после обеда, когда Джоз уснул в большом кресле, он попробовал образумить своего друга. Но напрасно он восставал против черепахи и шампанского, уместных разве что на столе архиепископа.

— Я привык путешествовать, как джентльмен, — возразил Джордж, — и моя жена, черт возьми, будет путешествовать, как леди. Пока у меня есть хоть грош в кармане, она ни в чем не будет нуждаться, — сказал наш благородный джентльмен, вполне довольный своим великодушием. И Доббин отступился и не стал его убеждать, что для Эмилии счастье заключается не в супе из черепахи.

Вскоре после обеда Эмилия робко выразила желание съездить навестить свою мать в Фулеме, на что Джордж, немного поворчав, дал разрешение. Она побежала в огромную спальню, посредине которой стояла огромная, как катафалк, кровать («на ней спала сестра императора Александра, когда сюда приезжали союзные монархи»), и с чрезвычайной поспешностью и радостью надела шляпку и шаль. Когда она вернулась в столовую, Джордж все еще пил красное вино и не обнаружил ни малейшего желания двинуться с места.

— Разве ты со мной не поедешь, милый? — спросила она.

Нет, у «милого» были в этот вечер «дела». Его лакей наймет ей карету и проводит ее. Карета подкатила к подъезду гостиницы, и Эмилия, сделав Джорджу несколько разочарованный реверанс и напрасно взглянув раза два ему в лицо, печально спустилась вниз по большой лестнице. Капитан Доббин последовал за нею, усадил ее и проводил взглядом отъехавший экипаж. Даже лакей постыдился назвать кучеру адрес, пока его могли услышать слуги гостиницы, и обещал дать нужные указания дорогой.

Доббин отправился пешком на свою старую квартиру у «Слотера», вероятно думая о том, как восхитительно было бы сидеть в этой наемной карете рядом с миссис Осборн. У Джорджа, очевидно, были совершенно другие вкусы: выпив достаточное количество вина, он отправился в театр смотреть Кина в роли Шейлока. (Капитан Осборн

был записной театрал и сам успешно исполнял комические роли в гарнизонных спектаклях.) Джоз проспал до позднего вечера и проснулся лишь оттого, что слуга с некоторым шумом убирал со стола графины, опоражнивая те, в которых еще что-то плескалось; была вызвана еще одна карета, и тучного героя отвезли домой, прямо в постель.

Можете быть уверены, что, как только карета подкатила к маленькой садовой калитке, миссис Седли выбежала из дому навстречу плачущей и дрожащей Эмили и прижала ее к сердцу с пылкой материнской нежностью. Старый мистер Клеп, работавший без сюртука в своем садике, смущенно скрылся. Молодая ирландка-прислуга выскочила из кухни и с улыбкой приветствовала гостью. Эмилия едва могла дойти до дверей и подняться по лестнице в гостиную своих родителей.

Если читатель обладает хотя бы малейшей чувствительностью, он легко себе представит, как раскрылись все шлюзы и как мать с дочерью плакали, обнимаясь в этом святилище. Да и когда женщины не плачут — в каких радостных, печальных или каких-нибудь иных случаях жизни? А уж после такого события, как свадьба, мать и дочь, конечно, имеют полное право дать волю своей чувствительности; это так сладостно и так облегчает! Я знал женщин, которые целовались и плакали по случаю свадьбы, даже будучи заклятыми врагами. Насколько же они больше волнуются, если любят друг друга! Добрые матери вторично выходят замуж на свадьбах своих дочерей. Относительно же дальнейших событий — кто не знает, какими сверхматеринскими чувствами наделены все бабушки? В самом деле, пока женщина не сделается бабушкой, она часто не знает даже, что значит быть матерью. Не будем же мешать Эмили и ее матери, которые шепчутся и охают, смеются и плачут в сумерках гостиной. Старый мистер Седли так и поступил. Он-то не догадался, кто был в карете, которая подъехала к их дому, и не выбежал навстречу своей дочери, хотя горячо расцеловал ее, когда она вошла в комнату (где он был, по обыкновению, занят своими бумагами, счетами и документами), и, посидев немного с матерью и дочерью, благоразумно пре-

доставил маленькую гостиную в их полное распоряжение.

Лакей Джорджа высокомерно взирал на мистера Клепа, в одном жилете поливавшего розы. Однако перед мистером Седли он снисходительно снял шляпу. Старик расспрашивал его о своем зяте, о карете Джоза, о том, брал ли тот своих лошадей в Брайтон, о коварном предателе Бонапарте и о войне, пока из дома не вышла девушка-ирландка с закуской и бутылкой вина. Тогда старый джентльмен угостил лакея и вдобавок дал ему золотую монету, которую лакей сунул в карман со смешанным чувством удивления и презрения.

— За здоровье вашего хозяина и хозяйки, Тротер, — сказал мистер Седли, — а вот на это выпейте за свое собственное здоровье, Тротер, когда вернетесь домой.

Всего лишь девять дней прошло с тех пор, как Эмилия покинула это смиренное жилище, а как далеко казалось то время, когда она простилась с ним! Какая пропасть легла между нею и этой прошлой жизнью! Теперь она могла оглянуться назад и словно со стороны увидеть молоденькую девушку, всецело поглощенную любовью и отвечавшую на родительскую нежность нельзя сказать чтобы неблагодарностью, но равнодушием, в то время как все ее помыслы были сосредоточены на одной желанной цели. Воспоминание о тех днях, еще таких недавних, но уже ушедших так далеко, пробудило в ней чувство стыда, и вид добрых родителей наполнил ее раскаянием. Приз был выигран, небесное блаженство достигнуто, — так неужели же победителя попрежнему терзали сомнения и неудовлетворенность? Когда герой и героиня переступают брачный порог, романист обычно опускает занавес, как будто драма уже доиграна, как будто кончились сомнения и жизненная борьба, как будто супругам, поселившимся в новой, брачной стране, цветущей и радостной, остается только, обнявшись, спокойно шествовать к старости, наслаждаясь счастьем и полным довольством. А между тем наша маленькая Эмилия, едва ступив на берег этой новой страны, уже с тревогой оглядывалась назад, на покинутых друзей, посылавших ей прощальный привет с другого, далекого берега.

В честь приезда новобрачной мать сочла нужным приготовить праздничное угощение, а потому после первых

же излияний оставила на минуту миссис Джордж Осборн и побежала в подвальный этаж, в своего рода кухню-гостиную (где обитали мистер и миссис Клеп и куда по вечерам, закончив мытье посуды и сняв папилютки, приходила посидеть служанка мисс Флениген); там она занялась приготовлением чая с разными вкусными вещами. У каждого есть свои способы выражать нежные чувства, а миссис Седли казалось, что горячая сдобная булочка и апельсинное варенье на хрустальном блюдецке будут сейчас особенно приятны Эмилии.

Пока внизу готовились эти лакомства, Эмилия, покинув гостиную, поднялась вверх по лестнице, и, сама не зная как, очутилась в комнатке, в которой жила до замужества, и в том самом кресле, где она провела так много горьких часов. Она упала в кресло, как в объятия старого друга, и задумалась о минувшей неделе и прежней своей жизни. Уже теперь печально и растерянно оглядываться назад, всегда томиться о чем-то, а достигнув желанного, испытать больше сомнений и скорби, чем радости — вот что суждено было этой бедняжке, этой смиренной страннице, заблудившейся в огромной, шумной толпе на Ярмарке Тщеславия.

Так она сидела у себя в комнате, с любовью вспоминая образ Джорджа, перед которым преклонялась до замужества. Сознавала ли она, насколько отличался Джордж, каким он был в действительности, от великолепного юного героя, которого она боготворила? Должно пройти много-много лет, — да и человек должен быть уж очень плох, — чтобы гордость и тщеславие женщины позволили ей сознаться в этом. Затем перед мысленным взором Эмилии появились веселые зеленые глаза и неотразимая улыбка Ребекки, и ей стало страшно. Так просидела она еще несколько времени, предаваясь обычным грустным мыслям о своей судьбе, — такая же печальная и безучастная, какой застала ее простодушная прислуга-ирландка в тот день, когда принесла письмо Джорджа, в котором он снова просил ее стать его женой.

Эмилия посмотрела на белую постельку, где она спала всего несколько дней назад, и подумала, как было бы хорошо поспать в ней эту ночь и, проснувшись утром, как прежде, увидеть мать, склоненную с улыбкой над нею. Затем она с ужасом вспомнила громадный парчовый

катафалк в большой торжественной спальне, ожидавшей ее в роскошной гостинице на Кевендиш-сквере. Милая белая постелька! Сколько долгих ночей проплакала она на ее подушках! Как она отчаивалась, как мечтала умереть! Но теперь разве не исполнились все ее желания и разве ее возлюбленный, соединиться с которым она уже потеряла надежду, не принадлежит ей навеки? Добрая мама! С какой нежностью и терпением дежурила она у этого изголовья! Эмилия подошла и опустилась на колени около постели. И эта болезненно-робкая, но кроткая и любящая душа пыталась найти утешение в том, в чем — нужно сознаться — она его редко искала. До сих пор любовь была ее религией; а теперь опечаленное, раненое, разочарованное сердце ощутило потребность в ином утешителе.

Имеем ли мы право повторять или подслушивать ее молитвы? Нет, друзья мои, это тайна, и нельзя разглашать ее на Ярмарке Тщеславия, о которой пишется наша повесть.

Однако следует сказать, что когда Эмилию позвали, наконец, к чаю, наша юная леди чувствовала себя гораздо бодрее; она уже не приходила в отчаяние, не оплакивала свою судьбу, не думала о холодности Джорджа или о глазах Ребекки. Она сошла вниз, расцеловала отца и мать, поговорила со стариком и даже развеселила его. Потом она уселась за фортепьяно, купленное для нее Доббином, и пропела отцу все его любимые старые песенки. Чай она нашла превосходным и расхвалила изысканный вкус, с каким варенье было разложено на блюдечках. Решив сделать всех счастливыми, она и сама почувствовала себя счастливой и вечером крепко заснула в своем огромном катафалке, а проснувшись, улыбаясь, лишь тогда, когда Джордж вернулся из театра.

На следующий день у Джорджа было гораздо более важное «дело», чем смотреть мистера Кина в роли Шейлока. Тотчас по прибытии в Лондон он написал поверенным своего отца, милостиво сообщая о своем намерении увидеться с ними на следующий день. Счета в гостинице, а также проигрыши на бильярде и в карты капитану Кроули почти истощили кошелек молодого человека. Прежде чем отправиться в путешествие, его следовало пополнить, а у Джорджа не было других путей, как тро-

нуть капитал в две тысячи фунтов стерлингов, который поверенным было поручено выплатить ему. В глубине души Джордж был уверен, что отец скоро смягчится. Какой родитель мог устоять против такого совершенства, как он? Если же не удастся смягчить отца своими прошлыми заслугами, то Джордж решил так необычайно отличиться в предстоящей кампании, что старый джентльмен должен будет уступить. А если нет? Ну что ж — весь мир открыт перед ним. Может быть, ему начнет везти в карты, да и двух тысяч хватит надолго.

И вот он снова отправил Эмилию в карете к ее матери со строгим распоряжением и *carte blanche* обеим дамам закупить все необходимое для такой леди, как миссис Джордж Осборн, отправляющейся в заграничное путешествие. У них в распоряжении был только один день, поэтому можно себе представить, как оживленно они его провели. Разъезжая в карете, как в былые времена, торопясь от портнихи в магазин белья, провожаемая за порог раблепными приказчиками и услужливыми владельцами, миссис Седли словно воскресла и впервые со времени их разорения чувствовала себя по-настоящему счастливой. Да и самой миссис Эмили не было чуждо удовольствие ездить по магазинам, торговаться, рассматривать и покупать красивые вещи. (Какой мужчина, пусть даже наиболее философски настроенный, даст два пенса за женщину, которая выше этого?) Исполняя приказание мужа, Эмилия сама наслаждалась и накупила гору дамских нарядов, обнаружив большой вкус и разборчивость, как уверяли в один голос все приказчики.

Что касается предстоящей войны, то миссис Осборн не очень ее боялась. Бонапарт, конечно, будет разбит почти без боя. Из Маргета ежедневно отходили суда, переполненные знатными джентльменами и леди, ехавшими в Брюссель и Гент. Люди отправлялись не столько на войну, сколько в увеселительную прогулку. Газеты глумились над недостойным выскочкой и плутом. Да разве этот жалкий корсиканец мог противостоять европейским армиям и гению бессмертного Веллингтона! Эмилия относилась к Бонапарту с полным презрением. Нечего и говорить, что это нежное и кроткое создание заимствовало свои взгляды от окружавших ее; в своей преданности она была слишком скромна, чтобы мыслить самостоятель-

но. В общем, она и миссис Седли провели восхитительный день в модных лавках, и Эмилия с большим увлечением и с большим успехом дебютировала в лондонском элегантном мире.

Между тем Джордж, в фуражке набекрень, расправив плечи, с дерзким, воинственным видом отбыл на Бедфорд-роу и гордо вошел в контору поверенного, как будто был властителем всех бледнолицых клерков, работавших в ней. Он приказал известить мистера Хигса, что его ожидает капитан Осборн, причем говорил таким покровительственным и высокомерным тоном, как будто этот штафирка-адвокат, который был втрое умнее его, в пятьдесят раз богаче и в тысячу раз опытнее, являлся просто жалким подчиненным, обязанным немедленно бросить все дела, чтобы услужить капитану. Он не заметил презрительного смешка, пробежавшего по комнате от старшего клерка к практикантам, от практикантов к оборванным писцам и бледным посыльным в слишком узких куртках. Джордж сидел, похлопывая себя тростью по сапогу и думая о том, какие они все жалкие твари. А жалкие твари были отлично осведомлены обо всех его делах. Они толковали о них с другими клерками, сидя по вечерам в трактирах за пинтой пива. Господи! Чего только не знают лондонские поверенные и их клерки! Ничто не скроется от их любопытства, и они, оставаясь в тени, на самом деле управляют нашей столицей.

Может быть, входя в кабинет мистера Хигса, Джордж ожидал, что этот джентльмен передаст ему поручение от отца, какие-нибудь условия для мировой сделки. Может быть, он хотел, чтобы его холодность и высокомерное обращение были приняты за энергию и решительность. Но, как бы там ни было, поверенный встретил его таким ледяным равнодушием, что надменные замашки Джорджа потеряли всякий смысл. Когда он вошел в комнату мистера Хигса, поверенный сделал вид, что занят составлением какого-то документа.

— Прошу садиться, сэр, — сказал он, — я через минуту займусь вашим дельцем. Мистер По, достаньте, пожалуйста, нужные бумаги! — И он снова погрузился в писание.

По принес бумаги; его принципал исчислил стоимость облигаций в две тысячи фунтов стерлингов по курсу дня и спросил капитана Осборна, желает ли он получить

свои деньги в виде чека на банк, или же даст распоряжение о покупке ценных бумаг на эту сумму.

— Одного из душеприказчиков покойной миссис Осборн нет сейчас в городе, — промолвил он равнодушно, — но мой клиент готов идти навстречу вашим желаниям и окончить дело как можно скорее.

— Дайте мне чек, сэр, — ответил угрюмо капитан. — К черту шиллинги и полупенсы, сэр! — добавил он, когда адвокат начал точно вычислять сумму чека; и, льстя себя надеждой, что этим великодушным жестом он пристыдил старого чудака, Джордж гордо вышел из комнаты с бумагой в кармане.

— Через два года этот молодец будет в долговой тюрьме, — заметил мистер Хигс мистеру По.

— А вы не думаете, сэр, что мистер Осборн смягчится?

— Вы еще спросите, не смягчится ли гранитная колонна! — отвечал мистер Хигс.

— Этот далеко пойдет, — сказал клерк. — Он женат всего неделю, а я видел, как вчера после спектакля он вместе с другими офицерами подсаживал в карету миссис Хайфлайер.

Тут доложили о другом клиенте, и мистер Джордж Осборн исчез из памяти этих почтенных джентльменов.

Чек был выдан на контору наших знакомых Халкера и Буллока на Ломбард-стрит, куда Джордж и направил путь, все еще воображая, что делает дело, и где получил свои деньги. Когда Джордж вошел в контору, Фредерик Буллок, эсквайр, склонив желтое лицо над бухгалтерской книгой, давал указания писавшему в ней что-то скромному клерку. Его желтое лицо приняло еще более восковой оттенок, когда он увидел капитана, и он виновато проскользнул в заднюю комнату. Джордж так жадно рассматривал полученные деньги (у него еще никогда не бывало в руках такой большой суммы), что не заметил ни физиономии мертвенно бледного поклонника своей сестры, ни его поспешного бегства.

Фред Буллок описал старику Осборну визит и поведение его сына.

— Он явился с нахальным видом, — закончил Фредерик, — и забрал все до последнего шиллинга. Надолго ли хватит такому молодцу нескольких сот фунтов стерлингов?

Осборн выругался и заявил, что ему дела нет до того, скоро ли его сын растратит деньги. (Фред ежедневно обедал теперь на Рассел-сквере.) Но Джордж в общем остался чрезвычайно доволен тем, как устроил свои дела. Весь его багаж и обмундирование были быстро собраны, и он с щедростью лорда оплатил все покупки Эмили чеками на своих агентов.

ГЛАВА XXVII,

в которой Эмилия прибывает в свой полк

Когда щегольская коляска Джоза подкатила к подъезду гостиницы в Четеми, первое, что заметила Эмилия, было радостное лицо капитана Доббина, который уже целый час прогуливался по улице в ожидании приезда друзей. Капитан, в мундире с нашивками, в малиновом поясе и при сабле, имел такую воинственную осанку, что толстый Джоз начал гордиться знакомством с ним и приветствовал капитана с сердечностью, которая сильно отличалась от его обращения в Брайтоне или на Бонд-стрит.

Рядом с капитаном стоял прапорщик Стабл; как только коляска приблизилась к гостинице, у него вырвалось восклицание: «Ох, какая красавица!», выразившее чрезвычайное одобрение выбору мистера Осборна. И действительно, Эмилия, одетая в свою свадебную ротонду и

шляпку с розовыми лентами, разбурьявившаяся от быстрой езды на чистом воздухе, была так прелестна и свежа, что вполне оправдывала комплимент прапорщика. Доббин мысленно похвалил его. Помогая Эмилиии выйти из экипажа, Стабл заметил, какую прелестную ручку она подала ему и какая очаровательная ножка легко ступила на землю. Он густо покраснел и сделал самый изящный поклон, на какой только был способен. Эмилиия, заметив номер *** полка, вышитый на его фуражке, вспыхнула и отвечала с своей стороны улыбкой и реверансом, что окончательно сгубило прапорщика. Доббин с этого дня сделался особенно ласков к мистеру Стаблу и вызывал его на разговоры об Эмилиии, когда они вместе гуляли или навещали друг друга. Среди всей славной молодежи *** полка вошло в моду восхищаться миссис Осборн и обожать ее. Ее безыскусственные манеры и скромное, приветливое обращение завоевали их простые сердца; трудно описать всю ее скромность и очарование. Но кто не наблюдал этих качеств в женщинах и не наделял их бездной других достоинств, хотя бы женщина ограничивалась заявлением, что она уже приглашена на следующую кадрили или что сегодня очень жарко? Джордж, и без того всегда и во всем первый в полку, еще больше поднялся во мнении полковой молодежи: он проявил несомненное благородство, женившись на бесприданнице, и к тому же выбрал себе прелестную спутницу жизни.

В гостиной, куда вошли наши путники, Эмилиия, к своему удивлению, нашла письмо, адресованное супруге капитана Осборна. Это была треугольная записочка на розовой бумаге, щедро запечатанная голубым сургучом с оттиском голубка и оливковой ветви и надписанная очень крупным, хотя и неуверенным женским почерком.

— Это каракули Пегги О'Дауд, — сказал, смеясь, Джордж. — Узнаю письмо по сургучным кляксам! — Действительно, это была записка от жены майора О'Дауда, просившей миссис Осборн доставить ей удовольствие провести у нее этот вечер в маленькой дружеской компании.

— Обязательно пойди, — сказал Джордж. — Там ты познакомишься со всем полком. О'Дауд командует нашим полком, а Пегги командует О'Даудом.

Но не успели они посмеяться над письмом миссис О'Дауд, как дверь распахнулась и в комнату вошла пол-

ная и живая леди в амазонке в сопровождении двух «наших» офицеров.

— Я была просто не в состоянии дожидаться вечера. Джордж, милый друг, представьте меня вашей жене! Сударыня, я счастлива познакомиться с вами и представить вам моего мужа, майора О'Дауда. — И с этими словами веселая леди в амазонке горячо пожала руку Эмили, которая сразу догадалась, что перед нею та самая особа, над которой так часто смеялся Джордж.

— Вы, конечно, не раз слышали обо мне от вашего мужа, — оживленно сказала леди.

— Не раз слышали о ней, — как эхо, отозвался ее муж, майор.

Эмилия с улыбкой отвечала, что она действительно слышала о ней.

— И, конечно, он говорил вам обо мне всякие гадости, — продолжала миссис О'Дауд, прибавив, что «этот Джордж — негодный человек».

— В этом я готов поручиться, — сказал майор с таким хитрым видом, что Джордж расхохотался. Но тут миссис О'Дауд, взмахнув хлыстиком, велела майору замолчать, а затем попросила представить ее миссис Осборн по всей форме.

— Дорогая моя, — произнес Джордж торжественно, — это мой добрый, хороший и чудесный друг Орилия-Маргарита, иначе Пегги...

— Истинная правда, — вставил майор.

— Иначе Пегги, супруга майора нашего полка, Майкела О'Дауда, и дочь Фицджералда Берсфорда де Бурго Мелони рода Гленмелони, в графстве Килдейр.

— И Мериан-сквер в Дублине, — добавила леди со спокойным достоинством.

— И Мериан-сквер, конечно, — пролепетал майор.

— Там вы и начали ухаживать за мной, мой милый майор, — сказала леди, и майор согласился с этим, как соглашался со всем, что говорила его супруга.

Майор О'Дауд, служивший своему королю во всех концах земли и за каждое повышение по службе плативший более чем равноценными ратными подвигами, был очень скромный, молчаливый, застенчивый и мягкий человек, во всем послушный жене, как мальчик на побегушках. В офицерской столовой он сидел молча и много пил.

Напившись, он также молча плелся домой. Говорил он только затем, чтобы со всеми во всем соглашаться. Таким образом, он безмятежно и легко проходил свой жизненный путь. Жгучее солнце Индии ни разу не заставило его разгорячиться, и валхеренская лихорадка * не вытрясла из него спокойствия. Он шел на батарею с таким же равнодушием, как к обеденному столу; с одинаковым удовольствием и аппетитом ел черепаховый суп и конину. У него была старушка мать, миссис О'Дауд из О'Даудстауна, которую он всегда во всем слушался, за исключением тех двух случаев, когда бежал из дому, чтобы поступить в солдаты, и когда решил жениться на этой ужасной Пегги Мелони.

Пегги была одной из пяти дочерей и одиннадцати чад благородного дома Гленмелони. Ее муж хотя и приходился ей родственником, но с материнской стороны, и потому не обладал неоценимым преимуществом принадлежать к семейству Мелони, которое она считала самым аристократическим в мире. Проведя девять сезонов в Дублине и два в Бате и Челтенхеме и не найдя там себе спутника жизни, мисс Мелони приказала своему кузену жениться на ней, когда ей было уже около тридцати трех лет, и честный малый послушался и увез ее в Вест-Индию командовать дамами *** полка, куда он только что был переведен.

Не успела миссис О'Дауд провести и получаса в обществе Эмилии (впрочем, это бывало и во всяком другом обществе), как уже выложила своему новому другу все подробности своего рождения и родословной.

— Дорогая моя, — сказала она добродушно, — когда-то мне очень хотелось, чтобы Джордж стал моим братом, — моя сестра Глорвина прекрасно подошла бы ему. Но что прошло, то прошло. Он оказался уже помолвлен с вами, так что вместо брата я обрела сестру, и я так и буду смотреть на вас и любить вас, как члена семьи. Честное слово, у вас такое прелестное доброе личико и обращение, что, я уверена, мы сойдемся, и вы будете украшением нашей полковой семьи.

— Конечно, будет, — одобрительно подтвердил О'Дауд.

И Эмилия была немало удивлена и благодарна, вступив так неожиданно в круг столь многочисленных родственников.

— Мы все здесь добрые товарищи, — продолжала супруга майора. — Нет другого полка в армии, где бы вы нашли такое дружное общество или такую уютную офицерскую столовую. У нас нет ни ссор, ни дразг, ни злословия, ни сплетен. Мы все любим друг друга.

— Особенно миссис Медженис, — сказал, смеясь, Джордж.

— С женой капитана Меджениса мы помирились, хотя она обращается со мной так, что есть от чего поседеть раньше времени.

— А ты-то купила себе такую великолепную черную накладку! — воскликнул майор.

— Мик, придержи язык, противный! Эти мужья вечно во все вмешиваются, дорогая миссис Осборн. А что касается моего Мика, я часто говорю ему, чтобы он открывал рот, только когда отдает команду да еще когда ест или пьет. Когда мы останемся одни, я расскажу вам про наш полк и предостерегу вас кой от чего. Теперь познакомьте меня с вашим братом; он brave кавалер и напоминает мне моего кузена Дена Мелони (Мелони из рода Белимелони, моя дорогая, — знаете, того, что женился на Офелии Скулли из Ойстерстауна, кузине лорда Поллуди). Мистер Седли, я счастлива познакомиться с вами. Надеюсь, вы обедаете сегодня в офицерском собрании? (Берегись этого чертова доктора, Мик, и, ради бога, не напивайся до вечера.)

— Сегодня стопятидесятый полк дает нам прощальный обед, моя дорогая, — возразил майор. — Впрочем, мы достанем билет для мистера Седли.

— Бегите, Симпл (это прапорщик Симпл нашего полка, дорогая Эмилия, я забыла вам его представить), бегите скорей к полковнику Тевишу, передайте ему поклон от миссис О'Дауд и скажите, что капитан Осборн привез своего шурина и приведет его в столовую стопятидесятого полка точно к пяти часам, а мы с вами, милочка, если вам угодно, слегка закусим здесь.

Прежде чем миссис О'Дауд закончила свою речь, юный прапорщик уже мчался вниз по лестнице исполнять поручение.

— Дисциплина — душа армии! Мы пойдем выполнять свой долг, а миссис О'Дауд останется и просветит тебя, Эмми, — сказал капитан Осборн. Затем они с Доббином

заняли места на флангах майора и вышли с ним, перемигиваясь через его голову.

И вот, оставшись вдвоем с новой приятельницей, стремительная миссис О'Дауд с места выложила ей такое количество сведений, какого ни одна бедная маленькая женщина не в силах была бы удержать в памяти. Она рассказала тысячу подробностей о той многочисленной семье, членом которой оказалась изумленная Эмилия.

— Миссис Хевитоп, жена полковника, умерла на Ямайке от желтой лихорадки и от разбитого сердца, потому что этот ужасный старик полковник, у которого и голова-то лысая, как пушечное ядро, строил там глазки одной мулатке. Миссис Медженис — добрая женщина, хотя и без образования, только язык у нее, как у дьявола, и за вистом она готова надуть родную мать. Жена капитана Кирка таращит свои рачьи глаза при одной мысли о честной семейной игре в карты (тогда как мой отец — самый набожный человек, — и мой дядя, декан * Мелони, и наш кузен, епископ, каждый вечер проводили время за партией в мушку или вист). Впрочем, ни одна из них на этот раз не идет с нашим полком, — добавила миссис О'Дауд. — Фэнни Медженис остается с матерью, которая торгует углем и картофелем, кажется в Излингтон-тауне под Лондоном, хотя Фэнни всегда хвастает кораблями отца и показывает нам их, когда они поднимаются по реке. Миссис Кирк со своими ребятами поселится здесь, на площади Вифезды, чтобы быть поблизости от своего любимого проповедника, доктора Ремшорна. Миссис Банни в интересном положении, — впрочем, как всегда, ведь она уже подарила лейтенанту семерых. А жена прапорщика Поски, которая приехала к нам за два месяца до вас, моя дорогая, уже раз двадцать так ссорилась с Томом Поски, что их было слышно на всю казарму (говорят, у них дело дошло до битья посуды, а Том так и не мог объяснить, почему у него синяк под глазом); теперь она возвращается к своей матери, которая держит в Ричмонде пансион для девиц, — и поделом ей, за то, что сбежала из дому. А вы где получили образование, дорогая? Я воспитывалась у *madame* Фленехен, Илссус-Гров, Бутерс-таун, возле Дублина, и на меня не жалели издержек. Правильному парижскому произношению нас учила маркиза, а гимнастике — генерал-майор французской службы.

В этой нелепой семье ошеломленная Эмилия сразу оказалась желанной дочерью, с миссис О'Дауд в качестве старшей сестры. За чаем она была представлена остальным родственницам, на которых, благодаря тому что была тиха, добродушна и не слишком красива, произвела самое выгодное впечатление. Однако, когда приехали офицеры с обеда, который давал 150-й полк, они стали так восхищаться Эмилией, что ее сестры, конечно, тут же начали находить в ней недостатки.

— Надеюсь, что Осборн успел перебеситься, — сказала миссис Медженис миссис Банни.

— Если верно, что раскаявшийся повеса — лучший из мужей, то она будет вполне счастлива с Джорджем, — заметила миссис О'Дауд, обращаясь к Поски, которая теряла теперь в полку положение новобрачной и досадовала на Эмилию, занявшую ее место. Что касается миссис Кирк, то, как ученица доктора Ремшорна, она задала Эмилии два-три богословских вопроса, чтобы выяснить, пробудилась ли ее душа, истинная ли она христианка и т. д.; убедившись из простодушных ответов миссис Осборн, что та пребывает еще в полной тьме, она сунула ей в руки три грошовые книжонки с картинками, а именно: «Вопль в пустыне», «Прачка Уондсуортской общины» и «Лучший штык английского солдата», призванные пробудить ее, прежде чем она уснет, ибо миссис Кирк умоляла Эмилию прочитать их в тот же вечер на сон грядущий.

Зато мужчины все как один сплотились вокруг хорошенькой жены своего товарища и ухаживали за ней со свойственной военным галантностью. Этот маленький триумф воодушевил Эмилию, глаза ее блеснули, как звезды. Джордж гордился успехом жены и любовался тем, как она живо и грациозно, хотя наивно и несколько робко, принимала ухаживания мужчин и отвечала на их комплименты. А он в своем мундире — насколько он был красивее всех остальных! Она чувствовала, что он с нежностью следит за нею, и вся сияла от удовольствия.

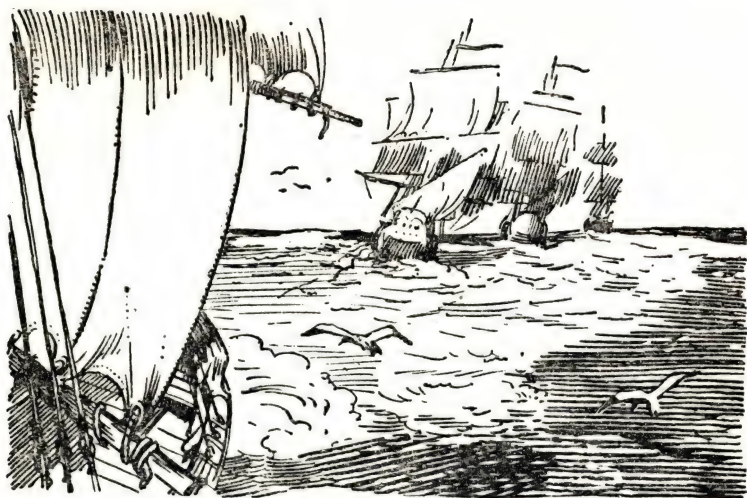
«Я буду ласкова со всеми его друзьями, — решила она. — Я буду любить всех, как люблю его. Я буду стараться всегда быть веселой и довольной и создам ему счастливый дом».

Действительно, весь полк принял Эмилию с восторгом. Капитаны одобряли ее, лейтенанты расхваливали, прапор-

щики ею восторгались. Старый доктор Катлер отпустил одну или две шутки, но, так как они были профессионального характера, повторять их не стоит; а Кекл, его помощник, доктор медицины Эдинбургского университета, удостоил ее экзамена по литературе, испытав ее знания на своих трех излюбленных французских цитатах. Юный Стабл, переходя от одного к другому, шептал: «Ну, разве она не прелесть?» — и не спускал с нее глаз, пока не подали пунш.

Что касается капитана Доббина, то он почти не говорил с нею в этот вечер. Но он и капитан Портер из 150-го полка отвезли в гостиницу Джоза, который совсем раскис, после того как дважды с большим эффектом рассказал о своей охоте на тигров — в офицерской столовой и на вечере у миссис О'Дауд, принимавшей гостей в своем тюрбане с райской птицей. Сдав чиновника на руки его слуге, Доббин стал прохаживаться около подъезда гостиницы, покуривая сигару. Между тем Джордж заботливо укутал жену шалью и увел ее от миссис О'Дауд после многочисленных рукопожатий юных офицеров, которые проводили ее до экипажа и прокричали ей вслед «ура». Эмилия, выходя из коляски, протянула Доббину ручку и с улыбкой попеняла ему за то, что он так мало обращал на нее внимания весь этот вечер.

Капитан продолжал губить свое здоровье, — он курил еще долго после того, как гостиница и улица погрузились в сон. Он видел, как погас свет в окнах гостиной Джорджа и зажегся рядом, в спальне. Только под утро он вернулся к себе в казарму. С реки уже доносился шум и приветственные крики — там шла погрузка судов, готовившихся к отплытию вниз по Темзе.

ГЛАВА XXVIII,

в которой Эмилия вторгается в Нидерланды

Офицеры должны были отплыть со своим полком на транспортных судах, заготовленных для этого случая правительством его величества; и через два дня после прощального пира в апартаментах миссис О'Дауд транспортные суда под конвоем военных взяли курс на Остенде, под громкие приветствия команд всех ост-индских судов, находившихся на реке, и воинских частей, собравшихся на берегу; оркестр играл «Боже, храни короля!», офицеры махали шапками, матросы исправно кричали «ура». Галантный Джоз выразил согласие эскортировать свою сестру и майоршу, большая часть багажа и пожитков которых, включая и знаменитый тюрбан с райской птицею, была отправлена с полковым обозом; поэтому обе наши героини налегке приехали в Ремсгет, откуда быстро переправились на одном из многочисленных пакетботов в Остенде.

Новая пора, наступавшая в жизни Джоза, была так богата событиями, что они послужили ему темой для разговоров на много последующих лет; даже история об охоте на тигров отошла на задний план перед его более

волнующими рассказами о великой ватерлооской кампании. Как только он решил сопровождать свою сестру за границу, все заметили, что он перестал брить верхнюю губу. В Четеми он с большим усердием посещал военные парады и ученья. Он со всем вниманием слушал рассказы своих собратьев офицеров (как впоследствии он иногда называл их) и старался запомнить возможно большее количество имен видных военных, в каковых занятиях ему оказала неоценимую помощь добрая миссис О'Дауд. В тот день, когда они, наконец, сели на судно «Прекрасная Роза», которое должно было доставить их к месту назначения, он появился в расшитой шнурами венгерке, в парусиновых брюках и в фуражке, украшенной нарядным золотым галуном. Так как Джоз вез с собой свою коляску и доверительно сообщал всем на корабле, что едет в армию герцога Веллингтона, все принимали его за какую-то важную персону — за интендантского генерала или по меньшей мере за правительственного курьера.

Во время переезда он сильно страдал от качки; дамы тоже все время лежали. Однако Эмилия сразу ожила, как только их пакетбот прибыл в Остенде и она увидела перевозившие ее полк транспортные суда, которые вошли в гавань почти в одно время с «Прекрасной Розой». Джоз, совсем обессиленный, отправился в гостиницу, а капитан Доббин, проводив дам, занялся вызволением с судна и из таможни коляски и багажа, — мистер Джоз оказался теперь без слуги, потому что лакей Осборна и его собственный избалованный камердинер сговорились в Четеми и решительно отказались ехать за море. Этот бунт, вспыхнувший совершенно неожиданно и в самый последний день, так смутил мистера Седли-младшего, что он уже готов был остаться в Англии, но капитан Доббин (который, по словам Джоза, оказался чрезвычайно услужлив) пробрал его и высмеял — зря, мол, он тогда отпускал усы! — и в конце концов уговорил-таки отправиться в путь. Вместо хорошо упитанных и вышколенных лондонских слуг, умевших говорить только по-английски, Доббин раздобыл для Джоза и его дам маленького смуглого слугу-бельгийца, который не умел выражать свои мысли ни на одном языке, но благодаря своей расторопности и тому обстоятельству, что неизменно величал мистера

Седли «милордом», быстро снискал расположение этого джентльмена. Времена в Остенде переменились: из англичан, которые приезжают туда теперь, очень немногие похожи на лордов или ведут себя, как подобает представителям нашей наследственной аристократии. Большая часть их имеет потрепанный вид, ходит в грязноватом белье, увлекается бильярдом и коньяком, курит дешевые сигары и посещает второразрядные кухмистерские.

Зато каждый англичанин из армии герцога Веллингтона, как правило, за все платил щедрой рукой. Воспоминание об этом обстоятельстве, без сомнения, приятно нации лавочников. Для страны, где торговлю чтут превыше всего, нашествие такой армии покупателей и возможность кормить столь кредитоспособных воинов оказалось поистине благом. Ибо страна, которую они явились защищать, не отличалась воинственностью. В течение долгих лет она предоставляла другим сражаться на ее земле. Когда автор этой повести ездил в Бельгию, чтобы обозреть своим орлиным взором ватерлооское поле, он спросил у кондуктора дилижанса, осанистого человека, имевшего вид заправского ветерана, участвовал ли он в этом сражении, и услышал в ответ:

— *Pas si bête!*¹

Такой ответ и такие чувства не свойственны ни одному французу. Зато наш фореитор был виконт, сын какого-то обанкротившегося генерала Империи, и охотно принимал дорогой подачки в виде грошовой кружки пива. Мораль, конечно, весьма поучительная.

Эта плоская, цветущая, спокойная страна никогда не казалась такой богатой и благоденствующей, как в начале лета 1815 года, когда на ее зеленых полях и в тихих городах запестрели сотни красных мундиров, а по широким дорогам покатали вереницы нарядных английских экипажей; когда большие суда, скользящие по каналам мимо тучных пастбищ и живописных причудливых старых деревень и старинных замков, скрывающихся между старыми деревьями, были переполнены богатыми путешественниками-англичанами; когда солдат, заходивший в деревенский кабачок, не только пил, но и платил

¹ Я не так глуп! (франц.)

за выпитое; а Доналд — стрелок шотландского полка¹, квартировавший на фламандской ферме, укачивал в люльке ребенка, пока Жан и Жанет работали на сенокосе. Так как наши художники питают сейчас склонность к военным сюжетам, я предлагаю им эту тему как наглядную иллюстрацию принципов «честной английской войны». Все имело такой блестящий и безобидный вид, словно это был парад в Хайд-парке. А между тем Наполеон, притаившись за щитом пограничных крепостей, готовил нападение, которое должно было довести этих мирных людей до бешенства и кровопролития и для многих из них окончиться гибелью.

Однако все так безусловно полагались на главнокомандующего (ибо несокрушимая вера, которую герцог Веллингтон внушал английской нации, не уступала пылкому обожанию, с каким французы одно время взирали на Наполеона), страна, казалось, так основательно готовилась к обороне, и на крайний случай под рукой имела такая надежная помощь, что тревоги не было и в помине, и наши путешественники, из коих двое, естественно, должны были отличаться большой робостью, чувствовали себя, подобно прочим многочисленным английским туристам, вполне спокойно. Славный полк, с многими офицерами которого мы познакомились, был доставлен по каналам в Брюгге и Гент, чтобы оттуда двинуться сухопутным маршем на Брюссель.

Джоз сопровождал наших дам на пассажирских судах, — на тех судах, роскошь и удобство которых, вероятно, помнят все, кто прежде путешествовал по Фландрии. Поили и кормили на этих медлительных, но комфортабельных судах так обильно и вкусно, что сложилась даже легенда об одном английском путешественнике, который приехал в Бельгию на неделю и после первой же поездки по каналу пришел в такой восторг, что не переставая плавал между Гентом и Брюгге, пока не были изобретены железные дороги, а тогда, совершив последний рейс вместе со своим судном, бросился в воду и утонул. Джозу не была суждена подобного рода смерть, но наслаждался он безмерно, и миссис О'Дауд уверяла, что для полного счастья

¹ Этот случай упомянут в «Истории Ватерлооского сражения» мистера Глейга. (Примеч. автора.)

ему недостает только ее сестры Глорвины. Он целый день сидел на палубе и потягивал фламандское пиво, то и дело призывая своего слугу Исидора и галантно беседуя с дамами.

Храбрость его была безгранична.

— Чтобы Бони напал на нас! — восклицал он. — Голубушка моя Эмми, не бойся, бедняжка! Опасности никакой! Союзники будут в Париже через два месяца, поверь мне. Клянусь, я сведу тебя тогда пообедать в Пале-Рояль. Триста тысяч русских вступают сейчас во Францию через Майнц-на-Рейне, — триста тысяч, говорю я, под командой Витгенштейна и Барклая де Толли, моя милая! Ты ничего не понимаешь в военных делах, дорогая! А я понимаю и говорю тебе, что никакая пехота во Франции не устоит против русской пехоты, а из генералов Бони ни один не годится и в подметки Витгенштейну. Затем есть еще австрийцы, их пятьсот тысяч, не меньше, и находятся они в настоящее время в десяти переходах от границы, под предводительством Шварценберга и принца Карла. Потом еще пруссаки под командой храброго фельдмаршала. Укажите мне другого такого начальника кавалерии — теперь, когда нет Мюрата! А, миссис О'Дауд? Как вы думаете, стоит ли нашей малютке бояться? Есть ли основания трусить, Исидор? А, сэр? Принесите мне еще пива!

Миссис О'Дауд отвечала, что ее Глорвина не боится никого, не говоря уж о французах, и, выпив залпом стакан пива, подмигнула, давая этим понять, что напиток ей нравится.

Находясь постоянно в присутствии неприятеля или, другими словами, часто встречаясь с дамами Челтенхема и Бата, наш друг чиновник утратил значительную долю своей прежней робости и бывал необычайно разговорчив, особенно когда подкреплялся спиртными напитками. В полку его любили, потому что он щедро угощал молодых офицеров и забавлял всех своими военными замашками. И подобно тому как один известный в армии полк брал во все походы козла и пускал его во главе колонны, а другой передвигался под предводительством оленя, так и *** полк, по утверждению Джорджа, не упускавшего случая посмеяться над шурином, шел в поход со своим слоном.

Со времени знакомства Эмили с полком Джордж начал стыдиться некоторых членов того общества, в которое он вынужден был ее ввести, и решил, как он сказал Доббину (чем, надо полагать, доставил тому большую радость), перевестись в скором времени в лучший полк, чтобы жена его не общалась с этими вульгарными женщинами. Однако эта вульгарная склонность стыдиться того или иного общества гораздо более свойственна мужчинам, чем женщинам (исключая, конечно, великосветских дам, которым она очень и очень присуща), и миссис Эмилия, простая и искренняя, не знала этого ложного стыда, который ее муж называл утонченностью. Так, капитан Осборн мучительно страдал, когда его жена находилась в обществе миссис О'Дауд, носившей шляпу с петушиными перьями, а на животе большие часы с репетицией, которые она заставляла звонить при всяком удобном случае, рассказывая о том, как ей подарил их отец, когда она садилась в карету после свадьбы; Эмилия же только забавлялась эксцентричностью простодушной леди и нисколько не стыдилась ее общества.

Во время этого путешествия, которое с тех пор старался совершить почти каждый англичанин среднего круга, можно было бы встретить более образованных спутников, но едва ли хоть один из них мог превзойти занимательностью жену майора О'Дауда.

— Вы все хвалите эти суда, дорогая! А посмотрели бы вы на наши суда между Дублином и Беллинесло. Вот там действительно быстро путешествуют! А какой прекрасный там скот! Мой отец получил золотую медаль (сам его превосходительство отведал ломтик мяса и сказал, что в жизни не едал лучшего) за такую телку, какой в этой стране нипочем не увидишь.

А Джоз со вздохом сознался, что такой жирной и сочной говядины, как в Англии, не найдется нигде на свете.

— За исключением Ирландии, откуда к вам привозят отборное мясо, — сказала жена майора, продолжая, как это нередко бывает с патриотами ее нации, делать сравнения в пользу своей страны. Когда речь зашла о сравнительных достоинствах рынков Брюгге и Дублина, майорша дала волю своему презрению.

— Вы, может быть, объясните мне, что означает у них эта старая каланча в конце рыночной площади? — гово-

рила она с такой едкой иронией, что от нее могла бы рухнуть эта старая башня.

Брюгге был полон английскими солдатами. Английский рожок будил наших путников по утрам; вечером они ложились спать под звуки английских флейт и барабанов. Вся страна, как и вся Европа, была под ружьем, приближалось величайшее историческое событие, а честная Пегги О'Дауд, которой это так же касалось, как и всякого другого, продолжала болтать о Белинафеде, о лошадях и конюшнях Гленмелони и о том, какое там пьют вино; Джоз Седли прерывал ее замечаниями о карри и рисе в Думдуме, а Эмилия думала о муже и о том, как лучше выразить ему свою любовь, словно важнее этого не было на свете вопросов.

Люди, склонные отложить в сторону учебник истории и размышлять о том, что произошло бы в мире, если бы в силу роковых обстоятельств не произошло того, что в действительности имело место (занятие в высшей степени увлекательное, интересное и плодотворное!), — эти люди, несомненно, поражались тому, какое исключительно неудачное время выбрал Наполеон, чтобы вернуться с Эльбы и пустить своих орлов лететь от бухты Сен-Жуан к Собору Парижской богородицы. Наши историки говорят нам, что союзные силы были, по счастью, в боевой готовности и в любой момент могли быть брошены на императора, вернувшегося с Эльбы. У августейших торгашей, собравшихся в Вене * и перекраивавших европейские государства по своему усмотрению, было столько причин для ссор, что армии, победившие Наполеона, легко могли бы перегрызться между собой, если бы не вернулся предмет их общей ненависти и страха. Один монарх держал армию наготове, потому что он выторговал себе Польшу и решил удержать ее; другой забрал половину Саксонии и не был склонен упустить из рук свое приобретение; Италия являлась предметом забот для третьего. Каждый возмущался жадностью другого, и если бы корсиканец дождался в своем плену, пока все эти господа не переделаются между собой, он мог бы беспрепятственно занять французский трон. Но что тогда случилось бы с нашей повестью и со всеми нашими друзьями? Что случилось бы с морем, если бы испарились все его капли?

Между тем жизнь шла своим чередом, и попрежнему люди искали удовольствий, как будто этому не предвиделось конца и как будто впереди не было неприятеля. Когда наши путешественники приехали в Брюссель, где был расквартирован их полк, — что все считали большой удачей, — они оказались в одной из самых веселых и блестящих маленьких столиц Европы, где балаганы Ярмарки Тщеславия манили взор самой соблазнительной роскошью. Здесь велась расточительная игра, здесь танцевали до упаду; пиры здесь приводили в восторг даже такого гурмана, как Джоз; здесь был театр, где пленительная Каталани восхищала слушателей своим пением; очаровательные прогулки верхом в обществе блестящих военных; чудесный старинный город с причудливой архитектурой и оригинальные костюмы — предмет удивления и восторгов маленькой Эмилии, которая никогда не бывала за границей. Поселившись в прекрасной квартире, за которую платили Джоз и Осборн, — последний не стеснялся расходами и был полон нежного внимания к жене, — миссис Эмилия в течение двух недель, что еще длился ее медовый месяц, была так довольна и счастлива, как дай бог всякой юной новобрачной, совершающей свадебное путешествие.

Каждый день этого счастливого времени всем приносил что-нибудь новое и приятное. То нужно было осмотреть церковь или картинную галерею, то предстояла прогулка или опера. Полковые оркестры гремели с утра до ночи. Знатнейшие особы Англии прогуливались по парку. Это был нескончаемый военный праздник. Джордж, каждый вечер вывозивший жену в свет, был, как всегда, вполне доволен собой и клялся, что становится настоящим семьянином. Ехать куда-нибудь *с ним!* Уже это одно заставляло сердечко Эмилии радостно биться! Ее письма домой к матери в то время были полны восторга и благодарности. Муж заставляет ее покупать кружева, наряды, драгоценности, всевозможные безделушки. О, это самый лучший, самый добрый, самый великодушный из мужчин!

Джордж глядел на лордов и леди, наводнявших город и появлявшихся во всех общественных местах, и его истинно британская душа ликовала. Здесь эти знатные

люди сбрасывали с себя самодовольную надменность и заносчивость, которые нередко отличают их на родине, и, появляясь повсюду, снисходили до общения с простыми смертными. Однажды на вечере у командующего той дивизией, к которой принадлежал полк Джорджа, последний удостоился чести танцевать с леди Бланш Тислвуд, дочерью лорда Бейракса; он сбился с ног, доставая мороженое и прохладительные напитки для благородной леди и ее матери, и, растолкав слуг, сам вызвал карету леди Бейракс. Дома он так хвастался знакомством с графиней, что его собственный отец не мог бы превзойти его. На следующий же день он явился к этим дамам с визитом, сопровождал их верхом, когда они катались в парке, пригласил всю семью на обед в ресторан и был в совершенном восторге, когда они приняли приглашение. Старый Бейракс, который не отличался большой гордостью, но зато имел отличный аппетит, пошел бы ради обеда куда угодно.

— Надеюсь, там не будет никаких других дам, кроме нас, — сказала леди Бейракс, размышляя об этом приглашении, принятом слишком поспешно.

— Помилосердствуйте, мама! Не думаете же вы, что он приведет свою жену? — взвизгнула леди Бланш, которая накануне вечером часами кружилась в объятиях Джорджа в только что вошедшем в моду вальсе. — Эти мужчины еще терпимы, но их женщины...

— У него жена, — он только что женился, — говорят, прехорошенькая, — заметил старый граф.

— Ну что ж, моя милая Бланш, — промолвила мать, — если папа хочет ехать, поедem и мы; но, конечно, нам нет никакой необходимости поддерживать с ними знакомство в Англии.

Итак, решив не узнавать своего нового знакомого на Бонд-стрит, эти знатные особы отправились к нему обедать в Брюсселе и, милостиво разрешив ему заплатить за угощение, проявили свое достоинство в том, что презрительно косились на его жену и не обменялись с ней ни словом. В таких проявлениях собственного достоинства высокороденная британская леди не имеет себе равных. Наблюдать обращение знатной леди с другою, ниже стоящею женщиной — очень поучительное занятие для философски настроенного посетителя Ярмарки Тщеславия.

Это пиршество, на которое бедный Джордж истратил немало денег, было самым печальным развлечением Эмилии за весь их медовый месяц. Она послала домой матери жалобный отчет об этом празднике: написала о том, как графиня не устаивала ее ответом, как леди Бланш рассматривала ее в лорнет и в какое бешенство пришел капитан Доббин от их поведения; как милорд, когда все встали из-за стола, попросил показать ему счет и заявил, что обед был никудышный и стоил чертовски дорого. Однако, хотя Эмилия рассказала в своем письме и про грубость гостей и про то, как ей было тяжело и неловко, тем не менее старая миссис Седли была весьма довольна и болтала о приятельнице Эмми, графине Бейракс, с таким усердием, что слухи о том, как Джордж угощал пэров и графинь, дошли даже до ушей мистера Осборна в Сити.

Те, кто знает теперешнего генерал-лейтенанта, сэра Джорджа Тафто, кавалера ордена Бани, и видели, как он, подбитый ватой и в корсете, почти каждый день во время сезона важно семенит по Пель-Мель в своих лакированных сапожках на высоких каблуках, заглядывая под шляпки проходящим женщинам, или гарцует на чудесном гнедом, строя глазки проезжающим в экипажах по Парку, — те, кто видел теперешнего сэра Джорджа Тафто, едва ли узнают в нем храброго офицера, отличившегося в Испании и при Ватерлоо. Теперь у него густые вьющиеся каштановые волосы и черные брови, а бакенбарды темнолилового цвета. В 1815 году у него были светлые волосы и большая плешь; фигура у него была полнее, теперь же он сильно похудел. Когда ему было около семидесяти лет (сейчас ему под восемьдесят), его редкие и совсем белые волосы внезапно стали густыми, темными и вьющимися, а бакенбарды и брови приняли теперешний оттенок. Злые языки говорят, что его грудь подбита ватой, а его волосы — парик, так как они никогда не отрастают. Том Тафто, с отцом которого генерал рассорился много лет назад, говорил будто *mademoiselle* де Жезей из Французского театра выдрала волосы его дедушке за кулисами; но Том известный злопыхатель и завистник, а парик генерала не имеет никакого отношения к нашему рассказу.

Как-то раз, когда некоторые наши друзья из ***полка

бродили по цветочному рынку Брюсселя после осмотра городской ратуши, которая, по словам миссис О'Дауд, оказалась далеко не такой большой и красивой, как гленмелонский замок ее отца, к рынку подъехал какой-то офицер высокого чина в сопровождении ординарца и, спешившись, выбрал самый прекрасный букет, какой только можно получить за деньги. Затем эти чудесные цветы были завернуты в бумагу, офицер снова вскочил на коня, передав букет на попечение ухмыляющегося ординарца, и поехал прочь с важным и самодовольным видом.

— Посмотрели бы вы, какие цветы у нас в Гленмелони! — заметила миссис О'Дауд. — У моего отца три садовника-шотландца и девять помощников. Оранжереи занимают целый акр, ананасы рождаются каждое лето, как горох. Виноградные грозди у нас весят по шести фунтов каждая, а цветы магнолии, говоря по чести и совести, величиной с чайник.

Доббин, никогда не задиравший миссис О'Дауд, что с восторгом проделывал негодный Осборн (к ужасу Эмили, умолявшей его пощадить жену майора), отскочил вдруг в сторону, фыркая и захлебываясь, а потом, удалившись на безопасную дистанцию, разразился громким, пронзительным хохотом, к изумлению рыночной толпы.

— Чего этот верзила раскудахтался? — заметила миссис О'Дауд. — Или у него кровь из носа пошла? Он всегда говорит, что у него кровь носом идет, — этак из него вся кровь должна была бы вылиться. Разве магнолии у нас не с чайник величиной, О'Дауд?

— Совершенно верно, и даже больше, — подтвердил майор.

В это время беседа была прервана появлением офицера, купившего букет.

— Ох, хороша лошадь, черт побери! Кто это такой? — спросил Джордж.

— Если бы вы видели Моласа, лошадь моего брата Моллой Мелони, которая выиграла приз в Каррахе!.. — воскликнула жена майора и собиралась продолжать свою семейную хронику, но муж прервал ее словами:

— Да это генерал Тафто, который командует *** кавалерийской дивизией, — и затем прибавил спокойно: — Мы с ним оба были ранены в ногу при Талавере*.

— После этого вы и получили повышение по службе, — смеясь, добавил Джордж. — Генерал Тафто! Значит, дорогая, и Кроули приехали.

У Эмилии упало сердце — она сама не знала почему. Солнце словно светило уже не так ярко, и высокие старинные фронтоны и крыши сразу потеряли свою живописность, хотя закат был великолепен и вообще это был один из самых чудных дней конца мая.

ГЛАВА XXIX

Брюссель

Мистер Джоз нанял пару лошадей для своей открытой коляски и благодаря им и своему изящному лондонскому экипажу имел вполне приличный вид во время своих прогулок по Брюсселю. Джордж купил себе верховую лошадь и вместе с капитаном Доббином часто сопровождал коляску, в которой Джоз с сестрой ежедневно ездили кататься. В этот день они выехали в парк на свою обычную прогулку, и там предположение Джорджа о прибытии Родона Кроули и его жены подтвердилось. Среди маленькой кавалькады, сплошь состоявшей из английских офицеров в высоких чинах, они увидели Ребекку, в очаровательной, плотно облегавшей ее амазонке, верхом на прекрасной арабской лошадке, на которой она ездила превосходно (это искусство она приобрела в Королевском Кроули, где баронет, мистер Питт и сам Родон давали ей уроки); рядом с ней находился доблестный генерал Тафто.

— Да это сам герцог! — закричала миссис О'Дауд Джозу, который тут же покраснел, как пион. — А это, на

гнемом, лорд Аксбридж. Какой у него бравый вид! Мой брат Моллой Мелони похож на него как две капли воды.

Ребекка не подъехала к коляске; но, заметив сидевшую в ней Эмилию, приветствовала ее нежными словами и улыбкой, послала ей воздушный поцелуй, игриво помахала ручкой в сторону экипажа, а затем продолжала беседу с генералом Тафто. Генерал спросил:

— Кто этот толстый офицер в фуражке с золотым галуном?

И Ребекка ответила, что это «один офицер Ост-Индской армии».

Но Родон Кроули, отделившись от своей компании, подъехал к ним, сердечно пожал руку Эмилии, сказал Джозу: — Как живете, приятель? — и так устоялся на миссис О'Дауд и на ее черные петушьи перья, что той подумалось, уж не покорила ли она его сердце.

Джордж и Доббин, нагнавшие в это время коляску, отдали честь высокопоставленным особам, среди которых Осборн сразу заметил миссис Кроули. Он увидел, как Родон, фамильярно склонившись к его коляске, разговаривал с Эмилией, и так обрадовался, что ответил на сердечное приветствие адъютанта с несколько даже излишней горячностью. Родон и Доббин обменялись сугубо сдержанными поклонами.

Кроули рассказал Джорджу, что они остановились с генералом Тафто в «Hôtel du Parc», и Джордж взял с своего друга обещание в самом скором времени посетить их.

— Страшно жалею, что не встретился с вами три дня назад, — сказал Джордж. — Я давал обед в ресторане... было очень мило. Лорд Бейракс, графиня и леди Бланш были так добры, что отобедали с нами. Жаль, что вас не было.

Сообщив таким образом старому знакомому о своих притязаниях на звание светского человека, Джордж расстался с Родоном, который поскакал по аллее вслед за блестящей кавалькадой, в то время как Джордж и Доббин заняли места по обе стороны экипажа Эмилии.

— Ну не красавец ли герцог! — заметила миссис О'Дауд. — Вы знаете, Уэлсли* и Мелони в родстве. Но у меня, конечно, и в мыслях нет представиться его свет-

лости, разве что он сам вспомнит о наших родственных узах.

— Он замечательный воин, — сказал Джоз, чувствуя себя гораздо свободнее теперь, когда великий человек уехал. — Что может сравниться с победой при Саламанке? А, Доббин? Но где он научился своему искусству? В Индии, мой милый. Джунгли — хорошая школа для полководца, заметьте это. Я ведь тоже с ним знаком, миссис О'Дауд; на одном балу в Думдуме мы оба танцевали с мисс Катлер, дочерью Катлера, который в артиллерии... чертовски хорошенькая девушка!

Появление высоких особ служило им темой для разговора во время всей прогулки, и за обедом, и позже, до самого того часа, когда все собрались ехать в оперу.

Казалось, они и не уезжали из старой Англии. Театр был переполнен знакомыми английскими лицами и туалетами того сорта, какими издавна славятся англичанки. Миссис О'Дауд занимала среди них не последнее место: на лбу у нее вился кокетливый локон, а ее убор из ирландских алмазов и желтых самоцветов затмевал, по ее мнению, все драгоценности, какие были в театре. Ее присутствие было пыткой для Осборна, но она неизменно появлялась на всех сборищах, где бывали ее молодые друзья. Ей и в голову не приходило, что они не жаждут ее общества.

— Она была полезна тебе, моя дорогая, — сказал Джордж жене, которую он мог с более спокойной совестью оставлять одну в обществе жены майора. — Но как приятно, что приехала Ребекка: теперь ты будешь проводить время с нею, и мы можем отделаться от этой несносной ирландки.

Эмилия не ответила ни да, ни нет, — и как нам знать, о чем она подумала?

Общий вид брюссельского оперного театра не произвел на миссис О'Дауд сильного впечатления, так как театр на Фешембл-стрит в Дублине был гораздо красивее, да и французская музыка, по ее мнению, не могла сравниться с мелодиями ее родной страны. Эти и другие наблюдения она громко высказывала своим друзьям, самодовольно обмахиваясь большим скрипучим веером.

— Родон, дорогой мой, кто эта поразительная женщина рядом с Эмилией? — спросила сидевшая в противо-

положной ложе леди (наедине она почти всегда была вежлива со своим мужем, а на людях — неизменно нежна). — Видишь, вон то существо в тюрбане с какой-то желтой штукой, в красном атласном платье и с огромными часами?

— Рядом с хорошенькой женщиной в белом? — спросил сидевший возле нее джентльмен средних лет с орденами в петлице, в нескольких жилетах и с туго накрахмаленным белым галстуком.

— Хорошенькая женщина в белом? Это Эмилия, генерал... Вы всегда замечаете всех хорошеньких женщин, негодный вы человек!

— Только одну, клянусь! — воскликнул восхищенный генерал, а леди слегка ударила его большим букетом, который держала в руке.

— А ведь это он, — сказала миссис О'Дауд, — и букет тот самый, который он купил тогда на рынке.

Когда Ребекка, поймав взгляд подруги, проделала свой маленький маневр с воздушным поцелуем, миссис О'Дауд, приняв приветствие на свой счет, ответила на него такой грациозной улыбкой, что несчастный Доббин фыркнул и выскочил из ложи.

По окончании действия Джордж сразу же отправился засвидетельствовать свое почтение Ребекке. В коридоре он встретил Кроули, с которым обменялся замечаниями относительно событий последних двух недель.

— Ну что, мой чек оказался в порядке? — спросил Джордж с многозначительным видом.

— В полном порядке, мой милый, — отвечал Родон. — Я рад буду дать тебе отыгаться. Как папаша, смиловился?

— Еще нет, — сказал Джордж, — но к тому идет; да у меня есть и свои деньги, полученные от матери. А тетушка твоя смягчилась?

— Подарила мне двадцать фунтов, проклятая старая скряга!.. Когда же мы увидимся? Генерал во вторник не обедает дома. Может быть, вы приедете во вторник?.. Да, заставь ты Седли сбрить усы. Какого черта нужны штатскому усы и эта дурацкая венгерка? Ну, а затем, до свидания. Постарайтесь быть во вторник. — И Родон двинулся прочь с двумя молодыми франтоватыми

джентльменами, которые, так же как и он, состояли в штабе генерала.

Джордж остался не очень доволен приглашением на обед как раз в тот день, когда генерала не будет дома.

— Я зайду засвидетельствовать свое почтение твоей жене, — сказал он, на что Родон ответил:

— Гм... Если хочешь. — Вид при этом у него был весьма мрачный, а оба юных офицера лукаво переглянулись. Джордж попрощался с ним и гордо проследовал по коридору к ложе генерала, номер которой он заранее себе заметил.

— Entrez ¹, — раздался звонкий голосок, и наш друг предстал перед Ребеккой. Та мигом вскочила, захлопала в ладоши и протянула обе руки Джорджу, так рада была она его видеть. Генерал с орденами в петлице грозно посмотрел на посетителя, словно хотел сказать: «Кто вы такой, черт вас возьми?»

— Дорогой капитан Джордж! — воскликнула Ребекка в упоении. — Вот мило, что вы зашли! А мы тут с генералом скучали tête-à-tête. Генерал, это мой капитан Джордж, о котором я вам рассказывала.

— Да? — проговорил генерал с едва заметным поклоном. — Какого полка, капитан Джордж?

Джордж назвал *** полк и горько пожалел, что не служит в каком-нибудь блестящем кавалерийском корпусе.

— Вы, кажется, недавно из Вест-Индии? В последней кампании не участвовали? Здесь расквартированы, капитан Джордж? — продолжал генерал с убийственной надменностью.

— Вовсе не капитан Джордж, глупый вы человек! Капитан Осборн, — перебила его Ребекка.

Генерал хмуро поглядывал то на капитана, то на Ребекку.

— Капитан Осборн, да? Родственник Осборнов из Л.?

— У нас один герб, — ответил Джордж, и это действительно было так: пятнадцать лет назад мистер Осборн, посоветовавшись с одним знатоком геральдики с Лонг-акра, выбрал себе в «Книге пэров» герб Осборнов из Л. и украсил им свою карету. Генерал ничего не ответил на

¹ Войдите (франц.).

это заявление; он взял подзорную трубку, — биноклей в то время еще не было, — и сделал вид, что рассматривает зрительный зал. Но Ребекка отлично видела, что его не вооруженный трубкой глаз смотрит в ее сторону и бросает на нее и на Джорджа свирепые взгляды.

Она удвоила свою приветливость.

— Как поживает дорогая Эмилия? Впрочем, нечего и спрашивать, — она так прелестна! А кто эта добродушная на вид особа рядом с нею: ваша пассия? О вы, негодные мужчины! А вон мистер Седли кушает мороженое, и с каким наслаждением! Генерал, почему у нас нет мороженого?

— Прикажете пойти и принести вам? — спросил генерал, едва сдерживая бешенство.

— Позвольте мне пойти, прошу вас, — сказал Джордж.

— Нет, я хочу сама зайти в ложу к Эмили. Дорогая, милая девочка! Дайте мне вашу руку, капитан Джордж! — И с этими словами, кивнув головой генералу, Ребекка легкой походкой вышла в коридор. Очутившись с Джорджем наедине, она взглянула на него лукаво, словно хотела сказать: «Вы видите, каково положение дел и как я его дурачу». Но Джордж не понял этого, занятый своими собственными планами и погруженный в самодовольное созерцание своей неотразимости.

Проклятья, которыми вполголоса разразился генерал, как только Ребекка и ее похититель покинули его, были так выразительны, что, наверно, ни один наборщик не решился бы их набрать, хотя бы они и были написаны. Они вырвались у генерала прямо из сердца, — и удивительное дело, как это человеческое сердце способно порождать подобные чувства и по мере надобности выбрасывать из себя такой огромный запас страсти и бешенства, ненависти и гнева!

Кроткие глаза Эмилии тоже были с беспокойством устремлены на парочку, поведение которой так раздосадовало ревнивого генерала. Однако Ребекка, войдя в ложу, бросилась к своей приятельнице с самыми бурными выражениями радости, несмотря на то, что это происходило в публичном месте; она обнимала свою милую подругу на виду у всего театра и главным образом на виду у подзорной трубки генерала, наведенной теперь на ложу Осборнов. С Джозом миссис Родон поздоровалась также

очень приветливо, а от большой брошки миссис О'Дауд и ее чудесных ирландских алмазов пришла в восторг и не хотела верить, что они не прибыли прямым путем из Голконды *. Она суетилась, болтала, вертелась и кривлялась, улыбалась одному и кокетничала с другим, и все это на виду у ревнивой подзорной трубки, направленной на нее с противоположной стороны зала. А когда начался балет (в котором ни одна танцовщица не проявила столь совершенного искусства пантомимы и не могла сравняться с нею ужимками), она удалилась к себе, на этот раз опираясь на руку капитана Доббина. Нет, нет, Джорджа она ни за что не возьмет с собой: он должен остаться со своей дорогой, прелестной маленькой Эмилией.

— Что за ломака эта женщина, — шепнул честный Доббин Джорджу, вернувшись из ложи Ребекки, куда он проводил ее в полнейшем молчании и с мрачным видом могильщика. — Корчится, извивается, точно змея. Разве ты не видел, Джордж, что все время, пока она была здесь, она просто разыгрывала комедию для того генерала напротив?

— Ломака? Разыгрывала комедию? Глупости! Она самая очаровательная женщина в Англии, — отвечал Джордж, показывая свои белые зубы и покручивая надутые усы. — Ты совершенно не светский человек, Доббин. Посмотри-ка на нее сейчас, она уже успела заговорить Тафто. Видишь, как он смеется? Господи, что у нее за плечи! Эмми, почему у тебя нет букета? У всех дам букеты.

— Так почему же вы ей не купили? — заметила миссис О'Дауд. Эмилия и Вильям Доббин были благодарны ей за это своевременное замечание. Но обе дамы заметно притихли. Эмилия была подавлена блеском, живостью и светским разговором своей соперницы. Даже миссис О'Дауд словно воды в рот набрала после блестящего появления Бекки и за весь вечер не сказала больше ни слова о своем Гленмелони.

— Когда ты, наконец, бросишь игру, Джордж? Ведь ты уже мне обещал сотни раз! — сказал Доббин своему приятелю несколько дней спустя после вечера, проведенного в опере.

— А когда ты бросишь свои нравоучения? — последовал ответ. — И чего ты, черт возьми, беспокоишься? Играем мы по маленькой. Вчера я выиграл. Не думаешь же ты, что Кроули плурует? При честной игре в конце концов всегда одно на одно выходит.

— Но едва ли он сможет заплатить тебе, если проиграт, — сказал Доббин.

Однако его совет имел такой же успех, как и все вообще советы. Осборн и Кроули встречались теперь постоянно. Генерал Тафто почти всегда обедал вне дома. Джорджа радушно принимали в апартаментах, занимаемых адъютантом и его супругой (и расположенных очень близко к покоям генерала).

Поведение Эмили, когда они с Джорджем явились в гости к Кроули и его жене, чуть не вызвало первой ссоры между супругами. Джордж сильно разбранил жену за ее явную неохоту идти к ним и за высокомерное и гордое обращение с миссис Кроули, ее старой подругой. Эмилия не сказала ни слова в ответ, но во время второго визита, который они отдали миссис Родон, она, чувствуя на себе взгляд мужа и Ребекки, испытующе смотревшей на нее, держалась еще более неловко и застенчиво, чем в первый раз.

Ребекка, конечно, была сама любезность и словно не замечала холодности подруги.

— Эмми как будто стала более гордой с тех пор, как имя ее отца попало в... со времени неудач мистера Седли, — сказала Ребекка, сострадательно смягчая свои слова ради Джорджа. — Когда мы были в Брайтоне, мне казалось, что она делала мне честь ревновать вас ко мне; а теперь она, вероятно, считает неприличным, что Родон, я и генерал живем в одном доме. Но, дорогой мой, как бы мы при наших средствах могли жить здесь без друга, который делил бы с нами расходы? Или вы думаете, что Родон не в состоянии позаботиться о моей чести? Но все же я очень обязана Эмми, очень обязана, — добавила миссис Родон.

— Ну, какая там ревность! — отвечал Джордж. — Все женщины ревнивы...

— И все мужчины также. Разве вы не ревновали меня к генералу Тафто, а генерал к вам в тот вечер в опере?

Ведь он готов был съесть меня за то, что я пошла с вами навестить вашу глупенькую жену, как будто мне есть дело до нее или до вас, — продолжала миссис Кроули, дерзко тряхнув головой. — Хотите остаться пообедать? Мой драгун обедает у главнокомандующего. Важные, волнующие новости. Говорят, французы перешли границу. Мы здесь пообедаем с вами спокойно.

Джордж принял приглашение, хотя жена его была немного нездорова. Не прошло еще шести недель, как они поженились, а другая женщина уже глумилась над нею, и он не сердился на это. Он не сердился даже на себя, этот добродушный малый.

«Конечно, это безобразие, — признавался он самому себе. — Но, черт возьми, если хорошенькая женщина вешается вам на шею, что же остается делать? Я довольно-таки смел с женщинами, — часто говорил он, улыбаясь и многозначительно кивая Стаблу, Спуну и другим товарищам в офицерском собрании, которые уважали его за это удалство. После военных побед победы любовные с давних времен являлись источником гордости для мужчин на Ярмарке Тщеславия, иначе почему бы школьники хвастались своими амурными делами, а Дон Жуан приобрел такую популярность?»

Итак, мистер Осборн, твердо убежденный, что он неотразим и создан для того, чтобы побеждать женщин, не пытался противиться своей судьбе, а покорно подчинялся ей. Но так как Эмми не возмущалась и не мучила его ревностью, а только молча страдала, Джордж воображал, что она не подозревает того, о чем все его знакомые были отлично осведомлены, а именно, что он отчаянно ухаживает за миссис Кроули. Он катался с нею верхом, когда она бывала свободна. Он врал Эмили про какие-то дела по службе (каковым небылицам она нисколько не верила) и, оставив ее одну или с братом, проводил вечера в обществе Кроули, проигрывая мужу деньги и теша себя мыслью, что жена изнывает от любви к нему. Весьма вероятно, что эта достойная пара никогда прямо не сговаривалась, что она будет завлекать юного джентльмена, а он — обыгрывать этого джентльмена в карты, — но они прекрасно понимали друг друга, и Родон добродушно позволял Осборну бывать у них сколько душе угодно.

Джордж был так занят своими новыми друзьями, что они с Вильямом Доббином теперь проводили вместе далеко не так много времени, как раньше. Джордж избегал его и в обществе и в полку, — как мы уже видели, он недолюбливал нравоучения, которыми был непрочь угостить его старший приятель. Пусть некоторые поступки Джорджа и серьезно огорчали капитана Доббина, но какая польза была убеждать Осборна, что, несмотря на его пышные усы и высокое мнение о своей опытности, он еще мальчишка и что Родон сделал его своей жертвой, как многих других, и, выжав из него все возможное, отшвырнет от себя с презрением? Джордж его не слушал; и так как Доббин, заходя к Осборнам, имел мало случаев встречаться со своим старым другом, то они избегли многих тягостных и бесполезных разговоров. Таким образом, наш друг Джордж без помехи развлекался на Ярмарке Тшеславия.

Никогда еще со времени Дария * не было у армии такого блестящего обоза, как тот, что в 1815 году сопровождал армию герцога Веллингтона в Нидерландах и в сплошных танцах и пиршествах довел ее, можно сказать, до самого поля сражения. Бал, который дала некая благородная герцогиня в Брюсселе 15 июня вышеупомянутого года, вошел в историю. Приготовления к нему взбудоражили весь город, и я слышал от некоторых леди, живших в то время в Брюсселе, что дамы говорили о нем и интересовались им куда больше, чем наступлением неприятеля. Билеты на этот бал доставали ценою таких стараний, просьб и интриг, какие подстать только английским леди, жаждущим встретиться с высшей знатью своей страны.

Джоз и миссис О'Дауд, страстно мечтавшие попасть на этот бал, напрасно старались достать билеты; зато некоторым другим нашим друзьям повезло. Так, например, Джордж благодаря влиянию лорда Бейракрса, и как бы в отплату за обед в ресторане, получил пригласительный билет на имя капитана и миссис Осборн, каковое обстоятельство заставило его чрезвычайно возгордиться. Доббин пользовался покровительством генерала, командовавшего

дивизией, к которой принадлежал его полк, поэтому, явившись как-то к миссис Осборн, он, смеясь, показал ей такое же приглашение, чем вызвал зависть Джоза и удивление Джорджа: как, черт возьми, Доббину удалось пролезть в общество? Мистер и миссис Родон тоже, разумеется, были приглашены — как друзья генерала, командующего кавалерийской бригадой.

В назначенный вечер Джордж, заказавший для Эмилии новое платье и всевозможные украшения, повез ее на знаменитый бал, где она не знала ни единой души. Разыскав леди Бейракс, — которая даже не удостоила его поклоном, считая, что приглашительного билета для него вполне достаточно, — и усадив Эмилию на стул, он предоставил ее собственным попечениям, считая, что поступил весьма похвально, так как купил ей новое платье и привез на бал, где она была вольна развлекаться, как ей захочется. Ее размышления были не из приятных, и никто, кроме честного Доббина, их не нарушал.

Итак, великосветский дебют Эмилии оказался весьма неудачным (ее муж отметил это с глухим раздражением), но зато для миссис Родон Кроули этот вечер был сплошным триумфом. Она приехала очень поздно; лицо ее сияло, платье было совершенством; среди собравшихся знатных особ и под направленными на нее лорнетами Ребекка казалась столь же хладнокровной и спокойной, как в прежнее время, когда водила в церковь воспитанниц мисс Пинкертон. С многими из мужчин она уже была знакома, и денди тотчас окружили ее. Что касается дам, то они шептались между собой о том, что Родон похитил ее из монастыря и что она сродни фамилии Монморанси. Она так прекрасно говорила по-французски, что эти сведения казались правдоподобными, и все соглашались, что манеры ее прелестны и что она *distinguée*. Пятьдесят кавалеров зараз толпились около нее, прося оказать честь танцевать с ними. Но она отвечала, что уже приглашена и намерена танцевать очень мало. Она направилась прямо к тому месту, где сидела Эмми, никем не замечаемая и глубоко несчастная. Чтобы dokonать бедняжку, миссис Родон бросилась к ней, восторженно приветствуя свою дорогую Эмилию, и сейчас же начала ей покровительствовать. Она разбранила платье подруги и ее прическу, поди-

вилась, как она могла быть так *chaussée*¹, и обещала прислать ей на следующее утро свою *corsetiere*². Она уверяла, что бал восхитительный, что тут собрались все, кого все знают, а таких, кого никто не знает, лишь очень, очень мало. За какие-нибудь две недели, после трех званных обедов, эта молодая особа усвоила светский жаргон как нельзя лучше; и только по ее прекрасному французскому выговору можно было догадаться, что она не родилась аристократкой.

Джордж, оставивший Эмми на стуле при входе в зал, не замедлил вернуться к ней, когда Ребекка очутилась рядом со своей подругой. Бекки как раз читала миссис Осборн нотацию по поводу безумств ее мужа.

— Ради бога, дорогая, не давай ему играть, — говорила она, — иначе он себя погубит. Он и Родон играют в карты каждый вечер, а ведь ты знаешь, денег у него мало, и Родон вытянет из него все до последнего шиллинга, если он не образумится. Отчего ты не запретишь ему, беспечное ты существо! Отчего ты не приходишь к нам по вечерам, вместо того чтобы скучать дома в обществе этого капитана Доббина? Согласна, что он *très aimable*³, но разве может нравиться мужчина с такими громадными ногами? Вот у твоего мужа ноги — прелесть! А, да вот и он! Где вы были, негодный? Эмми тут без вас все глаза выплала. Вы пришли пригласить меня на кадрили?

Она положила рядом с Эмилией шаль и букет и упорхнула танцевать с Джорджем. Только женщины умеют так ранить. Их маленькие стрелы отравлены ядом, который причиняет в тысячу раз больше боли, чем грубое мужское оружие. Наша бедная Эмми не умела ни ненавидеть, ни язвить, — как ей было защищаться от своего безжалостного врага?

Джордж танцевал с Ребеккой два или три раза, Эмилия едва ли знала точно — сколько. Она сидела, никем не замечаемая, в своем уголке, и только Родон подошел и довольно беспомощно попытался занять ее разговором; да позднее капитан Доббин, набравшись храбрости, принес

¹ Обута (франц.).

² Корсетницу (франц.).

³ Очень мил (франц.).

ей прохладительного питья и сел около нее. Ему не хотелось спрашивать, почему она так печальна, но она сама, стараясь объяснить слезы, наворачивавшиеся ей на глаза, сказала, что ее расстроила миссис Кроули, сообщившая ей, что Джордж много играет.

— Удивительное дело: когда человек увлечется картами, он позволяет обманывать себя самым явным плутом, — сказал Доббин; и Эмми согласилась:

— Да, правда! — но думала она совсем о другом, и вовсе не потеря денег огорчала ее.

Наконец Джордж вернулся за шалью и цветами Ребекки. Она собиралась уезжать и даже не снизошла до того, чтобы подойти проститься с Эмилией. Бедная девочка ни слова не сказала мужу и только еще больше поникла головкой. Доббин в это время был отозван к своему другу, генералу дивизии, и о чем-то говорил с ним вполголоса, а потому не видел этого. Джордж удалился с букетом в руках, но когда он передавал его владелице, в нем лежала записка, свернувшаяся, словно змея, посреди цветов. Ребекка сразу заметила ее. Она давно привыкла иметь дело с записками. Ребекка взяла цветы. Когда взгляды их встретились, Джордж понял, что она знает о содержимом букета. Муж торопил ее, повидимому слишком погруженный в свои мысли, чтобы заметить немой разговор между его женой и приятелем. Да и замечать было в сущности нечего. Ребекка подала Джорджу руку, бросив на него один из своих быстрых многозначительных взглядов, сделала реверанс и удалилась из залы. Джордж, склоненный над ее рукой, ничего не ответил на замечание Кроули, он даже не слышал его, так был взволнован и возбужден своей победой, — и, не сказав ни слова, дал им уйти.

Эмилия видела лишь первую часть сцены с букетом. Конечно, было естественно, что Джордж пришел по поручению Ребекки за ее шалью и цветами, за последние дни она почти привыкла к таким вещам. Но сейчас это переполнило чашу.

— Вильям, — сказала она, внезапно приникнув к Доббину, который снова был около нее, — вы такой добрый. Мне... мне нехорошо. Проводите меня домой.

Она не заметила, что назвала его по имени, как называл его Джордж. Доббин поспешно ушел с ней. Жила

она поблизости; они пешком протискались через толпу, которая на улице была как будто еще гуще, чем в бальном зале.

Джордж раза два или три сердился на жену, когда, возвращаясь поздно домой, находил ее не в постели, поэтому Эмилия сразу же легла; но, хотя она не уснула, она не слышала непрерывного шума, гама и топота копыт на улице, — другие тревоги не давали ей уснуть.

Между тем Осборн, в радостном возбуждении, подошел к карточному столу и начал безрассудно понтировать. Он все время выигрывал.

— Сегодня мне во всем везет, — сказал он. Но даже счастье в игре не могло успокоить его, и спустя некоторое время он вскочил, сунул в карман свой выигрыш и пошел к буфету, где выпил залпом несколько бокалов вина.

Здесь-то и нашел его Доббин в ту минуту, когда он, уже сильно навеселе, громко хохоча, рассказывал какую-то историю. У Доббина, уже давно бродившего между карточными столами в поисках своего друга, вид был настолько же бледный и серьезный, насколько Джордж был весел и разгорячен.

— Алло, Доб! Поди сюда и выпьем, старина Доб! У герцога замечательное вино! Налейте-ка мне еще, сэр, — и он протянул дрожащий в его руке стакан.

— Уходи отсюда, Джордж! — промолвил Доббин все так же серьезно. — Не пей больше!

— Не пить? Да что может быть лучше! Выпей и ты, старина, а то ты что-то уж очень бледен. Твое здоровье!

Доббин подошел ближе и что-то прошептал ему. Джордж вздрогнул, дико прокричал «ура!» и, осушив стакан, стукнул им по столу. Затем он быстро вышел под руку с другом.

— Неприятель перешел Самбру, — вот что сказал ему Вильям, — и наш левый фланг уже введен в дело. Идем... Мы выступаем через три часа.

Джордж вышел на улицу, весь дрожа под впечатлением этого известия, столь давно ожидаемого и все же столь неожиданного. Что были теперь любовь и интриги? Быстро шагая домой, он думал о тысяче вещей, но только

не об этом, — он думал о своей прошлой жизни и надеждах на будущее, о жене, о ребенке, с которым он, возможно, должен расстаться, не увидев его. О, если бы он не совершил того, что совершил в эту ночь! Если бы мог по крайней мере с чистой совестью проститься с нежным невинным созданием, любовь которого он так мало ценил!

Он думал о своей короткой супружеской жизни. В эти несколько недель он сильно растратил свой маленький капитал. Как безумен и расточителен он был! Если с ним случится несчастье, что он оставит жене? Как он недостойн ее! Зачем он женился? Он не годится для семейной жизни. Зачем он не послушался отца, который ни в чем ему не отказывал? Надежда, раскаяние, честолюбие, нежность и эгоистические сожаления переполняли его сердце. Он сел и стал писать отцу, вспоминая то, что уже писал однажды, когда ему предстояло драться на дуэли. Полосы зари слабо окрасили небо, когда он кончил свое прощальное письмо. Он запечатал его и поцеловал конверт. Он подумал, что напрасно оскорбил своего великодушного отца, вспомнил тысячи благодеяний, которые оказал ему суровый старик.

Еще раньше, едва вернувшись домой, Джордж тотчас заглянул в спальню Эмилии; она лежала тихо, с закрытыми глазами; он рад был, что она уснула. Его денщик уже был занят приготовлениями к походу; он понял сделанный ему знак не шуметь, и все приготовления были очень быстро и бесшумно окончены. «Разбудить ли Эмилию, — думал Джордж, — или оставить записку ее брату, прося сообщить ей страшную весть?» Он пошел снова взглянуть на нее.

Она не спала, когда Джордж в первый раз входил в ее комнату, но не открывала глаз, чтобы даже этим не попрекнуть его. Но уже одно то, что он вернулся с бала так скоро после нее, успокоило ее робкое сердечко, и, повернувшись в его сторону, когда он осторожно выходил из комнаты, она задремала. Теперь Джордж вошел еще осторожнее и снова посмотрел на нее. При слабом свете ночника ему видно было ее нежное, бледное личико; покрасневшие веки с длинными ресницами были сомкнуты, круглая белая рука лежала поверх одеяла. Милосердный боже! Как она чиста, как хороша и как одинока! А он —

какой он эгоист, грубый и порочный! Охваченный жгучим стыдом, он стоял в ногах кровати и смотрел на спящую. Как он осмеливается, кто он такой, чтобы молиться за такое невинное создание? Бог да благословит ее! Он подошел к кровати, посмотрел на ручку, слабую, тихо лежавшую ручку, и бесшумно склонился над подушкой к кроткому, бледному личику.

Две прекрасные руки нежно обвились вокруг его шеи.

— Я не сплю, Джордж, — проговорила бедняжка с рыданием, от которого готово было разорваться ее сердечко, прижавшееся теперь так близко к его сердцу. Она проснулась, но для чего? В эту минуту с плацдарма громко прозвучал рожок, подхваченный затем всюду по городу; и от грохота барабанов пехоты и визга шотландских волынок весь город проснулся.

ГЛАВА XXX

„Я милую покинул...“

Мы не претендуем на то, чтобы нас зачислили в ряды авторов военных романов. Наше место среди невоюющих. Когда палубы очищены для военных действий, мы спускаемся вниз и покорно ждем. Мы только мешали бы нашим храбрым товарищам, сражающимся у нас над головой. Поэтому мы не последуем за *** полком дальше городских ворот и, предоставив майору О'Дауду выполнять свой воинский долг, вернемся к его супруге, к дамам и обозу.

Майор и его жена, как мы уже говорили, не были приглашены на бал, на котором в прошлой главе присутствовали другие наши друзья; поэтому они имели гораздо больше времени для здорового отдыха в постели, чем те, кто желал не только исполнять свой долг, но и веселиться.

— Помяни мое слово, милая Пегги, — заметил майор, мирно натягивая на уши ночной колпак, — что через

день-другой здесь начнутся такие пляски, каких многие из этих плясунов в жизни не видывали.

Ему было гораздо приятнее улечься в постель после мирно выпитого стакана вина, чем итти куда-нибудь развлекаться. Пегги с своей стороны была бы рада щегольнуть на балу своим тюрбаном с райской птицей, но известия, принесенные мужем, настроили ее очень серьезно.

— Хорошо бы ты разбудила меня за полчаса до того, как протрубят сбор, — сказал майор жене. — Разбуди меня в половине второго, Пегги милая, и посмотри, чтобы вещи были готовы. Может быть, я не вернусь к утреннему завтраку, миссис О'Дауд. — С этими словами, означавшими, что полк может выступить уже на следующее утро, майор замолчал и уснул.

Миссис О'Дауд, в папильотках и ночной кофточке, чувствовала, что, как хорошая хозяйка, она при создавшихся обстоятельствах должна действовать, а не спать.

— Успею выспаться, когда Мик уйдет, — решила она и принялась упаковывать его походную сумку, почистила плащ, фуражку и остальное снаряжение и все развесила и разложила по местам. В карманы плаща она засунула некоторый, удобный в походе, запас провизии и плетеную фляжку, или так называемый «карманный пистолет», содержащий около пинты крепкого коньяку, который она и майор весьма одобряли. Как только стрелки ее «репети-тора» показали половину второго, а их механизм пробил роковой час (звук этот, по утверждению прекрасной миссис О'Дауд, был точь-в-точь как у соборного колокола), она разбудила мужа и приготовила ему чашку самого вкусного кофе, какой можно было найти в это утро в Брюсселе. И кто станет отрицать, что все эти приготовления достойной леди так же доказывали ее любовь, как слезы и истерики более чувствительных женщин, и что чашка кофе, выпитая в компании с женой, пока по всему городу рожки трубят сбор и бьют барабаны, не в пример полезнее и более к месту, чем пустые излияния чувств? Поэтому майор явился на плац опрятно одетый, свежий и бодрый, и его чисто выбритое румяное лицо вселяло мужество в каждого солдата. Все офицеры отдавали честь жене майора, когда полк проходил мимо балкона, на котором стояла эта славная женщина, приветливо махая им рукой; и смело можно сказать, что вовсе не отсутствие

храбрости, а скорее женская стыдливость и чувство приличия помешали ей самолично повести в бой доблестный *** полк.

По воскресеньям и в других торжественных случаях миссис О'Дауд имела обыкновение с отменной серьезностью читать что-нибудь из огромного тома проповедей своего дядюшки-декана. Эти проповеди послужили ей большим утешением на корабле, когда они возвращались из Вест-Индии и чуть не потерпели крушения. После отбытия полка она обратилась к этой же книге, чтобы найти пищу для размышлений; вероятно, она не очень много понимала из того, что читала, и мысли ее бродили далеко, но лечь спать, когда тут же на подушке лежал ночной колпак бедного Мика, было невозможно. Так всегда бывает на свете. Джек и Доналд идут на ратные подвиги, с ранцем за плечами, весело шагая под звуки песни «Я милую покинул...», а «милая» остается дома и страдает, — у нее-то есть время и думать, и грустить, и вспоминать.

Зная, как бесполезны сожаления и как чувствительность только делает людей более несчастными, миссис Ребекка мудро решила не давать воли своему горю и перенесла разлуку с супругом со спартанским мужеством. Сам Родон был гораздо более растроган при прощании, чем стойкая маленькая женщина, с которой он расставался. Она подчинила себе эту грубую, жесткую натуру. Родон любил, обожал жену, безмерно восхищался ею. Во всю свою жизнь он не знал такого счастья, какое в эти последние несколько месяцев дала ему Ребекка. Все его прежние удовольствия: скачки, офицерские обеды, охота и карты, все прежние развлечения и ухаживания за модистками и танцовщицами и тому подобные легкие победы этого нескладного военного Адониса казались ему скучными и пресными по сравнению с законными супружескими радостями, какими он наслаждался в последнее время. Она всегда умела развлечь его, и он находил свой дом и общество жены в тысячу раз более интересным, чем любое другое место или общество, какое ему приходилось видеть. Он проклинал свои прошлые безумства и скорбел о своих огромных долгах, которые оставались непреодолимым препятствием для светских успехов его жены. Часто во время ночных бесед с Ребеккой он вздыхал по

этому поводу, хотя раньше, когда был холост, долги несколько не беспокоили его. Он сам этому поражался.

— Черт побери, — говорил он (иногда, может быть, употребляя и более сильное выражение из своего несложного лексикона), — пока я не был женат, мне дела не было, под каким векселем я подписывал свое имя, лишь бы Мозес согласился ждать или Леви — дать отсрочку. Но с тех пор как женился, я, честное слово, не прикасаюсь к гербовой бумаге, кроме, конечно, тех случаев, когда переписываю старые векселя.

Ребекка всегда умела рассеять меланхолическое состояние его духа.

— Ах ты, глупенький! — говорила она. — Ведь еще есть надежда на тетюшку. А если она надует нас, разве не останется того, что вы называете «Газетою»? Или, постой, если умрет дядя Бьют, у меня есть еще один план. Приход всегда достается младшему сыну, — почему бы тебе не бросить армию и не пойти в священники?

При мысли о таком превращении Родон разразился хохотом; раскаты громового драгунского голоса разнеслись в полночь по всей гостинице. Генерал Тафто слышал их в своей квартире, этажом выше. Ребекка на другой день с большим одушевлением изобразила всю сцену, к огромному удовольствию генерала, и даже сочинила первую проповедь Родона.

Но все это уже было в прошлом. Когда пришли известия, что кампания началась и войска выступают в поход, Родон стал так серьезен, что Бекки принялась высмеивать его и даже несколько задела его гвардейские чувства.

— Надеюсь, ты не думаешь, Бекки, что я трушу? — сказал он с дрожью в голосе. — Но я — отличная мишень, и если пуля уложит меня, я оставляю после себя одно, а может быть, и два существа, которых я хотел бы обеспечить, так как это я вовлек их в беду. Здесь нет ничего смешного, миссис Кроули.

Ребекка ласками и нежными словами постаралась успокоить обиженного супруга. Злые насмешки вырывались у нее лишь в тех случаях, когда живость и чувство юмора брали верх в этой богатой натуре (что, впрочем, бывало довольно часто), но она умела быстро придать своему лицу выражение святой невинности.

— О милый! — воскликнула она. — Неужели ты ду-

маешь, что у меня нет сердца? — И, быстро смахнув что-то с глаз, она с улыбкой заглянула в лицо мужу.

— Ну, так вот, — сказал он, — если меня убьют, посмотрим, что тебе достанется. Мне здесь порядочно повезло, и вот тебе двести тридцать фунтов. Я кладу себе в карман десять наполеондоров. Мне этого вполне достаточно, потому что генерал за все платит по-княжески. Если меня убьют, ты будешь знать, что я тебе ничего не стоил... Не плачь, малютка: я еще, может быть, останусь жив, чтобы досадить тебе. Лошадей я с собой не возьму, ни ту, ни другую, — так будет дешевле; я говорил ему, что мой конь захромал. Если я не вернусь, ты за эту пару лошадей кое-что выручишь. Григ вчера еще предлагал мне девяносто за кобылу, прежде чем пришли эти проклятые известия, а я был так глуп, что не хотел ее отдать меньше чем за сотню. За Снегиря всегда можно взять хорошую цену, но только ты лучше продай его здесь, а то у барышников слишком много моих векселей, так что не стоит везти его в Англию. За маленькую кобылу, которую тебе подарил генерал, тоже можно кое-что выручить; хорошо еще, что здесь нет проклятых счетов за содержание лошадей, как в Лондоне, — добавил Родон со смехом. — Вот этот дорожный несессер стоил мне двести фунтов, — то есть я задолжал за него двести; а золотые пробки и флаконы должны стоить тридцать — сорок фунтов. Будьте добры продать его, сударыня, а также мои булавки, кольца, часы с цепочкой и прочие вещи. Они стоят немало денег. Я знаю, мисс Кроули заплатила за часы с цепочкой сто фунтов. Черт возьми! Флаконы с золотыми пробками! Жалею теперь, что не купил их побольше. Эдвардс навязывал мне серебряную машинку для снятия сапог, и я мог еще получить несессер с серебряной грелкой и серебряный сервиз. Ну, да что поделаешь, Бекки, обойдемся тем, что у нас есть.

Отдавая таким образом прощальные распоряжения, капитан Кроули, который до последнего времени, когда любовь овладела драгуном, редко думал о ком-нибудь, кроме самого себя, теперь перебирал свои небогатые пожитки, стараясь сообразить, что можно превратить в деньги для обеспечения жены на тот случай, если с ним что-нибудь произойдет. Ему доставляло удовольствие записывать карандашом, крупным ученическим почерком, различные

предметы своего движимого имущества, которые можно было бы продать с выгодой для его будущей вдовы, например:

«Моя мантоновская двустволка, скажем, — сорок гиней; мой плащ для верховой езды, подбитый собольим мехом, — пятьдесят фунтов; мои дуэльные пистолеты в ящике розового дерева (те, из которых я застрелил капитана Маркера) — двадцать фунтов; мои седельные сумки и попона; то же самое системы Лори...» и т. д. И хозяйкой всего этого имущества он оставлял Ребекку.

Верный своему плану экономии, капитан надел самый старый, поношенный мундир и эполеты, оставив более новые на сохранение своей жене (или, может быть, вдове). И этот прославленный в Виндзоре и в Хайд-парке денди отправился в поход, одетый скромно, словно сержант, и чуть ли не с молитвой за женщину, которую он покидал. Он поднял ее на руки и с минуту держал в объятиях, крепко прижимая к бурно бьющемуся сердцу. Потом, весь красный, с затуманенным взглядом, спустил ее с рук и оставил одну. Он ехал рядом со своим генералом и молча курил сигару, пока они догоняли бригаду, выступившую раньше. И только когда они отъехали несколько миль от города, он перестал крутить усы и прервал молчание.

Ребекка, как мы уже говорили, благоразумно решила не давать воли бесполезной скорби при разлуке с мужем. Она помахала ему рукой и с минуту еще постояла у окна после того, как он скрылся из вида. Соборные башни и остроконечные крыши причудливых старинных домов только что начали краснеть в лучах восходящего солнца. В эту ночь Ребекке не пришлось отдохнуть. Она все еще была в своем нарядном бальном платье; ее светлые локоны немного развились и обвисли, а под глазами легли темные круги от бессонной ночи.

— Какой у меня ужасный вид, — сказала она, рассматривая себя в зеркале, — и как бледнит меня розовый цвет!

Она сняла с себя розовое платье, и при этом из-за корсажа выпала записка; Ребекка с улыбкой подняла ее и заперла в шкатулку. Затем поставила свой букет в стакан с водой, улеглась в постель и сладко заснула.

В городе царила тишина, когда в десять часов утра

она проснулась и выпила кофе, который очень подкрепил и успокоил ее после всех тревог и огорчений.

Позавтракав, она возобновила расчеты, которые простодушный Родон производил минувшей ночью, и обсудила свое положение. В случае несчастья она, принимая в соображение все обстоятельства, была довольно хорошо обеспечена. У нее были свои драгоценности и наряды, в добавление к тем, которые ей оставил муж. (Мы уже описывали и восхваляли щедрость, проявленную Родоном тотчас же после женитьбы.) Генерал, ее раб и обожатель, преподнес ей, помимо арабской кобылы, множество красивых подарков в виде кашемировых шалей, купленных на распродаже имущества вдовы обанкротившегося французского генерала, и в виде многочисленных подношений из ювелирных магазинов, свидетельствовавших о вкусе и богатстве обожателя. Что касается «тикалок», как бедный Родон называл часы, то они тикали во всех углах ее комнат. Как-то раз вечером Ребекка мимоходом упомянула, что часы, которые ей подарил Родон, английского изделия и идут плохо, — и на следующее же утро ей были присланы прелестные часики фирмы Леруа, с цепочкой и крышкой, украшенной бирюзой, и еще одни — с маркой «Брегет», усыпанные жемчугом и размером не больше полукроны. Одни купил ей генерал Тафто, а другие галантно преподнес капитан Осборн. У миссис Осборн не было часов, хотя, нужно отдать справедливость Джорджу, если бы она попросила, он тотчас купил бы их ей; что же касается почтенной миссис Тафто, у нее в Англии были старинные часы, доставшиеся ей от матери, и они-то, пожалуй, могли бы заменить ту серебряную грелку, о которой упоминал Родон. Если бы фирма «Хоуэл и Джемс» опубликовала список покупателей, которым она продавала различные драгоценности, как удивились бы многие семейства; а если бы все эти украшения попали к законным женам и дочерям джентльменов, какое обилие их скопилось бы в благороднейших домах Ярмарки Тщеславия!

Вычислив стоимость всех этих ценностей, миссис Ребекка убедилась, не без острого чувства торжества и удовлетворения, что в случае чего она может для начала рассчитывать по меньшей мере на шестьсот — семьсот фунтов. Она провела все утро самым приятным образом, разбирая,

приводя в порядок, рассматривая и запирая под замок свое имущество. Среди записок в бумажнике Родона она нашла чек на двадцать фунтов на банкира Осборна. Это заставило ее вспомнить о миссис Осборн.

— Пойду разменяю чек, — сказала она, — а потом навещу бедняжку Эмми.

Пусть это роман без героя, но мы претендуем по крайней мере на то, что у нас есть героиня. Ни один мужчина в британской армии, выступавшей в поход, даже сам великий герцог, не мог быть хладнокровнее среди всех опасностей и затруднений, чем эта неунывающая маленькая жена адъютанта.

У нас есть и еще один знакомый, который не принял участия в военных действиях и поведение и чувства которого мы поэтому имеем право знать. Это наш друг, экс-коллектор Богли-Уолаха, покой которого, как и всех других, был в это раннее утро нарушен звуками военных рожков. Так как он был большой любитель поспать и понежиться в постели, то, вероятно, спал бы, как всегда, до полудня, несмотря на все барабаны, рожки и волынки британской армии, если бы сон его не был прерван, и притом не капитаном Джорджем Осборном, который жил с ним в одной квартире и, как всегда, был слишком поглощен собственными делами или горем от разлуки с женой, чтобы попрощаться со своим спящим шурином, — нет, не Джордж встал между сном и Джозом Седли, а капитан Доббин, который явился и поднял его, выразив желание пожать ему на прощанье руку.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал Джоз, зевая и мысленно посылая капитана к черту.

— Я... я не хотел, видите ли, уехать, не простившись с вами, — проговорил бессвязно Доббин, — потому что, видите ли, кое-кто из нас, возможно, не вернется, и мне хотелось бы проститься... и все такое, видите ли...

— Что вы хотите сказать? — спросил Джоз, протирая глаза.

Капитан не расслышал — он и не смотрел на толстого джентльмена в ночном колпаке, к которому, по его словам, относился с таким теплым участием. Лицемер старательно прислушивался и смотрел в сторону апартаментов

Джорджа, крупно шагая по комнате, опрокидывая стулья, барабанив пальцами, грызя ногти и обнаруживая другие признаки сильного внутреннего волнения.

Джоз всегда был неважного мнения о капитане, а теперь начал предполагать, что и храбрость его несколько сомнительна.

— Чем я могу вам быть полезен, Доббин? — спросил он саркастическим тоном.

— Вот чем, — отвечал капитан, подходя к его кровати. — Через четверть часа мы выступаем, Седли, и, может быть, ни я, ни Джордж не вернемся. Помните же, что вы не должны двигаться из этого города, пока не убедитесь, как обстоят дела. Вы должны оставаться здесь, оберегать свою сестру, успокаивать ее и следить, чтобы с ней ничего не произошло. Если что-нибудь случится с Джорджем, помните — у нее никого нет на свете, кроме вас, кто позаботился бы о ней. Если армии придется плохо, вы обязаны доставить ее благополучно в Англию; и вы должны обещать мне под честным словом, что не покинете ее. Я верю, что вы иначе не поступите; что касается денег, вы всегда были достаточно щедры. Кстати, вам не нужно денег? Я хочу сказать, хватит у вас золота, чтобы уехать в Англию в случае несчастья?

— Сэр, — величественно заявил Джоз, — когда мне нужны деньги, я знаю, куда обратиться. Что касается сестры, *вам* нечего указывать мне, как я должен себя вести.

— Вы говорите как мужественный человек, Джоз, — сказал капитан добродушно, — и я рад, что Джордж может оставить жену в таких надежных руках. Значит, я могу передать ему ваше честное слово, что в случае крайности вы не оставите ее?

— Конечно, конечно, — отвечал мистер Джоз, щедрость которого в отношении денег Доббин оценил правильно.

— И в случае поражения вы увезете ее невредимой из Брюсселя?

— Поражения? Черт побери, сэр, этого не может быть! Не старайтесь запугать меня, — закричал из-под одеяла герой. Доббин почувствовал облегчение, когда Джоз так решительно заявил о своих обязанностях по отношению к сестре.

«По крайней мере, — думал капитан, — у нее будет безопасное убежище, на случай если произойдет самое худшее».

Если капитан Доббин рассчитывал для собственного успокоения и удовольствия повидать еще раз Эмилию, прежде чем их полк выступит в поход, то он был наказан по заслугам за такой непростительный эгоизм. Дверь из спальни Джоза вела в гостиную, общую для всей семьи, и против этой двери была дверь в комнату Эмили. Рожки разбудили всех, и теперь не к чему уже было скрывать правду. Денщик Джорджа укладывал вещи в гостиной. Осборн то и дело выходил из смежной спальни, бросая денщику те предметы, которые, как он думал, могли пригодиться ему в походе. И Доббину представилась-таки возможность, на которую он надеялся, — еще раз увидеть лицо Эмили. Но что это было за лицо! Такое бледное, растерянное и полное отчаяния, что память о нем преследовала его потом, как сознание тяжкой вины, а вид его возбудил в нем невыразимую тоску и жалость.

Эмилия была в белом утреннем капоте, волосы ее рассыпались по плечам, большие глаза потускнели и были устремлены в одну точку. Желая помочь в сборах и показать, что в такую серьезную минуту и она может быть полезна, Эмилия вынула из ящика офицерский шарф Джорджа и ходила взад и вперед за мужем с шарфом в руках, молча глядя, как он укладывается. Вот она вышла из комнаты и стала, прислонившись к стене и прижимая к груди шарф, на котором тяжелая красная бахрома алела, как кровь. Наш благородный капитан, посмотрев на нее, почувствовал в сердце боль и раскаяние. «Милосердный боже! — подумал он. — И такое горе я осмелился подглядеть!» И нечем было помочь, нечем облегчить это безмолвное отчаяние. Он стоял с минуту и смотрел на нее, бессильный и терзаемый жалостью, как отец смотрит на своего страдающего ребенка.

Наконец Джордж взял Эмми за руку и увел ее в спальню, откуда через минуту вышел уже один. Прощание свершилось — он ушел.

«Слава богу, кончено», — подумал Джордж, спускаясь через три ступеньки по лестнице и придерживая саблю. Он быстро побежал к сборному пункту, где строился полк и куда спешили солдаты и офицеры из своих квартир.

Кровь стучала у него в висках, щеки пылали: начиналась великая игра — война, и он был одним из ее участников. Какой вихрь сомнений, надежд и восторга! Как много поставлено на карту! Что были в сравнении с этим все азартные игры, в которые он когда-то играл! Он с детства увлекался всеми состязаниями, требовавшими смелости и физической ловкости. Он был чемпионом и в школе и в полку, всегда ему рукоплескали; на крокетном поле и на гарнизонных скачках — всюду он одерживал сотни побед, и всюду, где бы он ни появлялся, женщины и мужчины любовались им и завидовали ему. Какие качества в мужчине нравятся больше, чем физическое превосходство, ловкость, отвага? Сила и мужество с давних времен служили темой для песен и баллад; со времен осады Трои и до наших дней поэзия всегда выбирала своим героем воина. Не потому ли, что люди — трусы в душе, они так восхищаются храбростью и считают, что воинская доблесть больше всех других качеств заслуживает похвал и поклонения?

Итак, заслышав волнующий боевой призыв, Джордж вырвался из нежных объятий не без чувства стыда, что дал себя задержать (хотя у его жены едва ли хватило бы на это сил). Такое же горячее нетерпение испытывали все его товарищи, уже знакомые нам, — от бравого майора, который вел полк в поход, до маленького прапорщика Стабла, который должен был нести в этот день знамя.

Солнце только что стало всходить, когда войска выступили из города. Это было великолепное зрелище: впереди колонны шел оркестр, играя полковой марш, затем ехал командующий полком майор О'Дауд верхом на своем крепыше Пираме; за ним шли гренадеры во главе со своим капитаном; в центре развевались знамена, которые несли прапорщики; затем шел Джордж впереди своей роты. Он поднял голову, улыбнулся Эмилии и прошел дальше; и вскоре даже звуки музыки замерли вдали.

ГЛАВА XXXI,

в которой Джоз Седли заботится о своей сестре

Таким образом, все старшие офицеры были призваны к исполнению своего долга, и Джоз Седли остался во главе маленького гарнизона в Брюсселе, в состав которого входили больная Эмилия, слуга-бельгиец Исидор и девушка-прислуга. Хотя Джоз был расстроен и покой его был нарушен вторжением Доббина и всеми событиями этого утра, тем не менее он оставался в постели, ворочаясь без сна с боку на бок, пока не подошел его обычный час вставания. Солнце поднялось уже высоко на небе, и наши доблестные друзья*** полка отшагали уже немало миль, прежде чем наш чиновник вышел к завтраку в своем цветастом халате.

Отсутствие шурина не очень огорчало Джоза. Может быть, он был даже доволен, что Осборн уехал, потому что в присутствии Джорджа он играл весьма второстепенную роль в доме и Осборн ни капельки не скрывал своего пренебрежения к толстяку-штатскому. Но Эмми всегда была

добра и внимательна к брату. Она заботилась об его удобствах, наблюдала за приготовлением его любимых блюд, гуляла или каталась с ним (для этого представлялось много, слишком много случаев, — ибо где был в это время Джордж?). Кроткое личико Эмилии заставляло ее брата умерять свой гнев, а мужа — прекращать насмешки. Несколько раз она робко упрекала Джорджа за его отношение к брату, но тот с обычной своей резкостью обрывал эти разговоры.

— Я человек прямой, — говорил он, — и то, что чувствую, то и показываю, как должен делать всякий честный человек. Какого черта ты хочешь, дорогая, чтобы я почтительно относился к такому дураку, как твой братец?

Итак, Джоз был рад отсутствию Джорджа. Штатская шляпа последнего и перчатки, оставленные на буфете, и мысль, что владелец их далеко, доставили Джозу какое-то тайное чувство торжества.

«Сегодня, — думал Джоз, — он уже не будет меня злить своим фатоватым видом и наглостью».

— Унесите шляпу капитана в переднюю, — сказал он слуге Исидору.

— Может быть, она ему больше не понадобится, — отвечал лакей, хитро взглянув на своего господина. Он тоже ненавидел Джорджа — тот проявлял в обхождении с ним истинно английскую грубость.

— И спросите *madame*, придет ли она к завтраку, — сказал с большой важностью мистер Седли, спохватившись, что заговорил со слугой о своем нерасположении к Джорджу. Хотя, надо правду сказать, он уже не раз бранил шурина в присутствии слуги.

Увы! *Madame* не может прийти к завтраку и приготовить *les tartines*¹, которые любит мистер Джоз. *Madame* слишком больна, она с самого отъезда мужа находится в ужасном состоянии, — так доложила ее *bonne*². Джоз выразил свое сочувствие тем, что налил ей огромную чашку чаю (это был его способ выражать нежность), и сделал даже больше: он не только послал ей завтрак, но стал придумывать, какие деликатесы будут ей всего приятнее к обеду.

¹ Тартинки (франц.)

² Горничная (франц.)

Лакей Исидор мрачно наблюдал за тем, как слуга Осборна собирал своего капитана в дорогу, — прежде всего потому, что он ненавидел мистера Осборна, который обращался с ним, как и со всеми ниже стоящими, очень высокомерно (слуги на континенте не мирятся с той грубостью, какую покорно терпят наши более благонравные английские слуги), а кроме того, ему было обидно, что столько добра уплывает у него из рук, чтобы попасть в руки других людей, когда англичане оконфузятся. Относительно этого конфуза он, как и многие другие в Брюсселе и во всей Бельгии, не сомневался нисколько. Почти все были уверены, что император отрежет прусскую армию от английской, уничтожит одну вслед за другой и не позже как через три дня вступит в Брюссель. Тогда все имущество его теперешних хозяев, которые будут убиты, или обратятся в бегство, или попадут в плен, законным образом перейдет в собственность monsieur Исидора.

Помогая Джозу в утомительном и сложном ежедневном туалете, его верный слуга соображал, как он поступит с теми самыми предметами, с помощью которых он украшал особу своего господина. Эти серебряные флаконы с духами и туалетные безделушки пойдут в подарок одной юной особе, в которую он был влюблен; а английский бритвенный прибор и булавку с большим рубином он оставит себе: она будет так красиво выделяться на тонкого полотна сорочке с брыжами. А в этой сорочке, да еще в фуражке, обшитой золотым галуном, в венгерке, отделанной шнурами, которую нетрудно будет переделать по его фигуре, с тростью капитана, украшенной золотым набалдашником, с большим двойным кольцом с рубинами, которое он затем даст переделать в пару восхитительных сережек, он будет настоящим Адонисом и легко победит mademoiselle Рен.

«Как эти запонки пойдут мне! — думал он, застегивая манжеты на пухлых запястьях мистера Седли. — Я давно мечтаю о запонках. А капитанские сапоги с медными шпорами, что стоят в соседней комнате, — parbleu! ¹ — какой эффект они произведут на Allée Verte! ²

¹ Черт поberi! (франц.)

² Зеленой алле (франц.).

Итак, пока monsieur Исидор своими бренными перстами придерживал нос господина и брил ему нижнюю часть лица, воображение уносило его на Зеленую аллею, где он в венгерке с шнурами разгуливал в обществе mademoiselle Рен; он мысленно бродил в тени деревьев по берегам канала, рассматривая баржи, медленно плывущие по течению, или освежался кружкой фаро * на скамейке пивной по дороге в Лакен.

Но мистер Джоз Седли, к счастью для своего спокойствия, не подозревал, что происходило в голове его слуги, так же как почтенный читатель и я не знаем того, что думают о нас Джон или Мери, которым мы платим жалованье. Что думают слуги о своих господах?.. Если бы мы знали, что думают о нас наши близкие друзья и дорогие родственники, жизнь потеряла бы всякое очарование и мы все время пребывали бы в невыносимом унынии и страхе. Итак, слуга Джоза намечал себе жертву, подобно тому, как один из поваров мистера Пейнтера на Леднхолл-стрит украшает ничего не подозревающую черепаху карточкой, на которой написано: «Суп на завтра».

Служанка Эмили была настроена далеко не так эгоистически. Мало кто из подчиненных этого милого, доброго создания не платил ей обычной дани привязанности и любви за ее кротость и доброту. И действительно, кухарка Полин утешила свою хозяйку гораздо лучше, чем кто-либо из тех, кого она видела в это злосчастное утро. Когда она заметила, что Эмилия, молчаливая, неподвижная и измученная, уже несколько часов стоит у окна, откуда она следила за исчезающими вдали последними штыками уходившей колонны, эта честная женщина взяла Эмилию за руку и сказала:

— Tenez, madame, est-ce qu'il n'est pas aussi à l'armée mon homme à moi? ¹

После чего она разразилась слезами, а Эмилия, упав к ней в объятия, тоже расплакалась, и обе стали жалеть и утешать друг друга.

Много раз в это утро слуга мистера Джоза Исидор бежал в город, к воротам отелей и домов, расположенных

¹ Ах, сударыня, а мой-то кавалер разве не в армии (франц.).

вокруг парка, где жило больше всего англичан, и там, толкаясь среди других слуг, курьеров и лакеев, собирал все новости и приносил домой бюллетени для осведомления своего хозяина. Почти все эти джентльмены были в душе приверженцами императора и имели собственное мнение относительно скорого окончания войны. Прокламация Наполеона, выпущенная в Авене, широко распространилась по всему Брюсселю. «Солдаты! — гласила она. — Настала годовщина Маренго и Фридланда, которые дважды уже решали судьбы Европы. Мы были тогда слишком великодушны, как и после Аустерлица и Ваграма. Мы поверили клятвам и обещаниям государей и оставили их на тронах. Выйдем же снова им навстречу. Разве мы и они стали другими? Солдаты! Эти самые пруссаки, которые так дерзки сейчас, под Иеной шли на нас трое против одного, а под Монмирайлем шестеро против одного. Те из вас, кто был в плену в Англии, могут рассказать своим товарищам об ужасах английских понтонов. Безумцы! Случайный успех ослепил их. Но если они вступят во Францию, они найдут там только могилу!» А приверженцы Франции предсказывали еще более скорое истребление врагов императора, и все кругом соглашались, что пруссаки и англичане вернутся назад не иначе как пленниками в хвосте победоносной армии.

Таковы были известия, собранные в течение дня, и они не могли не оказать своего действия на мистера Седли. Ему донесли, что герцог Веллингтон выехал в армию, авангард которой французы сильно потрепали накануне вечером.

— Потрепали? Вздор! — сказал Джоз, мужество которого за завтраком всегда возрастало. — Герцог выехал в армию, чтобы разбить императора, как он раньше разбивал всех его генералов.

— Его бумаги сожжены, имущество вывезено, а квартира очищается для герцога Далматского *, — отвечал Исидор. — Я знаю это от его собственного дворецкого. Люди милорда герцога Ричмонда уже укладываются. Его светлость бежал, а герцогиня ожидает только, пока уложат серебро, чтобы присоединиться к французскому королю в Остенде.

— Французский король в Генте, — возразил Джоз, притворяясь, что не верит вздорным слухам.

— Он вчера ночью бежал в Брюгге, а сегодня отплывает в Остенде. Герцог Беррийский * взят в плен. Тем, кто хочет уцелеть, лучше уезжать поскорее, потому что завтра откроют плотины, — и как тогда бежать, раз вся страна будет под водой?

— Чепуха, сэр! Мы можем выставить вдвое против того, сэр, что выставит Бони! — запальчиво воскликнул мистер Седли. — Австрийцы и русские подходят. Он должен быть сокрушен и будет сокрушен! — заявил Джоз, ударяя рукой по столу.

— Пруссак было трое против одного при Иене, а он в одну неделю взял всю их армию и королевство. Под Монмирайлем их было шестеро против одного, а он рассеял их, как овец. Австрийская-то армия наступает, но ведет ее императрица и Римский король *. А русские? Русские отступят. Англичанам не будет пощады, — все помнят, как они жестоко обращались с нашими героями на своих проклятых понтонах. Взгляните, здесь все напечатано черным по белому. Вот прокламация его величества императора и короля, — сказал новоявленный приверженец Наполеона, не считавший более нужным скрывать свои чувства, и, вынув из кармана прокламацию, грубо сунул ее в лицо своему господину, — он уже смотрел на расшитую шнурами венгерку и другие ценности, как на свою добычу.

Джоз не был серьезно напуган, но все же уверенность его поколебалась.

— Дайте мне пальто и фуражку, сэр, — сказал он, — и следуйте за мной. Я сам пойду и узнаю, насколько верны ваши рассказы.

Исидор пришел в бешенство, увидав, что Джоз надевает венгерку.

— Милорду лучше не надевать военного мундира, — заметил он, — французы поклялись не давать пощады ни одному английскому солдату.

— Молчать! Слышите! — воскликнул Джоз и все еще с решительным видом и с непобедимой твердостью сунул руку в рукав. За совершением этого геройского поступка его и застала миссис Родон Кроули, которая как раз явилась навестить Эмилию и, не позвонив, вошла в прихожую.

Ребекка была одета, как всегда, очень изящно и красиво; спокойный сон после отъезда Родона освежил ее; приятно было смотреть на ее розовые щечки и улыбку, когда у всех в городе в этот день было на лицах выражение тревоги и горя. Она стала смеяться над положением, в котором застала Джоза, и над судорожными усилиями, с какими дородный джентльмен старался влезть в расшитую куртку.

— Вы собираетесь в армию, мистер Джозеф? — спросила она. — Неужели никто не останется в Брюсселе, чтобы защищать нас, бедных женщин?

Джозу, наконец, удалось влезть в венгерку, и он пошел навстречу своей прекрасной посетительнице, весь красный и бормоча извинения. Как она чувствует себя после всех событий сегодняшнего утра, после вчерашнего бала?

Monsieur Исидор исчез в соседней спальне, унося с собой цветастый халат.

— Как мило с вашей стороны справляться об этом, — сказала она, обеими ручками пожимая его руку. — До чего же у вас хладнокровный и спокойный вид, когда все так напуганы!.. Как поживает наша маленькая Эмми? Расставание, вероятно, было ужасно, ужасно?

— Ужасно! — подтвердил Джоз.

— Вы, мужчины, можете все перенести, — продолжала леди. — Разлука или опасность — вам все нипочем. Признавайтесь-ка, ведь вы собирались уехать в армию и бросить нас на произвол судьбы? Я знаю, что собирались, — что-то говорит мне об этом. Я так испугалась, когда эта мысль пришла мне в голову (ведь я иногда думаю о вас, когда остаюсь одна, мистер Джозеф), что немедленно бросилась просить, умолять вас не уезжать.

Эти слова можно было бы истолковать так: «Дорогой сэр, если с армией произойдет несчастье и придется отступать, у вас очень удобный экипаж, в котором я надеюсь получить местечко». Я не знаю, в каком смысле понял ее слова Джоз, но он был глубоко обижен невниманием к нему этой леди за все время их пребывания в Брюсселе. Его не представили ни одному из знатных знакомых Родона Кроули; его почти не приглашали на вечера к Ребекке, ибо он был слишком робок, чтобы играть по крупной, и его присутствие одинаково стесняло и Джор-

джа и Родона, которые, вероятно, предпочитали развлекаться без свидетелей.

«Вот как, — подумал Джоз, — теперь, когда я ей нужен, она приходит ко мне. Когда около нее никого больше нет, она вспомнила о старом Джозефе Седли!» Но, несмотря на эти сомнения, он был польщен словами Ребекки о его храбрости.

Он сильно покраснел и принял еще более важный вид.

— Мне хотелось бы посмотреть военные действия, — сказал он. — Каждому мало-мальски смелому человеку это было бы интересно. В Индии я кое-что видел, но не в таких больших размерах.

— Вы, мужчины, все готовы принести в жертву ради удовольствия, — заметила Ребекка. — Капитан Кроули простился со мною сегодня утром такой веселый, точно он отправлялся на охоту. Что ему за дело! Что вам всем за дело до страданий и мук бедной покинутой женщины? («Господи, неужели этот ленивый толстый обжора действительно думал отправиться на войну?») Ах, дорогой мистер Седли! Я пришла искать у вас успокоения, утешения. Все утро я провела на коленях; я трепещу при мысли о той ужасной опасности, которой подвергаются наши мужья, друзья, наши храбрые войска и союзники. Я пришла искать убежища — и что же? — последний оставшийся у меня друг тоже собирается ринуться в эту ужасную битву!

— Сударыня, — отвечал Джоз, начиная смягчаться, — не тревожьтесь. Я только сказал, что мне хотелось бы там быть, — какой британец не хотел бы этого? Но мой долг удерживает меня здесь: я не могу бросить это бедное создание, — и он указал пальцем на дверь комнаты, где была Эмилия.

— Добрый, великодушный брат! — сказала Ребекка, поднося платок к глазам и вдыхая одеколон, которым он был надушен. — Я была к вам несправедлива — у вас есть сердце. Я думала, что у вас его нет.

— О, клянусь честью! — воскликнул Джоз, и рука его невольно потянулась к левой стороне груди, — вы ко мне несправедливы, да, несправедливы... дорогая миссис Кроули!

— Да, теперь я вижу, что ваше сердце предано вашей сестре. Но я помню, как два года тому назад... по отно-

шению ко мне... оно было так вероломно! — промолвила Ребекка и на минуту устремила свой взгляд на Джоза, а затем отвернулась к окну.

Джоз страшно покраснел. Тот орган, в отсутствии которого упрекала его Ребекка, усиленно забился. Он вспомнил дни, когда он бежал от нее, и страсть, которая вспыхнула в нем однажды, — дни, когда он катал ее в своем экипаже, когда она вязала ему зеленый кошелек, когда он сидел очарованный и смотрел на ее белые плечи и блестящие глаза.

— Я знаю, что вы считаете меня неблагодарной, — продолжала Ребекка тихим, дрожащим голосом, отходя от окна и снова взглядывая на Джоза. — Ваша холодность, ваше нежелание замечать меня, ваше поведение за последнее время и сейчас, когда я вошла в комнату, — все это служит тому доказательством. Но разве у меня не было основания избегать вас? Пусть ваше сердце само ответит на этот вопрос. Или вы думаете, что мой муж был расположен принимать вас? Единственные недобрые слова, которые я слышала от него (я должна отдать в этом справедливость капитану Кроули), были из-за вас... И это были жестокие — да, жестокие слова!

— Господи! Да что же я сделал? — спросил Джоз, трепеща от смущения и удовольствия. — Что же я сделал, чтобы... чтобы...

— Разве ревность — ничто? — продолжала Ребекка. — Он мучил меня из-за вас. Но что бы ни было когда-то... теперь мое сердце всецело принадлежит ему. Я чиста перед ним. Не так ли, мистер Седли?

С дрожью восторга Джоз взирал на жертву своих чар. Несколько ловких слов, нежных многозначительных взглядов — и сердце его воспламенилось вновь, а горькие подозрения были забыты. Разве со времен Соломона женщины не дурачили и не побеждали лестью даже и более умных мужчин, чем Джоз?

«Ну, теперь, если даже случится самое худшее, — подумала Бекки, — отъезд мне обеспечен и я получу удобное место в его коляске».

Неизвестно, к каким изъяснениям любви и преданности привели бы мистера Джозефа его мятежные страсти, если бы в эту минуту не вошел его слуга Исидор, чтобы навести в комнате порядок. Джоз, только что собирав-

шийся выпалить признание, чуть не подавился чувствами, которые вынужден был сдержать. Ребекка с своей стороны решила, что ей пора идти утешать свою драгоценную Эмилию.

— *Au revoir*¹, — сказала она, посылая воздушный поцелуй мистеру Джозу, и тихонько постучала к его сестре. Когда она вошла туда и затворила за собой дверь, Джоз бессильно опустился в кресло и стал дико озираться, вздыхать и пыхтеть.

— Этот сюртук очень узок милорду, — заявил Исидор, все еще не спуская глаз с вожделенных шнуров. Но «милорд» не слушал его: мысли его были далеко. Он то вспыхивал, мысленно созерцая очаровательную Ребекку, то виновато ежился, представляя себе ревнивого Родона Кроули с закрученными зловещими усами и его страшные заряженные дуэльные пистолеты.

Появление Ребекки поразило Эмилию ужасом и заставило отшатнуться. Оно вернуло ее к действительности и к воспоминаниям о вчерашнем вечере. В своем страхе о будущем она забыла Ребекку, ревность — все, кроме того, что Джордж уехал и находится в опасности. Пока эта оборотистая особа бесцеремонно не зашла к ней, не нарушила чар, не приоткрыла двери, мы не смели входить в эту печальную комнату. Сколько времени бедняжка простояла на коленях! Сколько часов провела она здесь в безмолвных молитвах и горьком унынии! Военные хроникеры, которые дают блестящие описания сражений и побед, едва ли расскажут нам об этом. Это слишком низменная сторона пышного зрелища, — и вы не услышите ни плача вдов, ни рыдания матерей среди криков и ликования громкого победного хора. А между тем, когда они не плакали — смиренные страдалицы с разбитым сердцем, чьи жалобы тонули в оглушительном громе победы?

После первого мгновения ужаса, охватившего Эмилию, когда перед ней сверкнули зеленые глаза Ребекки и та, шумя шелковыми юбками и блестящими украшениями, бросилась с протянутыми руками, чтобы обнять ее, — чувство гнева взяло верх, смертельно бледное лицо ее вспыхнуло, и она ответила на взгляд Ребекки таким твердым

¹ До свидания (франц.).

взглядом, что соперница ее удивилась и даже немного оробела.

— Дорогая моя, тебе очень нехорошо, — сказала она, протягивая руку Эмилии. — Что с тобой? Я не могу быть спокойна, пока не узнаю, как ты себя чувствуешь.

Эмилия отдернула руку. Еще никогда в жизни эта кроткая душа не отказывалась верить или отвечать на проявление участия или любви. Но теперь она отдернула руку и вся задрожала.

— Зачем ты здесь, Ребекка? — спросила она, попрежнему глядя на гостью своими большими печальными глазами. Та смутилась от этого взгляда.

«Вероятно, она видела, как он передал мне письмо на балу», — подумала Ребекка.

— Не волнуйся, дорогая Эмилия, — сказала она, опустив глаза. — Я пришла только узнать, не могу ли я... хорошо ли ты себя чувствуешь?

— А ты себя как чувствуешь? — сказала Эмилия. — Думается мне, что хорошо. Ты ведь не любишь своего мужа. Если бы любила, ты не пришла бы сюда. Скажи, Ребекка, что я сделала тебе, кроме добра?

— Конечно, ничего, Эмилия, — отвечала она, не поднимая головы.

— Когда ты была бедна, кто тебя приголубил? Разве я не была тебе сестрой? Ты видела нас в более счастливые дни, прежде чем он женился на мне. Я была тогда всем для него, иначе разве он отказался бы от состояния и от семьи, чтобы сделать меня счастливой? Зачем же ты становишься между мною и моей любовью? Кто послал тебя, чтобы разделить тех, кого соединил бог, и отнять у меня сердце моего дорогого, моего любимого мужа? Неужели ты думаешь, что ты можешь его любить так, как я люблю? Его любовь для меня — все. Ты знала это, и ты хотела отнять его у меня. Стыдно, Ребекка! Злая, дурная женщина! Вероломный друг и вероломная жена!

— Эмилия, перед богом уверяю тебя, я ни в чем не виновата перед своим мужем, — сказала Ребекка, отворачиваясь от нее.

— А передо мной тоже не виновата, Ребекка? Тебе не удалось, но ты старалась. Спроси свое сердце — не так ли это?

«Она ничего не знает», — подумала Ребекка.

— Он вернулся ко мне. Я знала, что он вернется. Я знала, что никакая лесть, никакая ложь не отвратит его от меня надолго! Я знала, что он вернется! Я столько молилась об этом.

Бедняжка проговорила эти слова с такой стремительностью и воодушевлением, что Ребекка не нашлась, что ответить.

— Что я тебе сделала? — продолжала Эмилия уже более жалобным тоном. — За что ты старалась отнять у меня мужа? Ведь он мой всего только шесть недель. Ты могла бы пощадить меня, Ребекка, хотя бы на это время. Но в первый же день нашей свадьбы ты явилась и все испортила. Теперь он уехал, и ты пришла посмотреть, как я несчастна? — продолжала она. Ты достаточно мучила меня последние две недели, пощадила бы хоть сегодня.

— Я... я... никогда не приходила сюда, — перебила Ребекка и некстати сказала правду.

— Верно, сюда ты не приходила, ты заманивала его к себе. Может быть, ты и сегодня пришла отнять его у меня? — продолжала Эмилия, словно в бреду. — Он был здесь, а теперь его нет. На этой самой кушетке, здесь, он сидел. Не прикасайся к ней! Мы здесь сидели и разговаривали. Я сидела у него на коленях и обнимала его, и мы читали «Отче наш». Да, он был здесь. И они пришли и увели его, но он обещал мне вернуться.

— И он вернется, дорогая, — сказала Ребекка, невольно тронутая.

— Посмотри, — продолжала Эмилия, — вот его шарф. Не правда ли, какой красивый цвет? — И она, подняв бахромку, поцеловала его. Она еще утром обвязала его себе вокруг талии. Теперь она, повидимому, забыла свой гнев, свою ревность и даже самое присутствие соперницы. Она молча подошла к кровати и почти с улыбкой стала гладить подушку Джорджа.

Ребекка, тоже молча, вышла из комнаты.

— Ну, как Эмилия? — спросил Джоз, который по-прежнему сидел в кресле.

— Ее нельзя оставлять одну, — ответила Ребекка. — Мне кажется, ей очень нехорошо! — И она удалилась с весьма серьезным лицом, отвергнув просьбы Джоза остаться и разделить с ним ранний обед, который он заказал.

В сущности Ребекка была женщина не злая и услужливая, а Эмилию она, пожалуй, даже любила. Упреки подруги были скорее лестны Ребекке, как жалобы побежденной. Встретив миссис О'Дауд, которую проповеди декана несколько на этот раз не утешили и которая уныло бродила по парку, Ребекка подошла к ней, несколько удивив этим майоршу, не привыкшую к таким знакам внимания со стороны миссис Родон Кроули. Услышав, что бедняжка миссис Осборн находится в отчаянном состоянии и почти лишилась от горя рассудка, добрая ирландка тотчас же решила навестить свою любимицу и постараться ее утешить.

— У меня и своих забот достаточно, — важно заметила миссис О'Дауд, — и я думала, что бедняжка Эмилия не очень нуждается сегодня в обществе. Но если ей так плохо, как вы говорите, и вы не можете остаться с ней, хотя так всегда ее любили, я, конечно, попробую ей чем-нибудь помочь. До свидания, сударыня.

С этими словами обладательница «репетитора» тряхнула головой и зашагала прочь от миссис Кроули, общества которой она несколько не искала.

Бекки с улыбкой на устах смотрела ей вслед. Она была очень чувствительна ко всему смешному, и парфянский взгляд *, брошенный через плечо удалявшейся миссис О'Дауд, почти рассеял тяжелое состояние духа миссис Кроули.

«Мое почтение, сударыня, очень рада, что вы так веселы, — подумала Пегги. — Уж вы-то во всяком случае не выплачете себе глаз от горя». И она быстрыми шагами направилась к квартире миссис Осборн.

Бедняжка все еще стояла возле кровати, где Ребекка оставила ее; она почти обезумела от горя. Жена майора, женщина более твердая, приложила все старания, чтобы утешить свою юную приятельницу.

— Надо крепиться, милая Эмилия, — сказала она. — А то вдруг вы расхвораетесь к тому времени, когда ваш муж пошлет за вами после победы. Ведь вы не единственная женщина, которая находится сегодня в руках божьих.

— Я знаю. Знаю, что я дурная и слабохарактерная, — ответила Эмилия. Она отлично сознавала свою собствен-

ную слабость. Присутствие ее более решительного друга подействовало на нее ободряюще. В обществе миссис О'Дауд ей сразу стало лучше. Они долго пробыли вместе; сердца их следовали все дальше и дальше за ушедшей колонной. Ужасные сомнения и тоска, молитвы, страх и невыразимое горе сопровождали полк. Это была дань, которую платили войне женщины. Война всех одинаково облагает данью: мужчины расплачиваются кровью, женщины — слезами.

В половине третьего произошло событие, чрезвычайно важное в повседневной жизни мистера Джозефа: подали обед. Воины могут сражаться и погибать, но он должен обедать. Он вошел в комнату Эмилии, чтобы уговорить ее поесть.

— Попробуй только, — сказал Джоз. — Суп очень хороший. Пожалуйста, попробуй, Эмми, — и он поцеловал ей руку. Он уже много лет не делал этого, за исключением того дня, когда она выходила замуж.

— Ты очень добр и ласков, Джозеф, — ответила Эмилия. — И все добры ко мне; только, пожалуйста, позволь мне сегодня остаться у себя в комнате.

Аромат супа показался, однако, очень привлекательным миссис О'Дауд. Она решила составить компанию мистеру Джозу, и они вдвоем уселись за стол.

— Господь да благословит эту пищу, — произнесла торжественно жена майора. Она думала о своем честном Мике, как он едет верхом во главе полка. — У бедных наших мужей будет сегодня плохой обед, — сказала она со вздохом, а потом, как истинный философ, принялась за еду.

Настроение Джоза поднималось по мере того, как он ел. Он пожелал выпить за здоровье полка или под любым иным предлогом разрешить себе бокал шампанского.

— Выпьем за О'Дауда и за доблестный *** полк, — сказал он, галантно кланяясь своей гостье. — Что вы скажете на это, миссис О'Дауд? Исидор, наполните бокал миссис О'Дауд.

Но Исидор внезапно вздрогнул, а жена майора выронила нож и вилку. Окна комнаты были раскрыты и обращены на юг, и оттуда донесся глухой, отдаленный гул, прокатившийся над освещенными солнцем крышами.

— Что это? — спросил Джоз. — Почему вы не наливаете, бездельник?

— C'est le feu! ¹ — ответил Исидор, выбегая на балкон.

— Спаси нас господи! Это пушки! — воскликнула миссис О'Дауд и бросилась к окну. Сотни бледных, встревоженных лиц выглядывали из других окон. И скоро чуть ли не все население города высыпало на улицу.

¹ Это артиллерийский огонь! (франц.).

ГЛАВА XXXII,

*в которой Джоз обращается в бегство,
а война подходит к концу*

Мы, жители мирного Лондона, никогда не видали и, бог даст, никогда не будем свидетелями такой ужасной суматохи и тревоги, какая царила в Брюсселе. Толпы народа устремились к Намюрским воротам, откуда доносился гул, а многие выезжали дальше на гладкое шоссе, чтобы как можно раньше получить известия из армии. Все расспрашивали друг друга о новостях, и даже знатные английские лорды и леди снисходили до того, что разговаривали с незнакомыми лицами. Приверженцы французов, обезумев от восторга, предсказывали победу императору. Купцы закрывали свои лавки и выходили на улицу, увеличивая разноголосый хор тревожных и торжествующих криков. Женщины бежали к церквам и заполняли часовни, преклоняли колени и молились на каменных плитах и ступенях. А пушки вдали грохотали не смолкая. Вскоре экипажи с путешественниками стали

поспешно покидать город через Гентскую заставу. Предсказания приверженцев Франции начинали сбываться.

— Он отрезал одну армию от другой, — говорили кругом.

— Он идет прямо на Брюссель; он разобьет англичан и к вечеру будет здесь.

— Он разобьет англичан, — кричал Исидор своему хозяину, — и к вечеру будет здесь!

Исидор выбегал на улицу и снова вбегал в дом, каждый раз возвращаясь с новыми подробностями бедствия. Лицо Джоза бледнело все больше и больше: тревога начала овладевать толстяком. Сколько он ни пил шампанского, оно не прибавляло ему храбрости. Еще до того, как село солнце, нервозность его достигла такой степени, что у его друга Исидора сердце радовалось, на него глядя, — теперь-то венгерка со шнурами от него не уйдет!

Женщины все это время отсутствовали. Послушав с минуту пальбу, супруга майора вспомнила о своей приятельнице, находившейся в соседней комнате, и побежала туда, чтобы побыть с Эмилией и по возможности утешить ее. Мысль, что она должна поддержать это кроткое, беспомощное создание, еще усилила прирожденную храбрость честной ирландки. Она провела около пяти часов возле Эмили, то уговаривая ее, то развлекая оживленным разговором, но чаще храня молчание и мысленно воссылая к небу горячие мольбы.

— Я все время держала ее за руку, — говорила потом мужественная леди, — пока не село солнце и не прекратилась пальба.

Полин, *la bonne*, стояла на коленях в ближайшей церкви, молясь за *son homme á elle*¹.

Когда грохот канонады смолк, миссис О'Дауд вышла из комнаты Эмили в гостиную, где Джоз сидел перед двумя пустыми бутылками. От храбрости его не осталось и следа. Раз или два он пробовал заглянуть в спальню сестры с встревоженным видом, словно собираясь что-то сказать, но супруга майора все сидела на своем месте, и он уходил, так и не облегчив душу. Джоз стыдился сказать ей, что хочет бежать. Но когда она появилась в столовой, где он сидел в сумерках в невеселом обществе

¹ Своего кавалера (*франц.*).

пустых бутылок от шампанского, он решил ей открыть свое намерение.

— Миссис О'Дауд, — сказал он ей, — не будете ли вы добры помочь Эмили собраться?

— Вы хотите взять ее на прогулку? — спросила жена майора. — Помилуйте, она слишком слаба!

— Я... я приказал приготовить экипаж, — ответил он, — и... и почтовых лошадей. Исидор пошел за ними, — продолжал Джоз.

— Что это вы затеяли кататься на ночь глядя? — возразила леди. — Разве не лучше ей полежать в постели? Я только что уложила ее.

— Поднимите ее, — сказал Джоз, — она должна встать, слышите! — и он энергически топнул ногой. — Повторяю, лошади заказаны. Все кончено, и...

— И что? — спросила миссис О'Дауд.

— ... я еду в Гент, — заявил Джоз. — Все уезжают; место найдется и для вас. Мы уезжаем через полчаса.

Жена майора посмотрела на него с бесконечным презрением.

— Я не двинусь с места, пока О'Дауд не пришлет мне маршрута, — сказала она. — Вы можете ехать, если хотите, мистер Седли, но, смею вас уверить, мы с Эмилией останемся здесь.

— Она поедет! — воскликнул Джоз, снова топнув ногой.

Миссис О'Дауд, подбоченясь, стала перед дверью спальни.

— Вы что, хотите отвезти ее к матери, — спросила она, — или сами хотите ехать к маменьке, мистер Седли? До свидания, желаю вам приятного путешествия. Bon voyage, как у них тут говорится; и послушайтесь моего совета: сбрейте усы, не то они вас доведут до беды.

— А, черт! — завопил Джоз вне себя от гнева, страха и унижения. В это время вошел Исидор и с самого порога тоже стал чертыхаться.

— *Pas de chevaux, sacrebleu!*¹ — прошипел разъяренный слуга.

Все лошади были в разгоне. Не только Джозеф поддался в этот день панике в Брюсселе.

¹ Нет лошадей, черт возьми! (франц.)

Но страху Джоза, и без того огромному и мучительному, суждено было за ночь дойти до крайних пределов. Как было уже упомянуто, Полин, *la bonne*, имела *son homme á elle* в рядах армии, высланной против императора Наполеона. Ее поклонник был бельгийский гусар и уроженец Брюсселя. Войска этой нации прославились в ту войну чем угодно, только не храбростью, а молодой Ван-Кутсум, обожатель Полин, был слишком хорошим солдатом, чтобы послушаться приказа своего полковника бежать с поля сражения. Когда гарнизон стоял в Брюсселе, молодой Регул * (он родился в революционные времена) с большим комфортом проводил почти все свободное время у Полин на кухне. Несколько дней тому назад он простился со своей рыдающей возлюбленной и отправился в поход, набив себе карманы и сумку множеством вкусных вещей из ее кладовой.

И вот теперь для полка Регула кампания была окончена. Этот полк входил в состав дивизии под начальством наследного принца Оранского *, и, если судить по длине усов и сабель и по богатству обмундирования и экипировки, Регул и его товарищи представляли собой самый доблестный отряд, какому когда-либо трубили сбор военные трубы.

Когда Ней ринулся на авангард союзных войск, штурмуя одну позицию за другой, пока прибытие главных сил британской армии из Брюсселя не изменило хода сражения при Катр-Бра, бельгийские гусары, среди которых находился и Регул, проявили величайшую подвижность в отступлении перед французами — их последовательно выбивали с одной позиции на другую, которую они занимали с необыкновенным проворством. Отход их задержало лишь наступление британской армии с тыла. Таким образом, они вынуждены были остановиться и неприятельская кавалерия (кроважадное упорство которой заслуживает самого сурового порицания) получила, наконец, возможность войти в соприкосновение с храбрыми бельгийцами; но те предпочли встретиться с англичанами, а не с французами, и, повернув коней, поскакали сквозь английские полки, которые наступали сзади, и рассеялись во всех направлениях. Их полк перестал существовать; его нигде не было, не было даже штаба. Регул опомнился, когда

уже скакал верхом за много миль от места сражения, совершенно один. И где ему было искать убежища, как не на кухне, в объятиях верной Полин, в которых он и раньше так часто находил утешение?

Около десяти часов на крыльце того дома, где, по континентальному обычаю, Осборны занимали целый этаж, раздалось бряцанье сабли. Затем послышался стук в кухонную дверь, и Полин, только что вернувшаяся из церкви, чуть не упала в обморок, когда, открыв дверь, увидела перед собой своего измученного гусара. Он был бледен, как полночный драгун, являвшийся тревожить Ленору *. Полин непременно бы завизжала, но так как ее крик мог привлечь хозяев и выдать ее друга, она сдержалась и, введя своего героя в кухню, стала угощать его пивом и отборными кусками от обеда, к которому Джоз так и не притронулся. Гусар доказал, что он не привидение, уничтожив громадное количество мяса и пива, и тут же, с полным ртом, поведал страшную повесть.

Полк его выказал чудеса храбрости и некоторое время сдерживал натиск всей французской армии. Но под конец они были смяты, как и все британские части. Ней уничтожал полк за полком. Бельгийцы тщетно пытались помешать избиению англичан. Брауншвейгцы разбиты и бежали, их герцог убит. Это поистине une débâcle ¹. Регул старался в потоках пива утопить свое горе по поводу поражения. Исидор, зашедший в кухню, услышал этот разговор и кинулся сообщить о нем своему хозяину.

— Все кончено! — закричал он Джозу. — Милорд герцог взят в плен, герцог Брауншвейгский убит, британская армия обращена в бегство; спасся только один человек, и он сейчас сидит на кухне. Подите послушайте его.

Джоз, шатаясь, вошел в кухню, где Регул все еще сидел на кухонном столе, крепко присосавшись к кружке пива. Собрав все свои знания французского языка, который он, скажем прямо, безбожно коверкал, Джоз упросил гусара рассказать ему снова всю историю. Бедствия увеличивались по мере того, как Регул рассказывал. Он один во всем его полку не остался на поле сражения. Он видел, как пал герцог Брауншвейгский, как бежали черные гусары, как шотландцы были сметены артиллерийским огнем.

¹ Разгром (франц.).

— А *** полк? — задыхаясь, спросил Джоз.

— Изрублен в куски, — отвечал гусар; а Полин, услышав это, воскликнула:

— О моя госпожа, *ma bonne petite dame!*¹ — И ее крики и причитания разнеслись по всему дому.

Вне себя от ужаса, мистер Седли не знал, как и где искать спасения. Он ринулся из кухни назад в гостиную и бросил умоляющий взгляд на дверь Эмилии, которую миссис О'Дауд захлопнула и заперла на ключ перед самым его носом. Вспомнив, с каким презрением она отнеслась к нему, он прислушался и подождал некоторое время около двери, а затем отошел от нее и решил выйти на улицу, в первый раз за этот день. Схватив свечу, он начал искать свою фуражку с золотым позументом, которую нашел на обычном месте, на подзеркальнике в передней, где привык кокетничать, взбивая волосы на висках и надвигая шляпу на один бок, прежде чем показаться людям. Такова сила привычки, что, несмотря на владевший им ужас, Джоз машинально стал взбивать волосы и прилаживать фуражку. Затем он с изумлением поглядел на свое бледное лицо и особенно на усы, пышно разросшиеся за семь недель, истекших с их появления на свет.

«А ведь меня и правда примут за военного», — подумал он, вспомнив слова Исидора о том, какая судьба уготована всей британской армии в случае поражения. Пошатываясь, он вернулся в спальню и стал неистово дергать звонок, призывая прислугу.

Исидор явился на этот призыв и остолбенел: Джоз сидел в кресле, его шейные платки были сорваны, воротник отогнут, обе руки подняты к горлу.

— *Coupez-moi, Исидор!* — кричал он. — *Vite! Coupez-moi!*²

В первый момент Исидор подумал, что Джоз сошел с ума и просит, чтобы ему перерезали горло.

— *Les moustaches!* — задыхался Джоз. — *Les moustaches... coupez, vite!*³

¹ Моя миленькая госпожа! (*франц.*)

² Режьте мне, Исидор! Скорей! Режьте! (Джоз говорит на ломаном французском языке. — *Ред.*)

³ Усы! Усы! Режьте! Брейте скорей! (*испорченный французский*)

Так он изъяснялся по-французски — бегло, но отнюдь не безупречно.

Исидор вмиг уничтожил усы бритвой и с невыразимым восхищением услышал приказание своего хозяина подать ему шляпу и штатский сюртук.

— Ne porty plooo... habit militaire... bonny... bonny a voo, grenny dehors ¹, — пролепетал Джоз.

Наконец-то венгерка и фуражка были собственностью Исидора!

Сделав этот подарок, Джоз выбрал из своего запаса одежды простой черный сюртук и жилет, повязал на шею широкий белый платок и надел мягкую кастановую шляпу. Если бы он мог раздобыть широкополую шляпу, он надел бы ее. Но он и без того был похож на толстого, цветущего пастора англиканской церкви.

— Venny maintenong, — продолжал Джоз, — sweevy... ally... party... dang la goo ². — С этими словами он кубарем скатился вниз по лестнице и выбежал на улицу.

Хотя Регул клялся, что из всего его полка и чуть ли не из всей союзной армии он единственный не был искрошен Неем в куски, заявление это было, повидимому, неверно, и еще немало предполагаемых жертв спаслось от бойни. Десятки товарищей Регула вернулись в Брюссель, и, так как все они сознались, что бежали, в городе быстро распространился слух о полном поражении союзников. Прибытие французов ожидалось с часу на час, паника продолжалась, и всюду шли приготовления к бегству.

«Нет лошадей», — с ужасом думал Джоз. Он сто раз заставил Исидора спросить у разных лиц, нельзя ли купить или нанять у них лошадей, и при каждом отрицательном ответе сердце его сжималось все мучительнее. Что же, уйти пешком? Но на такой поступок его не мог подвигнуть даже страх.

Почти все гостиницы, занятые англичанами в Брюсселе, выходили в парк, и Джоз нерешительно бродил по этому кварталу в толпе других людей, охваченных, как и он, страхом и любопытством. Он видел семейства, которым повезло больше, чем ему, — они раздобыли себе

¹ Не буду больше носить военный мундир... шапку тоже.. отдаю вам,... унесите прочь (*испорченный французский*).

² Теперь идите... следуйте... ступайте,... уходите на улицу (*испорченный французский*).

лошадей и с грохотом выезжали из города. Другие же, как и он сам, несмотря ни на какие взятки или просьбы, не могли достать себе необходимые средства передвижения. Среди этих незадачливых беглецов Джоз заметил леди Бейракрс с дочерью: они сидели в своем экипаже в воротах гостиницы, все их имущество было погружено, и единственным препятствием к их отъезду было то же отсутствие движущей силы, которое приковало к месту и Джоза.

Ребекка Кроули занимала помещение в той же гостинице, и у нее установились самые холодные отношения с дамами семейства Бейракрс. Миледи Бейракрс делала вид, что не замечает миссис Кроули, когда они встречались на лестнице, и везде, где упоминалось ее имя, неизменно плохо отзывалась о своей соседке. Графиню шокировала слишком близкая дружба генерала Тафто с женой его адъютанта. Леди Бланш избегала Ребекку, как зачумленную. Только сам граф тайком поддерживал с нею знакомство, когда оказывался вне юрисдикции своих дам.

Теперь Ребекка могла отомстить этим дерзким врагам. В гостинице стало известно, что капитан Кроули оставил своих лошадей, и, когда началась паника, леди Бейракрс снизошла до того, что послала горничную к жене капитана с приветом от ее милости и с поручением узнать, сколько стоят лошади миссис Кроули. Миссис Кроули ответила запиской, где свидетельствовала свое почтение и заявляла, что не привыкла заключать сделки с горничными.

Этот короткий ответ заставил графа самолично посетить апартаменты Бекки. Но и он добился не большего успеха.

— Посылать ко мне горничную! — гневно кричала миссис Кроули. — Может быть, миледи Бейракрс еще прикажет мне оседлать лошадей? Кто желает бежать из Брюсселя, леди Бейракрс или ее *femme de chambre*? — И это был весь ответ, который граф принес своей супруге.

Чего не сделаешь в крайности! После неудачи второго посланца графиня сама отправилась к миссис Кроули. Она умоляла Бекки назначить цену; она даже пригласила Бекки в Бейракрс-хаус, если та даст ей возможность туда вернуться. Миссис Кроули только усмехнулась.

— Я не нуждаюсь в ваших ливрейных дворецких, — заявила она, — да вы, вероятно, никогда и не вернетесь, по крайней мере с брильянтами. Они останутся французам. Французы будут здесь через два часа, а я к тому времени уже проеду полдороги до Гента. Нет, я не продам вам лошадей, даже за два самых крупных брильянта, которые ваша милость надевала на бал.

Леди Бейракс задрожала от ярости и страха. Брильянты были зашиты у нее в платье и в подкладке сюртука милорда, а часть их спрятана в его сапогах.

— Что вы говорите! Мои брильянты у банкира! И лошадей я добуду! — сказала она.

Ребекка рассмеялась ей в лицо. Взмешенная графиня сошла во двор и уселась в карету: ее горничная, курьер и супруг еще раз были разосланы по всему городу отыскивать лошадей, — и плохо пришлось тому из них, кто вернулся последним! Ее милость решила уехать тотчас же, как только откуда-нибудь достанут лошадей, — все равно, с супругом или без него.

Ребекка имела удовольствие видеть, как ее милость сидела в экипаже без лошадей; устремив взгляд на графиню, она вслух выражала свое сочувствие по поводу затруднений, в которые та попала.

— Не найти лошадей! — говорила она. — И это в то время, когда все брильянты зашиты в подушках кареты! Какая богатая добыча достанется французам, когда они придут сюда! Я имею в виду карету и брильянты, а не ее милость.

Все это она вслух сообщала хозяину гостиницы, слугам, постояльцам и бесчисленным зевакам, толпившимся во дворе. Леди Бейракс готова была застрелить ее из окна кареты.

Наслаждаясь унижением своего врага, Ребекка заметила Джоза, который тотчас направился к ней, как только ее увидел. Его изменившееся, испуганное жирное лицо сразу выдало ей его тайну. Он также хотел бежать и искал способа осуществить свое желание.

«Вот кто купит моих лошадей, — подумала Ребекка, — а я уеду на своей кобыле». Джоз подошел к ней и в сотый раз в течение этого часа задал вопрос: не знает ли она, где можно достать лошадей?

— Что это, и *вы* хотите бежать? — сказала со смехом Ребекка. — А я-то думала, что вы защитник всех женщин, мистер Седли.

— Я... я... не военный человек, — пробормотал он задыхаясь.

— А Эмилия?.. Кто будет охранять вашу бедную сестричку? — продолжала Ребекка. — Неужели вы решаетесь ее покинуть?

— Какую пользу я могу ей принести в случае... в случае, если придет неприятель? — возразил Джоз. — Женщин они пощадят, но мой слуга сказал, что мужчинам они поклялись не давать пощады... мерзавцы!

— Ужасно! — воскликнула Ребекка, наслаждаясь его растерянностью.

— Да я и не хочу покидать ее, — продолжал заботливый брат. — Она не будет покинута. Для нее найдется место в моем экипаже, и для вас также, дорогая миссис Кроули, если вы пожелаете ехать... и если мы достанем лошадей! — вздохнул он.

— У меня есть пара лошадей, которую я могу продать, — сказала Ребекка.

Джоз чуть не бросился ей на шею.

— Выкатывайте коляску, Исидор! — закричал он. — Мы нашли... мы нашли лошадей.

— Мои лошади никогда не ходили в упряжи, — прибавила миссис Кроули. — Снегирь разобьет экипаж вдребезги, если вы его запряжете.

— А под седлом он смирен? — спросил чиновник.

— Смирен, как ягненок, и быстр, как заяц, — ответила Ребекка.

— Как вы думаете, выдержит он мой вес? — продолжал Джоз.

Он уже видел себя мысленно на лошади, совершенно забыв о бедной Эмилии. Да и какой любитель лошадей мог бы устоять перед подобным соблазном!

Ребекка в ответ пригласила его к себе в комнату, куда он последовал за нею, задыхаясь от нетерпения заключить сделку. Едва ли какие-нибудь другие полчаса в жизни Джоза стоили ему столько денег. Ребекка, исчислив стоимость своего товара в соответствии с нетерпением покупателя и с нехваткой одного товара на рынке, заломила за лошадей такую невероятную цену, что даже

Джоз отшатнулся. Она продаст обеих, или вовсе не будет продавать, заявила она решительно. Родон запретил их отдавать за меньшую цену, чем она назначила. Лорд Бейракс с удовольствием даст ей эти деньги; и, при всей ее любви и уважении к семейству Седли, дорогой мистер Джозеф должен понять, что бедным людям тоже надо жить, — словом, никто на свете не мог бы быть более любезным и в тоже время более твердо стоять на своем.

Как и следовало ожидать, Джоз кончил тем, что согласился. Сумма, которую он должен был заплатить, была так велика, что ему пришлось просить отсрочки, так велика, что представляла для Ребекки целое маленькое состояние, и она быстро высчитала, что с этой суммой и с тем, что она выручит от продажи имущества Родона, да еще с ее вдовьей пенсией, в случае если муж будет убит, она окажется вполне обеспеченной и может твердо глядеть в лицо своей вдовьей участи.

Раз или два в этот день она и сама подумывала об отъезде. Но рассудок подсказывал ей более здоровое решение.

«Предположим, французы придут, — думала Бекки, — что они могут сделать бедной офицерской вдове? Ведь времена осад и разграбления городов миновали. Нас спокойно отпустят по домам, или я смогу недурно жить за границей на свой скромный доход».

Между тем Джоз и Исидор отправились в конюшню посмотреть купленных лошадей. Джоз приказал немедленно оседлать их; он уедет сейчас же, в эту же ночь. И он оставил слугу седлать лошадей, а сам пошел домой собираться. Отъезд нужно держать в тайне; он пройдет в свою спальню с заднего хода. Ему не хотелось встречаться с миссис О'Дауд и с Эмилией и сообщать им, что он задумал бежать.

Пока совершалась сделка Джоза с Ребеккой, пока осматривали лошадей, прошла добрая половина ночи. Но, хотя полночь давно миновала, город не успокоился: все были на ногах, в домах горели огни, около дверей толпился народ, на улицах не прекращалась суматоха. Самые разноречивые слухи передавались из уст в уста: одни утверждали, что пруссаки разбиты; другие говорили, что атакованы и побеждены англичане; третьи — что англичане твердо удерживают свои позиции. Последний слух

передавался все упорнее. Французы не появлялись. Отставшие солдаты приходили из армии, принося все более и более благоприятные вести. Наконец в Брюссель прибыл адъютант с донесением коменданту, который тотчас расклеил по городу афиши, сообщавшие об успехах союзников у Катр-Бра и о том, что французы под командой Нея отброшены после шестичасового боя. Адъютант, вероятно, прибыл в то время, когда Ребекка и Джоз совершали свою сделку или когда последний осматривал свою покупку. Когда Джоз вернулся к себе, многочисленные обитатели дома толпились у крыльца, обсуждая последние новости: не было никакого сомнения в их достоверности. И Джоз отправился наверх сообщить приятное известие дамам, бывшим на его попечении. Он не считал необходимым говорить им ни о том, что собирался их покинуть, ни о том, как он купил лошадей и какую цену заплатил за них.

Победа или поражение было, однако, делом второстепенным для тех, чьи мысли целиком были заняты судьбою любимых существ. Эмилия, услышав новости о победе, еще более взволновалась. Она готова была сейчас же ехать в армию и слезно умоляла брата проводить ее туда. Ее страхи и сомнения достигли высшей степени. Бедняжка, в течение нескольких часов бывшая словно в столбняке, теперь металась как безумная, — поистине жалкое зрелище! Ни один мужчина, жестоко раненный в пятнадцати милях от города, на поле битвы, где полегло столько храбрых, — ни один мужчина не страдал больше, чем она, — бедная, невинная жертва войны. Джоз не мог вынести вида ее страданий. Он оставил сестру на попечении ее более мужественной подруги и снова спустился на крыльцо, где толпа все стояла, разговаривая и ожидая новостей.

Уже совсем рассвело, а толпа не расходилась, и с поля сражения начали прибывать новые известия, доставленные самими участниками трагедии. Фуры и длинные деревенские телеги, нагруженные ранеными, то и дело въезжали в город; из них неслись душераздирающие стоны, и измученные лица печально выглядывали из соломы. Джоз Седли с мучительным любопытством устремил взгляд на одну из этих повозок, — стоны, доносившиеся из нее, были ужасны; усталые лошади с трудом тащили телегу.

— Стой! стой! — раздался из соломы слабый голос, и телега остановилась около дома мистера Седли.

— Это он! Я знаю, это Джордж! — закричала Эмилия и бросилась на балкон, бледная как смерть, с развевающимися волосами. Однако это был не Джордж, но то, что ближе всего было с ним связано, — известия о нем.

Это был бедный Том Стабл, двадцать четыре часа тому назад так доблестно выступивший из Брюсселя, неся полковое знамя, которое он мужественно защищал на поле битвы. Французский улан ранил юного прапорщика в ногу пикой; падая, он крепко прижал к себе знамя. По окончании сражения бедному мальчику нашлось место в повозке, и он был доставлен обратно в Брюссель.

— Мистер Седли! Мистер Седли! — чуть слышно звал он, и Джоз, испуганный, подошел на его зов. Он сначала не мог узнать, кто его зовет. Маленький Том Стабл протянул из повозки свою горячую, слабую руку.

— Меня примут здесь, — проговорил он. — Осборн и... и Доббин говорили, что меня примут... Дайте этому человеку два наполеондора. Мама вам отдаст.

Во время долгих мучительных часов, проведенных в телеге, мысли юноши уносились в дом его отца-священника, который он покинул всего несколько месяцев назад, и в бреду он временами забывал о своих страданиях.

Дом был велик, обитатели его добры: все раненые из этой повозки были перенесены в комнаты и размещены по кроватям. Юного прапорщика внесли наверх, в помещение Осборнов. Эмилия и жена майора бросились к нему, как только узнали его с балкона. Можете представить себе чувства обеих женщин, когда им сказали, что сражение окончено и что их мужья целы. С каким безмолвным восторгом Эмилия бросилась на шею своей доброй подруге и обняла ее, и в каком страстном порыве она упала на колени и благодарила всевышнего за спасение ее мужа!

Нашей молоденькой леди, в ее лихорадочном, нервном состоянии, никакой врач не мог бы прописать более целебного лекарства, чем то, которое послал ей случай. Она и миссис О'Дауд неустанно дежурили у постели раненого юноши, который тяжело страдал. Обязанности, возложенные на нее судьбой, не давали Эмилии времени размышлять о своих личных тревогах или предаваться, как она имела обыкновение, страхам и мрачным предчувствиям.

Юноша просто и без прикрас рассказал им о событиях дня и подвигах наших друзей из доблестного *** полка. Они сильно пострадали. Они потеряли много офицеров и солдат. Во время атаки под майором была убита лошадь, и все думали, что он погиб и что Доббину придется, по старшинству, заменить его; и только после атаки, при возвращении на старые позиции, нашли майора, который сидел на трупе Пирама и подкреплялся из своей походной фляжки. Капитан Осборн сразил французского улана, ранившего прапорщика в ногу. (Эмилия так побледнела при этом сообщении, что миссис О'Дауд велела рассказчику замолчать.) А капитан Доббин в конце дня, хотя сам был ранен, взял юношу на руки и отнес его к врачу, а оттуда на повозку, которая должна была отвезти его в Брюссель. Это Доббин обещал вознице два золотых, если тот доставит раненого в город, к дому мистера Седли, и скажет жене капитана Осборна, что сражение окончено и что муж ее цел и невредим.

— А право, у этого Вильяма Доббина предоброе сердце, — сказала миссис О'Дауд, — хотя он всегда насмеяется надо мной.

Юный Стабл клялся, что другого такого офицера нет в армии, и не переставал хвалить старшего капитана, его скромность, доброту и его удивительное хладнокровие на поле битвы. К этим его словам Эмилия отнеслась рассеянно, — она слушала внимательно лишь тогда, когда речь заходила о Джордже, а когда имя его не упоминалось, она думала о нем.

В заботах о раненом прапорщике и в мыслях о чудесном спасении Джорджа второй день тянулся для Эмилии не так томительно долго. Для нее во всей армии существовал только один человек; и пока он был невредим, ход военных действий, надо признаться, мало интересовал ее. Известия, которые Джоз приносил с улицы, лишь смутно доходили до ее ушей, хотя этих известий было достаточно, чтобы встревожить нашего робкого джентльмена и многих других в Брюсселе. Конечно, французы отброшены, но отброшены после трудного, жестокого боя, в котором к тому же участвовала только одна французская дивизия. Император с главными силами находится около Линьи, где он наголову разбил пруссаков, и теперь может бросить все свои войска против союзников. Герцог Вел-

лингтон отступает к столице и под ее стенами, вероятно, даст большое сражение, исход которого более чем сомнителен. Все, на что он может рассчитывать, это двадцать тысяч английских солдат, потому что немецкие войска состоят из плохо обученных ополченцев, а бельгийцы весьма ненадежны. И с этой горстью его светлость должен противостоять ста пятидесяти тысячам, которые вторглись в Бельгию под командой Наполеона. Наполеона! Какой полководец, как бы знаменит и искусен он ни был, может устоять в борьбе с ним?

Джоз думал обо всем этом и трепетал. Так же чувствовали себя и другие жители Брюсселя, ибо все знали, что сражение предыдущего дня было только прелюдией к неизбежной решительной битве. Одна из армий, действовавших против императора, уже рассеяна. Немногочисленный отряд англичан, который попытается оказать ему сопротивление, погибнет на своем посту, и победитель по трупам павших войдет в город. Горе тем, кого он там застанет! Уже были сочинены приветственные адреса, должностные лица втайне собирались для совещаний, готовились помещения и кроились трехцветные флаги и победные эмблемы, чтобы приветствовать прибытие его величества императора и короля.

Бегство жителей все продолжалось, одно семейство за другим, разыскав экипаж и лошадей, покидало город. Когда Джоз 17 июня явился в гостиницу к Ребекке, он увидал, что большая карета Бейракрсов уехала, наконец, со двора: граф каким-то образом раздобыл пару лошадей без помощи миссис Кроули и катил теперь по дороге в Гент. Людовик Желанный * в этом же городе упаковывал свой *porte-manteau* ¹. Казалось, злая судьба никогда не устанет преследовать этого незадачливого изгнанника.

Джоз чувствовал, что вчерашняя передышка была только временной и что ему, конечно, скоро пригодятся его дорого купленные лошади. Весь этот день его терзания были ужасны. Пока между Брюсселем и Наполеоном стояла английская армия, не было необходимости в немедленном бегстве, но все-таки Джоз перевел своих лошадей из отдаленной конюшни в конюшню, находившуюся во дворе его дома, чтобы они были у него на гла-

¹ Чемодан (франц.)

зах и не подвергались опасности похищения. Исидор зорко следил за дверью конюшни и держал лошадей оседланными, чтобы можно было выехать в любую минуту. Он ждал этой минуты с великим нетерпением.

После приема, который Ребекка встретила накануне, у нее не было желания навещать свою дорогую Эмилию. Она подрезала стебли у букета, который преподнес ей Джордж, сменила в вазе воду и перечла записку, которую получила от него.

— Бедняжка, — сказала она, вертя в руках записку, — как бы я могла сразить ее этим! И из-за такого ничтожества она разбивает себе сердце, — ведь он дурак, самодовольный фат, и даже не любит ее. Мой бедный, добрый Родон в десять раз лучше! — И она принялась думать о том, что ей делать, если... если что-либо случится с бедным, добрым Родоном; и какое это счастье, что он оставил ей лошадей.

Ближе к вечеру миссис Кроули, не без гнева наблюдавшая отъезд Бейракрсов, вспомнила о мерах предосторожности, принятых графиней, и сама занялась рукоделием. Она зашила большую часть своих драгоценностей, векселей и банковых билетов в платье и теперь была готова ко всему — бежать, если она это найдет нужным, или остаться и приветствовать победителя, будь то англичанин или француз. И я не уверен, что она в эту ночь не мечтала сделаться герцогиней и *Madame la Maréchale*¹, в то время как Родон на Мон-Сен-Жанском биваке, завернувшись в плащ, под проливным дождем, только и думал, что об оставшейся в городе малютке жене.

Следующий день был воскресенье. Миссис О'Дауд с удовлетворением убедилась, что после короткого ночного отдыха оба ее пациента чувствуют себя лучше. Сама она спала в большом кресле в комнате Эмилии, готовая вскочить по первому же зову, если ее бедной подруге или раненому прапорщику понадобится помощь. Когда наступило утро, эта неутомимая женщина отправилась в дом, где они с майором стояли на квартирах, и тщательно принарядилась, как и подобало в праздничный день. И весьма вероятно, что, пока миссис О'Дауд оставалась одна в той комнате, где спал ее супруг и где его ночной

¹ Супругой маршала (франц.).

колпак все еще лежал на подушке, а трость стояла в углу, — горячая молитва вознеслась к небесам о спасении храброго солдата Майкела О'Дауда.

Когда она вернулась, она принесла с собой молитвенник и знаменитый том проповедей дядюшки-декана, который неизменно читала каждое воскресенье, быть может не все понимая и далеко не все правильно произнося, — потому что декан был человек ученый и любил длинные латинские слова, — но с большой важностью, с выражением и в общем довольно точно. «Как часто мой Мик слушал эти проповеди, — думала она, — когда я читала их в каюте во время штиля!» Теперь она решила познакомить с ними паству, состоящую из Эмилии и раненого прапорщика. Такое же богослужение совершалось в этот день и час в двадцати тысячах церквей, и миллионы англичан на коленях молили отца небесного о защите.

Они не слышали грохота, который встревожил нашу маленькую паству в Брюсселе. Гораздо громче, чем те пушки, что взволновали их два дня назад, сейчас — когда миссис О'Дауд своим звучным голосом читала воскресную проповедь — загремели орудия Ватерлоо.

Джоз, услышав этот страшный грохот, решил, что он не в силах больше терпеть такие ужасы и сейчас же уедет. Он влетел в комнату больного, где трое наших друзей только что прервали свои благочестивые занятия, и обратился со страстным призывом к Эмилии.

— Я не могу больше это выносить, Эмми, — воскликнул он, — и не хочу! Ты должна ехать со мной. Я купил для тебя лошадь, — не спрашивай, сколько это стоило, — и ты должна сейчас же одеться и ехать со мною. Ты сядешь позади Исидора.

— Господи помилуй, мистер Седли, да вы действительно трус! — сказала миссис О'Дауд, отложив книгу.

— Я говорю — едем, Эмилия! — продолжал Джоз. — Не слушай ты ее! Зачем нам оставаться здесь и ждать, чтобы нас зарезали французы?

— А как же *** полк, дружище? — спросил со своей постели Стабл, раненый герой. — И... и вы ведь не бросите меня здесь, миссис О'Дауд?

— Нет, мой милый, — отвечала она, подходя к кровати и целуя юношу. — Ничего плохого с вами не будет, пока я возле вас. А я не двинусь с места, пока не получу

приказа от Мика. И хороша бы я была, если бы усе-
лась в седло позади такого молодца!

Представив себе эту картину, раненый расхохотался,
и даже Эмилия улыбнулась.

— Я и не приглашаю ее! — закричал Джоз. — Я прошу
не эту... эту... ирландку, а тебя, Эмилия. В последний
раз — поедешь ты или нет?

— Без моего мужа, Джозеф? — сказала Эмилия,
удивленно взглянув на него и подавая руку жене майора.

Терпение Джоза истощилось.

— Тогда прощайте! — воскликнул он, яростно потря-
сая кулаком, и вышел, хлопнув дверью. На этот раз он
действительно отдал приказ к отъезду и сел на лошадь.
Миссис О'Дауд услышала стук копыт, когда всадники
выезжали из ворот, и, выглянув в окно, сделала несколько
презрительных замечаний по адресу бедного Джозефа,
который ехал по улице, сопровождаемый Исидором в
фуражке с галуном. Лошади, застоявшиеся за несколько
последних дней, горячились и не слушались повода. Джоз,
робкий и неуклюжий наездник, выглядел в седле отнюдь
не авантюристом.

— Эмилия, дорогая, посмотрите, он собирается
въехать в окно! Такого слона в посудной лавке я никогда
еще не видела!

Вскоре оба всадника исчезли в конце улицы, в направ-
лении Гентской дороги. Миссис О'Дауд преследовала их
огнем насмешек, пока они не скрылись из виду.

Весь этот день, с утра и до позднего вечера, не пере-
ставая грохотали пушки. Было уже темно, когда канонада
вдруг прекратилась.

Все мы читали о том, что произошло за этот день.
Рассказ этот постоянно на устах у каждого англичанина,
и мы с вами, бывшие детьми во время знаменательной
битвы, никогда не устаем слушать и повторять историю
нашей славной победы. Память о ней до сих пор жжет
сердце миллионам соотечественников тех храбрецов, кото-
рые в тот день потерпели поражение. Они только и ждут,
как бы отомстить за унижение своей родины. И если новая
война окончится для них победой и они в свою очередь
возликут, а нам достанется проклятое наследие нена-
висти и злобы, то не будет конца тому, что зовется славой
и позором, не будет конца резне — удачной то для одной,

то для другой стороны — между двумя отважными нациями. Пройдут столетия, а мы, французы и англичане, будем попрежнему бахвалиться и убивать друг друга, следуя самым дьяволом написанному кодексу чести.

Все наши друзья геройски сражались в этой великой битве. Весь долгий день, пока женщины молились в десяти милях от поля боя, английская пехота стойко отражала яростные атаки французской конницы. Неприятельская артиллерия, грохот которой был слышен в Брюсселе, косила ряды англичан, но когда одни падали, другие, уцелевшие, смыкались еще крепче. К вечеру бешенство французских атак, всякий раз встречавших столь же бешеное сопротивление, стало ослабевать, — либо внимание французов отвлекли другие враги, либо они готовились к последнему натиску. Вот он, наконец, начался: колонны императорской гвардии двинулись на плато Сен-Жан, чтобы одним ударом смести англичан с высот, которые они, несмотря ни на что, удерживали весь день; словно не слыша грома артиллерии, низвергавшей смерть с английских позиций, темная колонна, колыхаясь, подступала все ближе. **Казалось**, она вот-вот перехлестнет через гребень, но тут она внезапно дрогнула и заколебалась. Потом остановилась, но все еще грудью к выстрелам. И тут английские войска ринулись вперед со своих позиций, откуда неприятелю так и не удалось их выбить, и гвардия повернулась и бежала.

В Брюсселе уже не слышно было пальбы — преследование продолжалось на много миль дальше. Мрак опустился на поле сражения и на город; Эмилия молилась за Джорджа, а он лежал ничком — мертвый, с простреленным сердцем.

ГЛАВА XXXIII.

*в которой родственники мисс Кроули
весьма озабочены ее судьбой*

Пока отличившаяся во Фландрии армия движется к французским пограничным крепостям, с тем чтобы, заняв их, вступить во Францию, пусть любезный читатель вспомнит, что в Англии мирно проживает немало людей, которые имеют отношение к нашей повести и требуют внимания летописца.

Во время этих битв и ужасов старая мисс Кроули жила в Брайтоне, очень умеренно волнуясь по поводу великих событий. Несомненно, однако, что эти великие события придавали некоторый интерес ежедневным листкам, и Бригс читала ей вслух «Газету», в которой, между прочим, упоминалось на почетном месте имя Родона Кроули и его производство в чин полковника.

— Какая жалость, что молодой человек сделал такой непоправимый шаг в жизни! — заметила его тетка. — При его чине и отличиях он мог бы жениться на дочери пиво-

вара, хотя бы на мисс Грейнс, и взять приданое в четверть миллиона, или породниться с лучшими семьями Англии. Со временем он унаследовал бы мои деньги — или, может быть, его дети, — я не спешу умирать, мисс Бригс, хотя вы, может быть, и спешите отделаться от меня... А вместо этого ему суждено оставаться нищим, с женой-танцовщицей!..

— Неужели, дорогая мисс Кроули, вы не бросите со-
страдательного взора на героя-солдата, чье имя занесено
в летописи отечественной славы? — воскликнула мисс
Бригс, которая была чрезвычайно возбуждена событиями
при Ватерлоо и любила выражаться романтически, когда
представлялся случай. — Разве капитан, то есть полков-
ник, как я могу его теперь называть, не совершил подви-
гов, которые прославили имя Кроули?

— Бригс, вы дура, — ответила мисс Кроули. — Полков-
ник Кроули втоптал имя Кроули в грязь, мисс Бригс.
Жениться на дочери учителя рисования! Жениться на
dame de compagnie (потому что она была только ком-
паньонкой, Бригс, только и всего; она была тем же, что и
вы, только моложе, и гораздо красивее и умнее!). хоте-
лось бы мне знать, были вы сообщницей этой отъявленной
негодяйки, которая околдовала его и которою вы всегда
так восхищались? Да, скорей всего вы были ее сообщни-
цей. Но, уверяю вас, вы будете разочарованы моим заве-
щанием... Будьте столь любезны написать мистеру Уокси
и сообщить ему, что я желаю его немедленно видеть.

Мисс Кроули имела теперь обыкновение чуть не каж-
дый день писать своему поверенному мистеру Уокси, по-
тому что все прежние распоряжения относительно ее иму-
щества были отменены и она была в большом затрудне-
нии, как распорядиться своими деньгами.

Старая дева, однако, значительно поправилась, что
видно было по тому, как часто и как зло она стала
издеваться над мисс Бригс; все эти нападки бедная
компаньонка переносила с кротостью и трусливым смире-
нием, наполовину великодушным, наполовину лицемер-
ным, — словом, с рабской покорностью, которую вынуж-
дены проявлять женщины ее склада в ее положении.
Кому не приходилось видеть, как женщина тиранит
женщину? Разве мучения, которые приходится выно-
сить мужчинам, могут сравниться с теми ежедневными

колкостями, презрительными и жестокими, какими донимают несчастных женщин деспоты в юбках? Бедные жертвы!.. Но мы отклонились от нашей темы. Мы хотели сказать, что мисс Кроули бывала всегда особенно раздражительна и несносна, когда начинала поправляться после болезни; так, говорят, и раны болят всего больше, когда начинают заживать.

Во время выздоровления мисс Кроули единственной жертвой, которая допускалась к больной, была мисс Бригс, но родичи ее, оставаясь в отдалении, не забывали своей дорогой родственницы и старались поддерживать память о себе многочисленными подарками, знаками внимания и любезными записочками.

Прежде всего мы должны упомянуть о ее племяннике Родоне Кроули. Несколько недель спустя после славной Ватерлооской битвы и после того как «Газета» известила о храбрости и о производстве в высший чин этого доблестного офицера, диеппское почтовое судно привезло в Брайтон, в адрес мисс Кроули, ящик с подарками и почтительное письмо от ее племянника-полковника. В ящике была пара французских эполет, крест Почетного легиона и рукоять сабли — трофей с поля сражения. В письме с большим юмором рассказывалось, что сабля эта принадлежала одному офицеру гвардии, который клялся, что «гвардия умирает, но не сдается», и через минуту после этого был взят в плен простым солдатом; солдат сломал саблю француза прикладом своего мушкета, после чего ею завладел Родон. Что касается креста и эполет, то они достались ему от полковника французской кавалерии, который пал от его руки во время битвы. И Родон Кроули не мог найти лучшего назначения для этих трофеев, как послать их своему любимому старому другу. Разрешит ли она писать ей из Парижа, куда направляется армия? Он мог бы сообщить ей интересные новости из столицы и сведения о некоторых ее друзьях, бывших эмигрантах, которым она оказала так много благодеяний во время их бедствий.

Старая дева велела Бригс ответить полковнику любезным письмом, поздравить его и поощрить к продолжению корреспонденции. Его первое письмо было так живо и занимательно, что она с удовольствием будет ждать дальнейших.

— Конечно, я знаю, — объясняла она мисс Бригс, — что Родон столь же не способен написать такое отличное письмо, как и вы, моя бедная Бригс, и что каждое слово ему продиктовала эта умная маленькая негодяйка Ребекка, — но почему бы моему племяннику не позабавить меня? Так пусть считает, что я отношусь к нему благо-склонно.

Догадывалась ли она, что Бекки не только написала письмо, но собрала и послала трофеи, которые купила за несколько франков у одного из бесчисленных разносчиков, немедленно начавших торговлю реликвиями войны? Романист, который все знает, знает, конечно, и это. Как бы то ни было, любезный ответ мисс Кроули очень подбодрил наших друзей, Родона и его супругу: тетушка явно смягчилась, значит можно надеяться на лучшее. Они продолжали развлекать ее восхитительными письмами из Парижа, куда, как и писал Родон, они имели счастье проследовать в рядах победоносной армии.

К жене пастора, которая уехала лечить сломанную ключицу своего мужа в пасторат Королевского Кроули, старая дева была далеко не так милостива. Миссис Бьют, бодрая, шумная, настойчивая и властная женщина, совершила роковую ошибку в отношении своей золовки. Она не только угнетала ее и всех ее домашних — она надоела мисс Кроули; будь у бедной мисс Бригс хоть капля характера, она была бы осчастливлена поручением, данным ей благодетельницей, — написать миссис Бьют Кроули и сообщить ей, что здоровье мисс Кроули значительно улучшилось с тех пор, как миссис Бьют оставила ее, и чтобы последняя ни в коем случае не трудилась и не покидала своей семьи ради мисс Кроули. Такое торжество над дамой, которая обращалась с мисс Бригс весьма высокомерно и жестоко, обрадовало бы многих женщин; но надо сказать правду: мисс Бригс была женщина без всякого характера, и как только ее враг оказался в немилости, она почувствовала к нему сострадание.

«Как я была глупа, — думала миссис Бьют (и вполне основательно), — что наметнула о своем приезде в этом дурацком письме, которое мы послали мисс Кроули вместе с цесарками! Я должна была бы, не говоря ни слова,

приехать к этой бедной, милой, выжившей из ума старушке и вырвать ее из рук простофили Бригс и этой хищницы, *femme de chambre*. Ах, Бьют, Бьют, зачем только ты сломал себе ключицу!»

Зачем, в самом деле? Мы видели, как миссис Бьют, имея в руках все козыри, разыграла свои карты чересчур тонко. Одно время она оказалась полной хозяйкой в доме мисс Кроули, но, как только ее рабам представился случай взбунтоваться, была бесповоротно оттуда изгнана. Однако сама она и ее домашние считали, что она стала жертвой ужасающего эгоизма и измены и что ее самоотверженное служение мисс Кроули встретило самую черную неблагодарность. Повышение Родона по службе и почетное упоминание его имени в «Газете» также успокоило эту добрую христианку. Не смягчится ли к нему тетка теперь, когда он стал полковником и кавалером ордена Бани? И не войдет ли снова в милость эта ненавистная Ребекка? Жена пастора написала для своего мужа проповедь о суетности военной славы и процветания нечестивых, которую достойный пастор прочел прочувствованным голосом, не поняв в ней ни слова. Одним из его слушателей был Питт Кроули, — Питт, пришедший со своими двумя сводными сестрами в церковь, куда старого баронета нельзя было теперь заманить никакими средствами.

После отъезда Бекки Шарп этот старый нечестивец к великому негодованию всего графства и безмолвному ужасу сына всецело предался своим порочным наклонностям. Ленты на чепце мисс Хорокс стали роскошнее, чем когда-либо. Все добродетельные семьи с опаской сторонились замка и его владельца. Сэр Питт пьянствовал в домах своих арендаторов, а в базарные дни распивал ром вместе с фермерами в Мадбери и в соседних местах. Он ездил с мисс Хорокс в Саутгемптон в семейной карете четверкой, и все население графства (не говоря уже о пребывающем в постоянном страхе сыне баронета) с недели на неделю ожидало, что в местной газете появится объявление о его женитьбе на этой девице. Поистине, мистеру Кроули приходилось нелегко. Его красноречие на миссионерских собраниях и других религиозных сборищах в округе, где он обыкновенно председательствовал и говорил часами, было теперь парализо-

вано, ибо, начиная свою речь, он читал в глазах слушателей: «Это сын старого греховодника сэра Питта, который сейчас скорее всего пьянствует где-нибудь в соседнем трактире». А однажды, когда он говорил о царе Тимбукту, пребывающем во мраке невежества, и о его многочисленных женах, также находящихся во тьме, какой-то еретик спросил из толпы: «А сколько их в Королевском Кроули, друг-святоша?» Устроители собрания были изумлены, и речь мистера Питта провалилась. Что же касается двух дочерей баронета, то они бы совсем одичали (потому что сэр Питт поклялся, что ни одна гувернантка не переступит его порог), если бы мистер Кроули угрозами не заставил старого джентльмена послать их в школу.

Но каковы бы ни были разногласия между родственниками, дорогие племянники и племянницы мисс Кроули, как мы уже говорили, были единодушны в любви к ней и в выражении знаков своего внимания. Миссис Бьют послала ей цесарок и замечательную цветную капусту, а также премиленький кошелек и подушечку для булавок — работу ее дорогих девочек, которые просили милую тетеньку сохранить для них хотя бы крошечное местечко в ее памяти, а мистер Питт посылал персики, виноград и оленину. Эти знаки привязанности обычно доставлялись мисс Кроули в Брайтон саутгемптонской каретой; а иногда она привозила и самого мистера Питта, потому что разногласия с сэром Питтом заставляли мистера Кроули часто покидать дом, да и, кроме того, Брайтон имел для него особую притягательную силу в лице леди Джейн Шипшенкс, о помолвке которой с мистером Кроули уже упоминалось в нашем рассказе. Эта леди и ее сестра жили в Брайтоне со своей матерью, графиней Саутдаун, женщиной решительной и весьма уважаемой серьезными людьми.

Следует сказать несколько слов о миледи и ее благородном семействе, связанном узами родства, настоящего и будущего, с семейством Кроули. Про главу семейства Саутдаунов, Клемента Вильяма, четвертого графа Саутдауна, мало что можно сказать, за исключением того, что он вошел в парламент (в качестве лорда Улзи) под покровительством мистера Уилберфорса и некоторое время оправдывал рекомендацию своего политического

крестного и считался безусловно дельным молодым человеком. Но нет слов, чтобы передать чувства его почтенной матери, когда она, очень скоро после смерти своего благородного супруга, узнала, что ее сын состоит членом многих светских клубов и весьма сильно проигрался у Уотъера и в «Кокосовой Пальме», что он занимает деньги под будущее наследство и уже сильно пощипал семейное состояние, что он правит четверкой и пропадает на скачках и, наконец, что у него в опере постоянная ложа, куда он приглашает весьма сомнительную холостую компанию. Упоминание его имени в обществе вдовствующей графини теперь всегда сопровождалось тяжелыми вздохами.

Леди Эмили была на много лет старше своего брата и занимала почетное место в мире серьезных людей как автор восхитительных брошюр, уже упоминавшихся здесь, многочисленных гимнов и других трудов духовного содержания. Зрелая дева, имевшая лишь смутные представления о браке, почти все свои чувства сосредоточила на любви к чернокожим. Если не ошибаюсь, именно ей мы обязаны прекрасной поэмой:

Далеким тропическим остров
Молитвы мои осеняют,
Там синее небо смеется,
А черные люди рыдают, и г. д.

Она переписывалась с духовными лицами в большинстве наших ост- и вест-индских владений и втайне была неравнодушна к преподобному Сайласу Хорнблоуэру, которого дикари на Полинезийских островах изукрасили татуировкой.

Что касается леди Джейн, к которой, как было уже сказано, питал нежные чувства мистер Питт Кроули, то это была милая, застенчивая, робкая и молчаливая девушка. Несмотря на чудовищные грехи брата, она все еще оплакивала его и стыдилась, что до сих пор его любит. Она посылала ему написанные наспех записочки, которые тайком относил на почту. Единственная страшная тайна, тяготившая ее душу, состояла в том, что она вместе со старой ключницей однажды навестила украдкой Саутдауна на его холостой квартире в Олбени, где застала его — своего погибшего, но милого брата! — с сигарой во рту, перед бутылкой кюрасо. Она восхища-

лась сестрой, она обожала мать, она считала мистера Кроули самым интересным и одаренным человеком после Саутдауна, этого падшего ангела. Ее мать и сестра — эти поистине выдающиеся женщины — руководили ею и относились к ней с тем жалостливым снисхождением, на которое выдающиеся женщины так щедры. Мать выбирала для нее платья, книги, шляпки и мысли. Она ездила верхом, или играла на фортепьяно, или занималась каким-либо другим видом полезной гимнастики, в зависимости от того, что находила нужным леди Саутдаун; и та до двадцати шести лет водила бы свою дочь в передничках, если бы их не пришлось снять, когда леди Джейн представлялась королеве Шарлотте.

Узнав, что эти леди приехали в свой брайтонский дом, мистер Кроули первое время посещал только их одних, довольствуясь тем, что завозил в дом тетки визитную карточку и скромно осведомлялся о здоровье больной у мистера Боулса или у младшего лакея. Встретив однажды мисс Бригс, возвращавшуюся из библиотеки с целым грузом романов подмышкой, мистер Кроули покраснел, что было для него совершенно необычно, остановился и пожал руку компаньонке мисс Кроули. Он познакомил мисс Бригс со своей спутницей — леди Джейн Шипшенкс, говоря:

— Леди Джейн, позвольте мне представить вам мисс Бригс, самого доброго друга и преданную компаньонку моей тетушки. Впрочем, вы уже знаете ее как автора прелестных «Трелей соловья», вызвавших у вас такое восхищение.

Леди Джейн тоже покраснела, протягивая свою нежную ручку мисс Бригс, проговорила что-то несвязное, но очень любезное о своей мамаше и высказала намерение навестить мисс Кроули и удовольствие по поводу предстоявшего знакомства с друзьями и родственниками мистера Кроули. Прощаясь, она посмотрела на мисс Бригс кроткими глазами голубки, а Питт Кроули отвесил ей глубокий, почтительный поклон, какой он обычно отвешивал ее высочеству герцогине Пумперникель, когда состоял атташе при ее дворе.

О, ловкий дипломат и ученик макиавеллического Бинки! Он сам дал леди Джейн томик юношеских стихов бедной Бригс: вспомнив, что он видел их в Королевском

Кроули, с посвящением поэтессы покойной жене его отца, он прихватил этот томик с собой в Брайтон, прочитал его дорóгой в саутгемптонской карете и сделал пометки карандашом, прежде чем отдать его кроткой леди Джейн.

И не кто иной, как он, изложил перед леди Саутдаун огромные преимущества, которые могут произтечь из сближения ее семьи с мисс Кроули, — преимущества и мирского и духовного свойства, говорил он, ибо мисс Кроули была в ту минуту совершенно одинока. Чудовищное мотовство и женитьба его брата Родона отвратили тетушку от этого пропащего молодого человека. Алчный деспотизм и скупость миссис Бьют Кроули заставили ее возмутиться против непомерных требований со стороны этой ветви семейства; и хотя он сам всю жизнь воздерживался от того, чтобы искать дружбы мисс Кроули, — быть может из ложной гордости, — теперь он считал, что следует принять все возможные меры как для спасения ее души от гибели, так и для того, чтобы состояние ее досталось ему, главе дома Кроули.

Как женщина решительная, леди Саутдаун вполне согласилась с обоими предложениями своего будущего зятя и пожелала безотлагательно заняться обращением мисс Кроули. У себя дома, в Саутдауне и Тротермор-касле, эта рослая, суровая поборница истины разъезжала по графству в коляске в сопровождении гайдуков, разбрасывала пакеты религиозных брошюр среди поселян и арендаторов и предписывала Гаферу Джонсу обратиться в истинную веру совершенно так же, как предписала бы Гуди Хиксу принять джемсов порошок, — без возражений, без промедления, без благословения церкви. Лорд Саутдаун, ее покойный супруг, робкий эпилептик, привык одобрять все, что думала или делала его Матильда. Как бы ни менялась ее собственная вера (на нее оказывали влияние бесконечные учителя-диссиденты всех толков), она, нимало не колеблясь, приказывала всем своим арендаторам и слугам верить одинаково с нею. Таким образом, принимала ли она преподобного Саундерса Мак-Нитра, шотландского богослова, или преподобного Луку Уотерса, умеренного уеслианца *, или преподобного Джайлса Джоулса, сапожника-иллюмината *, который сам себя рукоположил в священники, как Напо-

леон сам короновал себя императором, — все домочадцы, дети и арендаторы леди Саутдаун должны были вместе с ее милостью становиться на колени и говорить «аминь» после молитвы любого из этих учителей. Во время таких упражнений старому Саутдауну, ввиду его болезненного состояния, разрешалось сидеть у себя в комнате, пить пунш и слушать чтение газет. Леди Джейн была любимой дочерью старого графа, ухаживала за ним и искренне его любила. Что касается леди Эмили, автора «Прачки Финчлейской общины», то ее проповеди о загробных карах (именно в этот период, потому что потом она изменила свои убеждения) были так грозны, что до смерти запугивали робкого старого джентльмена — ее отца, и доктора утверждали, что его припадки всегда следовали непосредственно за проповедями леди Эмили.

— Я, конечно, навещу ее, — сказала леди Саутдаун в ответ на просьбы *gréleu*¹ ее дочери, мистера Питта Кроули. — Какой доктор лечит вашу тетушку?

Мистер Кроули назвал мистера Кримера.

— В высшей степени опасный и невежественный врач, мой дорогой Питт! Всевышний избрал меня своим орудием, чтобы изгнать его из многих домов, хотя в одном или двух случаях я опоздала. Я не могла спасти бедного генерала Глендерса, который умирал по милости этого невежественного человека — умирал! Он немного поправился от поджерсовских пилюль, которые я ему дала, но — увы! — было слишком поздно. Зато смерть его была прекрасна! Он ушел от нас в лучший мир... Ваша тетушка, мой дорогой Питт, должна расстаться с Кримером.

Питт выразил свое полное согласие. Он тоже испытал на себе энергию своей благородной родственницы и будущей тещи. Ему пришлось перепробовать Саундерса Мак-Нитра, Луку Уотерса, Джайлса Джоулса, пилюли Поджерса, пилюли Роджерса, эликсир Поки — словом, все духовные и телесные лекарства миледи. Он никогда не уходил от нее иначе, как почтительно унося с собой груды ее шарлатанских брошюр и снадобий. О мои дорогие собратья и спутники — товарищи по

¹ Жениха (франц.).

Ярмарке Тщеславия! Кто из вас не знаком с такими благожелательными деспотами и не страдал от них! Напрасно вы будете говорить им: «Сударыня, помилосердствуйте, ведь в прошлом году я по вашему указанию принимал лекарство Поджерса и уверовал в него. Зачем же, скажите, зачем я буду от него отказываться и принимать пилюли Роджерса?» Ничто не поможет: верная прозелитка, если не убедит вас доводами, зальется слезами, и в конце концов протестующий глотает пилюлю и говорит: «Ну, ладно, ладно, пусть будет Роджерс!»

— А что касается ее души, — продолжала миледи, — то тут нельзя терять времени. Раз ее лечит Кример, она может умереть в любой день, — и в каком состоянии, мой дорогой Питт, в каком ужасном состоянии! Я сейчас же пошлю к ней преподобного мистера Айронса... Джейн, напиши записочку, в третьем лице, преподобному Бартоломью Айронсу и проси его доставить мне удовольствие пожаловать ко мне на чашку чаю в половине седьмого. Он мастер пробуждать грешные души, и он должен повидаваться с мисс Кроули сегодня же, прежде чем она ляжет спать. Эмили, дорогая, приготовь связочку книг для мисс Кроули. Положи туда: «Голос из пламени», «Иерихонскую трубу» и «Разбитые котлы с мясом, или Обращенный каннибал».

— И «Прачку Финчлейской общины», мама, — сказала леди Эмили. — Лучше начать с чего-нибудь успокоительного.

— Погодите, дорогие леди, — сказал дипломат Питт. — При всем моем уважении к мнению моей дорогой и уважаемой леди Саутдаун, я думаю, что еще слишком рано предлагать мисс Кроули такие серьезные темы. Вспомните, как она больна и как непривычны для нее размышления, связанные с загробным блаженством.

— Значит, тем более нужно начать по возможности скорее, Питт, — сказала леди Эмили, поднимаясь с места уже с шестью книжечками в руках.

— Если вы начнете так решительно, вы отпугнете ее. Я слишком хорошо знаю суетную натуру тетушки и уверен, что всякая слишком резкая попытка ее обращения приведет к самым плачевным результатам для этой несчастной леди. Вы только испугаете ее и наскучите ей.

Весьма вероятно, что она выкинет все книги и откажется от знакомства с теми, кто их прислал.

— Вы, Питт, такой же суетный человек, как и мисс Кроули, — сказала леди Эмили и выбежала из комнаты со своими книжками.

— Мне нечего говорить вам, дорогая леди Саутдаун, — продолжал Питт тихим голосом, словно и не слышал этого вводного замечания, — насколько роковым может оказаться недостаток осторожности и такта для тех надежд, которые мы питаем в отношении имущества моей тети. Вспомните, у нее семьдесят тысяч фунтов; подумайте о ее возрасте, ее нервозности и слабом здоровье. Я знаю, что она уничтожила завещание, написанное в пользу моего брата (полковника Кроули). Только лаской, а не запугиванием, мы можем повести эту раненую душу по истинному пути, и, я думаю, вы согласитесь со мной, что... что...

— Конечно, конечно, — сказала леди Саутдаун. — Джейн, дорогая моя, можешь не посылать записку мистеру Айронсу. Если ее здоровье так слабо, что рассуждения только утомят ее, мы подождем, пока ей станет лучше. Я завтра же навещу мисс Кроули.

— И осмеливаюсь заметить, моя милая леди, — сказал Питт кротким голосом, — лучше вам не брать с собой нашу дорогую Эмили, — она слишком восторжена; лучше, если вас будет сопровождать наша милая и дорогая леди Джейн.

— Ну конечно, Эмили может испортить все дело, — сказала леди Саутдаун и на этот раз согласилась отступить от своей обычной практики, которая, как мы говорили, заключалась в том, что, прежде чем наброситься на какую-либо жертву, которую она собиралась прибрать к рукам, она обстреливала ее градом брошюр (так же, как у французов атаке предшествовала бешеная канонада). Повторяем, леди Саутдаун — щадя здоровье больной, или заботясь о конечном спасении ее души, или ради ее денег — согласилась потерпеть.

На следующий день огромная семейная карета Саутдаунов с графской короной и ромбовидным гербом на дверцах (на зеленом щите Саутдаунов три прыгающих ягненка, наискось — золотая перевязь с чернью и тремя червлеными табакерками — эмблема дома Бинки) важно

подъехала к дому мисс Кроули, и высокий солидный лакей передал мистеру Боулсу визитные карточки ее милости для мисс Кроули и еще одну — для мисс Бригс. В тот же вечер леди Эмили, помирившись на компромиссе, прислала на имя мисс Бригс и для ее личного потребления объемистый пакет, содержащий экземпляры «Прачки» и еще пять-шесть проникновенных и нежных брошюр, а кроме того, несколько других — «Хлебные крошки из кладовой», «Сковородка и огонь» и «Ливрея греха», более сильно действующих, — в людскую; для прислуги.

ГЛАВА XXXIV

Трубка Джеймса Кроули вышвырнута в окно

Любезность мистера Кроули и ласковое обхождение леди Джейн сильно польстили мисс Бригс, и она нашла возможность замолвить доброе слово за невесту Питта, после того как старой мисс Кроули подали визитные карточки семьи Саутдаунов. Карточка графини, оставленная лично для нее, Бригс, доставила немало радости бедной, одинокой компаньонке.

— Не понимаю, о чем думала леди Саутдаун, оставляя карточку для *вас*, Бригс,— сказала вольнолюбивая мисс Кроули, на что компаньонка кротко отвечала, что, «она надеется, нет ничего плохого в том, что знатная леди оказала внимание бедной дворянке». Она спрятала карточку в свой рабочий ящик среди самых дорогих своих сокровищ. Мисс Бригс рассказала также, как она встретила накануне мистера Кроули, гулявшего со своей кузиной, с которой он давно обручен, какая она добрая и милая и как скромно — если не сказать просто — эта леди была одета; весь ее костюм, начиная со шляпки и

кончая башмачками, она описала и оценила с чисто женской точностью.

Мисс Кроули позволила Бригс болтать и не спешила прерывать ее. Здоровье старой леди поправлялось, и она уже начала тосковать по людям. Мистер Криммер, ее врач, и слышать не хотел о ее возвращении к прежнему рассеянному образу жизни в Лондоне. Старая дева была рада найти какое-нибудь общество в Брайтоне, и на следующий же день не только было отправлено письмо с выражением благодарности за внимание, но Питт Кроули был любезно приглашен навестить тетку. Он явился с леди Саутдаун и ее дочерью. Вдовствующая леди ни слова не сказала о состоянии души мисс Кроули, но говорила с большим тактом о погоде, о войне и о падении этого чудовища Бонапарта, а больше всего о докторах-шарлатанах и о великих достоинствах доктора Поджерса, которому она в ту пору покровительствовала.

Во время этого визита Питт Кроули сделал ловкий ход,— такой ход, который показывал, что, если бы его дипломатическая карьера не была загублена в самом начале, он мог бы многого достигнуть на этом поприще. Когда вдовствующая графиня Саутдаун стала поносить корсиканского выскочку, что было в то время в моде, доказывая, что он чудовище, запятнанное всеми возможными преступлениями, что он трус и тиран, не достойный того, чтобы жить, что гибель его была предрешена и т. д., Питт Кроули вдруг стал на защиту этого «избранника судьбы». Он описал первого консула, каким видел его в Париже во время Амьенского мира, когда он, Питт Кроули, имел удовольствие познакомиться с великим и достойным мистером Фоксом, государственным мужем, которым,— как сильно он сам, Питт Кроули, ни расходится с ним во взглядах,— невозможно не восхищаться и который всегда был высокого мнения об императоре Наполеоне. Далее он с негодованием отозвался о вероломстве союзников по отношению к свергнутому императору, который, великодушно отдавшись на их милость, был обречен на жестокое и позорное изгнание, в то время как Франция оказалась во власти новых тиранов — шайки фанатичных католиков.

Такая ортодоксальная ненависть к католической ереси спасла Питта Кроули от гнева леди Саутдаун, а его вос-

хищение Фоксом и Наполеоном чрезвычайно возвысило его в глазах мисс Кроули. (Об ее дружбе с покойным английским сановником уже упоминалось). Верная сторонница вигов, мисс Кроули в течение всей войны была в оппозиции; и хотя можно с уверенностью сказать, что печальный конец императора не слишком сильно взволновал старую леди, а плохое обращение с ним не лишило ее сна, все же похвала Питта обоим ее кумирам нашла отклик в сердце тетушки и очень содействовала тому, чтобы расположить ее в пользу племянника.

— А вы что об этом думаете, дорогая? — спросила мисс Кроули юную леди, которая с первого взгляда понравилась ей, как всегда нравились хорошенькие и скромные молодые особы; хотя нужно признаться, что ее симпатии остывали так же быстро, как и возникали.

Леди Джейн сильно покраснела и сказала, что «она ничего не понимает в политике и предоставляет судить о ней людям более умным, чем она; и хотя мамá, без сомнения, права, но и мистер Кроули говорил прекрасно». Когда гости стали прощаться, мисс Кроули выразила надежду, что «леди Саутдаун будет так добра отпустить к ней иногда леди Джейн, когда та будет свободна, чтобы утешить бедную больную и одинокую старуху». Обещание было любезно дано, и дамы расстались очень дружески.

— Не пускай ко мне больше леди Саутдаун, Питт, — сказала старая леди. — Она глупая и напыщенная, как и вся родня твоей матери; я их всегда терпеть не могла. Но эту прелестную маленькую Джейн приводи, когда хочешь.

Питт обещал. Он не сказал графине Саутдаун, какое мнение его тетка составила об ее милости, и та, напротив, думала, что произвела на мисс Кроули самое приятное и величественное впечатление.

И вот леди Джейн, которая всегда готова была утешать болящих и, пожалуй, даже радовалась возможности время от времени избавляться от мрачных разглазгований преподобного Бартоломью Айронса и от общества скучных приживальщиков, пресмыкавшихся у ног напыщенной графини, ее матери, — леди Джейн сделалась частой гостьей в доме мисс Кроули, сопровождала ее на прогулки и коротала с нею вечера. Она была по природе так добра и мягка, что даже Феркин не ревновал.

вала к ней, а безответной Бригс казалось, что ее покровительница обращается с нею не так жестоко в присутствии доброй леди Джейн. С этой юной леди мисс Кроули держала себя премило. Она рассказывала ей бесконечные истории о своей молодости, причем совсем в другом тоне, чем в свое время — маленькой безбожнице Ребекке, потому что в невинности леди Джейн было что-то такое, что делало неуместными легкомысленные разговоры, и мисс Кроули была слишком хорошо воспитана, чтобы оскорбить такую чистоту. Сама юная леди ни от кого не видела ласки, за исключением этой старой девы, своего отца и брата; и она отвечала на *engouement*¹ мисс Кроули неподдельной нежностью и дружбой.

В осенние вечера (когда Ребекка, самая веселая среди веселых победителей, блистала в Париже, а наша Эмилия, милая, сраженная горем Эмилия, — ах, где-то была она теперь?) леди Джейн сидела в гостиной мисс Кроули и нежно пела ей в сумерках свои простые песенки и гимны, пока солнце заходило, а море с шумом разбивалось о берег. Старая дева переставала дремать, когда песенка кончалась, и просила леди Джейн спеть что-нибудь еще. Что касается Бригс и количества счастливых слез, пролитых ею, пока она сидела тут же, делая вид, что вяжет, и смотрела на великолепный океан, темневший перед окнами, и на небесные огни, ярко разгоравшиеся вверху, — кто, скажите, может измерить счастье и умиление Бригс?

Питт тем временем сидел в столовой с брошюрой о хлебных законах или с миссионерским отчетом и отдыхал, как подобает и романтическим и неромантическим мужчинам после обеда. Он тянул мадеру, строил воздушные замки, думал о том, какой он молодец, и чувствовал, что влюблен в Джейн более, чем когда-либо за все эти семь лет, в течение которых они были женихом и невестой и в течение которых Питт не ощущал ни малейшего нетерпения; после мадеры он надолго засыпал. Когда наступало время пить кофе, мистер Боулс с шумом входил в столовую и приглашал наверх сквайра Питта, которого находил в темноте, погруженного в брошюры.

¹ Увлечение (франц.).

— Мне так хотелось бы, моя дорогая, найти кого-нибудь, кто сыграл бы со мной в пикет,— сказала мисс Кроули однажды вечером, когда названный слуга появился в комнате со свечами и кофе.— Бедная Бригс играет не лучше совы; она так глупа! — Старая дева не упускала случая обидеть мисс Бригс в присутствии слуг. — Мне кажется, я бы лучше спала после игры.

Леди Джейн зарделась так, что покраснели даже ее ушки и тонкие пальчики; и когда мистер Боулс вышел из комнаты и дверь за ним плотно закрылась, она сказала:

— Мисс Кроули, я умею немножко играть. Я часто играла... с бедным дорогим папá.

— Идите сюда и поцелуйте меня! Идите и сейчас же поцелуйте меня, милая, добрая малютка! — в восторге воскликнула мисс Кроули. И за этим живописным и мирным занятием мистер Питт застал старую и молодую леди, когда поднялся наверх с брошюрой в руках. Бедная леди Джейн, как она краснела весь вечер!

Нечего и говорить, что ухищрения мистера Питта Кроули не ускользнули от внимания его дорогих родственников из пастората в Королевском Кроули. Хемпшир и Сассекс находятся очень близко друг от друга, и у миссис Бьют были в Сассексе друзья, которые заботливо извещали ее обо всем — и даже больше, чем обо всем,— что происходило в доме мисс Кроули в Брайтоне. Питт бывал там все чаще. Он месяцами не показывался у себя в замке, где его отвратительный отец целиком посвятил себя рому и мерзкому обществу Хороксов. Успехи Питта приводили семью пастора в ярость, и миссис Бьют больше чем когда-либо сожалела (хотя не сознавалась в этом) об ужасной ошибке, которую она совершила, так оскорбив мисс Бригс и обнаружив такое высокомерие и скупость в обращении с Боулсом и Феркин, что среди домашних мисс Кроули не было никого, кто сообщил бы ей о том, что там делалось.

— И все это из-за ключицы Бьюта,— уверяла она.— Не сломай он ключицы, я ни за что бы оттуда не уехала. Я жертва долга и твоей, Бьют, отвратительной и неуместной для священника страсти к охоте.

— При чем тут охота? Глупости! Это ты, Барбара,

нагнала на нее страху, — возразил пастор. — Ты умная женщина, Барбара, но у тебя дьявольский характер, и очень уж ты прижимиста.

— Тебя бы давно прижали в тюрьме, Бьют, если бы я не берегла твоих денег.

— Это я знаю, моя милая, — добродушно сказал пастор. — Ты умная женщина, но действуешь слишком уж круто. — И благочестивый пастор утешился объемистой рюмкой портвейна.

— И какого дьявола нашла она в этом простофиле Питте Кроули? — продолжал пастор. — Ведь он последний трус. Я помню, как Родон — вот это настоящий мужчина, черт его возьми! — гонял его вокруг конюшни, как какой-нибудь волчок, и Питт с ревом бежал домой к мамаше. Ха-ха! Его любой из моих мальчиков одолеет одной рукой. Джим говорит, что его до сих пор вспоминают в Оксфорде как «Мисс Кроули», этакий простофиля... Знаешь что, Барбара... — продолжал его преподобие после паузы.

— Что? — спросила Барбара, кусая ногти.

— Отчего бы нам не послать Джима в Брайтон? Может, он как-нибудь обойдет старуху. Он ведь скоро кончает университет. Он всего два раза проваливался на экзаменах, — как и я, — но у него большие преимущества — Оксфорд, университетское образование... Он знаком там с лучшими ребятами. Гребет в студенческой восьмерке. Красивый малый... Черт возьми, сударыня, напустим его на старуху и скажем ему, чтобы отдул Питта, если тот будет что-нибудь говорить, ха-ха-ха!

— Джим, конечно, может съездить навестить ее, — согласилась хозяйка дома и добавила со вздохом: — Если бы нам удалось пристроить к ней хотя бы одну из девочек; но она их терпеть не может, потому что они некрасивы.

Пока мать говорила, эти несчастные образованные девицы, расположившись в соседней гостиной, деревянными пальцами барабанили на фортепьяно какую-то сложную музыкальную пьесу; целый день они или были заняты музыкой, или сидели с дощечкой за спиной, или зубрили географию и историю. Но какая польза от всего этого на Ярмарке Тщеславия, если девица низкоросла, бедна, некрасива и у нее дурной цвет лица? Единственным, на кого

миссис Бьют могла рассчитывать, чтобы сбыть с рук одну из дочерей, был младший приходской священник!

В это время в гостиную вошел вернувшийся из конюшни Джим с коротенькой трубкой, заткнутой в клеенчатую фуражку, и заговорил с отцом о сент-леджерских скачках. Разговор между пастором и его женой прервался.

Миссис Бьют не ждала ничего особенно хорошего от посольства своего сына Джеймса и проводила его в путь просто с горя. Да и юноша, после того как ему сказали, в чем будет состоять его миссия, также не ожидал от нее особенного удовольствия или выгоды; но он скоро утешился мыслью, что, может быть, старая дева преподнесет ему хорошенький сувенир, который даст ему возможность расплатиться с наиболее срочными долгами к началу предстоящего семестра, и потому беспрекословно занял место в саутгемптонской карете и в тот же вечер благополучно прибыл в Брайтон со своим чемоданом, любимым бульдогом Таузером и большой корзиной разных разностей с фермы и огорода: от любящего пасторского семейства — дорогой мисс Кроули. Решив, что слишком поздно беспокоить больную леди в первый же день приезда, он остановился в гостинице и отправился к мисс Кроули только в середине следующего дня.

Джеймс Кроули, когда тетушка видела его в последний раз, был долговязым мальчишкой, в том неблагоприятном возрасте, когда голос срывается с неземного дисканта на неестественный бас, а лицо нередко цветет украшениями, от которых рекомендуется в качестве лекарства «Калидор» Роленда; когда мальчики украдкой бреются ножницами сестер, а вид других молодых женщин повергает их в нестерпимый трепет; когда большие руки и ноги торчат из слишком коротких рукавов и штанин; когда присутствие этих юношей после обеда одинаково пугает дам, шепчущихся в сумерках в гостиной, и несносно для мужчин за обеденным столом, которые в присутствии этой неуклюжей невинности должны удерживаться от свободной беседы и приятного обмена остротами; когда после второго стакана папаша говорит: «Джек, мой мальчик, поди посмотри, какова погода» — и юноша, радуясь, что можно уйти, но досадуя, что он еще не настоящий мужчина, покидает неоконченный банкет.

Джеймс тогда был нескладным подростком, а теперь стал молодым человеком, получившим все преимущества университетского образования и отмеченным тем неоценимым лоском, который приобретается благодаря жизни среди золотой молодежи, долгам, временному исключению из университета и провалам на экзаменах.

Так или иначе, он был красивым юношей, когда явился представиться своей тетушке в Брайтоне, а красивая наружность всегда вызывала расположение капризной старой девы. Неловкость мальчика и способность постоянно краснеть усиливали это расположение: ей нравились эти здоровые признаки неиспорченности молодого джентльмена.

Он заявил, что «приехал сюда на несколько дней повидаться с товарищем по колледжу и... и... засвидетельствовать вам, сударыня, свое почтение и почтение отца с матерью, которые надеются, что вы в добром здравье».

Питт находился у мисс Кроули, когда доложили о юноше, и был очень смущен при упоминании его имени. Старая леди с присущим ей чувством юмора наслаждалась замешательством своего корректного племянника. Она с большим интересом расспросила обо всем пасторском семействе и добавила, что хочет навестить их. Она принялась в лицо расхваливать мальчика, сказала, что он вырос и похорошел, и пожалела, что его сестры не так красивы. Узнав, что он остановился в гостинице, она не захотела об этом и слышать и просила мистера Боулса немедленно послать за вещами мистера Джеймса Кроули.

— Да будьте добры, Боулс,— закончила она с чрезвычайной любезностью,— заплатите по счету мистера Джеймса.

Она бросила на Питта такой лукавый и торжествующий взгляд, что дипломат чуть не задохнулся от зависти. Как ни старался он расположить к себе тетку, она ни разу еще не приглашала его к себе погостить, а тут появился какой-то молокосос — и сразу стал желанным гостем.

— Прошу прощения, сэр,— сказал Боулс, выступая вперед с глубоким поклоном, — в каком отделе Томас должен взять ваш багаж?

— О черт! — воскликнул юный Джеймс и вскочил, явно чем-то встревоженный. — Я сам пойду.

— Куда? — спросила мисс Кроули.

— В трактир «Под гербом Тома Криба», — ответил Джеймс, густо краснея.

Услыхав это название, мисс Кроули расхохоталась. Мистер Боулс, как старый слуга семьи, фыркнул разок, но тут же подавил свою веселость; дипломат только улыбнулся.

— Я... я не знал, — добавил Джеймс, опустив глаза. — Я здесь в первый раз; это кучер указал мне. — Юный лжец! На самом деле Джеймс Кроули познакомился накануне в саутгемптонской карете с «Любимцем Татбери», который ехал в Брайтон на состязание с «Ротингдинским Бойцом», и, восхищенный беседой с «Любимцем», провел вечер в обществе этого ученого мужа и его друзей в упомянутом трактире.

— Я... я лучше пойду и расплачусь сам, — продолжал Джеймс. — Вы не беспокойтесь, сударыня, — прибавил он великодушно.

Эта деликатность заставила тетку рассмеяться еще больше.

— Ступайте и оплатите счет, Боулс, — промолвила она, махнув рукой, — и принесите его мне! — Бедная леди: она не ведала, что творила!

— Там... там собачка, — сказал Джеймс с ужасно виноватым видом. — Лучше я сам схожу за ней. Она кусает лакеев за икры.

При таком заявлении все общество разразилось хохотом, — даже Бригс и леди Джейн, которые сидели молча во время разговора мисс Кроули с ее племянником; а Боулс, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

Мисс Кроули, желая уязвить своего старшего племянника, продолжала оказывать милостивое внимание юному оксфордцу. Раз начав, она расточала свои любезности и похвалы без всякой меры. Питту она сказала, что он может прийти к обеду, а Джеймса взяла с собой на прогулку и торжественно возила его взад и вперед по скалистому берегу, усадив на скамеечку коляски. Во время прогулки она удостоила его любезной беседой, цитировала сбитому с толку юноше итальянские и французские стихи, утверждала, что он отличный студент и она вполне уверена в том, что он получит золотую медаль и кончит первым по математике.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Джеймс, ободренный этими комплиментами. — Первый по математике? Это из другой оперы!

— Как так из другой оперы, дитя мое? — сказала леди.

— Первых по математике отличают в Кембридже, а не в Оксфорде, — ответил он с видом знатока. Он пустился бы, вероятно, и в дальнейшие откровенности, если бы в это время не показался на дороге шарабан, запряженный сытой лошадкой, в нем сидели в белых фланелевых костюмах с перламутровыми пуговицами его друзья — «Любимец Татбери» и «Ротингдинский Боец», а с ними трое их знакомых джентльменов; и все они приветствовали бедного Джеймса, сидевшего в коляске. Эта встреча удручающе подействовала на пылкого юношу, и в продолжение всей остальной прогулки от него нельзя было ничего добиться, кроме «да» и «нет».

По возвращении домой он обнаружил, что спальня ему приготовлена и чемодан доставлен; он также мог бы заметить на лице мистера Боулса, провожавшего его в отведенную ему комнату, выражение строгости, удивления и сострадания. Но он меньше всего думал о мистере Боулсе. Он оплакивал ужасное положение, в котором оказался, — в доме, полном старух, болтающих по-французски и по-итальянски и декламирующих ему стихи.

— Вот влопался-то, честное слово! — мысленно восклицал скромный юноша, который терялся, когда с ним заговаривала даже самая привлекливая особа женского пола — даже мисс Бригс, а между тем мог бы превзойти самого бойкого лодочника на Ифлийских шлюзах по части жаргонного красноречия.

К обеду Джеймс явился, задыхаясь в туго затянутом шейном платке, и удостоился чести вести вниз в столовую леди Джейн, в то время как Бригс и мистер Кроули следом за ними вели старую леди со всем ее набором шалей, свертков и подушек. Половину времени за обедом Бригс потратила на то, чтобы ухаживать за больной и резать курицу для жирной болонки. Джеймс говорил мало, но считал своей обязанностью угощать всех дам вином; сам он не отставал от мистера Кроули и осушил большую часть бутылки шампанского, которую мистеру Боулсу было приказано подать в честь гостя. Когда дамы удали-

лись и кузены остались вдвоем, экс-дипломат Питт сделался очень общительным и дружелюбным. Он расспрашивал Джеймса о занятиях в колледже, о его видах на будущее, желал ему всяческих успехов,— словом, был откровенен и мил. Язык у Джеймса развязался под влиянием портвейна, и он рассказал кузену о своей жизни, о своих планах, о своих долгах, о неудачах на экзамене, о ссорах с начальством в колледже, все время подливая из бутылок, стоявших перед ним, и беззаботно мешая портвейн с мадерой.

— Главная радость для тетушки,— сказал мистер Кроули, наполняя свой стакан,— чтобы гости в ее доме делали все, что им нравится. Это храм свободы, Джеймс, и ты доставишь тетке самое большое удовольствие, если будешь поступать, как тебе нравится, и требовать себе все, что захочешь. Я знаю, вы все в деревне смеетесь надо мной за то, что я тори. Мисс Кроули достаточно либеральна, чтобы допускать всякие убеждения. Она республиканка по своим принципам и презирует всякие титулы и чины.

— Почему же вы собираетесь жениться на дочери графа? — спросил Джеймс.

— Дорогой мой, не забудь, что леди Джейн не виновата в том, что она знатного рода,— дипломатично ответил Питт. — Она не может изменить свое происхождение. А кроме того, ты ведь знаешь, что я тори.

— О, что касается этого,— сказал Джеймс,— ничто не может сравниться с породой. Нет, черт возьми, ничто! Я-то не радикал, я понимаю, что значит быть джентльменом, черт подери! Возьмите хотя бы молодцов на гребных гонках! Или боксеров! Или собак-крысоловов! Кто всегда побеждает? Тот, у кого порода лучше. Принесите-ка еще портвейну, старина Боулс, пока я выдую этого графин до конца! Да, о чем бишь я говорил?

— Мне кажется, ты говорил о собаках-крысоловах,— кротко заметил Питт, подавая ему графин, который он обещал «выдуть до конца».

— О ловле крыс, разве? Ну, а как вы сами, Питт, вы спортсмен? Хотите вы увидеть собаку, которая здорово душит крыс? Если хотите, пойдемте со мной к Тому Кордьюрою на Касль-стрит, и я покажу вам такого бультерьера!.. Фу, какой я дурак! — закричал Джеймс, разра-

жаясь хохотом над своей собственной глупостью.— Вам-то какое дело до собак и крыс! Все это чепуха! Вы, наверно, не сумеете отличить собаку от утки!

— Это верно. Кстати,— продолжал Питт все более ласково,— ты вот говорил о породе и о тех преимуществах, которые дает дворянское происхождение... А вот и новая бутылка!

— Порода — великая вещь,— сказал Джеймс, жадно глотая портвейн,— да, порода — это все, сэр, и в лошадях, и в собаках, и в людях. Вот в последний семестр, как раз перед тем, как я был временно исключен из университета... то есть, я хочу сказать, перед тем, как я захворал корью, ха-ха! — я и Рингвуд из колледжа Крайст-черч, Боб Рингвуд, сын лорда Синкбара, сидели за пивом в «Бленемском Колоколе», когда лодочник из Бенбери предложил любому из нас сразиться с ним за кружку пунша. Я не мог: у меня рука была на перевязи; не мог даже править лошадьми. Проклятая кобыла упала вместе со мной за два дня перед тем — когда я ездил в Эбингдон, и я думал, рука у меня сломана... Да, сэр, я не мог с ним сразиться, а Боб сразу же — сюртук долой! Три минуты он обрабатывал бенберийца и покончил с ним в четыре раунда. Как он свалился, сэр! А почему так вышло? Порода, сэр, все порода!

— Ты ничего не пьешь, Джеймс,— сказал бывший атташе.— В мое время в Оксфорде мы, видно, умели пить лучше, чем теперешняя молодежь.

— Ну, ну! — сказал Джеймс, поднося к носу палец и подмигивая кузену пьяными глазами.— Без шуток, старина, нечего меня испытывать! Вы хотите меня загонять, но это не пройдет! *In vino veritas*¹, старина, *Mars, Bacchus, Apollo virorum*², а? Хотелось бы мне, чтобы тетюшка послала этого вина родителю... шикарное вино!

— А ты попроси ее,— надоумил его Макиавелли,— а пока не теряй времени. Помнишь, что говорит поэт: «*Nunc vino pellite curas, Cras ingens iterabimus aequor*»³, — и, процитировав эти слова с видом парламентского оратора,

¹ Истина в вине (лат.).

² Великие мужи Марс, Вакх, Аполлон (лат.).

³ Теперь вином отгоните заботы, завтра в широкое пустимся море (Гораций, кн. 1, ода 7).

поклонник Бахуса жестом заправского пьяницы влил в себя крошечный глоточек вина.

Когда в пасторском доме откупоривали после обеда бутылку портвейна, юные леди получали по рюмочке смородиновки, мисс Бьют выпивала рюмочку портвейна, а честный Джеймс обычно две; и так как отец хмурил брови, если он покушался на третью, то добрый малый большей частью воздерживался от этого и снисходил до смородиновки,—или до джина с водой тайком на конюшне, где он наслаждался обществом кучера и своей трубки. В Оксфорде количество вина не было ограничено, зато качество его было очень низкое; когда же, как в доме его тетки, были налицо и количество и качество, Джеймс умел показать, что может воздать им должное, и едва ли нуждался в поощрениях кузена, чтобы осушить вторую бутылку, принесенную мистером Боулсом.

Но когда настало время для кофе и возвращения к дамам, перед которыми Джеймс трепетал, приятная откровенность покинула юного джентльмена, и, погрузившись в свою обычную мрачную застенчивость, он ограничивался весь вечер лишь словами «да» и «нет», хмуро смотрел на леди Джейн и опрокинул чашку кофе.

Однако, если он не разговаривал, то зевал самым жалким образом, и его присутствие внесло уныние в скромное вечернее времяпрепровождение: мисс Кроули и леди Джейн за пикетом, а мисс Бригс за работой чувствовали устремленные на них осовелые глаза и испытывали неловкость под этим пьяным взглядом.

— Он, кажется, очень молчаливый, робкий и неловкий юноша, — заметила мисс Кроули Питту.

— Он более разговорчив в мужском обществе, чем с дамами, — сухо отвечал Макиавелли, может быть несколько разочарованный, что портвейн не развязал языка Джеймсу.

Первую половину следующего утра Джеймс провел за письмом к матери, в котором дал ей самый благоприятный отчет о приеме, оказанном ему у мисс Кроули. Но — ах! — он и не подозревал, какое зло принесет ему наступающий день и как кратковременно будет его торжество! Джеймс позабыл об одном обстоятельстве, — пустячном, но роковом обстоятельстве, которое имело место в трактире «Под гербом Криба» в вечер накануне посещения им

дома тетушки. Произошло всего лишь следующее: Джим всегда отличался великодушным нравом, а когда бывал навеселе, то делался особенно гостеприимным. В тот вечер, угощая «Любимца Татбери» и «Ротингдинского Бойца» вместе с их друзьями, он два или три раза заказывал джин,— так что в итоге мистеру Джеймсу Кроули было поставлено в счет не меньше восемнадцати стаканов этого напитка по восемь пенсов за стакан. Конечно, не сумма этих восьмипенсовиков, но количество выпитого джина оказалось роковым для репутации бедного Джеймса, когда дворецкий его тетушки, мистер Боулс, отправился, по приказу своей госпожи, уплатить по счету юного джентльмена. Хозяин гостиницы, боясь, как бы не отказались совсем уплатить, торжественно клялся, что молодой джентльмен сам поглотил все указанное в счете спиртное. В конце концов Боулс заплатил по счету, а вернувшись домой, показал его Феркин, которая пришла в ужас и отнесла счет к мисс Бригс (как главному счетоводу), которая в свою очередь сочла долгом упомянуть об этом обстоятельстве своей покровительнице мисс Кроули.

Если бы Джеймс выпил дюжину бутылок кларета, старая дева могла бы ему простить. Мистер Фокс и мистер Шеридан * пили кларет. Джентльмены вообще пьют кларет. Но восемнадцать стаканов джина, выпитых с боксерами и в гнусном кабаке,— это было отвратительное преступление, которое не так-то легко простить. Все, как назло, обернулось против юноши: он явился домой, пропитанный запахом конюшни, где он навещал своего бульдога Таузера, а когда он вывел своего пса погулять, то встретил мисс Кроули с ее толстой бленемской болонкой, и Таузер разорвал бы несчастную собачку, если бы она с визгом не бросилась под защиту мисс Бригс, между тем как жестокий хозяин бульдога стоял подле, хохоча над этой бесчеловечной травлей.

В этот же день застенчивость изменила злополучному юноше. За обедом он был оживлен и развязен и отпустил одну или две шутки по адресу Питта Кроули; он опятьпил много вина, как и в предыдущий день, и, перебравшись в гостиную, начал развлекать дам отборными оксфордскими анекдотами. Он расписывал достоинства боксеров Молине и Голландца-Сэма, игриво предлагал

леди Джейн держать пари за «Любимца Татбери» против ротингдинца или наоборот,— как захочет сама леди Джейн, и под конец предложил кузену Питту Кроули померяться с ним силами в перчатках или без перчаток.

— Еще скажите спасибо, любезный, что я предоставил вам выбирать,— сказал он с громким хохотом, хлопнув Питта по плечу.— Мне и отец советовал с вами не церемониться,— он сам готов на меня поставить. Ха-ха-ха!

И с этими словами обаятельный юноша хитро подмигнул бедной мисс Бригс и шутливо указал большим пальцем через плечо на Питта Кроули.

Питту, может быть, не слишком это нравилось, но в общем он не чувствовал себя обиженным. Бедный Джеймс истощил, наконец, свой запас веселости и, когда старая леди собралась уходить, прошел, шатаясь, через комнату со свечой в руке и с нежнейшей пьяной улыбкой попытался расцеловать старушку. Потом он и сам отправился наверх, в свою спальню, вполне довольный собой и с приятной уверенностью, что тетушкины деньги будут оставлены ему лично, предпочтительно перед его отцом и остальными членами семьи.

Казалось бы теперь, когда он очутился в своей комнате, он уже никак не мог еще больше испортить дело. Но злополучный юноша нашел для этого средство. Луна так ярко сияла над морем, и Джеймс, привлеченный к окну романтическим видом небес и океана, подумал, что недурно было бы любоваться всей этой красотой, покуривая в то же время трубку. Никто не услышит запаха табака, думал он, если отворить окно и высунуть голову с трубкой на свежий воздух. Так он и сделал. Но, возбужденный вином, бедный Джеймс совсем забыл, что дверь его комнаты открыта, и легкий бриз, дувший в окно и образовавший приятный сквозняк, понес вниз по лестнице облака табачного дыма, которые, сохранив весь свой аромат, достигли мисс Кроули и мисс Бригс.

Трубка довершила дело,— и семейство Бьюта Кроули так и не узнало, сколько тысяч фунтов она им стоила! Феркин ринулась вниз по лестнице к Боулсу, который в это время громким замогильным голосом читал вслух своему адъютанту «Сковородку и огонь». Феркин сообщила ему ужасную тайну с таким перепуганным видом, что в первую минуту мистер Боулс и его помощник поду-

мали, что в доме грабители и Феркин, вероятно, увидела чьи-нибудь ноги, торчащие из-под кровати мисс Кроули. Однако, едва узнав, что случилось, дворецкий опрометью бросился вверх по лестнице, вбежал в комнату ничего не подозревавшего Джима и крикнул ему сдавленным от волнения голосом:

— Мистер Джеймс! Ради бога, сэр, бросьте свою трубку! О мистер Джеймс, что вы наделали! — добавил он с чувством, вышвыривая трубку в окно. — Что вы наделали, сэр: мисс Кроули не выносит табака!

— Так пускай она и не курит, — ответил Джеймс с безумным и неуместным смехом, считая все дело превосходной шуткой. Однако на следующее утро настроение его сильно изменилось, когда помощник мистера Боулса, производивший манипуляции над сапогами гостя и приносивший ему горячую воду для бритья той бороды, появления которой мистер Джеймс так страстно ждал, подал ему в постель записку, написанную рукой мисс Бригс.

«Дорогой сэр, — писала она, — мисс Кроули провела чрезвычайно беспокойную ночь из-за того, что дом ее осквернен табачным дымом. Мисс Кроули приказала мне передать вам ее сожаление, что она по причине нездоровья не может повидаться с вами до вашего ухода, а главное — что убедила вас покинуть трактир, где вы, как она уверена, с гораздо большим удобством проведете те дни, которые вам еще осталось дожить в Брайгоне».

На том и кончилась карьера достойного Джеймса как кандидата на милость тетушки. Он, сам того не зная, действительно сделал то, что угрожал сделать: он сразился с кузеном Питтом — и потерпел поражение.

Где же между тем находился тот, кто когда-то был первым фаворитом в этих скачках за деньгами? Бекки и Родон, как мы видели, соединились после Ватерлоо и проводили зиму 1815 года в Париже, среди блеска и шумного веселья. Ребекка была очень экономна, и денег, которые бедный Джоз Седли заплатил за ее лошадей, вполне хватило на то, чтобы их маленькое хозяйство продержалось по крайней мере в течение года; и не пришлось обращаться в деньги ни «мои пистолеты, те, из которых я застрелил капитана Маркера», ни золотой несес-

сер, ни плащ, подбитый собольим мехом. Бекки сделала себе из него шубку, в которой каталась по Булонскому лесу, вызывая всеобщее восхищение. Если бы вы видели сцену, происшедшую между нею и ее восхищенным супругом, к которому она приехала после того, как армия вступила в Камбре! Она распоролла свое платье и вынула оттуда часы, безделушки, банковые билеты, чеки и драгоценности, которые запрятала в стеганую подкладку в то время, как замышляла бегство из Брюсселя. Тафто был в восторге, а Родон хохотал от восхищения и клялся, что все это, ей-богу, интереснее всякого театрального представления. А ее неподражаемо веселый рассказ о том, как она надула Джоза, привел Родона прямо-таки в сумасшедший восторг. Он верил в свою жену так же, как французские солдаты верили в Наполеона.

Ее успех в Париже был поразителен. Все французские дамы признали ее очаровательной. Она восхитительно говорила на их языке. Она сразу же усвоила их грацию, их живость, их манеры. Супруг ее был, конечно, глуп, но все англичане глупы, а к тому же в Париже глупый муж — всегда довод в пользу жены. Он был наследником богатой и *spirituelle*¹ мисс Кроули, чей дом был открыт для стольких французских дворян во время эмиграции. Теперь они принимали жену полковника в своих особняках.

«Почему бы,— писала одна знатная леди мисс Кроули, которая в трудные дни после революции, не торгуясь, купила у нее кружева и безделушки,— почему бы нашей дорогой мисс не приехать к своему племяннику и племяннице и к преданным друзьям? Весь свет без ума от очаровательной жены полковника и ее *espiègle*² красоты. Да, мы видим в ней грацию, очарование и ум нашего дорогого друга мисс Кроули! Вчера в Тюильри ее заметил король, и мы все завидовали вниманию, которое оказал ей *Monsieur*³. Если бы вы могли видеть, как досадовала некая глупая миледи Бейракрс (орлиный нос, ток и перья которой всегда торчат над головами всего общества), когда герцогиня Ангулемская, августейшая дочь и друг ко-

¹ Остроумной (франц.).

² Шаловливой (франц.).

³ Сударь (в данном случае — титул, дававшийся во Франции младшему брату короля).

ролей, выразила особое желание быть представленной миссис Кроули, как вашей дорогой дочери и protégée, и благодарила ее от имени Франции за все благодеяния, оказанные вами нашим несчастным изгнанникам! Она бывает на всех собраниях, на всех балах — да, она бывает на балах, но не танцует. И все же как интересна и мила эта прелестная женщина, которая скоро станет матерью! Поклонников у нее без числа. А послушать, как она говорит о вас, ее благодетельнице, ее матери, — даже злодей прослезился бы. Как она вас любит! Как мы все любим нашу добрейшую, нашу уважаемую мисс Кроули!»

Есть основания опасаться, что это письмо знатной парижской леди не помогло миссис Бекки завоевать расположение ее добрейшей, ее уважаемой родственницы. Напротив, бешенство старой девы не знало границ, когда ей стало известно об успехах Ребекки и о том, как она дерзко воспользовалась именем мисс Кроули, чтобы получить доступ в парижское общество. Слишком потрясенная и душой и телом, чтобы написать письмо по-французски, она продиктовала Бригс яростный ответ на своем родном языке, где начисто отрекалась от миссис Родон Кроули и предостерегала общество от козней этой хитрой и опасной особы. Но так как герцогиня Х. провела в Англии всего лишь двадцать лет, она не понимала по-английски ни слова и удовольствовалась тем, что при следующей встрече известила миссис Родон Кроули о получении от *chère Mees*¹ очаровательного письма, полного благосклонных отзывов о миссис Кроули, после чего та стала серьезно надеяться, что старая дева смягчится.

Тем временем не было англичанки веселее и обаятельнее ее; вечерние приемы, которые она устраивала, были маленькими европейскими конгрессами: пруссаки и казаки, испанцы и англичане — весь свет был в Париже в эту памятную зиму. При виде того, сколько орденов и лент собиралось в скромном салоне Ребекки, вся Бейкер-стрит побледнела бы от зависти. Прославленные войны верхом сопровождали экипаж Бекки в Булонском лесу или толпились в ее скромной маленькой ложе в опере. Родон пребывал в отличнейшем состоянии духа. В Па-

¹ Дорогой мисс (*Mees* — вместо *Miss* — отражает неправильное произношение француженки).

риже пока еще не было надоедливых кредиторов; каждый день избранное общество собиралось у Вери или Бовилье, игра шла во-всю, и Родону везло. Тафто, правда, был не в духе: миссис Тафто по собственному побуждению прибыла в Париж. Кроме этого *contretemps*¹, множество генералов толпилось теперь всегда вокруг кресла Бекки, и когда она ехала в театр, она могла выбирать из десятка присланных ей букетов. Леди Бейракрс и подобные ей столпы английского общества, глупые и безупречные, переживали муки ада при виде успеха этой маленькой выскочки Бекки, ядовитые шутки которой больно ранили их целомудренные сердца. Но все мужчины были на ее стороне. Она воевала с женщинами с неукротимой храбростью, а они могли сплетничать о ней только на своем родном языке.

И так, в празднествах, развлечениях и довольстве, проводила зиму 1815—1816 года миссис Родон Кроули, которая столь легко освоилась с жизнью высшего общества, точно ее предки целые столетия были светскими людьми. Благодаря своему уму, талантам и энергии она действительно заслужила почетное место на Ярмарке Тщеславия. Ранней весной 1816 года в газете «Галиньяни», в одном из занимательнейших ее столбцов, было помещено следующее сообщение: «26 марта супруга полковника лейб-гвардии Зеленого полка Кроули разрешилась от бремени сыном и наследником».

Известие об этом событии было перепечатано в лондонских газетах, откуда мисс Бригс и вычитала его для сведения мисс Кроули за завтраком в Брайтоне. Эта новость, хотя и не была неожиданной, вызвала перелом в делах семейства Кроули. Ярость старой девы дошла до высшей точки; она тотчас послала за своим племянником Питтом и за леди Саутдаун с Брансуик-сквера и потребовала немедленного бракосочетания, которое так долго откладывали оба семейства. При этом она объявила, что намерена выдавать молодой чете ежегодно тысячу фунтов в продолжение всей своей жизни, а по окончании оной завещает большую часть имущества племяннику и дорогой племяннице, леди Джейн Кроули. Уокси явился, чтобы официально закрепить эти распоряжения. Лорд

¹ Помехи (франц.).

Саутдаун был у сестры посаженным отцом; венчание совершал епископ, а не преподобный Бартоломью Айронс, что очень обидело этого самозванного прелата.

После свадьбы Питту хотелось предпринять свадебное путешествие, как и подобало людям в их положении, но привязанность старой леди к леди Джейн так сильно возросла, что, как она прямо в том призналась, она не могла расстаться со своей любимицей. Поэтому Питт и его жена переехали к мисс Кроули и поселились у нее; и к великой досаде бедного мистера Питта, который считал очень несправедливым, что ему приходится выносить, с одной стороны, капризы тетки, а с другой — тещи, леди Саутдаун, жившая в соседнем доме, властвовала теперь над всем семейством: над Питтом, леди Джейн, мисс Кроули, Бригс, Боулсом, Феркин и всеми вообще. Она безжалостно пичкала их своими брошюрами и лекарствами, дала отставку Кримеру и водворила Роджерса — и скоро лишила мисс Кроули какой бы то ни было власти. Бедняжка так присмирела, что даже перестала изводить Бригс и с каждым днем все с большей нежностью и страхом привязывалась к своей племяннице. Мир тебе, добрая и эгоистичная, великодушная и суетная старая язычница! Мы больше тебя не увидим. Будем надеяться, что леди Джейн нежно поддержит ее и выведет своей любящей рукой из суеты и шума Ярмарки Тщеславия.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 5. *Чизвик* — в то время лондонский пригород с большим парком.

Хаммерсмит — лондонский пригород, расположенный рядом с Чизвиком. *Семирамида* — легендарная царица Ассирии, которой древние предания приписывают необыкновенный ум и энергию.

Стр. 6. *Доктор Джонсон*, Сэмюэл (1709—1784) — английский поэт классицистского направления и историк литературы, был непрекращаемым авторитетом в области литературных вкусов Англии второй половины XVIII века. Прославился капитальным «Словарем английского языка», почему Теккерея иронически называет его Великим лексикографом.

Миссис Шапон (1727—1801) — английская писательница, автор книги «Об образовании ума», предназначенной для воспитания девиц в духе буржуазных добродетелей.

Стр. 17. *Сохо* — район Лондона, где селились преимущественно иностранцы.

Стр. 19. *Лоуренс*, Томас (1769—1830) — английский придворный художник и портретист.

Президент Уэст (1738—1820) — английский посредственный художник, один из основателей Лондонской королевской академии художеств, с 1792 года — ее президент.

Стр. 24. *Набоб* — первоначально титул правителей провинций в Империи Великих Моголов (см. прим. к стр. 29); потом так стали называть богатых индусов и разбогатевших в Индии европейцев, главным образом англичан.

Стр. 27. *Багги* — одноконная коляска.

Паланкин — крытые носилки, в которых путешествуют богачи и знатные люди на Востоке.

Стр. 28. *Билингсгейтский рынок* — рыбный рынок в Лондоне.

Стр. 29. *«Синяя борода»* — опера французского композитора Гретри (1741—1813).

Великий Могол — титул властителя Империи Великих Моголов, феодальной деспотии, существовавшей в Индии с XVI по XVIII век.

Альнашар (вернее, аль-Фашшар, что значит по-арабски: враль) — персонаж из «Сказок Тысячи и одной ночи». Получив в наследство деньги, он покупает стеклянную посуду и, погрузившись в мечты о том, как он разбогатеет от продажи этой посуды, неловким движением ее разбивает.

Ост-Индская компания — частная компания, основанная в XVII веке в Англии (как и во Франции, и в Голландии) для торговли с Индией и Индонезией. Превратившись «из коммерческой силы в силу военную и территориальную» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 354), Ост-Индская компания была одним из средств колониального порабощения. В 1858 году Ост-Индская компания была ликвидирована.

Коллектор — здесь: чиновник Ост-Индской компании, собиравший налоги с местного населения и выполнявший также административные обязанности.

Стр. 30. *Парк* — здесь и дальше имеется в виду Хайд-парк, самый большой и старинный парк в Лондоне.

Бреммель — известный щеголь начала XIX века, законодатель мод и «изящных вкусов» великосветской Англии.

Стр. 31. *Сикоракса* и *Калибан* — персонажи из драмы Шекспира «Буря». Сикоракса — старая колдунья, мать дикаря и уроды Калибана.

Стр. 32. *Карри* — индийское мясное блюдо с пряностями.

Чили — красивый стручковый перец.

Стр. 34. *«Сорок разбойников»* — видимо, имеется в виду опера итальянского композитора Керубини «Али-Баба, или Сорок разбойников». Здесь анахронизм: опера была написана только в 1838 году.

Стр. 38. *Воксхолл* — загородный увеселительный сад; существовал до половины XIX века.

Стр. 39. *Эксетерова биржа* — так называлось здание в Лондоне, в котором в начале XIX века находился зверинец.

Бони — так англичане называли Бонапарта.

Стр. 41. *Олдермен* — старший член городского самоуправления.

Стр. 46. *Доницеттиева музыка* — легко запоминающиеся мелодии опер, романсов, дуэтов итальянского композитора Доницетти (1797—1848) были очень популярны в Европе в описываемое время.

Стр. 49. *Ковентгарденский рынок* — рынок в Лондоне, где продаются овощи, фрукты и цветы.

Стр. 53. *Кин, Эдмунд* (1787—1833) — знаменитый английский актер-трагик, прославившийся исполнением ролей шекспировских героев (Отелло, Шейлока, Ричарда III, Гамлета). Здесь опять анахронизм: Кин дебютировал в Лондоне лишь в 1814 году.

Кембл, Джон (1757—1827) — известный английский актер, тоже игравший героев шекспировских трагедий.

Стр. 55. *Синдбад-Мореход, принц Ахмет и фея Перибану* — персонажи из «Сказок Тысячи и одной ночи».

Стр. 56. *Георг III... услышал весть о восстании северо-американских колоний.* — Национально-освободительная война американских колоний за свою независимость в 1775—1783 годах произошла в царствование английского короля Георга III (1760—1820).

Стр. 58. *Непир* (1785—1860) — английский историк, автор много-томной «Истории войн на Пиренейском полуострове с 1807 по 1814 год».

«Беллова жизнь» — иллюстрированный еженедельник, названный по имени его редактора Белла. Выходил в XIX веке в Лондоне и был посвящен спорту, главным образом боксу.

...то была последняя атака гвардии. — Наполеон обычно вводил свою гвардию в бой только тогда, когда победа была в сущности решена, создавая ей таким образом репутацию «непобедимости». В битве при Ватерлоо, однако, наполеоновская гвардия, брошенная в бой, была разбита.

...то была колонна Нея, грудью шедшая на Ля-Эй-Сент. — В битве при Ватерлоо наполеоновский маршал Ней отбил у противника ферму Ля-Эй-Сент.

Стр. 60. *«Телемак»* — «Приключения Телемака, сына Улисса», нравоучительный роман французского писателя Фенелона (1651—1715).

Неуклюжий Орсон (от французского *ourson* — медвежонок) — герой народного сказания, воспитанный медведицей в лесу; *Валентин* — его брат-близнец, воспитанный при дворе.

Стр. 61. *Бедфорд* — известное в то время кафе в Лондоне.

Стр. 62. ...пожинали военные лавры на Пиренейском полуострове. — В 1808—1813 годах английские войска, действовавшие на Пиренейском полуострове против французских войск Наполеона I, одержали ряд незначительных побед благодаря освободительному движению испанского народа против французских захватчиков и разгрому в 1812 году основных сил Наполеона в России.

Стр. 63. *Веллингтон* (1769—1852) — английский полководец и реакционный государственный деятель.

«Газета» — «Лондонская газета», официальный орган английского правительства, в котором публикуются назначения, сообщения о банкротстве и т. д.

Стр. 71. *Симпсон* — известный в те времена устроитель увеселений в Воксхолле.

Стр. 73. *Прекрасная Розамонда* — любовница английского короля Генриха II, по преданию — отравленная из ревности королевой Элеонорой.

...чаша вина была причиной кончины Александра Великого. — Александр Македонский умер на 33-м году жизни от малярии, но некоторые древние историки, без особых к тому оснований, утверждали, что он был отравлен Антипатром, своим наместником в Македонии.

Лемприер, Джон (1765—1824) — английский писатель, автор «Классического словаря собственных имен» и «Классической библиотеки» (словаря античности).

Стр. 74. *Дэниел Лэмберт* — феноменальный толстяк, которого за деньги показывали в лондонских балаганах.

Стр. 75. *Лэмбет*, Лэмбетский дворец — резиденция архиепископа Кентерберийского.

Стр. 77. *Молине* — известный в то время боксер.

Стр. 78. *Тори* — название английской партии, связанной с феодальным дворянством, предшественницы современных консерваторов; выразителем интересов промышленной буржуазии была партия вигов, предшественница либеральной партии.

Сестрица Анна на сторожевой башне — персонаж из сказки французского писателя XVII века Перро «Синяя борода». В то время как Синяя борода собирается убить жену, ее сестра Анна подстерегает на башне появление своих братьев, которые должны приехать и спасти сестру.

Стр. 81. *Спенсер* — короткий жакет.

Стр. 84. *Королева Бесс* — английская королева Елизавета, царствовавшая с 1558 по 1603 год.

Гнилые местечки — в Англии XVIII и начала XIX века так называли захудалые городки и местечки с ничтожным количеством жителей, а иногда и вовсе исчезнувшие (обращенные под пастбища или затопленные водой), но сохранившие, на основе старых привилегий, избирательные права и посылавшие в парламент депутатов. Фактически последние назначались крупными землевладельцами, которым принадлежали гнилые местечки.

Великий коммонер — Вильям Питт-старший (1708—1778), известный английский государственный деятель, вождь вигов, кумир крупной буржуазии, чьи интересы он выражал. *Коммонер* — член палаты общин.

...знаменитого военачальника эпохи царствования королевы Анны — Джон Черчилль, герцог Мальборо (1650—1722), английский полководец, одержавший ряд побед над французами.

...дарованного нам небом министра. — Вильям Питт-младший (1759—1806), сын Питта-старшего, английский реакционный премьер-министр, непримиримый враг Наполеона и французской революции. Во внутренней политике провел ряд свирепых мер, направленных против рабочего движения и ирландского восстания.

Стр. 92. *Челси* — раньше деревушка, а теперь район Лондона, где находится богадельня для престарелых солдат; *Гринвич* — пригород Лондона, известный своей обсерваторией; здесь находится богадельня для престарелых моряков.

Старый Уэллер — персонаж из романа Диккенса «Записки Пиквикского клуба», кучер пассажирской кареты, отец Сэма Уэллера, слуги мистера Пиквика.

Ниневия — столица древнего ассирийского государства.

Джек Шеперд — известный разбойник начала XVIII века, герой английских песен и баллад.

Буцефал — кличка легендарного коня Александра Македонского.

Черная Бесс — кличка кобылы разбойника Дика Терпина, не менее известного, чем Джек Шеперд.

Стр. 94. *«Сесилия»* — роман английской писательницы Френсис Берни (1752—1840), чьи произведения из великосветской жизни пользовались в свое время большим успехом.

Лорд Орвиль — герой романа Френсис Берни «Эвелина».

Стр. 96. *Бенефиция* — здесь: право на доходы от церковного прихода.

Стр. 97. *Удольфский замок* — мрачный таинственный замок, описанный в романе «Удольфские тайны» английской писательницы Анны Радклиф (1764—1823).

Стр. 101. *Хлебные законы.* — Принятые в 1815 году хлебные законы облагали высокой пошлиной ввозимый из-за границы хлеб. Эти законы, изданные в интересах крупных землевладельцев, чрезвычайно ухудшали и без того бедственное положение неимущих классов.

Стр. 104. *Силен* (древнегреч. миф.) — лысый, пьяный, добродушный старый сатир, постоянный спутник бога вина Вакха.

Стр. 107. *Генрих VIII* (1491—1547) — английский король из династии Тюдоров, был женат шесть раз, двух жен он казнил.

Крайст-черч (христова церковь) — один из старинных колледжей Оксфордского университета.

Стр. 108. *Итон* — город близ Лондона, известный своей школой, основанной в XV веке, где и до сих пор обучаются дети из аристократических и буржуазных семейств.

Пумперникель — придуманное Теккереем шуточное название немецкого государства (см. том II).

Стр. 109. *Уилберфорс*, Вильям (1759—1833) — английский общественный и политический деятель, активно боровшийся за отмену работорговли. Деятельность его носила христианско-филантропический характер.

Индепенденты — члены религиозных сект, представляющих крайние течения английского протестантизма.

Стр. 112. *Верховный шериф* — главное административное и судебное должностное лицо в графствах Англии.

Стр. 113. *...украшенной ромбом кареты*. — Гербы вдов или старых дев изображались на щитах ромбовидной формы.

Стр. 117. *Кребийон-младший* (1707—1777) — французский писатель, автор скабрезных романов.

Грэй, Томас (1716—1771) — английский поэт, предшественник романтиков.

Его история скучновата, но во всяком случае не столь опасна, как история мистера Юма. — Речь идет об «Истории Англии» английского писателя Смоллета (1721—1771) и об «Истории Великобритании» английского философа Юма (1711—1776).

«Хамфри Клинкер» — роман Смоллета.

Камилла — дева-воительница, персонаж из «Энеиды» Вергилия.

Стр. 118. *Монморанси* — французский дворянский род, многие члены которого играли выдающуюся роль в истории Франции.

Триктрак — один из видов игры в шашки.

Стр. 121. *Парк-лейн* — улица Лондона, населенная богачами.

Херогейт и Челтенхем — фешенебельные английские курорты.

Фокс, Чарльз-Джеймс (1749—1806) — английский политический деятель, прославился тем, что в парламенте защищал северо-американские колонии, боровшиеся за независимость, и французскую буржуазную революцию.

...купила племяннику офицерский патент. — В первой половине XIX века офицерские чины в Англии покупались за деньги.

Стр. 132. *Бейлиф* — судебный пристав в Англии.

Стр. 135. *Вулич* — пригород Лондона, где находится старинная артиллерийская школа.

Методисты — религиозная секта англиканской церкви. Члены этой секты отличались крайним ханжеством.

Стр. 139. *Джентльмены в мантиях* — судьи в Англии во время заседаний суда одеты в длинные мантии.

Уотьер — повар принца Уэльского (будущего короля Георга IV); основал клуб, где кутила лондонская золотая молодежь и проигрывались целые состояния.

Стр. 143. «*Вопросы*» *мисс Менноль* — популярный в XIX веке учебник для девиц, дававший самые поверхностные сведения о разнообразных предметах.

Герц (1806—1888) — французский пианист и композитор, автор салонных пьес для фортепьяно.

Стр. 146. *Карлтон-хаус* — дворец принца Уэльского.

Стр. 148. *Виттория* (Испания). — В 1813 году англичанам удалось разбить при Виттории французов, которые покинули после этого Пиренейский полуостров.

Отступление от Лейпцига. — В 1813 году Наполеон был разбит под Лейпцигом объединенными силами России, Англии, Австрии, Пруссии, и его армия вынуждена была отступить в пределы Франции.

...тревожилась за исход боев под *Бриенном и Монмирайлем*. — В сражениях при Бриенне и Монмирайле в 1814 году Наполеон разбил союзников, но эти последние победы не могли задержать его падения.

Стр. 150. *Шапокляки* — складные цилиндры.

Стр. 151. *Четем* — порт и крепость на берегу реки Медуэй.

Стр. 152. *Иакимо* — персонаж из драмы Шекспира «*Цимбелин*»; пробравшись тайно в комнату Имогены, он похитил ее браслет и представил его мужу как доказательство измены жены.

Стр. 154. *Несравненный Крайтон* — шотландец, получивший степень магистра в четырнадцать лет.

Стр. 159. ...как блистательная фея *Титания* обращалась с известным афинским ткачом. — В комедии Шекспира «*Сон в летнюю ночь*», в которой изображаются причуды любви, королева эльфов, красавица Титания, влюбленная в ткача, ласкает и целует надетую на нем ослиную голову.

«*Комедия ошибок*» — комедия Шекспира.

Стр. 160. *«Старый Слотер»* — известные в те времена кафе и гостиница в Лондоне.

Стр. 161. *Жертвоприношение Ифигении* (греч. миф.). — Дочь царя Агамемнона, Ифигения, была обречена на заклание, чтобы умилостивить богиню Артемиду, пославшую грекам безветрие на их морском пути к Трое.

Стр. 183. *Мейфэр* (Майская ярмарка) — название аристократических кварталов, расположенных на том месте, где с XVII по начало XIX века устраивались ярмарки.

Стр. 194. *Пиго-Лебрен* (1753 — 1835) — французский драматург и романист.

Стр. 204. *Лорд Элдон* (1751 — 1838) — английский реакционный государственный деятель, занимавший пост лорда-канцлера всю первую четверть XIX столетия. Был заклемен Байроном в «Оде авторам билля» за то, что внес в парламент кровавый законопроект, предлагавший карать смертной казнью рабочих, разрушителей станков.

Разве Ахилл и Аякс не были влюблены в своих служанок? (греч. миф.) — Наложницей Ахилла, храбрейшего героя троянской войны, была его пленница, обращенная в рабство, Бризеида; подругой Аякса, другого героя троянской войны, была также его пленница — Текмесса (см. трагедию Софокла «Аянт»).

Ротен-роу — аллея для верховой езды в Хайд-парке.

...Геркулесов, оказавшихся под башмаком у Омфал (греч. миф.). — Геркулес (Геракл), влюбленный в лидийскую царицу Омфалу, забыл о своих подвигах и прятал шерсть у ног царицы, выполняя все ее прихоти.

... Самсонов, лежащих у ног Далил. — Библейский герой Самсон был обманут коварной Далилой, подкупленной его врагами. Ослепленный любовью Самсон признался Далиле, что его сила заключается в волосах. Далила обрезала Самсону волосы во сне и тем самым лишила его силы.

Стр. 210. *Грента-Грин* — шотландская деревня на границе Англии, где с половины XVIII века заключались тайные браки между англичанами (по шотландским законам, для заключения брака не требовалось согласия родных).

Стр. 222. *Корнелия* (II в. до н. э.) — добродетельная римлянка, мать народных трибунов Кая и Тиберия Гракхов; после смерти мужа она отказалась вторично выйти замуж, посвятив себя всецело воспитанию детей.

... таким же простофилей, как и Потифар (иначе — Пентефрий) — по библейскому преданию, египтянин, которому был продан в рабство

целомудренный Иосиф Прекрасный. Жена Потифара тщетно пыталась соблазнить Иосифа и оклеветала юношу перед мужем.

Стр. 225. *...наш рассказ неожиданно попадает в круг прославленных лиц и событий.* — Речь идет о бегстве с острова Эльбы Наполеона I. Высадившись 1 марта 1815 года на юге Франции, Наполеон 20 марта вступил в Париж, где был восторженно встречен населением. Король Людовик XVIII бежал. Наполеон процарствовал «100 дней». Разбитый союзниками при Ватерлоо (1815), он был подвергнут вторичной, и последней, ссылке на остров св. Елены.

Стр. 226. *Холборн* — крутая улица неподалеку от Рассел-сквера.

Стр. 242. *Алексис Суайе* — знаменитый повар того времени, автор книг по кулинарии.

Стр. 244. *Гигея* — богиня здоровья у древних греков.

Стр. 253. *Серпентайн* (змеевидный) — цепь прудов в Хайд-парке.

Стр. 255. *...коленопреклоненную Эсфирь.* — По библейскому преданию, жена персидского царя Артаксеркса Эсфирь на коленях просила мужа спасти ее соотечественников от истребления. Тронутый Артаксеркс внял ее мольбам.

Стр. 260. *...герцог уже в Бельгии.* — Герцог Веллингтон в 1815 году был назначен главнокомандующим союзных войск в Бельгии (Англии, Ганновера, Голландии и Брауншвейга), которые вскоре совместно с прусской армией Блюхера разбили Наполеона при Ватерлоо (18 июня 1815 года).

Стр. 261. *...вест-эндским чванством.* — Вест-энд — западный аристократический район Лондона.

Стр. 280. *Эпсли-хаус и госпиталь св. Георга еще щеголяли красным одеянием.* — Эпсли-хаус (дворец герцога Веллингтона) и госпиталь св. Георга, построенные из красного кирпича, в то время еще не были облицованы.

Конное чудовище — арка Веллингтона с бронзовой четверкой лошадей.

Стр. 284. *Жуанвиль* (1818—1900) — сын французского короля Людовика-Филиппа, был в 40-х годах вице-адмиралом французского флота. Здесь Теккерей имеет в виду на шумевшую в Англии в 1846 году статью Жуанвиля о французском флоте, полную враждебных выпадов против англичан.

Стр. 289. *Месмеризм* — от фамилии Месмера (1733—1815), австрийского врача, выдвинувшего теорию так называемого «животного магнетизма», послужившую для шарлатанского лечения всевозможных болезней. Теория эта была построена на слабо изученных в то время и неправильно понятых явлениях гипнотизма.

Д-р Элиотсон (1791—1868) — врач Теккерей, которому послед-

ний посвятил свой роман «История Пенденниса». Видимо, Элиотсон лечил гипнозом.

Стр. 306. *Кью* — деревушка в окрестностях Лондона, знаменитая своим огромным ботаническим садом.

Стр. 307. *Сент-джемский двор* — двор английских королей.

Стр. 311. *Филлида* — имя, часто встречающееся в античной мифологии и лирике, — тип идеальной девушки, возлюбленной поэта.

Стр. 315. *Испанская война* — см. прим. к стр. 62.

Стр. 352. *Валхеренская лихорадка*. — В 1809 году, во время войны с Наполеоном, англичане высадили десант на голландском острове Валхерене. В результате этой авантюры, окончившейся плачевно для англичан, большая часть десанта погибла от лихорадки.

Стр. 354. *Декан* — старший священник англиканской церкви.

Стр. 363. *...августейших торгашей, собравшихся в Вене*. — Европейские монархи и дипломаты собрались в 1814 году на Венском конгрессе, ознаменовавшем собой начало европейской реакции.

Стр. 367. *Талавера* — испанский город, где 28 июля 1809 года англичане разбили французов.

Стр. 370. *Уэлсли* — фамилия Веллингтона, до того как он получил звание герцога Веллингтона.

Стр. 375. *Голконда* — город в Индии, знаменитый алмазами, которые там шлифовали. Отсюда выражение: «сокровища Голконды».

Стр. 378. *Дарий I* (521—485 гг. до н. э.) — персидский царь, создатель могущественной персидской державы, объединившей под своей властью всю Переднюю Азию и Египет.

Стр. 388. *...что вы называете «Газетою»* — то есть объявить себя банкротом, о чем публикуется в «Газете» (см. прим. к стр. 63).

Стр. 399. *Фаро* — брюссельское пиво.

Стр. 400. *Герцог Далматский* (1769—1851) — титул маршала Сульта, одного из главных полководцев Наполеона.

Стр. 401. *Герцог Беррийский* (1778—1820) — наследник французского престола, сын графа д'Артуа, будущего короля Карла X; был убит рабочим-седельщиком Пьером Лувелем.

Императрица и Римский король — жена и сын Наполеона I.

Стр. 408. *Парфянский взгляд*. — Одним из излюбленных военных приемов парфян, древнего воинственного народа, жившего в Передней Азии (на северо-востоке нынешнего Ирана) было обратиться в притворное бегство, для того чтобы через плечо осыпать стрелами преследующего их врага. Отсюда выражения: «парфянское бегство», «парфянская стрела» и т. д.

Стр. 414. *Молодой Регул*. — Во время первой французской буржуазной революции многим детям давали имена прославленных

героев республиканского Рима. Регул — римский полководец (III в. до н. э.).

Принц Оранский — титул старшего сына и наследника нидерландского короля.

Стр. 415. ...являвшийся тревожить *Ленору*. — Ленора — героиня одноименной знаменитой баллады немецкого поэта Бюргера (1747—1794), в которой за невестой является призрак мертвого жениха, павшего на поле брани.

Стр. 425. *Людовик Желанный* — прозвище французского короля Людовика XVIII, данное ему роялистами, вопреки ненависти, которую он внушал народу.

Стр. 438. *Уеслианцы* (или методисты) — см. прим. к стр. 135.

Иллюминаты («озаренные») — первоначально название мистических сект в Испании и Франции, позднее — наименование тайного религиозного общества, основанного в XVIII веке в Германии для борьбы с иезуитами.

Стр. 456. *Шеридан* (1751—1816) — выдающийся английский драматург (автор «Школы злословия») и политический деятель; защищал в парламенте французскую революцию.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Перед занавесом	3
Глава I. Чизвикская аллея	5
Глава II, в которой мисс Шарп и мисс Седли готовятся к от- крытию кампании	14
Глава III. Ребекка перед лицом неприятеля	26
Глава IV. Зеленый шелковый кошелек	35
Глава V. Наш Доббин	51
Глава VI. Воксхолл	65
Глава VII. Кроули из Королевского Кроули	83
Глава VIII, приватная и конфиденциальная	93
Глава IX. Семейные портреты	105
Глава X. Мисс Шарп приобретает друзей	115
Глава XI. Счастливая Аркадия	123
Глава XII, весьма чувствительная	142
Глава XIII, чувствительная, но богатая и другим содержа- нием	153
Глава XIV. Мисс Кроули у себя дома	168
Глава XV, в которой на короткое время появляется супруг Ребекки	192
Глава XVI. Письмо на подушечке для булавок	203
Глава XVII. О том, при каких обстоятельствах капитан Доббин приобрел фортепьяно	214
Глава XVIII. Кто играл на фортепьяно, которое приобрел Доббин	225
Глава XIX. Мисс Кроули на попечении сиделки	241
Глава XX, в которой капитан Доббин выступает в качестве вестника Гименея	254
Глава XXI. Ссора из-за наследницы	266

<i>Глава XXII. Свадьба и начало медового месяца</i>	278
<i>Глава XXIII. Капитан Доббин вербует союзников</i>	289
<i>Глава XXIV, в которой мистер Осборн снимает с полки фамильную библию</i>	298
<i>Глава XXV, в которой все главные действующие лица считают своевременным покинуть Брайтон</i>	315
<i>Глава XXVI. Между Лондоном и Четемом</i>	339
<i>Глава XXVII, в которой Эмилия прибывает в свой полк</i>	349
<i>Глава XXVIII, в которой Эмилия вторгается в Нидерланды</i>	357
<i>Глава XXIX. Брюссель</i>	369
<i>Глава XXX. «Я милую покинул...»</i>	385
<i>Глава XXXI, в которой Джоз Седли заботится о своей сестре</i>	396
<i>Глава XXXII, в которой Джоз обращается в бегство, а война подходит к концу</i>	411
<i>Глава XXXIII, в которой родственники мисс Кроули весьма озабочены ее судьбой</i>	430
<i>Глава XXXIV. Трубка Джеймса Кроули вышвырнута в окно</i>	443
<i>Примечания М Черевич</i>	463

Редактор *Л. Арабей*
Переплет и титул *А. Сапетко*
Художественный редактор *Н. Широков*
Техредактор *Ю. Алексеева*
Корректоры *Р. Лабун и Р. Метелица*

АТ 01562. Подп. к печати 29|II 1956 г.
Тираж 190 000 экз. Формат 84×108¹/₃₂. Физ.
печ. л. 14,875. Усл. печ. л. 24,395. Уч -пзд. л. 23,73.
Цена 7 руб. 50 коп. Зак. 793.

Типография имени Сталина, Минск,
проспект имени Сталина, 105.

1 = 05

Im.

7 р. 50 к.

00-40

-75
НОВАЯ
Р. 40

В. ТЕККЕРЕЙ
ЯРМАРКА
ТШЕСЛАВІЯ